

Т.А.Путинцева

**СЛЕДЫ ВЕДУТ
В ПЕСКИ
АРАВИИ**

Т. А. Путинцева

**СЛЕДЫ
ВЕДУТ
В ПЕСКИ
АРАВИИ**

второе издание

*Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986*

Ответственный редактор
Г. М. БАУЭР

Путинцева Т. А.
П90 Следы ведут в пески Аравии. 2-е изд. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

286 с. с ил.

Книга повествует о жизни и путешествиях трех известных немецких исследователей Ближнего и Среднего Востока: Карстена Нибура, Ульриха Зеетцена и Иоганна Буркгардта (вторая половина XVIII — начало XIX в.). Маршрут всех троих практически один и тот же: Сирия, Палестина, Месопотамия, Иран, Йемен, Внутренняя Аравия, Египет. Однако судьбы разные: только Нибуру удается дожить до глубокой старости, Зеетцен же и Буркгардт погибают во время своих странствий. Каждый из них испытал на своем пути немало приключений, которым бы могли позавидовать герои авантурных романов.

П $\frac{1905010000-088}{013(02)-86}$ Без объявления

ББК 26.8г

- © Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.
- © Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

Часть первая

НИБУР

Книги Нибура — не занимательное чтение, поэтому широкого круга читателей они не обрели. Зато европейские ученые получили в них массу ценнейших сведений об арабском мире — о его истории, сельском хозяйстве, природных условиях, религии, торговле, ремеслах, нравах и быте. Подробнейшие карты, и среди них первые в мире карты восточной части Красного моря, планы городов и селений, метеорологические сводки, сравнительные таблицы арабских почерков, куфических текстов, египетских иероглифов и древнеперсидской клинописи, заметки по геологии, результаты астрономических измерений — все это дополняло его повествование.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

История, которую нам с вами предстоит пережить, уважаемый читатель, началась в середине XVIII века за тысячи и тысячи километров от Аравии — в старинном городе Геттингене, расположенном в северо-западной части Германии. В средние века Геттинген входил в Ганзейский союз и вел широкую торговлю, теперь же о его былом значении напоминала лишь большая рыночная площадь со старой ратушей, построенной в XIV веке, да множество, не по масштабу города, церквей. Узкие улочки с островерхими готическими домами сразу переходили в поля, привольно раскинувшиеся у подножия горы Гайнсберг в долине реки Лейне.

Однако с недавних пор скромный Геттинген как бы начал переживать второе рождение. На этот раз подъем города был связан не с деятельностью торговых корпораций, а с основанием в 1737 году университета, быстро занявшего важное место в культурной жизни Германии. В стенах университета собрались крупнейшие ученые. В город потянулась молодежь. Прошло совсем немного времени, и Геттингенский университет стал для немецкой науки, прежде всего для математики и естествознания, таким же ведущим центром, как Веймар для искусства и Йена для философии. Именно поэтому при организации научных экспедиций без участия Геттингена было трудно обойтись. Вот и сейчас...

Стояло лето 1758 года.

Двадцатипятилетний Карстен Нибур стремительно шагал по извилистым геттингенским улицам.

«Это невероятно, это мне просто снится! — думал он. — Да разве я способен на такое? Хватит ли у меня сил? Но как можно отказать! Я, простой деревенский парень, мечтавший как о великом благе о месте сельского землемера, вдруг получил предложение, открывающее передо мной неведомый мир — легендарную Аравию. Как же это случилось?»

У Карстена плотная, кряжистая фигура, широкие плечи, твердая походка, ясный, внимательный взгляд умных глаз. Он всегда так уверен в себе, так рассудителен и спокоен. А сейчас? Он никого не видит по сторонам, размахивает руками, губы его шевелятся, словно он не в силах в молчании переживать то, что происходит с ним.

Только что к нему приходил университетский профессор мате-

матки и физики Абрагам Гёттгельф Кестнер и задал неожиданный вопрос:

— Не хотите ли поехать в Аравию?

— Почему бы не поехать, если за это кто-нибудь заплатит,— шутливо ответил Нибур.

— Платить будет король Дании Фредерик Пятый,— сказал Кестнер.— А вам придется там изрядно поработать.

Это было похоже на шутку, но Кестнер выглядел достаточно серьезно. Да и странно было бы ему утруждать себя лишь для того, чтобы пошутить. Веселость Нибура как рукой сняло.

— В Аравии? А что я там буду делать? — спросил он, сдерживая волнение.

— Нам необходим математик. В ваших способностях мы уверены. И вам дают почти два года на подготовку. Решайтесь. Ответ дадите ровно через неделю.

И Кестнер ушел.

Такого разговора Нибур никак не ожидал. Еще дали неделю на раздумье. О чем тут думать! А вместе с тем сколько для этой поездки потребуется знаний! Но он верил в свой характер, свое упорство, свое трудолюбие. Ему вспомнилось детство, трудное, безрадостное. Маленькая деревня Людингворт в Ганноверском курфюршестве, где он родился 17 марта 1733 года. Отец, как и все в его роду, был крестьянином. Шести лет Карстен потерял мать, рос у мачехи, как сорняк в поле, никакого воспитания не получил. Но, странным образом, неизвестно откуда у него возникла тяга к знаниям, к образованию. Отец не протестовал, хотя это и противоречило традиционному укладу скромных местных жителей, и отдал сына в латинскую школу сначала в Оттерндорфе, затем в Альтенбрухе. Однако вскоре отец умер, и опекун Карстена, дядя со стороны матери, забрал его в деревню. Дяде нужен был батрак, а интерес к науке он считал баловством и глупостью. Юпоша вынужден был подчиниться воле дяди, от которого зависел, но примириться с бездуховностью жизни, ему уготованной, не мог. Он научился играть на нескольких музыкальных инструментах и твердо решил стать органистом. Но реального пути к этому не видел. И лишь случай открыл ему дорогу к образованию. Однажды в деревне возникла тяжба о границах одного земельного участка. Решить дело могло лишь точное измерение, но ни в Людингворте, ни в ближайших деревнях землемера не нашлось. Так и кончилась тяжба ничем. И тогда Карстен решительно настоял на том, чтобы именно его послали учиться на землемера. А было ему в это время уже 22 года.

Для начала он отправился в Бремен; ему дали адрес человека, у которого можно было научиться практической геометрии, но тот умер. Тогда Карстен переехал в Гамбург. Когда же выяснилось, что ни в одно учебное заведение он по возрасту там поступить не может, он, несмотря на нищенские средства, начал заниматься у частного учителя геологией и математикой. Однако никакой учитель не мог дать Нибуру тех знаний, к которым юноша стремил-

ся. Поэтому он сам стал изучать астрономию, географию, историю, филологию, латинский язык. Нет ничего удивительного в том, что рамки частных занятий вскоре стали ему тесны, и в 1757 году он переезжает в Геттинген и поступает на инженерный факультет университета, проявив незаурядные математические способности. Талантливость и научная одержимость юноши не могли не вызвать к нему интерес у математиков Геттингена. Сам Илбур к своим способностям относился весьма критически и прилежно осваивал технику топографической съемки, продолжая по-прежнему рассчитывать лишь на скромное место землемера в родной деревушке или, если повезет, картографа в ганноверском инженерном корпусе.

И вдруг такой поворот в судьбе! Человек от природы любознательный, он любил, конечно, читать об исследованиях неведомых земель — кто этим не увлекался в юношестве. Но в путешествниках, первооткрывателях ему всегда чудился авантюризм, на который он, Илбур, никак не был способен.

Карстен остановился и перевел дух. «Где я? — оглянулся он по сторонам. — Куда забрел?»

Он не заметил, как оказался среди лесистых холмов. Над ним радостно сияла голубизна неба. Здесь, за городом, легче дышалось, лучше думалось.

Карстену вспомнились строки Фридриха Клопштока — поэта, увлечение которым охватило в эти годы всю германскую молодежь:

Когда несется с луга
Весенний аромат,
Лесные песни громко
В привет цветам звучат.
Как хороша природа,
Тогда лишь познает
Бедняк, что на свободе
Среди полей живет.
Весна сотрет морщины
Со старого лица,
А юноше приносит
Веселье без конца...

Они успокоили его. К нему вернулась уверенность в себе. Разве он не привык жить, не зная, что принесет завтрашний день? Ему ли бояться неизвестности? «Не пропаду. Справлюсь. Не отступлю». Приняв наконец решение, он облегченно вздохнул.

Илбур не знал в тот момент, какая редкостная судьба ему уготована. Не знал он и о хитросплетении идей, замыслов и интересов, породивших эту необычайную экспедицию.

Аравия издавна привлекала внимание европейцев. О таинственном полуострове, родине ислама, быстро вставшего в один ряд с основными религиями мира и ревниво оберегавшего свои священные места от проникновения иноверцев, в просвещенной Европе не было известно почти ничего. Рост интереса к Аравии в это время стимулировался не только любопытством или научными

целями, но и задачами миссионерской пропаганды, и необходимо-
стью установить с Востоком торговые и дипломатические отноше-
ния, и не лишенным корысти вниманием к его природным богат-
ствам. Французские суда из Сен-Мало, побывавшие в 1708—
1710 годах в аравийской Мохе, привезли весть о тамошнем высоко-
сортном кофе. Дания, усиленно расширяя свои политические и
торговые связи, рассчитывала поближе познакомиться с одним из
возможных партнеров. Во всем, что касалось внутренней и внеш-
ней политики страны, король Фредерик V руководствовался сове-
тами своего министра иностранных дел графа Иоганна Гартвига
Эриста фон Бернсторфа, питавшего особую склонность к наукам
и искусствам. Так, в годы правления Фредерика V в Данию были
привлечены многие немецкие и французские ученые и писатели,
в Копенгагене создана Академия изобразительного искусства.
Бернсторф был другом Клопштока, который жил в Дании в
1758—1770 годах, получая королевскую пенсию, и создал там
немало прекрасных произведений. Свою знаменитую «Мессиаду»
Клопшток посвятил Фредерику V.

Когда в 1755 году граф фон Бернсторф получил от короля за-
дание отправить исследовательскую экспедицию в Аравию, он
постарался придать ей максимально научный характер. Счастли-
вые идеи нередко совпадают. Почти одновременно мысль о такой
экспедиции возникла и у известного ориенталиста профессора
Иоганна Давида Михаэлиса. Он был одним из инициаторов созда-
ния, а долгое время и руководителем геттингенской Академии
наук, автором работ по теологии и фольклору, заслуживших при-
знание ученых Европы. По его мнению, дальнейшее развитие нау-
ки не могло происходить без знания Арабского Востока, в частно-
сти Аравийского полуострова, где европейцы почти не бывали.
Знание арабского языка могло послужить уточнению и расшиф-
ровке многих названий, встречающихся почти во всех областях
науки — от географии и естествознания до библеистики. Требова-
лось также изучение его диалектов, из которых йеменский, напри-
мер, вовсе не был известен в Европе. Сам Михаэлис именно в это
время занимался анализом языка Библии.

Если раньше каждая буква Ветхого и Нового завета считалась
священной, то теперь, в эпоху Просвещения, Библия начала вы-
зывать и научный интерес как источник исторических фактов.
Пытливые дети эпохи, лишённые предрассудков и предвзятости,
стремились к критическому осмыслению наследия прошлых веков.
Отсюда — желание подробнее узнать, о каких местах и событиях
Библия повествовала с исторической достоверностью, а что в ней
было чистым вымыслом. Это был век Просвещения, восставший
против деспотизма, религиозного мракобесия, невежества, схола-
стической псевдонауки, феодальной собственности и дворянских
привилегий, век, провозгласивший «царство разума» на земле и
выдвинувший во всех странах блестящие имена людей свободо-
мыслящих и всесторонне образованных.

Бернсторф поддерживал постоянную связь с Геттингенским

университетом, который в свое время окончил сам, и с его учеными, в частности с Михаэлисом. Поэтому к подготовке экспедиции и подбору людей они приступили вместе. Дабы получить об аравийских землях наиболее полные и точные сведения, требовались люди разных специальностей. В качестве филолога-арабиста Михаэлис включил в состав экспедиции своего ученика профессора-датчанина Фредерика Христиана фон Хавена. Помимо изучения аравийских диалектов ему поручалось исследование «святых мест» в Палестине. Для изучения животного и растительного мира был приглашен известный естествоиспытатель профессор Петер Форскол, финн по национальности, ученик Карла Линнея, хорошо знавший несколько восточных языков. Форсколу в помощь по вопросам зоологии был назначен Христиан Карл Крамер; он же должен был заботиться о здоровье своих коллег. Четвертым членом экспедиции стал художник и гравер Георг Вильгельм Бауренфейнд. Кроме того, экспедицию должен был сопровождать слуга-швед, отставной гусар по имени Берггрэн.

На Карстена Нибура возлагались обязанности математика, географа и картографа.

Почему выбор Кестнера пал именно на него? Подтянутый, аккуратный, трудолюбивый, он являл собой пример образцового студента, подающего большие надежды. Репутация его была безупречна: не засиживался в кабачках, ни с кем не ссорился, не был замешан ни в каких скандалах, столь обычных в студенческой среде. Некоторым он казался хмурым, нелюдимым, медлительным. Да, он действительно был лишен внешней, броской привлекательности, не сразу вызывал расположение к себе. Но в нем ощущалась человеческая доброта, на которую, вне сомнения, можно было положиться. Бросалась в глаза его физическая крепость — такой будет способен перенести лишения и невзгоды трудного путешествия.

Для подготовки к экспедиции Нибуру давалось два года при полном обеспечении — пенсии короля. И он немедленно принялся за дело. Прежде всего надо было, разумеется, овладеть арабским языком. Нибуру надлежало на первых порах освоить язык хотя бы до такой степени, чтобы общаться с местным населением.

Занимался с Нибуром сам Михаэлис. Вскоре оказалось, что его уроки давали значительно больше того, что требовалось для элементарного изучения языка. Дом Михаэлиса был подобен библиотеке. Повсюду книги — на столах, в шкафах, на полу, на широких подоконниках и даже на постели. Книги с золотым тиснением на кожаных переплетах или состоящие просто из отдельных страничек. Книги древнееврейские, латинские, греческие, немецкие, словари, арабские рукописи, справочники, карты. Здесь, не выходя из дома, можно было познавать весь мир. Михаэлис рассказывал, показывал, объяснял. Вскоре Нибур уже мог изъясняться по-арабски и читать в подлинниках записки Ибн Джубайра, Ибн Баттуты, аль-Идриси об их путешествиях по аравийским землям. Арабский язык, язык Корана и прекрасной поэзии, увлек Нибура.

В его необычном, гортанном звучании юноше слышались страстность поэтов, вольнолюбие бедуинов, царственная мощь халифов.

Нибур погружается также в изучение всемирной истории, истории религий, культуры, архитектуры, лингвистики и, конечно, географии. Геттингенский университет располагал богатейшей библиотекой, питавшей исследования многих выдающихся ученых. Но, оказывается, далеко не обо всем можно прочесть в книгах. Как узнать, например, что делается сейчас в арабских странах? Труды европейцев, побывавших там в качестве торговцев, моряков, паломников, миссионеров и даже пленников, не только не отличаются научной точностью, но порой содержат и чистый вымысел. Что же касается Аравийского полуострова, то о нем в них и подавно не найти ничего. Вся надежда на многотомное «Новое описание Земли» Антона Фридриха Бюшинга, вышедшее в 1754 году в Гамбурге. Нибур лихорадочно его перелистывает. И что же? Десять томов этого издания посвящены Европе, а одиннадцатый том, который должен рассказывать об Азии, не закончен. Нибур тогда еще не знал, что именно ему придется делать допавления и уточнения к этому тому.

Другой учитель Нибура — профессор Иоганн Тобиас Майер. Его дом уже не только библиотека, но и лаборатория и обсерватория. Знаменитый математик, астроном и картограф обитал среди многочисленных приборов и инструментов, многие из которых были изобретены им самим. У Майера немало заслуг: он создал каталог зодиакальных звезд, выдвинул теорию движения Луны, предугадал местоположение на карте некоторых неизвестных земель. И, конечно, сейчас у него дел тоже немало. Но на время подготовки Нибура к экспедиции Майер безраздельно отдал себя в распоряжение молодого ученого. Сухощавый, высокий, подвижный, он всегда встречал Нибура тепло и заинтересованно, и Нибур платил ему особой любовью. Хотя трудно было понять, кому занятия доставляли больше удовольствия — ученику или учителю. Да и были ли это просто уроки? Чему учил Майер? Математике и картографии или мудрости, творческому восприятию жизни, бесстрашию, умению не только познавать, но и мыслить?

Вот уже в который раз Нибур держит в руках увесистый том «Географии» Страбона и перечитывает строки, которые давно знает наизусть: «Полезьа от географий многообразна: она применима не только для деятельности государственных людей или властителей, но и для науки о небесных явлениях, о явлениях на земле и на море, о животных, растениях, плодах и обо всем прочем, что можно встретить в разных странах».

Ему чудилось, будто слова Страбона обращены непосредственно к нему, Нибуру. Ведь здесь было написано, как чертить карты, что следует на них наносить: моря, заливы, проливы, острова, перешейки, мысы, реки, горы, города...

Постижение картографии — одна из основных задач Нибура. Разве не к этой профессии привела его давняя деревенская тяжба? Картография, землеизмерение... Только в беседах с Майером

Нибур осознал свое подлинное призвание. Пет, картограф — это не просто человек, имеющий дело лишь с сухими схемами и чертежами. Картограф призван служить людям: измерять неизведанные земли и воспроизводить их на карте, с тем чтобы потом люди не слепо, в потемках блуждали по белу свету, а могли точно рассчитать, как и где лучше и удобнее им передвигаться.

— Значение карты давно было понято человечеством, — звучал рядом голос Майера. — Без нее с места не двинуться, не изучить ничего. Необходимость ориентироваться в пространстве заставляла еще доисторических людей проводить линии на камне или костяных пластинках, жителей далеких тропических земель выкладывать из тростниковых палочек направления морских течений и раковинами изображать местонахождение островов, а обитателей северных областей чертить некоторое подобие карт на моржовых шкурах.

— Сейчас я изучаю труды Геродота и Аристотеля о первых греческих картах и учение Эратосфена о проекциях. — Нибур говорил, как всегда, коротко и сдержанно.

— Вы освоили все проекции? — спросил Майер.

— Мне известны коническая, равновеликая, цилиндрическая, или равноугольная, перспективная. Однако едва ли какие-нибудь проекции могут помочь картографам в создании точных карт без техники топографического измерения местности. — Нибур широко раздвинул руки, намереваясь сказать еще что-то, но случайно сшиб на пол какой-то инструмент и смущенно замолчал. В кабинете Майера становилось тесно, когда здесь появлялся широкоплечий увалень Карстен.

— Разумеется, — улыбаясь, сказал Майер. — Вы мыслите очень точно. А чем располагаем мы? Вот, например, взгляните. Это карта Средиземного моря, созданная арабским географом десятого века аль-Истахри.

И Майер разложил на столе старинную карту. Взору Нибура предстал круг в странном сочетании с прямоугольником. Он едва смог оторвать глаза от этих геометрических фигур. Майер снова улыбнулся.

— Да-да, — сказал он, заметив интерес Нибура, — к тому же север здесь справа, а Атлантический океан сверху.

— Но теперь мы уже знаем другое... — сказал Нибур.

— Разумеется. У карт своя история.

— Когда я впервые начал вглядываться в старинные карты, — продолжал Нибур, — мне хотелось по ним угадать не просто характер местности, но и занятия людей, их жилища, климат, веру. А увидел я какие-то фантастические картины со сказочными рыбами и крылатыми грифонами, с морскими чудовищами и живописными галерами. Они будили мою фантазию, но сообщали слишком мало сведений.

— Это картопии, они как бы затушевывают белые пятна, скрывают непознанное. А картинки есть даже на глобусах, — сказал задумчиво Майер и покрутил рукой глобус, на котором рядом с

очертаниями материков и морей были изображены флаги, корабли, владыки, сидящие на тронах.

Нибур вспомнил, сколько карт разных времен просмотрел он за последнее время: карты для воинов и моряков, компасные и топографические, на пергаменте и на материи. С каким любопытством вглядывался он в портуланы — средневековые навигационные карты, изображавшие в основном береговые линии. Вспомнил «Атлас» Меркатора, изданный в 1595 году. Да, карт было много. Европейские монархи, коммерсанты и ученые уже достаточно хорошо знали Землю. Но какие бы карты, созданные в Европе за последние три столетия, ни просматривал Нибур, везде он видел одно и то же белое пятно — внутренние районы Аравийского полуострова.

«Что скрывается там? — думал Нибур. — Раскаленные пески, из которых нет возврата? Или развалины древнейших городов? Дикие племена, уничтожающие всех незваных пришельцев? Или остатки великих, неведомых Европе цивилизаций?»

— А Аравия? — вдруг воскликнул он.

— Никто не знает, что там, — ответил Майер. — Это вы увидите сами.

— Человеку должна принадлежать вся Земля, — упрямо и твердо сказал Нибур. — А карта, разве она не олицетворяет сумму знаний человечества?

После долгих раздумий из всех картографических сокровищ Майер и Нибур остановились на картах древнегреческого географа и астронома II века Клавдия Птолемея. Впервые изданные в 1477 году в Болонье вместе с его знаменитой «Географией», они с тех пор выдержали десятки переизданий во всех европейских странах. Нибур не вникал в странную судьбу этих карт, которая неясна еще и в наши дни, ибо, по некоторым данным, у самого Птолемея своих карт и не было, а сделаны они были по его описаниям переписчиками рукописей, которые внесли в них немало искажений. Как бы там ни было, а карты эти веками верно служили географам; ими пользовался в 1492 году при создании первого, так называемого Нюрнбергского глобуса немецкий картограф Мартин Бехайм. Теперь их брал с собою в дальнюю дорогу Карстен Нибур.

Много времени уходило на практические занятия. Майер учил его пользоваться компасом, определять местоположение судна при помощи октанта и секстанта, помогал ему покупать и изготавливать необходимые приборы. И даже подарил изобретенный им самим квадрант — инструмент для измерения высоты солнца и звезд над горизонтом и угловых расстояний между светилами.

— Чувствую, что передаю детище свое в надежные руки. И помните, небесные светила — вот ваш компас. Верьте им и всегда найдете дорогу сами и поможете потом найти ее другим, — сказал Нибуру знаменитый астроном на прощание.

Учитель и ученик понимали, что путь предстоит трудный, долгий и опасный.

Весной 1760 года Нибур уехал в Копенгаген. Вскоре король присвоил ему чин инженер-лейтенанта. Теперь предстояла аудиенция у Бернсторфа. Молодой математик-картограф произвел на министра самое приятное впечатление. Скромн, серьезен, уверен в себе. Узнав, что Нибур за собственный счет приобрел ряд геодезических и астрономических инструментов, Бернсторф вознаградил его от имени короля солидной суммой. Более того, именно Нибуру была вручена казна экспедиции. Каждый из участников будущего путешествия получил вопросник по различным проблемам географии, естествознания, медицины, права, филологии, теологии, этнографии. В составлении вопросника приняли участие виднейшие европейские ученые. Лишь английское Королевское общество, не успев приготовить необходимые вопросы к моменту отъезда экспедиции, обещало прислать их позднее.

По приказу короля датский военный корабль «Гренландия» должен был доставить экспедицию из Копенгагена в Смирну (Измир)¹. 4 января 1761 года трое ученых, художник, врач и слуга поднялись на борт «Гренландии». Одновременно на корабль было погружено все имущество экспедиции: книги, приборы, инструменты, одежда. Не забыты были и подарки, которые могли потребоваться в приличествующих случаях.

Капитан корабля контр-адмирал Генрих Фишер и вся команда приняли путешественников с чрезвычайным радушием, им были предоставлены лучшие каюты. Два дня пришлось на рейде ожидать попутного ветра, и наконец 7 января на берегу ударили пушки и якорь был поднят.

Казалось, все предвещало отличное плавание, спокойное и приятное. Дул легкий бриз. Движение корабля еле ощущалось. Разложив по каютам вещи и инструменты, путешественники стали присматриваться друг к другу. Больше всех Нибуру понравился Петер Форскол, веселый, неунывающий, остроумный. Едва появившись в каюте, он заявил:

— Свою страсть к комфорту, уважаемые коллеги, мы оставим на берегу. Ученые, да еще путешественники, должны мириться со всеми невзгодами, иначе какая же от них польза. Наука — это долготерпение, уважаемые коллеги. Или вы думаете, звезды падают с неба? Нет, вы сами доберитесь до них! Но рукой звезду не достанешь.

Тем временем быстрый и ловкий Бауренфейнд вынул свои рисовальные принадлежности. Работал он споро, не видно взмахов руки, а набросок для будущей гравюры уже готов. Тихий, застенчивый фон Хавен молча просматривал свои записи. Один Крамер бездельничал.

¹ В этой книге для городов Измир, Стамбул и Халеб мы сохранили падеж Смирна. Константинополь и Алеппо, принятые в то время в Европе; такое же написание мы встречаем в дневниках и книгах наших героев.

— Мне едва ли придется лечить вас, господа, да поможет вам Аллах! — улыбаясь, сказал он.

Нибур с первого же дня начал вести подробный дневник. Что такое человеческая память? Разве можно на нее полагаться? Он решил записывать не только точное местонахождение всех встречающихся на пути географических пунктов, как рекомендовал Страбон, но и малейшие события путешествия. Нибур не выбирал эпитетов, не гнался за красотой стиля, не проявлял эмоций. Впоследствии его манеру сочтут сухой, скучной, начисто лишенной занимательности и художественной образности. Но он и не ставил перед собой подобной задачи, не собирался писать роман, не думал и о том, что находится на пороге необычайных событий. Нет, он был занят делом, будничным, каждодневным, малозаметным. Ведь он отправлялся не на подвиг, не искал приключений, он лишь выполнял свой долг.

Наступила ночь. Нибур вышел на палубу и увидел звезды. На ум пришли строки Корапа, который он перед этим старательно изучал: «Аллах поставил звезды для вас, чтобы по ним вы во время темноты на суше и на море узнавали прямой путь». Красиво... Но теперь одних звезд мало. Люди давно уже додумались до компаса и лага. А ведь было время, когда вместо компаса морякам служила птица: ее выпускали на волю, и она летела в сторону земли, указывая дорогу...

На второй день плавания ветер переменился. Когда «Гренландия» вошла в пролив Каттегат, отделяющий Данию от берегов Швеции, началась буря. Корабль был не в состоянии продвигаться вперед. Пришлось вернуться на рейд Копенгагена. Вторая попытка пройти Каттегат также не увенчалась успехом. Капитан уверял, что в этом месте три четверти года ветер дует с севера.

— Нет, мы начали наше путешествие под несчастливой звездой. Это плохое предзнаменование, — тихо сказал фон Хавен.

Все участники экспедиции, кроме Нибура, оказались подвержены морской болезни. Они лежали в каютах, не поднимая головы.

— Здесь пет мягких канапе, коллеги, мы пропадем, — пытался шутить Форскол.

Нибур бродил по кораблю, наблюдая, с какой ловкостью матросы управлялись со снастями. Паруса хлопали и трещали на ветру, небо застилалось морской пеной, весь мир вокруг, казалось, состоял из одной воды. Даже закаленные в бурях моряки не выдерживали беспощадности стихии. Команда значительно поредела: тридцать человек заболело, несколько умерло. Кое-кто погиб от собственной неосторожности. На глазах у Нибура двух матросов сбросило с мачты на палубу, и один из них сломал ногу.

Капитан приказал возвращаться в Копенгаген, но из-за бури и это оказалось невозможным. Трижды пришлось отставать у берега чуть южнее Хельсингёра. Ветер дул с такой силой, что два якоря с трудом удерживали корабль на месте.

Фишер предложил ученым покинуть корабль вместе с забо-

левшими матросами. Они отказались. Оди лишь фон Хавер, который никак не мог справиться с морской болезнью, попросил разрешения добраться до Марселя сушей. 17 февраля он оставил корабль.

Судя по показаниям лага, судно прошло уже 450 морских миль¹, по курсу же продвинулось едва ли на пять. Когда наконец 10 марта корабль благополучно миновал коварный пролив и вышел в Северное море, опасность не уменьшилась: буря продолжалась с неослабевающей силой. Над головой висело мрачное серо-черное небо. Порою раздавался такой треск, что казалось, будто корабль разваливается. Корма то оседала вниз, то взмывала в непроглядную высоту. Никто из ученых, кроме Нибура, не покидал кают. Однажды Нибур увидел, как с мачты сорвался матрос и исчез в бушующем море, спасти его не удалось. «При таком ветре всем недолго отправиться к праотцам», — подумал он.

Нибур решил быть осторожнее. Когда надвигался шторм, он ложился на койку и предавался философским размышлениям. Прочитав в свое время «Книгу польз» Ибн Маджида, арабского лодмана Васко да Гамы, он хорошо запомнил: «Искатель, знай: каждая наука необходимо подразумевает, чтобы ищущий ее занимался ею от колыбели до могильной ниши. По мере того как он станет в ней знатоком и будет ею постоянно заниматься, ему из нее явится нечто, чего нет у другого, чтобы стать слагателем; когда же он достигнет предела, то усовершенствует свои своды, чтобы достиг предела другой». И хотя речь в книге шла о мореходах, Нибур понимал, что такого отношения требует любая наука. Первые дни путешествия многому научили его. Он понимал, что дальше будет куда опаснее, и уже сейчас педантично вырабатывал в себе принципы поведения в любой обстановке, которую уготовит ему судьба.

Когда корабль вырывался из плена штормов и наступало затишье, ученые принимались за работу. Форскол брал пробы воды и определял соленость. Однажды он обнаружил в море странное свечение. Его причиной оказались медузы, обладавшие способностью светиться изнутри. Форскол выловил несколько, и ведро, в котором он их держал, светилось по ночам.

Бауренфейнд жадно следил за горизонтом, ловя момент, когда покажется берег. Но повезло ему лишь однажды, когда яркое солнце вдруг высветило берег Ирландии. В дальнейшем плавании, когда погода то и дело менялась, европейских берегов так и не было видно.

Нибур не отрывался от своих угломерных инструментов. Он был рад возможности проверить свои теоретические познания на деле — определял географические координаты. Правда, ему было доступно лишь определение широты, ибо в то время еще не существовало такого навигационного прибора, как хронометр.

Первые же градусные измерения привели его в растерянность:

¹ Морская миля равна 1852 м.

они свидетельствовали об ошибках в картах. Он проверял себя и перепроверял, но каждый раз убеждался в своей правоте. Значит, карты неточны даже здесь, вблизи европейского побережья? Недаром он сразу же решил отмечать в дневнике широту каждого пункта, встречающегося на пути: «Хельсингёр — $50^{\circ}57'$ северной широты, отклонение магнитной стрелки на запад 14° ... Марстренд — $57^{\circ}49'$, Скаген — $57^{\circ}38'$ » и т. д., сотни записей. Когда сомневался, шел к морским офицерам, проверял свои данные по их цифрам.

Труднее всего оказалось определять положение судна при отсутствии видимого горизонта. В этих случаях Нибур создавал горизонт искусственно — при помощи чаши с водой или стеклянной пластинки, от горизонтальной поверхности которых отражались лучи. Так на практике он убедился в правильности советов, которыми снабдил его Иоганн Тобиас Майер. Да, метод Майера — производить градусные измерения на море, основываясь на определении высоты небесных светил, — наиболее точен, решил Нибур. Свои наблюдения он уже из Марселя выслал Майеру в Геттинген. Замечательный математик был тяжело болен. Но он успел еще порадоваться посланию Нибура и отправил его как доказательство своего научного метода в Англию, где готовилось издание его астрономических таблиц (оно вышло в 1770 году, уже после его смерти).

Благоприятный перелом в плавании наступил с того момента, когда вечером 21 апреля «Гренландия» прошла через Гибралтарский пролив в Средиземное море. После пережитых штормов и холодов участники экспедиции почувствовали себя как в раю. Вместо непроницаемой серой пелены, почти постоянно окутывавшей корабль, яркое солнце и синее небо над головой, прекрасные южные пейзажи вдали. Бауренфейнд буквально не уходил с палубы, зарисовывая наиболее живописные виды в свой дорожный альбом.

14 мая 1761 года «Гренландия» отдала якоря в полутора милях от гавани Марселя. Четверо путешественников, вступив на берег, с облегчением вздохнули. Какова же была их радость, когда вскоре они встретили фон Хавена, который без всяких затруднений прибыл в Марсель, как и договаривались, по суше! Все вместе устремились в книжные лавки, где каждый пополнил свой багаж нужными ему изданиями. Форскол повел всех в естественный музей, а Нибур — в обсерваторию.

Однако наступило время возвращаться на корабль, чтобы следовать дальше.

14 июня «Гренландия» подошла к Мальте. С юга берег у острова крут и неприступен. Поэтому суда входят в гавань с северной стороны. Здесь же расположены форты, редуты, крепостные стены. Впрочем, остров весь похож на крепость, ибо состоит из скал, по которым ступенями поднимаются вверх дома, сложенные из того же материала, что и скалы. Эта порода камня так мягка, что вырубать ее и обрабатывать не труднее, чем дерево. Некоторые лавки выдолблены прямо в скалах. Столицу острова составляют

многочисленные мелкие поселения, прорезанные неширокими бухтами.

Нибур, вдруг почувствовавший себя усталым и больным, не хотел сходить на берег. Но уговоры коллег сломили его сопротивление, и он не пожалел об этом.

Духовно-рыцарский мальтийский орден (до 1530 г. он назывался орденом иоаннитов, или госпитальеров), владевший островом в XVI—XVIII веках, был очень богат. Поэтому весь город, его старинные дворцы с изысканной лепниной, храмы, и прежде всего собор святого Иоанна, являли собой поистине великолепное зрелище. Взорам наших путешественников открылись бесценные сокровища: золотая и серебряная храмовая утварь, огромные светильники, золотые кресты весом до 25 фунтов, усыпанные драгоценными камнями, люстры, которые стоили, по мнению Нибура, сотни тысяч талеров.

Впрочем, в местном госпитале, где с одинаковой заботой лечили и богатых и бедных, больных кормили тоже на дорогой серебряной посуде.

ВСТРЕЧА С МУСУЛЬМАНСКИМ МИРОМ

19 июля 1761 года в Смирне путешественники пересели на турецкое судно, отправлявшееся через Дарданеллы и Мраморное море в Константинополь. Это было прощание не только с командой корабля, вместе с которой было пережито немало трудных дней, но и со столь милой сердцу Европой. Какому бы риску ни подвергались они на датском корабле, до этой минуты они находились в привычном окружении. Что же ожидало их теперь?

30 июля судно вошло в Золотой Рог. Нибур чувствовал себя все хуже и хуже, и поэтому вся прелесть и своеобразие столицы Османской империи на этот раз прошли мимо него. Он с трудом выбрался на официальный прием у датского посла Гейлера, в резиденции которого они жили. Важнее всего ему было поправить здесь свое здоровье. Заботливый и гостеприимный Гейлер расспросил участников экспедиции о ближайших планах, выхлопотал им у султана паспорта, дал рекомендательные письма к египетским властям. В то время на проезд по землям Османской империи требовалось дозволение султана.

— Вы очень неразумно одеты, — в заключение беседы сказал Гейлер. — На что похожи ваши наряды!

Путешественники с удивлением осмотрели себя, потом друг друга и, не обнаружив ничего необычного, вопросительно взглянули на Гейлера.

— В европейских костюмах слишком много лишнего, — объяснил он. — Жилеты с лацканами, рукава с обшлагами, чулки с бантами, туфли с пряжками... Как это отличается от простой восточной одежды! Вы же не хотите, чтобы повсюду вас сопровождали с улюлюканьем толпы зевак? Возможно, в Александрии это будет еще не так заметно, там европейцы не в диковинку, но вот уже

в Каире ваш вид будет слишком необычен. Это может вам многое осложнить в дальнейшем. Настала пора некоторого, я бы сказал, маскарада. Впрочем, необходимость его вы скоро и сами поймете. И не вздумайте, пожалуйста, носить парики или бриться. Гладкие белые лица, без бороды и усов, также будут привлекать всеобщее внимание.

Они были к этому готовы. Прощание с Европой становилось для них еще и прощанием с привычным обликом. Без парика они уже сами начали обходиться. Особенно охотно Нибур. Бесконечное количество вариаций париков, строго регламентированных по рангам и сословиям блюстителями моды и нравов, ему, крестьянскому сыну, всегда казалось нелепостью. Но вот бородатый студент в Геттингене произвел бы странное впечатление! Ведь в Германии XVIII века борода в светском обществе считалась чем-то совершенно неприличным. Бороду разрешалось носить только актерам, да и то лишь тем из них, кто играл убийц или разбойников. Усы же были частью формы у солдат особых полков, причем если усы росли плохо, то их наклеивали.

Наши европейцы перестали бриться и заказали себе одинаковые мусульманские одежды, состоявшие из длинных рубах, теплых накидок, шаровар, тюрбанов и сандалий. Тюрбаны давили на голову, накидки сползали с плеч — привыкнуть ко всему этому оказалось не простым делом. Надо было присмотреться, как носят свои наряды местные жители, как в них садятся, ведь отпыне не будет даже стульев. Багаж путешественников пополнился и за счет приобретенной посуды, кухонной утвари и съестных припасов: на провиант далее можно было рассчитывать далеко не всегда. Начиналась новая жизнь.

8 сентября они погрузились на судно, пришедшее из Африки и теперь следовавшее в Александрию.

Ученые получили отдельную каюту. Это несколько успокоило их, хотя им все же приходилось выходить на палубу.

Нибур с завистью рассматривал знатного араба, который драпировался в свой наряд не менее величественно, чем римский патриций в тогу.

В форте Кумкале, в Дарданеллах, на границе между Европой и Азией, куда они доплыли лишь к 15 сентября, таможенники тщательно досматривали все суда, плывшие из Константинополя, — искали беглых рабов или запрещенные товары. Нибур, наконец-то оправившийся от болезни, взял свои инструменты и сошел на берег. У форта его постигло разочарование: это был маленький каменный прямоугольник с невысокими толстыми стенами и башенками. Прямо на земле стояли потемневшие от времени медные пушки, стрелявшие каменными ядрами.

Во время остановки на острове Родос, входившем в состав Османской империи, Форскол и Бауренфейнд отправились с визитом к французскому консулу. К их удивлению, в приеме им было отказано, и притом в весьма грубой форме. На обратном пути они встретили капуцина, разговорились с ним, и тот рассеял недоразу-

мение: ведь они же были в турецкой одежде, а консул устал от посещений местных жителей. Мопак уговорил их вернуться обратно, сам провел к консулу, который оказался столь любезен, что предложил своего переводчика для осмотра города Родос.

Но — увы! — от бывшего центра эгейской культуры не осталось и следа. Осмотрели крепость, византийский храм, постройки иоаннитов. А где же образцы знаменитой родосской школы скульптуры III—I веков до нашей эры? Где прославленный Колосс Родосский — одно из семи чудес света? Никто не мог им этого сказать. Гигантская статуя была уже давно разрушена землетрясением.

— А не отведать ли нам восточной пищи? — предложил Форскол. — Ведь рано или поздно придется к этому привыкать.

Они присели прямо на улице на какие-то сомнительного вида скамьи, и им принесли непонятное для европейского вкуса блюдо. К тому же в грязной посуде, без ножей и вилок.

— Вот теперь по крайней мере ясно, что нас ожидает впереди, — шутил Форскол.

Такое требовалось запить. В мусульманской стране найти спиртное не так-то просто. Им объяснили, что вином в этих краях разрешено торговать лишь одним евреям. Отыскали торговца, у которого обнаружили не только отличное вино, но и двух прелестных дочек. Европейцы разговорились с ними и были вознаграждены — девушки подарили им на память кошельки, которые сохранили сами. Для наших путешественников это были первые восточные сувениры.

На пути от Родоса к Александрии, когда берега исчезли из виду, Нибур рискнул зайти к капитану за консультацией. Капитан был турок, но хорошо говорил по-итальянски. Нибур обрадовался, увидев в рубке множество карт, песочные часы, два компаса — морской и обычный. Однако при первых же словах выяснилось, что капитан не имеет ни малейшего понятия, как всем этим богатством пользоваться. Нибур вспомнил чей-то рассказ о том, как местные жители пробираются на европейские суда и там крадут вещи непонятного для них назначения. Из деликатности он не стал спрашивать капитана о происхождении карт и компасов, а, воспользовавшись ими и своим секстантом, начал отмечать на собственной карте местоположение судна. Капитан позвал помощника и велел ему научиться делать то же самое, но вскоре увидел, как это непросто, и от своей идеи отказался.

А тем временем спутники Нибура нашли весьма увлекательное занятие. Над собой они обнаружили каюту, полную рабынь, молодых и красивых. Высунувшись из иллюминаторов, мужчины попытались знаками объясниться с ними. Но это вызвало среди женщин такую панику, что ученые отскочили в глубь каюты.

— Не хватает, чтобы к нам теперь пожаловал их повелитель, этаким усатым паша с двумя ятаганами в руках, — ухмылялся Форскол.

— Не знаю, как насчет паши с ятаганами, а вот подобных кра-

соток в этом благословенном мусульманском мире нам явно не будет хватать, — с улыбкой возразил Бауренфейнд.

Через несколько минут европейцы снова выглянули в иллюминаторы. Рабыни оказались не менее любопытными: они с интересом ждали продолжения знакомства. Появившийся в эту минуту Нибур присоединился к неожиданному развлечению. Он достал из своих припасов несколько кусков сахара и показал женщинам. После недолгого совещания, сопровождаемого приглушенным хихиканьем, красотки опустили вниз свои платки. Нибур и Бауренфейнд завязали в них сахар, и тот вознесся в верхний иллюминатор. Таким же способом были переправлены и фрукты. Когда же наступила пора молитвы, рабыни знаками оповестили о ней, и европейцы послушно скрылись.

Игривое настроение было нарушено возвращением Крамера, которого незадолго перед этим вызвали на палубу, — весть о том, что на судне есть врач, распространилась мгновенно.

— Я осмотрел сейчас человек пятнадцать, сомнений никаких: на борту — чума, — сказал он.

— Коллега умеет лечить чуму? — осведомился Форскол, чувство юмора не покинуло его даже в этот момент.

— Чуму никто лечить не умеет. — Крамер был мрачен. — Придется беречься самим или...

— Или положиться на волю Аллаха! — закончил Форскол.

Это были черные дни. Путешественники решили из каюты не выходить. Флирт с красотками-рабынями тотчас же прекратили. Все, к чему они вынуждены были прикасаться, протиралось снадобьями Крамера. Сам же Крамер подвергался ежеминутной опасности, ибо его все время требовали на палубу, к больным.

До конца поездки умерло восемь человек, и среди них рулевой, отличный парень, с которым Нибур успел подружиться. По прибытии в порт назначения судно разгружалось в непривычной тишине. Европейцы даже не заметили, как исчезли с судна рабыни, так незаметно их вывели на берег.

АЛЕКСАНДРИЯ — КАИР

Знакомство с африканской частью Османской империи началось для путешественников в Александрии, куда они прибыли 26 сентября. Когда-то она слыла одним из самых красивых городов мира. После завоевательных походов Александра Македонского в IV веке до нашей эры Александрия стала как бы сердцем эллинистического Востока, где греческая культура вступила с местной культурой в животворную связь. Зодчие древности строили добротнo, однако к XVIII веку мало что осталось от великолепия бывшей столицы Птолемеев. Когда-то в Александрии насчитывалось множество дворцов. Нибур и его спутники увидели одни только колонны, распростершиеся на земле, да глыбы мрамора, поросшие травой. Жалкие обломки остались и от одного из чудес света — стосемидесятиметрового маяка на острове Фарос. На вер-

шину его мраморной башни по вьющемуся спиралью пандусу можно было подниматься на конях и на колесницах — так доставляли туда топливо для костра, заживавшегося с наступлением сумерек и указывавшего судам вход в гавань. Были уничтожены до основания прославленные храмы Александрии, и среди них знаменитый храм Сераписа.

Уродливость и непостижимая жестокость войн впервые предстали здесь перед Нибуrom во всей своей отвратительной наготе. Прекрасный мир, веками создаваемый разумом, волей и могуществом человека, в один миг разрушался человеком же! Могут ли люди, отдающие себя науке и процветанию человечества, спокойно изирать на столь варварское, бессмысленное уничтожение? Нибура этот вопрос будет волновать на протяжении всего путешествия.

Однако жизнь всегда берет свое. Город шумел, рос, развивался, и никакие видения прошлого не мучили его. Улицы, базары, лавки, ремесленные мастерские, бани были наполнены разноязычным людом. В Александрии явно чувствовалось присутствие европейцев, главным образом французов, голландцев, венецианцев. Была устроена специальная таможня для товаров из Европы.

Путешественники осмотрели остатки городских стен, развалины сооружений эллинистического периода, мечети, в которые были превращены бывшие храмы. Камни руин использовались для новых построек.

Единственным памятником древности, привлечшим внимание Нибура, был обелиск Клеопатры, искусно вырубленный из цельного куска красного гранита. В высоту он, по подсчетам Нибура, имел 61 фут 11 дюймов¹, в ширину — 7 футов 3 дюйма. Нибура знал, что в Европе этот обелиск уже известен, и поэтому детально его не описывал.

Церковь святой Екатерины удивила его не столько своими размерами и великолепием убранства, сколько материалом, из которого она была построена, — белым мрамором с красными прожилками. Как объяснил священник-грек, красные пятна эти лишний раз свидетельствуют о том, что святую Екатерину убили, отрубив ей голову.

Неподалеку возвышалась церковь евангелиста Марка, принадлежавшая коптам, то есть египетским христианам, которых турки прозвали «потомками фараонов». С этой церковью было связано свое предание, и нашим европейцам не замедлили его поведать. В церкви якобы до сих пор стоит тот же амвон, с которого Марк читал проповеди. И гроб с его телом находится тут же, но открывать его нельзя, ибо какие-то любопытные венецианцы похитили голову святого.

— Да одну ли голову? — вмешался какой-то монах, с подозрением оглядывая пришельцев. — В Риме давно уже поговаривают

¹ 1 фут = 20,479 см (или 0,3048 м).

1 дюйм = 2,54 см (или 0,0254 м) = $\frac{1}{12}$ фута.

о том, будто у них находится и тело святого Марка. Кошунство! Все поровят увезти, ни перед каким грехом не останавливаются!

Европейцы поспешили удалиться.

А вот и знаменитая колонна Помпея — из красного гранита. При грехах она, вероятно, стояла внутри города. Теперь же — в четверти часа ходьбы от городской стены, заново воздвигнутой арабами. Изображение колоны Нибуру уже довелось видеть, но точная высота ее в Европе была неизвестна. И Нибур измеряет ее: 88 футов 10 дюймов. Она оказалась значительно ниже, чем предполагали европейцы.

Нибур, взяв с собой астролябию, открыто начал пользоваться ею. Вскоре он обнаружил за собой хвост местных жителей, с беспокойством взиравших на этот странного вида инструмент. Тогда он в искреннем стремлении установить дружеский контакт с ними протянул им астролябию и предложил заглянуть в объектив. Один египтянин с опаской взял ее, посмотрел и увидел людей, обелиск, дома и весь город... вверх ногами. Он закричал от ужаса, и Нибуру едва удалось избежать расправы. После этого он решил пользоваться своими инструментами более осторожно.

Когда пришло время покинуть Александрию, путешественники решили приобрести несколько мумий и отправить их в Европу. Хотя у каждого в ушах еще звучали слова коптского монаха о любопытствующих грешниках-европейцах, они, чрезвычайно довольные своей идеей, без особого труда купили мумии, упаковали их в ящик и, уговорив таможенника принять груз, перенесли его на судно, следовавшее в Европу. Однако произошло непредвиденное: команда, узнав об этом, в страхе бежала на берег. Пришлось переправлять опасный багаж на другое судно, тщательно скрыв от матросов его содержимое.

Для переезда в Каир путешественники избрали водный путь. Дело в том, что в этих краях существовала реальная опасность грабежей. Случались пиратские набеги и на воде, но на суше вероятность ограбления, как показывал опыт, была значительно больше. Наняв небольшое судно, они отплыли в город Розетту (Рашид), стоящий на западном рукаве Нила, в 15 километрах от устья. Город был ничем не примечателен. Громкую известность он приобретет позднее, в 1799 году, во время египетской экспедиции генерала Бонапарта, когда здесь будет обнаружена каменная плита из черного базальта, а на ней надпись на двух языках — греческом и древнеегипетском (двумя видами письма — иероглифическим и демотическим, т. е. более упрощенной формой египетской скорописи, существовавшей с VIII века до нашей эры). Эта так называемая трилингва станет краеугольным камнем египтологии, ибо благодаря ей в 1822 году французский ученый Жан Франсуа Шампольон начнет дешифровку египетских иероглифов.

6 ноября судно двинулось вверх по Нилу. На берегах зеленые поля сменялись то фикиковыми рощами, то селениями.

Но что хочет видеть человек, плывущий по Нилу? Конечно же, крокодилов! Нибур не составлял исключения. Он нетерпеливо

поглядывал за борт, а потом вступил в разговор с матросом. Ему уже давно не терпелось применить на практике свое знание арабского языка. Матрос объяснил, что в дельте Нила крокодилов не бывает, потому что здесь зарыт талисман, который запрещает крокодилам показываться в этих местах. Да, значит, надо рассчитывать и на такие ответы. Дальше разговор зашел о возможностях пиратских набегов на суда. Собеседник был настроен благодушно:

— Чего бояться, если есть стражник и пушка? А если еще на судне фонарь висит, то грабители понимают — это плывут европейцы, а к ним незаметно не подступишься.

— Но ведь бывают случаи? — не унимался Нибур.

— Конечно, бывают. Недавно три судна полностью очистили. А почему? Капитан был в словоре с грабителями и имел от них свою долю. Так, видно, было угодно Аллаху.

— Ну а на суше?

— Турки рассказывали, один паша разбил лагерь на берегу, а его ночью и обворовали. Только вскоре поймали вора. Хотели его убить, а он попросил, чтобы ему перед смертью разрешили последнее желание исполнить — фокус показать. «Покажи», — говорит паша. Тот разделся, связал одежду в узел да вместе с ней в Нил и кинулся. Так и ушел, не успели турки его подстрелить.

Нибур засмеялся. «Смешно и глупо, — подумал он. — Но, оказывается, вовсе не страшно с ними разговаривать. И по-арабски я говорю прилично». И отныне Нибур стремится получать как можно больше конкретных сведений, опрашивая местных жителей. Пусть даже сведения эти далеко не всегда будут точны или надежны. Потом он произведет необходимый отбор. С помощью одних только геодезических инструментов страну не познаешь. Собственные наблюдения — вот что самое важное. К тому же цель его поездки состоит как раз в поисках того, о чем нельзя прочитать даже в геттингенской библиотеке.

Так незаметно в приятном и полезном плаваньи добрались до Каира. Древний город сразу же ошеломил наших путешественников неистовым шумом. Население Каира было чрезвычайно пестрым. Здесь жили арабы и турки, берберы и негры, евреи и греки, персы и копты. И все это разноязычное, многоликое население заполняло улицы, базары, кофейни, шумело, спорило, смеялось. Кричали здесь все: погонщики со своими ослиами, муэдзины, призывающие на молитву, продавцы, зазывающие покупателей, и покупатели, оценивающие товар, кричали даже смиренные старцы, часами просиживающие возле кофеен.

Путешественники стремились поскорее добраться до конечной цели — Южной Аравии. Сначала они предполагали следовать из Каира в Мекку вместе с караваном паломников. Они узнали, что в четырех часах езды от Каира, у озера Биркет-эль-Хадж, которое питается водами Нила, раз в год собираются паломники перед уходом в Мекку и что туда же они возвращаются после паломничества. Но вскоре выяснилось, что европейцам сухопутный маршрут запрещен под страхом смерти. Значит, им надлежало найти такой

караван, который бы следовал сушей до Суэца, с тем чтобы из Суэца до Джидды плыть морем. Для такого пути должен был собраться большой караван, и путешественникам предстояло дожидаться его несколько месяцев. Таким образом, у них оставалось немало времени, чтобы осмотреть достопримечательности Каира и его окрестностей. И не просто осмотреть, а постараться найти материал для ответов на вопросник короля.

Хавен занялся изучением местного диалекта. Бауренфейнд начал с восторгом зарисовывать лица, наряды, головные уборы, обувь, домашнюю утварь, музыкальные инструменты, не говоря уже о самом городе с его мечетями, крепостями, домами. Нибуру следовало составить план Каира, причем не только обозначить на нем мечети, улицы, дворцы, базары, кладбища, но и подробно описать их.

Едва ли стоит, любезный читатель, утомлять вас историей Каира, о котором за два последних века столько написано. Но во времена Нибура о Египте южнее Александрии европейцы знали крайне недостаточно. И Нибуру в Каире удалось добиться многого. Достаточно сказать, что, когда в 1799 году в Египте высадился экспедиционный корпус генерала Бонапарта, книги Нибура с описанием его путешествия по Востоку, в частности пребывания в Каире, явились основным трудом, помогавшим французским ученым, которых Бонапарт захватил с собой, постигать тайны Египта и закладывать основы египтологии.

Вот остатки первой в Египте мечети, построенной Амром ибн аль-Асом. Сложенная из необожженного кирпича, простая по форме, она чужда роскоши культовых построек, присущей последующим векам. Нибур увидел двор, заросший травой, торчащий обломком минарет. Вокруг ползали нищие, пронзительными воплями то ли жалующься на свою долю, то ли требуя бакшиша. Ощущение суровости и запустения не нарушали, а, быть может, даже усиливали перенесенные сюда десятки коринфских колонн римского и византийского времени.

Дома в городе были преимущественно в один этаж, и минареты, возвышаясь над ними, создавали впечатление, будто город весь состоит из одних мечетей.

Нибур не мог понять, почему ислам отказался от колоколов.

— Разве нельзя сочетать колокола с муэдзином? — рискнул он обратиться к старику арабу.

Тот посмотрел на него с презрением, но ответил:

— Колокола похожи на бубенцы, которые у нас быкам призываюут на шею.

Не выдержав искушения, европейцы отправились в каирскую баню. Снаружи она показалась им грязной и невзрачной, но зато внутри поразила чистотой и великолепием — здесь даже пол был выложен драгоценными породами мрамора. Банщиков было не меньше, чем посетителей, и каждый из них занимался своим делом: один массирует, другой вправляет суставы, третий удаляет волосы при помощи какой-то мази. Все эти процедуры выглядели

странно и очень напоминали пытки. Поэтому, несмотря на представления, Нибур категорически отказался предоставить свое тело этим «костоправам».

Нибур без усталости бродил по городу, вглядываясь в людей, вслушиваясь в гортанные звуки чужой речи. Уличная толпа поражала его пестротой и разнообразием: то пронесли в палаткине турецкого или египетского сановника, то путь преграждали нищие, требующие подаяния. Нибур старался не шарахаться при виде сумасшедших, которыми изобилует Каир, и больных, покрытых язвами и паршой.

Обойти Каир целиком казалось невозможным, так многочисленны были его улицы и переулки. На большинстве улиц всегда было сумрачно, они были похожи на глубокие колодцы, прикрытые к тому же ярусами домов, выступающими над нижними этажами. А переулки, разве не напоминали они узкие трещины, прорезавшие город во всех направлениях? Если путь шел в гору, то эта трещина меж домов превращалась в лестницу, такую узкую, что по ней не то что ослу, но и человеку протиснуться было трудно.

Нибура интересовало все в жизни каирцев. За словом «быть» он видел нечто более важное и широкое, то, что уже превращается в слова «быть» и «бытие». Ведь и в далекую Аравию он едет для того, чтобы не только заниматься топографической съемкой и производить астрономические измерения, но и наблюдать это самое арабийское житье-бытье. Изначально всего везде и всегда заключено в людях, ну а уже как производное — их города и селения, дома и храмы.

Вечерами, стараясь не привлекать к себе внимания, он тихо подсаживался к каирцам, сидевшим у кофеен, и вместе с ними внимал затейливым историям об арабских героях — справедливом и бесстрашном Антаре, жестоком Захире Бейбарсе, веселом Абу-Зейде, вслушивался в пение. Поначалу оно показалось ему заунывным и непереносимым для европейского слуха, но, будучи человеком музыкальным, он попытался вникнуть в непривычный ладовый строй — арабский, турецкий, коптский. Музыкальные инструменты египтян так примитивны на вид. Вот однострунная прародительница европейской скрипки — ребаб, а вот эти палочки, кадибы, они как кастаньеты. Най, похожий на флейту, призван поддерживать вокальную мелодию.

Какие же звуки способны породить эти бесхитростные предметы в руках каирских музыкантов? Рванулась струна, затрещали палочки, затем сквозь густую сеть этих дробных слабых звуков вдруг прорвались, словно по контрасту, мощные удары, и, наконец, возник человеческий голос. Он раздавался все громче, все протяжнее, ритм и интонации все усложнялись, напряжение усиливалось, и вот Нибур, несмотря на непривычную однотонность этой музыки, весь во власти яркой, открытой и экзотически-страстной эмоциональности. А потом глухой аккорд, внезапно наступившая тишина...

Здесь же, прямо на улице, демонстрировались танцы. Танцевали только женщины, ибо это занятие считалось недостойным мужчины. Причем оказалось, что далеко не всегда танцовщицы выступают за деньги.

Зрелища любимы арабами, издревле тяготеющими к театрализованной обрядности, к художественному исполнению пародных легенд и сказаний, к театру теней и кукол. Местные базары, яркие, пестрые, многоголосые, сами по себе были зрелищем, но впечатление от него усиливалось присутствием факиров, демонстрировавших танцующих змей, или дрессировщиков, выступавших с обезьянами.

Ученые осмотрели и окрестности Каира. С сожалением они увидели, как мало осталось от Гелиополя с его достопримечательностями, о которых им приходилось немало читать и слышать. Куча камней и щебня, занесенная песком. Уцелел лишь обелиск фараона Сенусерта I. Этому памятнику четыре тысячелетия. Конечно же, Нибур захотел определить его высоту. Но, вынув инструменты, он задумался, высчитывая, какая же примерно часть обелиска уже скрылась под землей. Эта задержка чуть не оказалась роковой. Вокруг него мгновенно собралась толпа зевак. Кто-то кричал, что вот сейчас этот колдун поднимет камень на небо и достанет из-под него драгоценный клад. Толпа начала расти. Нибур быстро записал цифру — 5 футов 7 дюймов — и пошел прочь. Возгласы разочарования и насмешки звучали ему вслед.

В деревушке Матаре, что недалеко от Гелиополя, им показали «сикомор Мириам», то есть смоковницу деви Марии, раскинувшую, по преданию, свои ветви, чтобы укрыть «святое семейство», когда оно бежало в Египет. Неподалеку находился колодец, который якобы тогда сам наполнился водой.

Каждое утро Нибур просыпался с мечтой оказаться у самых пирамид, которые были видны в Каире отовсюду; кажется, они совсем рядом, рукой подать. И вот наконец поездка в Гизу, предместье Каира, где находятся пирамиды, стала возможной. По совету европейцев, которые уже бывали в Гизе, Нибур и Форскол взяли в качестве провожатых и охраны двух бедуинов. Отправившись в путь рано утром (бедуины ехали на лошадях, а Нибур и Форскол — на ослах, так как в пределах Каира христианам ездить на лошадях было запрещено), они через несколько часов приблизились к пирамидам. Вдруг им преградил путь молодой всадник.

— Я сын шейха, — вежливо представился он. — Разрешите узнать, что вас интересует в наших краях.

— Мы бы хотели полюбоваться пирамидами, — спокойно ответил Форскол.

— Тогда я буду вас сопровождать, — сказал тот тоном, не допускающим возражений.

— Едва ли в этом есть необходимость. Мы не одни, как видите, — сказал Форскол.

Реакция «сына шейха» была неожиданной. Он с воинственным видом воткнул в землю копьё — неременную принадлежность

любого арабского всадника — и запретил им следовать дальше. Постепенно ситуация прояснилась. «Сын шейха» просто-напросто занимался вымогательством. Форскол с возмущением отказался платить, ибо подход к пирамидам был открыт для всех. Но Нибур сообразил, что они безоружны, а бедуины едва ли станут рисковать собой во имя спасения двух любопытных чужестранцев, и поспешил вперед. Поднявшись на ближайший холм, он крикнул, что видит крестьян, работающих в поле, и сейчас позовет их на помощь. «Сын шейха» тотчас же стал снова предупредителен и вежлив. Однако Форскол и Нибур отчасти из боязни быть ограбленными назойливым арабом, отчасти из-за того, что вся эта история испортила им настроение, повернули назад. Тогда всадник подкачал к Форсколу и сбил у него с головы тюрбан.

Форскол остановился и хладнокровно сказал бедуинам:

— У нас в стране думают, что европейцы, вверившие себя вашей охране, могут быть спокойны. И мы тоже поверили вам. Но если вы позволяете какому-то наглецу отнять у меня тюрбан, я расскажу своим соотечественникам, что в вашей стране нет ни верности, ни веры.

Между арабами возникла перепалка, в результате которой бедуины заставили всадника вернуть тюрбан Форсколу. Тогда «сын шейха» подъехал вплотную к Нибуру. Тот остановился, сохраняя, подобно Форсколу, спокойствие. Это привело всадника в бешенство, и он, схватив астролябию, рванул ее к себе. Этого Нибур уже вынести не мог. Он размахнулся и нанес грабителю такой удар, что тот кувырком полетел на землю. Все замерли. Араб бросился к Нибуру и приставил пистолет к его груди. Нибур понял, что погиб. «До Аравии так и не доехал, — пронеслось в мозгу. — Глупо. Так глупо».

Но выстрела не последовало. Бедуины что-то кричали грабителю. «Ага, наверно, пистолет-то у него не заряжен», — подумал Нибур и вынул полталера. Всадник с победным криком схватил монету и, вскочив на коня, умчался так же неожиданно, как и появился.

Этот короткий эпизод, едва не стоивший Нибуру и Форсколу жизни, преподал им неплохой урок. Во-первых, поняли они, здесь нельзя передвигаться без оружия. Во-вторых, самостоятельные поездки действительно опасны, надо присоединяться к каким-то группам людей. Длительное ожидание в Каире большого каравана теперь уже не казалось им таким бессмысленным.

На следующий день они снова отправились в Гизу, на этот раз вместе с несколькими европейскими купцами. Нибур взял с собой измерительные инструменты, но теперь боялся обнаружить их. В напряжении подъехали к пирамидам. Радость встречи с этими чудесами древнего зодчества была отравлена. Не рискуя выпутать инструменты, Нибур определил приблизительно высоту и ширину каждой пирамиды и установил их ориентацию относительно сторон света. Затем направились к Сфинксу. Высота той части Сфинкса, которая поднималась над песчаной гладью пустыни,

оказалась равна 27 футам 6 дюймам. Но ведь и ребенку ясно, что это лишь небольшая часть каменной громады, а остальное засыпано песком. Что же скрывается под ним? Тайнственность этих «чудес света» и собственное научное бессилие выводили Нибура из себя. Зачем они тут поставлены, из чего сложены? Он, казалось, был готов взглядом просверлить пирамиды насквозь.

— Вон те скалы из той же породы? Ведь это же известняк! — твердил он. — А Сфинкс, мне кажется, вообще вырублен из целой скалы.

Спутники Нибура подтрунивали над его одержимостью. Кто-то сказал то ли в шутку, то ли всерьез:

— А, говорят, наверху они мраморные...

Тогда Нибур решил взобраться на вершины пирамид. Его отговаривали: еще ни один европеец на это не отваживался. Но он чувствовал в себе достаточно силы, и к тому же ему хотелось все увидеть самому, иначе здесь такого наговорят... И вот его плотная, кряжистая фигура медленно поползла вверх. Строители явно не предполагали, что кому-нибудь взбредет в голову лезть на пирамиды. Никаких следов ступеней, лишь кое-где встречаются выбоины, куда можно поставить ногу. Конечно, так и есть: никаких следов мрамора на вершине пирамиды, все тот же камень, да и он разваливается во многих местах, ибо верх пирамиды никак не укреплен. Нибур забирает с собой несколько обломков и не без риска для жизни ползет вниз. А теперь — на следующую. Спутникам он кажется просто сумасшедшим, но с его упрямством не совладать никому. На вторую пирамиду взбираться труднее. На ее вершине частично сохранилась облицовка, по которой ноги и вовсе скользят. Ну, а что же на третьей пирамиде? Как назло, около нее Нибур обнаруживает куски гранита. Но сил у него уже явно нет. Тяжело дыша, он вглядывается в окружающий пейзаж, в вершины этих каменных громад, в узкие щели, ведущие внутрь. Внутрь? «А вдруг там можно открыть гробницы? Ведь для чего-нибудь эти сооружения построены, что-то скрывается в них», — думает он.

Воздадим должное упорству Нибура, его мечте узнать тайну пирамид. Спустя много лет в этих местах египтологи обнаружат глубоко сокрытые гробницы, некрополи, целые города додинастических и раннединастических эпох. Раскопки эти едва ли можно считать законченными и в наше время.

Из каменных трещин пирамиды Нибур извлек странные окаменелости крошечных размеров. Спросил стоявшего рядом араба:

— Что это такое?

Араб уверенно ответил:

— Фадда Абу аль-Хауль.

— Монеты Сфинкса, — перевел Нибур и вопросительно взглянул на Форскола.

— Да, арабы их так называют, — сказал Форскол. — Страбон где-то писал, что это крошки хлеба, попавшие в камень во время строительства.

— Я бы скорее подумал, что это улитки или еще какие-нибудь моллюски, — пожал плечами Нибур. — Но что вообще нам известно? Что за люди сооружали их? Когда? Зачем?

— Когда-нибудь человечество узнает все. У нас другие задачи.

— А вы видели, — продолжал Нибур, — сколько здесь надписей?

Больше, чем сами пирамиды, Нибура заинтересовали огромные каменные обелиски, колонны и пилоны, хаотично разбросанные вокруг. Они были покрыты загадочными знаками, похожими на изображения зверей, растений, волн, оружия. Те же знаки повторялись и на отдельных камнях, плитах, на стенах. Что это было? Дворцы? Храмы?

— Взгляните, — сказал он, — сколько здесь знаков. Не о них ли писали Геродот, Страбон, Диодор Сицилийский? Посетив Египет, они упоминали о каких-то непонятных иероглифах, то ли рисунках, то ли письменах.

— Их уже пытались расшифровать, — сказал Форскол.

— Знаю, но это все домыслы, истолкования символов, а не поиск языка. А ведь здесь вовсе не рисунки, а письменность! Взгляните, как стройно эти знаки расположены. И здесь, и здесь, и там... Я сейчас скопирую их.

И Нибур углубился в работу. В последующие дни он срисовывает надписи на колоннах и обелисках уже в самом Каире.

В те далекие времена археологии как науки еще не существовало. Единственным путем к изучению древней истории были всякого рода надписи, которыми были испещрены древние надгробия, камни, плиты. Ученые не теряли надежды на их будущую расшифровку. Так произошло и в данном случае. Когда надписи, скопированные Нибуром, оказались вместе с розеттским камнем в Европе, это значительно облегчило Шампольону задачу расшифровки египетской письменности.

...27 августа 1762 года выстрел из крепости возвестил о том, что большой караван готов отбыть в Суэц. Купцы из разных стран везли множество товаров. Одних только верблюдов, нагруженных мешками с зерном, было более четырехсот. Большую часть каравана составляли погонщики верблюдов; правда, на их охрану в случае нападения едва ли можно было рассчитывать: ружья у них были без шомполов, патронташи без пуль, а сабли ржавые. Зато шейхи, величественно восседавшие на дромедарах, были вооружены копьями и саблями.

В середине каравана двигались Нибур и его спутники. Именно в середине, ибо их предупредили, что тот, кто отстает от каравана, и тот, кто вырывается вперед, подвергается опасности быть ограбленным. Для путешествия они были обеспечены всем необходимым. Помимо тех вещей, которые были взяты ими с самого начала или приобретены в Константинополе, они располагали турецкой и арабской одеждой, посудой, фонарями, бурдюками с питьевой водой и вином, провиантом.

Форскол и все остальные предпочли передвигаться на лошадях. Нибур же избрал верблюда, решив, что уж если ехать с караваном, то непременно на верблюде. Впрочем, когда он впервые усаживался на своего дромедара и тот выбросил из-под себя сначала задние, а потом передние ноги, Нибуру почудилось, будто головой он достал небо. Однако испытанный способ передвижения в этих местах не подвел. Мерная поступь верблюда приятно убаюкивала его, и в результате он не уставал и мог даже вздремнуть, в то время как его спутники тряслись на лошадях и к концу пути основательно вымотались. Единственное, что на первых порах очень мешало Нибуру, — это тяжелый запах, исходящий от верблюда.

Дорога оказалась труднее, чем они могли предположить. Солнце палило нещадно. Вокруг не было ни воды, ни травинки, ни какого-либо пристанища. Караван двигался по шесть-восемь часов без остановки. Каждый шаг сопровождался невероятным шумом, потому что все вокруг кричали: купцы друг на друга, погонщики на всех, попутно они ругали отсутствующих жен за неверность, детей — за непослушание, тещ — за нерадивость, да еще при этом непрестанно поминали матерей и бабушек. Вслушиваясь в это бушующее море брани, Нибур имел редкую возможность вникать во все тонкости наречий арабского языка.

30 августа караван прибыл в Суэц, расположенный на западном берегу Суэцкого залива. Когда-то порт находился выше, у гора Кульсума, в XVI веке здесь существовала судоверфь. Теперь от Кульсума остались одни руины. Из Суэца участники экспедиции рассчитывали добраться морем до аравийского порта Джидды.

Суэц произвел на Нибура странное впечатление. Нормально здесь правил наместник султана — бей, но ему никто не желал подчиняться. Более того, если он хоть как-то ущемлял интересы местных жителей, они грозились тут же прикончить его или отравить воду в колодцах. Городских стен, столь привычных для стран Востока, здесь не было. Зато все дома были соединены между собою стенами, так что проникнуть в город можно было лишь по двум улицам, причем с юга они были открыты, а с севера упирались в ворота. Окружала Суэц мрачная, скалистая местность. Ни травы, ни деревьев, ни полей, ни питьевой воды. Лучшим колодцем считался так называемый колодец Моисея, в двух часах езды от города. Но когда наши европейцы добрались до него, они увидели грязную, вонючую воду. «У нас бы скот не стал пить такую», — с отвращением подумал Нибур. Путешественникам пришлось пемного порастрастя свою казну, чтобы не только пить молоко, но и умываться молоком.

Переход от Каира до Суэца дорого достался участникам экспедиции. Бауренфейнд слег в тяжелой лихорадке, заболел и Форскол, и даже Крамер чувствовал себя измотанным и больным. К счастью, у них оказалось достаточно времени, чтобы прийти в себя. Из-за своеобразного режима ветров на Красном море судоходство было строго регламентировано: при одном ветре в опреде-

ленное время года можно было плыть только с севера па юг, при ветре противоположного направления в другое время года — только с юга на север. Пока еще дул встречный ветер. Значит, надо было снова запастись терпением и ждать.

ПОХОД НА ГОРУ СИНАЙ

Однажды Нибур услышал, что на Синайском полуострове есть гора, изобилующая древними надписями, ее так и зовут — Джебель-эль-Мукаттаб, то есть «Гора надписей». Он давно уже уговаривал Хавена в ожидании отплытия судна па Джидду отправиться туда.

Дорога в горы имела дурную славу: разбойничьи шайки там нападали на путников чаще, чем где-либо. Хорошо знать язык здесь было недостаточно. Требовалось еще иметь проводника и хафиров — телохранителей. У всех капитанов и купцов были свои хафиры. Так что нашим путешественникам пришлось нанимать не только проводника и логонщиков с верблюдами, но и телохранителей, да еще скреплять договор со всеми ими у местного судьи — кади. Кади внимательно выслушал их просьбу и вдруг потребовал, чтобы Нибур предсказал ему будущее.

— Скажи мне, ученый, — заявил кади, — родится ли у меня сын и когда?

— Скоро у тебя родится три сына, — не моргнув глазом ответил Нибур.

Кади пришел в восторг и незамедлительно утвердил взаимные обязательства сторон. Недовольны были только Форскол, Бауренфейнд и Крамер.

— Какое-то безрассудство, — ворчал Крамер.

Но безрассудство вообще не было свойственно Карстену Нибуру, таков уж был его характер. Он и в этом случае руководствовался лишь голосом разума.

Когда 6 сентября 1762 года Нибур и Хавеп тронулись к Синаю, они с удивлением обнаружили, что их сопровождает целая толпа: помимо телохранителей, здесь оказались три шейха, друзья и рабы этих шейхов и еще много постороннего люда. Нибур даже подумал, что «шейх» — это почти то же самое, что «Негг» у немцев или «monsieur» у французов. И самое странное, что за передвижение всего этого сборища должен был платить Нибур, не без сожаления извлекавший талеры из вверенной ему королевской казны. Он видел, что их с Хавеном считают не то сумасшедшими, не то сказочными богачами, но от своей затеи не отступил.

Ветер мешал им продвигаться вперед, горячий песок бил в глаза, вокруг простиралась пустыня. Людей мучили жажда, палящее солнце, затерянность, неприютность. Ночи путники проводили под открытым небом.

Они шли тем путем, которым, по преданию, пророк Моисей вел древних евреев в землю обетованную, спасая их от преследования египетских фараонов. Пройдя равнину Джирдан, миновав скалу

Хаджар, они очутились в цветущей долине. «Быть может, это и есть библейский Елим, тот самый, где стояли семьдесят финиковых пальм и было двенадцать источников кристально чистой воды? — думал Нибур. — Быть может, именно здесь располагались станом дети Израилевы перед восхождением на вершины Синая».

А потом снова ни одного колодца, ни капли воды. Одни лишь камни заполняли высохшие русла. Вокруг, подпирая небо, высились отроги мрачного скалистого массива.

Древние народы всегда поселяли своих фантастических богов на горах. Разве в древнегреческой мифологии боги не жили на Олимпе? Гора Синай, видимо, вулканического происхождения, а богам ведь и полагалось обитать на огнедышащих горах: пзвержения пламени с пеплом как нельзя лучше выражают могущество высших существ. Вот и Моисей, как сказано в Библии, разговаривал с Яхве, когда «гора Синай вся дымилась оттого, что Господь сошел на нее в огне, и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась».

Застыли каменные громады фантастических очертаний. Горные породы отсвечивали всеми цветами радуги. «Горные вершины вместе со звездами указывают вам прямые пути», — повторял Нибур себе в назидание строки Корана. Но прямых путей не было, дорога петляла меж скал, кружила в долинах, поднималась в горы. Потихоньку Нибур пользовался компасом, делал записи.

К 10 сентября прошли 18 немецких миль¹ и расположились на длительный отдых в долине Гарандаль, примкнув к лагерю одного из местных шейхов. К этому времени Нибур уже внимательно присмотрелся к своим спутникам-арабам. Одеты они были в свободные рубахи, сверху — накидки, перехваченные широким поясом, на головах — тюрбаны или платки, на ногах — чулки и сандалии. Между европейцем и арабами завязалось общение. Большинство арабов были убеждены, что Нибур — просто сумасшедший, сумасшедшие же в мусульманском мире пользуются обычно трогательной любовью, покровительством, а после смерти даже приравняются к святым. И лишь некоторые вели с ним серьезный, откровенный разговор.

— Странные вы люди, франки², Аллах вам судья! — говорили они. — На щеках вы волосы уничтожаете, а повсюду в других местах оставляете, пищу едите железом, пишете от левой руки к правой, а женщины у вас, говорят, покрывал не носят и каждому позволяют глядеть себе в лицо.

Когда Нибур впервые встретил в долине арабскую женщину, он вежливо ей поклонился. К его удивлению, она, не ответив, убежала с быстротой газелл. Оказавшийся свидетелем этой сцены араб с укором заметил, что, согласно мусульманскому обычаю, с арабскими женщинами не смеет разговаривать ни один чужой мужчина. Вместе с тем как-то раз жены одного из шейхов сами

¹ Немецкая сухопутная миля равна 7,42 км.

² Так в арабских странах пазывали европейцев.

пригласили Нибура в свой шатер. Они подарили ему курицу и четыре яйца, затем позвали своих подруг и начали расспрашивать Нибура о европейской жизни. Женщины радостно оживились, когда услышали, что у христианина может быть только одна жена. Но мусульманки тоже оказались довольны своей жизнью: одна жена присматривала за огородом, другая — за садом, третья — за детьми. Не уставал никто.

Привал затягивался — вот уже пять дней все прохлаждались, резали коз, ели, между тем как Нибур и Хавен, расположившиеся в какой-то пещере, сгорали от нетерпения. Наконец, не выдержав, они вместе со своими телохранителями и еще несколькими арабами, вооруженные так, словно сами готовились совершить разбойничьи набеги, отправились на Джебель-эль-Мукаттаб.

Подъем был очень крут, поэтому пришлось спешиться, оставить верблюдов у подножия и полтора часа карабкаться вверх по каменистым глыбам. Зато, поднявшись, они были вознаграждены: вершина горы представляла собою кладбище, сплошь усеянное плитами и камнями 5—7 футов в длину, с непонятными иероглифами. Кое-где высились стены разрушенных зданий столь же непонятного назначения. Сразу же возникло множество вопросов. У египтян обелиски из гранита, эти — из песчаника. На египетских изображениях чаще других фигурируют быки, на этих плитах — козы. И какая связь между ними? Если это кладбище, то, по-видимому, неподалеку находился город. Но где же? От него не осталось даже руин.

«А не покоятся ли в этой земле останки детей Израилевых? Ведь мы идем по их легендарному маршруту, — думал Нибур. — Или это — кладбище совсем других времен и связано с древними финикийскими поселениями?»

Нибур и Хавен принялись зарисовывать иероглифы. Но сопровождавшие их арабы, только что вместе с ними радовавшиеся находке, подняли крик и запретили что-либо переписывать с этих камней. На это якобы требуется разрешение местного шейха. Послали одного из телохранителей вниз за шейхом. Тот явился и разрешил... только смотреть.

— Переносить эти знаки на вашу бумагу я не разрешу даже за сто талеров, — твердо заявил он.

— Но почему же? — удивились ученые.

— Мне известно, что эти знаки указывают места, где спрятаны бесценные сокровища, и, перенеся эти знаки на бумагу, вы сможете их найти и похитить у нас.

Услышав эти слова, арабы начали шуметь еще больше, так что Нибур и Хавен поспешили отказаться от своей затеи. К тому же они заметили, как один из телохранителей стал незаметно делать им какие-то знаки. При этом его черные глаза смотрели ясно и открыто. Нибур решил довериться ему. И не ошибся.

Когда они вернулись в лагерь, добрый малый предложил им наавтра вместе с ним снова подняться на гору и спокойно зарисовать все, что им требуется. Нибур понял, что среди арабов, это-

го пока непонятного для него народа, которого он страшился и который хотел ближе узнать, можно обрести друзей и помощников. И действительно, следующий день они, еще раз проделав труднейшее восхождение, снова провели на Джебель-эль-Мукаттаб и сделали все, что хотели. Спускаясь с горы, они обнаружили еще несколько плит с иными надписями. Они столь же старательно их скопировали, понимая, что это лишь частица того, что может обнаружиться здесь при более тщательном исследовании. Эти надписи, так называемые протосинайские, датированные серединой II тысячелетия до нашей эры, не дешифрованы до сих пор. Есть лишь предположение, что эта линейно-рисуночная, или квазиалфавитная, система письма является промежуточным звеном между египетскими иероглифами и финикийской письменностью. Забыто и имя Нибура как первооткрывателя этих надписей. Современные историки склонны приписывать их открытие англичанину Уильяму Флиндерсу Питри и относить его лишь к 1904—1905 гг.

На следующий день Нибур и Хавен со всей своей свитой, состав которой постоянно менялся, направились дальше и вскоре оказались еще в одной долине. Горы из красного и черного гранита окружали ее плотным мрачным кольцом. Когда шли дожди, потоки воды заполняли ее до краев, на время изгоняя из нее все живое. Но сейчас было сухо, мирно паслись козы.

— Уж не та ли это долина Фаран, — сказал Нибур Хавену, — откуда Моисей посылал двенадцать мужчин, по одному от каждого колена отцов, на поиски обетованной земли Ханаан?

Хавен был настолько измотан трудной дорогой, что все время мрачно молчал. Ему было не до того, чтобы выискивать приметы далеких библейских событий.

Большинство спутников Нибура предпочли остановиться здесь для отдыха — резать коз, есть, вести пескончаемые праздные беседы. Нибур был этому несказанно рад, ибо получил возможность вместе с Хавеном и с телохранителями устремиться к вершине Синая.

Путники поднялись на высокое песчаное плато, вокруг которого громоздились гранитные скалы, и вдруг увидели перед собой огромное сооружение, словно специально запрятанное меж гор и ущелий. Стены его, сложенные из гигантских каменных блоков, казались непреступными. Это был знаменитый греческий монастырь святой Екатерины.

В IV веке на том самом месте, где, согласно библейскому преданию, рос огненный терновый куст — «неопалимая купина», — из которого бог Яхве разговаривал с Моисеем, мать римского императора Константина I Великого Елена велела построить часовню. С той поры сюда начали стекаться христианские паломники со всего мира. В начале VI века византийский император Юстиниан основал здесь большой монастырь — убежище для всех молящихся. Позднее монастырь получил имя святой Екатерины, пожертвовавшей жизнью за свои религиозные убеждения в 307 году при императоре Максимиане, преследовавшем христиан.

Ее мощи египетские христиане перенесли на Синай, и монахи дали обет охранять их.

Монахи держат свой обет твердо. Нибур сам убедился в этом. Монастырь похож на крепость — стены его так высоки, что за ними не видно даже колокольни. Из бойниц торчат жерла пушек и ружейные дула.

С XV века в Европе начали высказывать предположения, что в восточных монастырях хранятся эпитафические и рукописные сокровища, которые могут способствовать развитию всех наук — от теологии до математики — и искусства. Монастырские кельи в глазах европейских ученых становились средоточием заветных писем, дающих ключ к неразгаданным тайнам древности. Как мы знаем, предположения эти впоследствии подтвердились. Но европейских ученых беспокоило, и тоже не без оснований, сохранятся ли там эти сокровища, не сгниют ли, не развеются ли по ветру, не уничтожат ли их пожары. Слухи о том, что монастырь святой Екатерины на Синае содержит богатое собрание древних рукописей и икон, среди которых немало так называемых мозаичных, написанных в редкой технике восковой живописи, уже давно волновали ученые умы в Европе. И Нибур, увидев монастырь прямо перед собою, совсем близко, решил во что бы то ни стало проникнуть туда. Увы, это оказалось невозможным. Монахи были неумолимы. Впрочем, и умолять-то было просто некого. Откуда-то сверху чей-то голос прокричал, что для входа в монастырь требуется письмо от сивайского епископа, а он обитает в Каире. Без такого письма с неизвестными пришельцами никто разговаривать не будет.

Да, это крепость. Внутри можно проникнуть лишь через кованые железные ворота, расположенные высоко над землей, так что и к ним надо подниматься на специальном подъемном устройстве. Момент, когда их открывают, — важное событие для всей округи. Монахи обычно не покидают монастыря, ибо боятся бедуинов, преследующих их своим вымогательством. Если же кто-либо из монахов все-таки отваживается выйти за пределы крепостных стен, его стараются изловить и задержать — вернуться обратно помогает лишь большой выкуп. Внутри монастыря — прекрасные сады с кипарисами, оливковыми, миндальными и апельсиновыми деревьями, но и туда, как сказали Нибуру, от келий ведут подземные ходы. А когда сюда приезжает сам епископ, ворота распахиваются настежь, и монахи, по сложившемуся здесь обычаю, угощают собравшихся арабов.

Приближение Нибура и его спутников к воротам монастыря также собрало толпу бедуинов. Нибур и Хавен, дабы не усложнять и без того запутанные отношения монахов с местным населением, вынуждены были не без огорчения удалиться от стен монастыря.

Вот уже несколько дней ученые брели и брели вперед. Какую обетованную землю они искали? Во время одного из переходов Хавен повредил ногу и теперь решил вернуться в долину. Это,

однако, не остановило Нибура, и он продолжал подниматься на гору Синай один, взяв с собой лишь своего нового друга — телохранителя и двух шейхов.

К юго-западу от монастыря подъем на гору когда-то, видимо, был невозможен. Теперь там были вырублены ступени. Пройдя через двое каменных ворот, путники оказались на широком плато, где стояли две молельни: христианская часовня и мусульманская кубба. Шейхи, зайдя в часовню вслед за Нибуром, поцеловали изображения Христа и девы Марии, явно желая сделать чужестранцу приятное. Затем заверили Нибура, что это и есть вершина Синая. Нибуру казалось, что его обманывают, что дорога ведет еще выше, но дальше все они идти отказались. Да и судьба Хавена беспокоила Нибура больше, чем легендарный путь Моисея.

Долго он смотрел на горные хребты, раздумывая о том, что могло происходить здесь тысячи лет назад. Где же он, тот отрог Синая, на котором, по библейскому преданию, Яхве передал Моисею «скрижали откровения, скрижали каменные», на которых высек десять заповедей? Во всяком случае, каменных плит для таких скрижалей встречалось здесь предостаточно. Эти географические условия можно сделать местом действия для любого предания. Но как выделить из легенд хоть крупицу исторической правды?

Когда начали спускаться в долину, случайная остановка как бы проиллюстрировала мысли Нибура. У подножия горы он заметил огромный камень. Подошел к нему и измерил его длину. Она оказалась равной 16 футам. Посредине камня змеялась трещина, совсем как у того обломка скалы, по которому, согласно сказанию, Моисей ударил своим жезлом и из расщелины которого забил такой мощный родник, что из него смогли наконец напиться тысячи измученных жаждой евреев. И Нибур вслух припомнил это «чудо». Тогда один из шейхов сказал, что это вовсе никакое не чудо: «У подножия синайских гор часто накапливается много воды, скрытой под песчаной пленкой, и, пробив пленку, добраться до воды вовсе не трудно». Постучав палкой по камню, Нибур и в самом деле обнаружил такой источник. Попил из него и нашел, что эта влага по вкусу может соперничать даже с вином. Значит, вот как рождаются чудеса преданий! А библейская «тьма египетская»? Может быть, это всего-навсего саранча, тучей накрывавшая их во время странствий по Синаю? Так быль превращалась в сказку, а потом эту сказку доверчивые люди начинали считать реальностью.

С ПАЛОМНИКАМИ К АРАВИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

27 сентября Нибур вместе с Хавеном, благополучно дождавшись его в долине, вернулся в Суэц. Это было очень вовремя. Остальные участники экспедиции с нетерпением ожидали их. В город уже прибыло достаточное количество караванов, и вскоре

купцы и паломники должны были все вместе отправляться морем в Джидду.

Суэц в дни перед отплытием был очень многолюден. Составилась целая флотилия из пяти судов: чем больше судов, тем безопаснее путь. Пираты в этих водах славились особой жестокостью. Еще совсем недавно ни один капитан не спускался с якоря, не имея на борту солдат. Нибур и его спутники заручились еще в Каире рекомендательным письмом к капитану, раису (он же владелец), самого большого судна, заняли верхнюю, совершенно обособленную каюту.

Обо всем заранее договорились и полностью заплатили за проезд. Возникшее недоразумение — моряки отказались принимать на борт столько багажа — было быстро ликвидировано при помощи могущественных талеров. Нибура точило сомнение: может быть, у них потребуют деньги при высадке еще раз, но он решил довериться местным правилам, ведь и пассажир может пообещать и не заплатить.

По пути от Суэца до Джидды суда следовали не чаще чем раз в год. Поэтому люди здесь были самые различные. Одни ехали в Аравию разбогатеть, другие — поклониться «святым местам». Трюм занимали десятки рабынь с детьми. В большой каюте расположился богатый турок, направлявшийся в Медину вместе со всем своим гаремом. Палуба была забита торговцами, которые, обложившись громадными ящиками и узлами, лампами и мангалами, варили кофе, готовили плов, болтали, спали, курили кальян. Когда наступал час молитвы, все начинали молиться на тех же местах, где находились. Вещи, не уместившиеся на палубе, были привязаны к бортам снаружи, так же как и шлюпки.

Моряки, среди которых было много греков, не отличались большим опытом: слишком редко им приходилось выходить в море. К тому же из-за скученности на палубе им нелегко было повернуться. Поэтому при каждой смене галса матросы наступали на вещи торговцев; те орала на них. Вообще, над палубой висел неумолчный крик, в котором трудно было отличить мирную беседу от жестокой брани. За большим судном тянулись еще четыре, и все они были переполнены торговцами, паломниками, рабынями, лошадьми и овцами.

К общению с арабами Нибур и его друзья уже начинали привыкать, по сей час у них было совсем другое положение. Ведь основная масса пассажиров состояла из правоверных мусульман, совершавших одно из основных предписаний ислама — хадж, то есть паломничество в Мекку. По своему виду и манере поведения паломники заметно отличались от других пассажиров: они были тише, сосредоточеннее и даже мрачнее, и их настроение невольно подчиняло себе всех окружающих.

Наши путешественники заняли свою каюту заранее, за несколько дней до отплытия флотилии, чтобы не попадаться паломникам на глаза.

— Эти правоверные в своем религиозном фанатизме смотрят

на нас, представителей другой веры, так же, как смотрели бы французские монахи на еретиков и неверующих,— убеждал Хавен друзей.

— Что же, вам и на палубу не выходить? — с иронией заметил Форскол.

— Да, лучше, наверно, не выходить, — сказал Нибур. — А если выходить, то снимать обувь — меня греки предупредили.

— До их священной земли еще плыть да плыть.

— При чем здесь священная земля? Для них палуба просто как пол в комнате. Но они религиозно настроены, неужели вы не понимаете? — настаивал Нибур.

— А при чем здесь религиозность? — вмешался в разговор Бауренфейнд. — Они заметили, что я их боюсь, и всю стали потешаться надо мной. А думали бы о священной земле, так не обратили бы на меня никакого внимания.

— Все равно, надо уважать обычаи людей, среди которых ты находишься, — решительно заявил Нибур.

— Ну что ж. — Форскол пожал плечами. — Опасение — половина спасения.

— Можете ничего не опасаться, сюда к нам никто не войдет, — спокойно ответил Нибур.

С якоря снялись ночью и на следующий день, пройдя Суэцкий залив, вышли в Красное море. Арабы называли его Бахр-аль-Кульсум — по имени уже упомянутого нами небольшого египетского порта. Нибур в своих записях, как и Клавдий Птолемей, именуется его Аравийским заливом.

В Красном море, где немало подводных рифов и скал, суда обычно плывут только днем. К тому же местные моряки любят держаться поближе к берегу, чтобы в случае беды было легче спастись. Нибур определял с помощью квадранта широту и записывал эти данные в свой дневник, наносил на карту береговые пункты и ориентиры, изгибы заливов, очертания берега, многочисленные острова.

Суда сначала плыли на юг, затем взяли курс на юго-восток. Нибур в течение всего дня мог наблюдать за берегом, ясно просматривавшимся в прозрачном воздухе. Но главное его внимание было приковано к солнцу, причем не только для ориентации, но и в связи с наступающим солнечным затмением.

Общительный Форскол, не желая соблюдать осторожность, вышел побродить по палубе, заглянул к капитану. Того звали Гурейб, он был капрским торговцем и в искусстве кораблевождения, как выяснилось, разбирался не очень хорошо, полагаясь в основном на лодмана. Форскол принес раису закопченные стекла и предложил посмотреть сквозь них на предстоящее вскоре солнечное затмение, а если капитан хочет, то и показать другим.

Затмение солнца для арабов было не внове, но людей, способных предсказать его, они справедливо считали учеными, ну, а раз ученые, значит, врачи. В мгновение ока Форскол приобрел среди всей этой гудящей, орущей, жующей и куращей толпы необычно-

венную популярность. Каждый стремился поведать ему о своей болезни и выслушать целительный рецепт. Форскол не растерялся. С присущим ему юмором он тут же взялся всех «лечить»: одному советовал спать больше, другому — меньше, третьему рекомендовал диету, четвертому — прогулки, пятому — сократить гарем и т. д. Какой-то назойливый паломник требовал, чтобы Форскол вылечил его от странной болезни: он, мол, ничего не видит ночью — темно. Тогда Форскол с серьезным видом посоветовал ему в таком случае... зажигать свет. Нибур вышел из каюты посмотреть на это представление и, не выдержав, расхохотался. Смех его прозвучал так заразительно, что вскоре веселилась вся палуба.

Судно стало на якорь у Махры. На борт подняли какого-то араба с берега, чтобы узнать, спокойно ли в этих краях. Но вместо этого выяснили подробности кораблекрушения, случившегося недалеко от порта Хасани. Три судна с паломниками, плывшие до Джидды, внезапно были застигнуты штормом. Одно судно разбилось о скалы, но паломники и команда спаслись, заранее сев в шлюпки. К вечеру, когда ветер немного стих, часть паломников вместе с матросами попытались перебраться на одно из уцелевших судов, но пошли ко дну, так и не достигнув его. Лишь капитану третьего судна удалось спасти оставшихся в живых.

Нибуру вспомнились строки Корана: «Аллах дает вам силы совершать путь по суше и по морю; когда вы бываете на кораблях, когда они плывут с ними при благоприятном ветре, тогда люди радуются этому; а когда застигнет их бурный ветер, когда со всех сторон настигнут их волны и представится им, что ими они поглощены будут, тогда они призывают бога, обещаясь искренне исполнять дела благочестия: „Если ты спасешь нас от него, то мы непременно будем благодарными“. И как скоро он спасет их, то вот они буйствуют на земле непомерно».

Но к их судну ветер отнесся благосклонно. Оно спокойно продвигалось вдоль береговой линии. Вода в море переливалась то белым и желтым цветом, то зеленым и коричневым — это виднелись подводные коралловые рощи и разноцветные водоросли, а среди них, как тени, шныряли стаи рыбок. Можно было различить и более крупных морских животных — раков и иглокожих. Для Форскола это был целый мир. Он всюю использовал представившуюся ему прекрасную возможность наблюдать обитателей моря; немало их он также выловил для своих будущих коллекций. Когда же наступала ночь, арабы увешивали палубу фонариками и забавлялись стрельбой в воздух.

Впрочем, на море, как и в жизни, никогда не известно, откуда придет беда. Еще в самом начале их плавания, на отрезке пути от мыса Мухаммад до Хасани, из трюма, где находились женщины, вдруг раздались отчаянные крики. Оказывается, там начался пожар. Пламя удалось потушить, а затем раис послал в трюм матроса с плеткой, чтобы тот утихомирил его обитательниц. После этого внизу на целые сутки установилась мертвая тишина.

Однажды Нибур застал на палубе необычное зрелище: все мусульмане вдруг в одно мгновение, словно по команде, разделись догола и стали обматывать себя какими-то платками. Некоторые накинули еще на плечи легкую накидку, но остались с непокрытой головой. Выяснилось, что на определенном расстоянии от Мекки, будь то на суше или на море, все правоверные, совершающие хадж, должны облачиться в специальное одеяние. Эта процедура называется «ихрам». Так же называют и само одеяние, состоящее из двух кусков белого полотна. Один кусок оборачивают вокруг пояса, другой перебрасывают через левое плечо и продевают под правую руку. Голову ничем покрывать нельзя.

— Это же очень опасно для здоровья, — сказал Крамер, подойдя к Нибуру.

— Почему? — удивился Нибур.

— А взгляните хорошенько. Арабы привыкли к палящему солнцу. А вот те, с белой кожей, это турки, они носят теплую одежду, зимой даже в мехах ходят. У них сейчас же кожа сгорит, да и голова такого солнца не выдержит.

— А почему они разделись здесь? Могли бы перед самой Меккой.

— Нельзя. Это место у них строго определено.

— Да, — вздохнул Нибур, — не рассчитал, видно, Мухаммед, что среди его последователей окажутся жители более холодных стран.

ДЖИДДА — МОРСКИЕ ВОРОТА АРАВИИ

В октябре 1762 года судно без особых происшествий прибыло в Джидду. С остальными судами их флотилии судьба обошлась не столь милостиво. Одно судно потеряло часть шлюпок, второе от перегрузки едва не перевернулось, и часть товаров при этом упала в воду и погибла, третье с трудом добралось до рейда лишь недели через две после них.

Подход к Джидде затруднен: вдоль самого берега тянутся коралловые рифы. Опасен даже вход в бухту — так узок здесь фарватер.

Пока судно разгружалось, участники экспедиции оставались в каюте. Они наблюдали, как поспешно высаживались на берег паломники, как суетливо разбирали свои товары торговцы, как взимали пошлину таможенники. Пошлина составляла 2—2,5 процента стоимости товаров, и многие хотели избежать этой, как им казалось, напрасной траты. Тот, кого уличали в мошенничестве, не подвергался никакому наказанию, его просто высмеивали за неумение ловчить и лишь в редких случаях заставляли платить двойную пошлину. Кто-то стал сопротивляться досмотру; тогда таможенник, обнаружив сумку, привязанную под одеждой к телу, ловким взмахом руки раскрыл ее, и все деньги полетели за борт.

У европейцев не было с собой никаких товаров для продажи, но Нибур вез большую сумму денег и не мог не бояться за нее —

мало ли что придет в голову этим странным людям, психологию которых он никак не мог постичь. После длительного обсуждения было решено спрятать деньги в ящиках среди лекарственных препаратов Христиана Крамера. Форскол уверял, что, хотя арабы очень не любят платить врачам, сами никогда врача не ограбят. Расчет оказался верен, и спустя два дня, когда страсти улеглись и судно опустело, ученые беспрепятственно сошли на аравийский берег.

Аравия — огромная неведомая страна. Арабы называют ее Джазират-аль-Араб, что означает «Остров арабов». Она и есть почти что остров. Красное море, Индийский океан, Персидский залив омывают ее с трех сторон, и лишь на севере полоса Сирийской пустыни соединяет Аравийский полуостров с материком. А быть может, разъединяет его с ним? Ведь необъятные палящие пустыни порою преодолеваются еще труднее, чем водное пространство.

Античные географы делили полуостров на три части: Аравию Каменистую, или Петрейскую, занимавшую северо-западные районы, древнее царство набатейцев; Пустынную Аравию, включавшую Сирийскую пустыню и часть пустыни Большой Нефуд; Аравию Счастливую — земли, уходившие к югу от города Акабы до Баб-эль-Мандебского пролива.

Европейские географы делили Аравийский полуостров также на три области: песчаную низменно-равнинную полосу побережья Красного моря — жаркую Тихаму; гористый Хиджаз, лежащий к востоку от Тихамы, и Неджд — плоскогорье между Хиджазом и побережьем Персидского залива. Склоны горных хребтов Хиджаза, обращенные к морю, прорезаны глубокими узкими долинами. Но они труднопроходимы — эти горы не смогли завоевать даже турки. И на побережье, и в горах, и на плоскогорье множество неизвестных селений и городов, составляющих независимые княжества.

В Хиджазе расположены священные города ислама Мекка и Медина.

В начале XVI века священные города вместе с некоторыми землями Аравии вошли в состав Османской империи. В конце XVII века на востоке и юго-востоке Аравии на смену турецкому господству пришла власть Ирана, но к середине XVIII века иноземные захватчики убралась из большей части полуострова.

К XVIII веку относится и распространение в Неджде воипсвенной религиозной организации ваххабитов, названной так по имени ее основателя Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, богослова из племени тамим. Ваххабиты ратовали за восстановление первоначальной чистоты ислама, за изгнание из Аравии турок, за объединение разрозненных княжеств от Хиджаза до Персидского залива. Предводитель одного из недждийских племен Мухаммед ибн Сауд в середине XVIII века возглавил ваххабитское движение, набиравшее с годами все большую силу. На полуострове пла бесперывно и «священная война», джихад, направленная про-

тив иноверцев, поэтому пребывание там европейцев было не лишено опасностей.

На юге Аравии, в Йемене, в 1633 году было создано независимое государство — имагат. Его верховным правителям, имамам, принадлежала светская и религиозная власть. Столицей имамата была Сана. Туда, к Йемену, и надлежало следовать экспедиции.

По-арабски слово «Йемен» означает «правая сторона». Направо от Мекки? Но от того же корня происходит слово со значением «счастье». Может быть, оно и дало имя всей плодородной части Аравии?

В южные районы Йемена никогда не проникали ни турки, ни персы, здесь всегда жили независимые племена и властвовали шейхи — мелкие феодалы, беспрестанно вступавшие друг с другом в междоусобные войны. Территория Йемена, впрочем как и других районов Аравийского полуострова, для Европы была загадкой: границы не установлены, горные племена никого не подпускают близко к своим владениям.

Такова была обстановка в Аравии, когда наши путешественники сошли на берег.

Джидда, как отметил в своем дневнике Нибур, — гавань Мекки, расположенной всего в 45 милях отсюда, проходной двор для паломников, и существует она в основном за счет религии. Даже торговля рассчитана здесь больше всего на паломников. В Джидде нет никакой растительности, ибо нет пресной воды — ее приносят сюда из колодцев, расположенных в 2 милях от города. Каменная стена с башнями отгораживает город от пустыни. На углах — форты, а в стене — четверо ворот; через четвертые, восточные, обращенные к Мекке, могут проходить лишь правоверные. Нашим путешественникам запретили даже приближаться к восточным воротам: иноверцам там грозит верная смерть. Европейцев в Джидде не хоронят, их отвозят на один из дальних островов Красного моря, где существует специальное кладбище.

Нибур и его спутники не могли задерживаться в Джидде. Хотя письмо датского посла в Константинополе Гейлера и обеспечило им радушный прием, хотя им очень хотелось подробнее осмотреть город и его окрестности, они понимали опасность своего пребывания здесь, да и строг был приказ короля Дании: не теряя времени, добираться до Йемена. И если им все же пришлось ненадолго задержаться в Джидде, то лишь по вине изменчивого ветра, мешавшего судам, плывшим с юга, войти в бухту. В конце концов после долгих переговоров их согласился взять с собой до Мохи капитан парусного судна, прибывшего из Омана. Судно это — вернее, просто большая лодка — было похоже на бочку: семь сажней в длину, две с половиной в ширину, без палубы, построенное без единого железного гвоздя.

Арабские мореходы всегда относились к железу весьма недоверчиво. Они были убеждены, во-первых, что океанская вода разъедает гвозди, а во-вторых, что на дне Красного моря находятся магнитные горы, которые их притягивают, и суда от этого,

естественно, разваливаются на части. Марко Поло также писал о нецелесообразности использования железных гвоздей, ибо здесь «дерево слишком твердое и раскалывается с такой же легкостью, как глина. Если пытаться вбить гвоздь, то дерево выталкивает его, причем гвоздь нередко ломается».

...Европейцы испуганно взирали на команду своего судна: капитан почти голый, лишь с лоскутом ткани на бедрах, на лоскуте пояс, а за ним огромный кривой нож, и девять матросов — чернокожие, курчавые, толстогубые и плосконосые, едва прикрытые такими же кусками ткани, все в маленьких шапочках. Но путешественникам пришлось довериться этим людям, так как кто-то из их прежних попутчиков, хорошо знакомый с плаванием по Красному морю, рассказывал, что оманские моряки обладают большим опытом судовождения, что суда их, называемые самбуками, имеют настоящие паруса и достаточно надежны, недаром судостроение — одно из древнейших ремесел на побережье Аравийского моря, тогда как йеменцы — неважные моряки и у них на судах вместо парусов натянуты соломенные циновки. К тому же они узнали, что в Мохе, городе, входившем в их дальнейший маршрут, в скором времени ожидаются из Ост-Индии английские суда. Не зная, что их ждет впереди, ученые решили поскорее добираться до Мохи: в случае необходимости англичане смогут оказать им хоть какую-нибудь помощь.

13 декабря 1762 года Нибур и его спутники перегрузили свои тюки на борт оманского суденышка. К их изумлению, крошечная морская посудина была уже доверху набита мешками и ящиками с товарами. Было так тесно, что пассажиры были вынуждены в течение всего пути оставаться на тех местах, где они оказались при посадке, здесь же варить себе еду и даже печь хлеб. Передвигаться по палубе было практически невозможно. Чернокожие матросы весело объяснили, что, если бы товаров и людей было чуть меньше, их «корабль» не удержался бы на волнах, его бы просто сдуло ветром.

ГОСТЕПРИИМНАЯ ЛОХЕЙЯ¹

Морские путешествия с бесконечным ожиданием попутного ветра, со страхом перед рифами и пиратскими нападениями, с ненадежностью команд, скученностью на палубе и невозможностью проводить в пути научные исследования и наблюдения утомили и обозлили европейских ученых. Нибур категорически отказывался впредь отдавать себя на волю ветра и воды.

Но что ожидало их на суше? Грабежи и убийства, столь распространенные в караванах? Недаром подобные бедствия сравнивают с кораблекрушениями: в обоих случаях люди теряют и состояние и жизнь. Помимо этого, угрожающих размеров достигли бесперывные войны между местными шейхами. А все вместе эти

¹ Ныле — Эль-Лухайя.

маленькие царьки не любили приезда чужестранцев в свои владения. Нибуру казалось невероятным, что здесь вообще можно остаться в живых. Вот почему необходимо было везде, куда бы их ни забросила судьба, иметь умных и знающих советчиков. Для этого они предусмотрели своеобразную цепочку рекомендаций. У них были рекомендательные письма — видному торговцу Лохейи от купцов из Джидды, которым они привезли такие же письма от каирских купцов, а губернатор Джидды, или, как его там называли, «кишья», дал им рекомендательное письмо губернаторам Лохейи и Ходейды — на тот случай, если судно потерпит крушение или им просто потребуются совет и помощь.

Поэтому, прибыв в Лохейю, Нибур и Форскол оставили своих спутников на судне, возле груза, а сами направились прямо к губернатору (доле) Лохейи эмиру Фархану.

Эта первая встреча с местными властями чрезвычайно их обрадовала и обнадежила, причем обе стороны испытали некоторое удивление. Перед европейцами предстал чернокожий вельможа с изысканными манерами, радушный и доброжелательный. В детстве его привезли в Йемен из Африки и продали в рабство. К счастью, его хозяином стал умный и образованный человек, один из советников имама. Он дал Фархану хорошее образование и впоследствии помог занять достойное место. В свою очередь, эмир, увидев людей в широких турецких одеяниях, не мог и подумать, что перед ним европейцы. Особенно его смутили бороды Нибура и Форскола, отпущенные ими за время морского путешествия.

Форскол протянул эмиру рекомендательное письмо.

— Вы нассара¹ или франки, да благословит вас Аллах? — спросил тот, прочтав письмо.

Нибур и Форскол знали, что мусульмане терпимо относятся к христианам. Что же касается отношения к европейцам, то это им было пока неизвестно. Поэтому они ответили уклончиво:

— Да, мы христиане, но родились в Европе.

— Я никогда не видел, чтобы европейцы не гнушались надеть наш мусульманский наряд, — сказал дола. — И я никогда не слышал, чтобы люди, живущие в Европе, плыли в Йемен через Красное море.

Нибур робко подтвердил: нарядом, мол, не гнушаемся, он очень удобен, морем плыли, но не отнесли это к самым приятным впечатлениям своей жизни.

Фархан рассматривал их со все большим интересом.

— До сих пор сюда приезжали только люди, которые продают или покупают, — сказал он, улыбаясь. — А в вашей клади нет никаких товаров. В письме написано, что вы следуете в Моху и что один из вас врач, другой собирает растения, а третий наблюдает за звездами. Я почти за честь ваше пребывание в Лохейе. В одном из моих домов вы найдете уют, а когда вы захотите продолжить

¹ Н а с с а р а — восточные христиане.

свой путь до Мохи, мои верблюды отвезут вас и вашу поклажу, да будет благословен ваш день!

Нибур и Форскол переглянулись. Что-то давно знакомое по арабским сказаниям вспомнилось им, и они почувствовали, как у них исчезает чувство недоверия.

— Вам ничего не грозит, чужестранцы, ни в Лохейе, ни в других землях, принадлежащих имаму Саны,— продолжал эмир Фархан, словно угадывая их мысли.

— На этих землях идет война. Мы слышали, что Лохейе угрожают войска шейха Мекрани из Наджрана. Может быть, продолжать путь до Мохи безопаснее морем? Вы знаете обстановку, и мы пришли посоветоваться с вами,— признался наконец Нибур чистосердечно.

— Я повторяю, чужестранцы, на суше вам ничего не грозит. А на море в это время года дует неблагоприятный ветер. Я советую вам скорее покинуть корабль.

Обменявшись с долой еще несколькими любезностями, Нибур и Форскол направились к купцу по имени Мохсен аль-Макавиш. К нему у них тоже было рекомендательное письмо. К сожалению, он оказался болен, так что письмо пришлось передать его писцу. После этого, побродив по городу, они в самом радостном настроении вернулись на судно. Здесь их ожидал неприятный сюрприз. Если проезд до Джидды они оплатили заранее, то капитану самбуки они обещали заплатить на месте прибытия. А поскольку по договоренности с ним они собирались следовать до Мохи, капитан, естественно, был озабочен тем, что они высадутся в Лохейе, не заплатив. Как потом выяснилось, он даже попросил эмира заставить их плыть дальше или отдать деньги за весь путь. Тот, уговорив Форскола и Нибура остаться в Лохейе, пообещал заплатить сам, но не успел, ибо, прочитав адресованное ему рекомендательное письмо, это тотчас же сделал Мохсен аль-Макавиш. Столь удивительное внимание незнакомых людей тронуло Нибура. «Интересно, как бы у нас в Европе отнеслись к странствующим арабам?» — с иронией подумал он. Но любезность эмира Фархана простерлась еще дальше. Узнав, что судно из-за отлива не может войти в гавань, он прислал стражу охранять груз чужестранцев, с тем чтобы они без всякой тревоги могли пребывать на берегу.

Далее сюрпризы следовали один за другим. Не успели они расположиться в предоставленном им доме, как получили от долы в подарок овцу вместе с любезным посланием, в котором тот еще раз просил их чувствовать себя его гостями и ничего не опасаться. А Мохсен аль-Макавиш в первый же вечер прислал им обильный ужин, что было как нельзя более кстати, ибо с момента отъезда из Джидды они не ели ничего горячего. К тому же им еще удалось раздобыть большой кувшин вина. Однако после выпитого европейцы вдруг себя плохо почувствовали. Выяснилось, что вино перевозится в эти края из Саны в медных сосудах, а это представляет немалую опасность для здоровья. Поэтому решили в будущем от употребления вина отказаться.

На следующий день, когда судно вошло в гавань, груз был доставлен в таможенню. Ученые боялись, что у них все перероют, разобьют и испортят. Однако на процедуре досмотра пожелали присутствовать сам эмир и несколько человек из местной знати. Содержимое ящиков вызвало у них необычайный интерес. Они рассматривали приборы и инструменты, эмир расспрашивал о назначении каждого из них. Из чувства благодарности Форскол решил позабавить долу и его приближенных. По их вопросам он понял, что они никогда в жизни не видели микроскопа. Тогда он попросил таможенника принести ему живую вошь. Присутствующие были явно шокированы тем, что ученый европеец рассчитывает обнаружить у них подобное насекомое. Но Форскол вошел в азарт и пообещал заплатить за вошь 4 стювера — мелкие монеты, которые чеканились в Амстердаме из меди специально для таких стран, как Аравия. Таможенник ненадолго отлучился и принес вошь. С видом фокусника Форскол положил вошь на предметное стекло и предложил присутствующим посмотреть на нее в микроскоп. Арабы пришли в восторг... Попросил разрешения взглянуть и таможенник. Он долго не мог оторваться от окуляра, а когда, наконец, поднял голову, негодующе заявил:

— Это, наверно, франки привезли. У нас в Аравии таких огромных вшей я никогда не видел. Это же не насекомое, это настоящая корова!

Тогда и Нибур решил удивить их. Он вынул астрономическую подзорную трубу, через которую все предметы видятся вверх ногами, навел ее на женщину, шедшую вдаль, и тоже предложил взглянуть. Все кинулись смотреть и больше всего были потрясены тем, что у нее... юбка не падает. «Аллах акбар! Аллах акбар!» — раздавались возгласы восторга и удивления. Все были чрезвычайно довольны: арабы — неожиданным развлечением, а европейцы — тем, что встретили здесь такую непосредственность и искреннее расположение.

Однако эта научная демонстрация вскоре возымела весьма неожиданный результат. Таможенник обегал всех знакомых и рассказал, что чужеземцы заплатили ему 4 стювера за одну вошь. И на другой день Форсколу нанесли вшей со всех концов Лохейи. При этом многие согласны были отдавать их и подешевле — всего за 1—2 стювера. Тогда находчивый Форскол переключил внимание арабских мальчишек на жуков и бабочек и таким образом за небольшую плату в короткое время значительно пополнил свою коллекцию.

Популярность европейцев все возрастала. Дом, в котором они расположились, как и все арабские дома того времени, представлял собой прямоугольник, состоявший из открытых в сторону внутреннего двора галерей. Окон в доме не было, а свет и воздух проникали из двора. Отпыне этот двор был забит посетителями с утра до ночи. Все хотели взглянуть на чужеземцев и на их диковинные инструменты. При этом люди вели себя, как правило, вежливо и скромно.

Участники экспедиции тоже извлекали из этих визитов немалую пользу — совершенствовались в разговорной речи, приобретали смелость и простоту в общении с местными жителями, получали некоторые ценные сведения, наблюдали нравы и характеры. Нибур записал в дневнике, что арабы — это гибкие, сильные, худощавые люди среднего роста. У них правильные черты лица, гордый, высокий лоб, выразительные глаза. В разговоре они наивны, любопытны, просты, в поведении терпеливы, серьезные, непритязательны.

Однако от непрерывного общения Нибур и его спутники вскоре так устали, что даже наняли привратника, которому было приказано не пропускать к ним людей без особой надобности. Тогда настоящее паломничество началось к Крамеру. Жалобы на плохое здоровье перемежались самыми неожиданными просьбами. Один просил, чтобы доктор определил, страдает ли он бессонницей и отчего, другой — чтобы доктор пощупал у него пульс и по пульсу понял, что у него болит и как он себя чувствует. Крамер успешно справлялся со своим делом, чем немало забавлял спутников. Особенно громкую славу он заслужил после того, как дал одному из посетителей рвотный порошок.

Какой-то знатный житель Лохеи заручился согласием Крамера осмотреть больного и прислал к дому оседланного арабского скакуна. Когда же Крамер захотел на него взобраться, оказалось, что это и есть тот больной, которого он согласился лечить. Дело в том, что арабы, тесно соприкасающиеся с природой, не делают большого различия между человеком и животным, тем более таким благородным, как лошадь, — арабские медики лечат как тех, так и других. К счастью, когда-то, в бытность свою военным врачом в гусарском полку, Крамер приобрел кое-какой опыт в ветеринарном деле, и теперь, призвав на помощь память, сумел коня вылечить. Отныне все убедились в том, что он настоящий таиб, врач, и знатные господа могли ему полностью довериться.

Как-то раз был и вовсе странный визит. Двое молодых йеменцев явились посмотреть, как едят европейцы. Один из них, человек относительно воспитанный, был из Саны, другой, простодушный, невежественный парень, приехал из селения Хахтав. Узнав о цели их прихода, Хавен любезно пригласил их к обеденному столу. При виде тарелок, ложек, ножей и вилок парень издал нечленораздельный вопль и попятился.

— Упаси меня Аллах сесть за стол с лишенными веры, не знающими бога! — воскликнул он. — Они же хватают еду железными когтями! И начинают есть, не помолившись!

Отказавшись от угощения, йеменцы сели на пол недалеко от стола и с любопытством наблюдали, как действуют европейцы ножами и вилками. Затем вступили в беседу. Форскол задавал вопросы, парень отвечал, а Хавен запоминал его лексику. Но едва лишь Нибур записал название селения, в котором гость родился, и стал расспрашивать его об окрестных деревнях, как тот слова ошестивился.

— А почему это тебя интересует, неверный? — спросил он, насупившись. — Может быть, ты хочешь явиться туда и поработить нас? Уксиму биллях¹, я больше рта не открою.

В этот момент внесли курицу, зажаренную целиком. Хавен взялся за нож, чтобы разрезать ее на куски, и тогда парень, вскочив с пола, схватил Хавена за руку и с ужасом вскричал:

— Табарака Аллах!² Да сколько же ты будешь есть в конце концов? Неужели и курица влезет в тебя?

Когда обед закончился, парень встал и, не сказав никому ни слова, выбежал из дома. Его спутник вежливо попрощался, извинившись за своего неотесанного друга.

— Пора уезжать, пока не поздно, — сказал развеселившийся Хавен. — Представляю себе, чего только не наплетет про нас этот бедняга!

— А разве мы в Европе не плетем всяких пебылиц об арабах? — с горечью спросил Нибур. — Что мы знаем о них? Как они едят, что пьют, во что одеваются?

— Но мы для того сюда и приехали, чтобы узнать, — вмешался в разговор Бауренфейнд. — Когда-нибудь я сделаю гравюры по своим наброскам, и Европа проникнет в пески Аравии, к ее людям, в их жилища.

Бауренфейнд был не только талантливым рисовальщиком, но и прекрасным гравером. Кроме того, он, как и Нибур, увлекался музыкой, и оба они в своем багаже возили скрипки.

— Мне совсем не хочется уезжать из Лохейи, — сказал Форскол, доедая курицу. — Неизвестно, что ждет впереди. А здесь нас так хорошо встретили...

Однажды Нибур и Бауренфейнд вынули из ящика свои скрипки, и дом наполнился музыкой. Остальные участники экспедиции с удовольствием слушали, уносясь мыслями в то милое время, когда у каждого был свой дом, своя семья, любимые занятия и честолюбивые мечты. Но разве сейчас мечты их не осуществились? Разве они не заняты любимым делом, разве они не довольны своей судьбой? И все-таки... Все-таки у каждого зрело мрачное предчувствие: слишком долг и опасен был предстоящий путь...

Звуки музыки, раздававшиеся из дома чужестранцев, еще больше взбудоражили жителей Лохейи. Оказывается, они не просто фокусники и врачи, но еще и музыканты! Последовал ряд приглашений прийти поиграть в домах местной знати. Нибур и Бауренфейнд категорически отказались. Не то чтобы они не хотели кому-то доставить удовольствие, но они знали: арабы при всей своей природной музыкальности и любви к музыке относятся к музыкантам как к прислуге.

Как-то раз к ним пожаловал богатый араб. Он приехал на осле, и, когда спешивался, двое слуг поддерживали его с обеих сторон. Он был очень стар и немощен, но желание познакомиться с европейцами было слишком сильно.

¹ Кляпсуь Аллахом.

² Благословен Аллах!

Завязалась беседа. Старец заверил ученых, что у людей один прародитель — господь бог и он благожелательно относится ко всем религиям. Почему же люди должны быть врагами, почему они устраивают религиозные распри? Впрочем, хотя он, старец, — правоверный мусульманин, он всегда высоко чтит христианство. Поговорили о войнах, которые ведут неразумные шейхи, о торговле. Затем старик незаметно перевел разговор на музыку. Это и оказалось целью его прихода. Он напомнил, что сам пророк не гнушался наслаждаться музыкой, и высказал желание послушать звучание европейских музыкальных инструментов. Такому визитеру Нибур и Бауренфейнд отказать не смогли и исполнили несколько серьезных пьес. Нибур, гордившийся художественным богатством своего народа, стремился передать красоту самых дорогих для него музыкальных произведений. Они играли, и им казалось, что музыка способна проложить свои пути к душам людей иной земли, иной веры.

Гость слушал, вежливо покачивая седой головой, а когда они закончили, признался:

— Да, у вас в Европе музыкой зовутся другие звуки. Да простит вас Аллах! Мой слух ее никак не приемлет. Нет в ней ни чувства, ни складности. Но деньги свои вы заслужили честно.

И он протянул им по талеру. Те, естественно, отказались. Старик был потрясен. Зачем же тогда было учиться музыке, если не получать за это деньги? Отказываться от денег, заработанных честным трудом? Нет, положительно, эти чужеземцы — странные люди!

Затянувшееся пребывание в Лохейе начинало тяготить участников экспедиции. Они чувствовали, что период привыкания к новой стране и ее людям закончен и следует отправляться дальше. Они уже не так страшились будущего, ибо поверили эмиру Фархану, что на суше им ничего не грозит. Правда, Фархан бдительно следил за их благополучием. Когда Форскол один, без проводников, отправился в окрестности Лохейи, эмир послал вдогонку за ним своего телохранителя. Форскол, узнав об этом, немало веселился. Нибура же подобная опека огорчала: ему хотелось делать свое дело спокойно, самостоятельно, без лишних свидетелей и слежки, которая могла привести к доносам и прочим ненужным осложнениям. Поэтому он был рад, когда они, не дожидаясь каравана, тронулись в путь. Перед отъездом европейцы нанесли прощальный визит эмиру Фархану и сделали ему подарок — швейцарские часы.

ПОД АРАВИЙСКИМ СОЛНЦЕМ

20 февраля 1763 года участники экспедиции покинули гостеприимную Лохейю. Они ехали на ослах, следуя за верблюдами с багажом, которые в сопровождении Берггрена и проводников были посланы вперед. Ослы и мулы в Йемене — самый распространенный транспорт. К ним относятся здесь с почтением, и ши-

когда никому не придет в голову употребить слово «осел» как бранное.

Нибур решил, что осел — самое удобное на свете транспортное средство. Он быстро определил, с какой скоростью осел передвигается, и подсчитал, что если идти рядом с ним, то за полчаса можно сделать 1750 двойных шагов. Оставалось только пересчитывать шаги на мили и отмечать пройденное расстояние на карте. Правда, при этом точность измерений была весьма приблизительной. Но разве с доисторических времен надежнейшим средством для измерения не служил сам человек? Локоть, дюйм, фут, пядь, шаг — ведь это же части тела человека — его рука, палец, стопа, элементы вечные и незыблемые, несмотря на небольшие различия. Измерять пространство шагами — отныне это стало основным занятием Карстена Нибура, задавшегося целью составить карту Йемена.

Направление он определял посредством карманного компаса, с которым не расставался. К сожалению, компас был слишком мал, и поэтому точный угол рассчитать было трудно, но он всегда мог повторить какой-то отрезок пути и проверить свой расчет. Определив координаты того или иного пункта, он записывал полученные цифры. Впоследствии он соберет воедино все свои сведения и расчеты, заполнит белые пятна на картах названиями городов и селений, встречавшихся на его пути, добавит к ним названия населенных пунктов, о которых знал по другим, более или менее надежным источникам, и приложит эти карты к своим будущим книгам. Нибур понимал, что его карты не будут так точны, как карты европейских стран, но иного пути он не видел. Иногда он думал: «А не покажется ли моим будущим читателям скучным, утомительным, ненужным это перечисление множества неизвестных маленьких селений?» И тут же опровергал себя: «Мы так мало знаем Аравию; может быть, мои заметки кому-нибудь помогут лучше изучить ее». И он продолжал терпеливо наносить на свою карту названия и координаты не только городов, селений, оазисов, но и крошечных безымянных кофеен, которые попадались на пути. В этих кофейнях, по-арабски «макха», отдыхали бедуины, и хозяин обычно пахотился в них только днем, а на ночь возвращался к себе домой, в оазис.

Когда наши путешественники впервые попали в такую кофейню близ селения Окем, их поразила скучность обстановки. Голые степы, нет даже скамейки. Где же здесь отдыхать? И чем можно подкрепиться? Путники присели на землю у стены, и им подали в грубых глиняных чашечках «кышр» — напиток, приготовленный из кофейной шелухи. Рядом с собой они увидели зпатного араба, который не пожелал пить из этих чашек и привычным жестом достал китайский фарфор. К напитку не полагалось ничего. Не получили они здесь и питьевой воды. А дорога предстояла трудная. Нибуру невольно вспомнилась атмосфера студенческих застолий: геттингенский погребок, заставленный выпными бочками, потемневшие портреты в золоченых рамах, большой камин,

освещающий своим беспокойным пламенем молодые лица, клубы табачного дыма, шумные споры, пескончаемые разговоры о заветном и сокровенном. Нибур тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и предложил своим спутникам продолжать путь. Они взгромоздились на ослов и отправились дальше по пустынной местности, вдоль извилистых берегов Красного моря.

Говорят, на земле нет места жарче, чем Тихама. Да и само название это происходит от арабского «тахам», что означает «сильная жара, зной». Температура воздуха здесь достигает 50 градусов выше нуля, а вода у берега нагревается до 30 градусов. Камни трескаются и крошатся от зноя, а солнце во время песчаных бурь становится похожим на огромный багровый шар. Волны Красного моря в его тяжелых лучах приобретают цвет крови. Уж не потому ли и назвали это море Красным?

Нибур зорко вглядывался в окружающий пейзаж. Сначала очень деловито, обращая внимание на самое важное, затем, когда времени оказывалось больше, чем материала для научных данных, впадал в лирическое раздумье. Вот они, пески Аравии... Впрочем, не только пески. Камни, щебень, высохшая земля. Почвенного покрова совсем нет. Редко пробиваются кустарники, лишайники или сухие травы — те, что с глубокими корнями. Бесприютно... И надо всем этим пронзительная голубизна неба, после захода солнца быстро сменяющаяся темнотой с мгновенно загорающимися звездами, и торжественное, глубокое молчание.

Как различны условия жизни на земле! Недавно, во время морского плаванья, Нибуру казалось, что весь мир состоит из воды, а вот теперь выжженная земля, песок да камни кругом, ни капли воды. Дожди здесь бывают очень редко, раз в несколько лет, и местные жители терпеливо ждут, пока наполнятся водой каменные русла рек — вади. «Наш народ живет милостью неба, тогда как другие — милостью золота», — сказал как-то погонщик.

Ничто не нарушало душевного равновесия Нибура. Палящее солнце и холодные ночи, песчаная пыль и тенистая свежесть оазисов, морская стихия и нагромождения камней — все эти причуды природы он воспринимал как нечто неизбежное, неотвратимое и потому естественное и прекрасное. Словно не замечая гнетущей жары, не чувствуя жажды, Нибур спокойно продолжал записывать: «Окем — по прямой линии на юго-восток от Лохейи, две мили... Джали — еще четыре мили на юго-восток... Хамьян — миля с четвертью... Сабва — четверть мили... Менеифа — четверть мили...» Селения эти крошечные. Стены хижин большей частью сплетены из стеблей травы, а вместо дверей висят циновки из пальмовых листьев. Не всегда есть поблизости и колодец с пригодной для питья водой.

Нибур знал, что в Европе неизвестна даже примерная численность населения здешних мест, значит, неплохо было бы заняться и этими подсчетами. Но как? Переписи населения здесь никогда не было. Когда же он решил собирать сведения путем опроса, он сразу понял, что это невозможно. На вопрос о том, сколько че-

люди живут в селении, пусть даже крошечном, жители всегда отвечали: «Столько человек, сколько в целом мире!» Нибур обычно переспрашивал: «Ну, а точнее, как вы думаете?» И снова получал горделивый ответ: «Миллион!» Значит, и на этот вопрос ему придется отвечать самому. И Нибур терпеливо принялся пересчитывать дома и прохожих, соображая при этом, сколько еще народу сидит дома. Эти расчеты составили новую графу в путевых дневниках ученого.

Зато о многом другом можно было узнать от людей, встречающихся на пути. И Нибур спрашивал: кади — о мусульманском законодательстве, погонщиков — о повадках верблюдов, бедуинов — о кровной мести, дервишей — об обрядах, раввинов — о древнееврейских религиозных терминах, проводников — о ветрах в пустыне, об обычаях, о болезнях. Одни и те же вопросы он задавал разным людям, потом сопоставлял ответы и таким образом докапывался до истины.

На пути — благословенный оазис Мансале, где в большой кофейне можно наконец посидеть на лавке, выпить кышр и даже поесть теплого хлеба, выпеченного из просяной муки. Хлеб этот, как и само просо, называется «дурра», что сразу же отметил Хавен, в течение всего пути составлявший специальный словник. В кофейне оказалось немало посетителей. Хозяин специально вышел к ним:

— Ас-салям алейкум! Во имя Аллаха милостивого, милосердного, как обслуживают моих дорогих гостей? Если вы располагаете временем, я сейчас же прикажу зарезать барана, а пока вам подадут пшеничный хлеб и коровье молоко.

К верблюжьему молоку, которое считается очень полезным и по-настоящему освежает, Нибур и его спутники привыкли с трудом. Да оно даже и не было похоже на молоко — стоило обмакнуть в него палец, и молоко сползло с него толстыми волокнами. Поэтому коровьему молоку очень обрадовались. Пшеничный хлеб, как оказалось, испекли специально для дорогих гостей. И самое примечательное, что хозяин отказался взять с них плату, считая свое гостеприимство законом пустыни. «Люди есть люди во всех странах, — думал Нибур. — Арабы или европейцы — какая разница? Среди тех и других встречаются добрые и алчные, сердечные и жестокие, радушные и подлые».

Рано утром 25 февраля путешественники прибыли в йеменский город Бейт-эль-Факих, резиденцию еще одного дола. По очередному рекомендательному письму им был предоставлен дом. Правда, жить в нем оказалось невозможно, да и сам хозяин его давно покинул, потому что дом, как и весь город, был наводнен насекомыми, которых называют «арды». Они точат стены, пожирают одежду, фрукты, кустарник, траву, прокладывают подземные ходы и уничтожают деревья, объедая корни. Нибур и Форскол попробовали забросать ходы и замазать дыры, но, как только наступила темнота, дом снова наполнялся этими проворными обитателями. Бороться с ними оказалось бесполезно.

Путешественники отправились познакомиться с городом. Бейт-эль-Факих — важный торговый центр, так как он расположен на перекрестке дорог: по вычислениям Нибура, в четырех с половиной днях езды от Лохейи, в полутора днях — от Ходейды, в четырех — от Мохи и в шести — от Саны. Сюда приезжают купцы из Хиджаза, Египта, Сирии, Турции, Марокко, Ирана, Индии и даже из Европы. Поэтому местный базар оказался самым живописным из всех, какие они только видели до сих пор в Аравии.

Оживленная торговля с Индией привела к тому, что в городе полно индийцев, которые здесь живут совершенно беспрепятственно, им разрешено даже открыто молиться. Единственное, на что они не имеют права, — это сжигать здесь своих покойников и привозить сюда жен.

Бейт-эль-Факиху, так же как и Лохейе, не больше ста лет. Своим происхождением город обязан ученому шейху Ахмеду ибн Муса, в честь которого и назван: «Бейт-эль-Факих» по-арабски означает «Обитель ученого». Память шейха, как убедился Нибур, свято чтут: его гробница находится в мечети, возвышающейся над городом.

Набравшись смелости, путешественники вошли в мечеть. Они удивились, увидев у могилы святого среди многочисленных пожертвованных цепи и груды камней. Как это часто бывает в незнакомых местах, тут же нашелся человек, который с готовностью поведал о достопримечательностях города и мечети.

— Жил здесь когда-то турецкий паша, — рассказывал седовласый араб, — и попал он в плен в Испанию. Двадцать лет сидел паша в темнице, закованный в цепи, тщетно взывая к Аллаху. И вдруг вспомнил об Ахмеду ибн Муса, ведь слава о нем прошла по многим землям. Горячо помолился паша, и свершилось чудо. Святой протянул ему руку из могилы, и паша в один миг перенесся из Испании в Бейт-эль-Факих вместе со своими цепями и обломками тюремных стен. Это очень многие видели, — завершил он свой рассказ.

— И где он сейчас? — спросил Форскол.

— Как где? Умер, конечно. Его похоронили, а цепи и камни так с тех пор и остались у могилы Ахмеда. Он всех охраняет, всех бережет, да славится имя Аллаха!

— Охраняет, но крепость все-таки построили, — улыбнулся Хавен.

К счастью, рассказчик уже удалился.

Действительно, центральное место в городе занимала большая крепость. Был в ней и гарнизон, правда, без единой пушки.

— Наверно, на крепость все-таки надежды больше, чем на святого Ахмеда, — заметил Нибур.

Его внимание привлекла кувшитская надпись на стене мечети. Нибур начал тщательно ее копировать. Делал он это с опаской, так как все время ждал окрика. Но молящиеся смотрели на него с любопытством и молчали. С некоторыми из них он потом разговаривал, получил много полезных сведений о городе и его нравах.

«Чем незаметнее странствуешь, тем больше пользы получаешь», — доказывал он своим соратникам не на словах, а на деле.

Нибур и Форскол, осмелев, решили оставить своих спутников в Бейт-эль-Факихе, а сами вдвоем проехать по неизведанным районам Тихамы.

Обычно здесь передвигаются ночью, потому что днем стоит нестерпимая жара. Но Форскол мог собирать свою ботаническую коллекцию только днем, а Нибуру солнце было необходимо, чтобы определять местоположение пунктов, встречающихся на пути. Поэтому они решили ехать днем, взяв с собой лишь двух погонщиков с ослами. Погонщики служили им также проводниками, а иногда и переводчиками. Путь их лежал на северо-запад — в Ходейду.

К тому времени у обоих ученых отросли длинные бороды, а традиционные арабские одежды делали их неотличимыми от мусульман. Чтобы при встречах с арабами не вызывать подозрений или нездорового любопытства, они взяли и арабские имена. У каждого из них было свое дело, и они разошлись в разные стороны, договорившись о встрече.

Одним из первых селений, куда попал Нибур, был Галефк. Когда-то здесь существовала гавань, теперь море отошло, берег засыпало песком. И сразу жизнь в Галефке замерла, осталось всего около двадцати хижин, рассеянных между пальмами, да полуразрушенная мечеть.

На кладбище Нибур обнаружил две большие плиты с куфическими надписями и тут же начал их срисовывать. Несколько местных жителей с явным недоумением следили за его работой. Покончив с первой плитой, Нибур на следующий день вернулся на кладбище, но другой плиты на прежнем месте не оказалось: ночью ее куда-то спрятали. Почему? Боялись, что его рисунок может кому-нибудь причинить зло, или хотели получить деньги? Нибур обратился к местному шейху. Они обошли все селение и нашли исчезнувшую плиту позади домов, на могиле местного святого. Шейх с невозмутимым видом объяснил Нибуру, что жители Галефка здесь ни при чем, это сам святой пожелал иметь плиту рядом с собой и перенес ее к себе. Но если чужестранцу плита нужна, то шейх может ее за небольшую плату доставить ему прямо в Бейт-эль-Факих. Нибур поблагодарил шейха и удовольствовался тем, что скопировал надпись.

Вскоре в Ходейде Нибур встретился с Форсколом. И снова они вместе побрели по прибрежной полосе. Воздух был неподвижен, небо безоблачно. Оба ученых ощущали страшную слабость, в которой боялись признаться друг другу. В пустыне, казалось, не существовало времени. Вечность назад лежали здесь те же пески и те же камни без края и без меры, пройдет еще вечность, и вряд ли найдутся силы, способные преобразить этот петленный пейзаж..

В записях Нибура снова замелькали названия деревушек: Изви, Кешиль, Махдалже, Муссия, Лауя, Кама, Махфур, Джебель... Некоторые из них были так малы, что позже не попали на самую подробную карту Йемена. Нибур отмечает мельчайшие из-

мешения рельефа, записывает услышанные слова, понятия, обозначения. Форскол вновь отправляется в горы, покрытые кофейными деревьями, вступает в разговоры с жителями, ловит ящериц, полевых крыс, скорпионов, ядовитых пауков, змей.

В Йемене религиозные обряды соблюдаются не столь тщательно, как на севере Аравийского полуострова. Видимо, природа диктует здесь свои законы более жестко, чем религия. Например, пост проводники и кочевники в пути не соблюдают.

— У тебя же пост сейчас! — сказал как-то раз Нибур своему проводнику. — А ты что ешь?

— Аллах простит, — невозмутимо ответил тот. — Человек идет, человеку сила нужна. Потом, в другой раз, в другой месяц, все будут есть, а я не буду, чтобы Аллах простил.

Но, как замечал Нибур, и в «другой раз», уже дома, йеменцы себе ни в чем не отказывали. Но мы знаем, дорогой читатель, что Коран разрешает несоблюдение поста людям, которые в этот момент странствуют, равно как и воинам на войне, беременным женщинам и детям до десятилетнего возраста.

Вернувшись в Бейт-эль-Факих, Нибур и Форскол 21 марта отправились в новое путешествие, на этот раз на юг. Вскоре они достигли города Забида, расположенного в наиболее плодородном районе Тихамы. 14°21' северной широты — определил Нибур по звездам. В X—XI веках Забид славился на Арабском Востоке как крупный центр. По всей Тихаме были известны ремесленники Забида. Однако все это было в прошлом. Теперь вся местность выглядела малонаселенной. Город пришел в упадок в те же самые времена, когда занесло песком гавань Галефка. Из восьми городских ворот Нибур обнаружил остатки четырех, да и те местные жители разбирали, чтобы использовать для строительства домов. По сравнению с прежними границами территория города сократилась наполовину.

После Забида Нибур и Форскол попали в местность и вовсе безлюдную. Редко-редко попадались селения, состоявшие из глинобитных хижин, где на полу едва могли улежаться двое. Спали здесь в мешках, раздевшись догола. В горах стояли холода, а путешественники не всегда находили крышу над головой для ночлега. Оставаясь иногда на ночь под открытым небом, они приспособились спать, закрыв только лицо. Неважно было и с едой, чаще всего им приходилось довольствоваться хлебом с верблюжьим молоком. Мясо здесь было есть опасно, их предупредили об этом. Хавеп, оставшийся в Бейт-эль-Факихе, не послушался этого благоразумного совета и теперь лежал, не в силах поднять головы.

Нибур заметил, что при встрече на дорогах кочевники обычно обмениваются одними и теми же вопросами: «Из какого вы места? Откуда вышли утром? Где собираетесь спать следующую ночь?» Когда их задавали европейцам, на первый вопрос те предпочитали отвечать несколько туманно: «С севера», что можно было толковать как «из Сирии» или «из Турции». Два других вопроса были безопасны, ибо свидетельствовали лишь о внимании к путнику.

Исследовав еще один большой внутренний район, вплоть до Таиза, который они обошли стороной, рассчитывая позже побыть здесь более длительный срок, Нибур и Форскол вновь возвратились в Бейт-эль-Факих.

20 апреля все участники экспедиции покинули Бейт-эль-Факих и двинулись па юг — к Мохе. Впрочем, снова не вместе, ибо Нибур и Форскол по-прежнему передвигались днем, а остальные, погрузив на своих ослов всю поклажу экспедиции, предпочитали следовать за ними ночью.

До Забида они шли уже изведанной тропой, а далее то поднимались в горы, то спускались к Тихаме. На этот раз в долине, в пещерных вади, иногда появлялась вода, и путники имели возможность заправиться ею.

В селении Маушидж они застали чрезвычайное волнение: ночью под финиковой пальмой был обнаружен чей-то труп. Нибур и Форскол не на шутку встревожились: ведь их товарищи едут по ночам, да еще с большим грузом. Их успокоили: убийство произошло на почве кровной мести и касается только определенных семей. Да, члены этих семей могут, пет, просто обязаны убивать друг друга, открыто или из засады, днем или ночью — это их дело, общего мира это не нарушает. Убийц отправят в тюрьму, но они смогут избежать наказания, если внесут большую сумму в казну племени. Каждый член рода или племени обязан соблюдать закон кровной мести. Необходимость расплаты или выкупа за пролитую кровь узаконена даже Кораном, хотя и в несколько смягченном виде. Поэтому кровную месть арабы истари считают не только своим священным правом, но и нерушимой обязанностью.

На другой день Нибур и Форскол познакомились с представителем одной из враждующих сторон. Он сетовал на то, что месть, неизвестно когда и кем начатая, никак не прекратится. И теперь он постарается внести выкуп за убийцу и перестанет проливать кровь. Жаль денег, конечно, по убивать тоже не хочется. При этом он вертел в руках дубинку, а за поясом у него торчал кривой нож...

Нибур и Форскол хотели прибыть в Моху как можно скорее, поэтому они двигались и днем и ночью, по-прежнему собирая травы и насекомых, нанося на карту населенные пункты и все достопримечательности, попадавшиеся на пути. В селении Мамлах они увидели много канав, прокопанных от моря. Морская вода испарялась, и жители собирали соль. Отсюда соль переправляли в горные местности. В селении Куббат-эс-Сабаа, что означает «мавзолей семи», они посетили мазар, в котором погребены семеро братьев, погибших, видимо, тоже в результате кровной мести.

В стремлении побыстрее достичь цели и в то же время как можно больше увидеть ученые подвергали себя перегрузкам, которые не в силах выдержать даже очень здоровый организм. Но чего иного можно было ожидать от людей, оказавшихся в необычайных условиях? Как могли они рассчитать свои силы? И способны ли были умерить исследовательский пыл? Далеко не всегда они перенимали образ жизни кочевников, считая себя людьми иного скла-

да, а следовательно, и иных возможностей. Хавен уже поплатился за то, что ел мясо. Форскол жаловался на недомогание, объясняя его резкой разницей температур дня и ночи. Нибур постоянно ощущал усталость и нервное перенапряжение. Но они и не думали сдаваться. Они не знали, что все несчастья у них впереди...

ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

В конце апреля Нибур и Форскол достигли долгожданной Мохы. Все прибывающие в город должны были проходить через ворота Баб-Шадли. Чужестранцев, по существующему здесь обычаю, задолго до ворот заставили слезть с ослов и идти пешком. Наши путешественники сдали вещи для досмотра и ответили на вопросы местных чиновников. При этом у них, как и прежде, никто не потребовал документов, не спросил ни об имени, ни о цели приезда. Они просто назвали тот караван-сарай, где обычно останавливаются турки и где они договорились встретиться со своими спутниками, которые передвигались ночью. Бояться им было абсолютно нечего. На этот раз они располагали не только рекомендательным письмом кишы Джидды и долы Бейт-эль-Факиха к местному доле, но и письмами от купца из Бейт-эль-Факиха к известному мохскому купцу Саиду Салеху и от торговцев Джидды к агенту Ост-Индской компании — именно в эти дни в Моху должно было прийти английское торговое судно из Бомбея.

Первый визит Нибур и Форскол нанесли Саиду Салеху. Самого купца не оказалось дома, их встретил его сын — красивый молодой человек.

— Исмаил, — представился он.

Исмаил был сама предупредительность. К тому же он свободно говорил по-голландски. На их пути это был первый житель Аравии, знавший европейский язык. Заметив их удивление, он показал свидетельство о том, что служил толмачом на голландском судне, и рассказал, как выучил язык у голландского ренегата. При этом он не преминул высказать восхищение европейцам их образованностью, манерами, даже внешним обликом. Вскоре подали вполне приличный пунш, и беседа приняла непринужденный характер. Настроение у наших путешественников было самое благодушное.

— Дорогие чужестранцы, зачем вы отпустили бороды? Их надо срочно сбрить, — вдруг сказал Исмаил. — И зачем оделись как турки? Одежда на вас не приличествует ни вашему роду, ни вашему положению.

— У мусульман очень удобная одежда, нам нравится, мы чувствуем себя в ней легко и свободно, — ответил Нибур.

— А почему же англичане, приезжающие из Бомбея, одеты по-европейски? — настаивал Исмаил.

— Они просто еще не вкусили прелести местных одеяний, — улыбнулся Нибур.

— Теперь нам поздно переодеваться. Ведь люди подумают, что мы, мусульмане, предали свою веру,— добавил Форскол, пытаясь обратить разговор в шутку.

— Нам предстоит дальний путь. Мы ведь отправляемся в Сану и еще хотим осмотреть горные местности,— уже серьезно объяснил Нибур.

Эти слова привели Исмапла в ужас.

— Зачем вы рискуете жизнью, чужестранцы? — воскликнул он.— Горцы злы и жестоки. Они ненавидят пришельцев, впрочем, так же, как все рожденные под знаком полумесяца ненавидят франков.

— Когда-то, находясь в Европе, мы тоже так думали,— возразил Нибур.— Но с тех пор как мы вместе с арабами проплыли по Нилу и Аравийскому заливу, побывали в Джидде, Лохейе, Ходейде и Бейт-эль-Факихе, мы убедились, что наши страхи были ни на чем не основаны.

— Вздор! — закричал Исмаил.— Вас до сих пор не прирежали лишь случайно. Европейца на нашей земле опасности подстерегают за каждым камнем. Чернь, этот сброд, они же все разбойники от рождения! Они вас разденут догола и испробуют на вашем теле острогу своих пожей!

Завязался спор. Исмаил продолжал запугивать европейцев, убеждая их отказаться от своего намерения. Увидев, что его слова не поколебали их решимости, Исмаил неожиданно предложил им вызвать из Дании торговое судно, которое бы взяло груз кофе из Мохл.

— Нет, это не наше дело, мы не купцы и торговлей заниматься не умеем,— решительно прекратил разговор Форскол.

«Как хорошо знать язык страны, в которую попадаешь,— думал Нибур.— Чего только нам не наговорил этот красавец! Если бы я не разбирался в языке, я бы, пожалуй, поверил ему и у меня создалось бы превратное представление об этом прекрасном народе. Не похоже ли все это на хитрую ловушку?»

Исмаил явно потерял к ним интерес, и они холодно распрощались. При содействии других купцов Мохл путешественники получили жилище. Затем радостно встретили оставших друзей и все вместе отправились в таможню у городских ворот за имуществом экспедиции.

Более отвратительного досмотра, чем тот, с которым им пришлось столкнуться здесь, у них не было никогда. Чиновник перерыл все ящики и мешки чужестранцев. То, что он там обнаружил, привело его в ярость. Его вопли собрали множество зевак. Но это были не те благожелательные люди, которые с интересом разглядывали их инструменты в Бейт-эль-Факихе. Нет, эти смотрели на них враждебно и подозрительно.

А таможенный чиновник тем временем раскрыл бочонок Форскола с рыбами, выловленными в Красном море, и стал ковырять их палкой. Рыбы рассыпались на части от его прикосновения. Та же участь постигла и других морских животных, собранных Форс-

колом. Никакие уговоры не помогали, ибо таможеннику пришла в голову мысль, что в дохлой рыбе спрятаны найденные в Аравии сокровища. Досмотр становился все тщательнее и грубее. В следующем бочонке были хрупкие раковины — особенно драгоценный для естествоиспытателя груз. Их также перевернули палкой, разламывая на куски. И совсем уж ожесточился чиновник при виде сосудов с заспиртованными змеями. Так, значит, эти чужестранцы явились сюда, чтобы отравить йеменцев! И именно поэтому один из них прикидывается врачом — так ему сподручнее заниматься убийствами! Таможенник категорически отказался выдать европейцам этот странный груз.

— Хулителю веры! Собаки! — глухо раздавалось вокруг.

Атмосфера сгустилась.

В это время в помещение, служившее таможней, примчался один из нанятых еще в Лохей проводников. Размахивая руками, он кричал:

— О высокородившие чужестранцы, мы пропали! Все, что мы так оберегали, передвигаясь по пустыне, вся ручная кладь и все ваши бумаги выброшены из дома и летают по ветру, а нас прогнали в шею!

Форскол и Крамер бросились к дому, в котором остановились, чтобы выяснить, что произошло. На улице их гиканьем и бранью встретила толпа. Выяснилось, что все их вещи, в том числе книги, выброшены на улицу друзьями Исмаила, по его наущению. Сам Исмаил исчез. Чиновник в таможне злобно сообщил им, что дола сказал: «Эти люди не должны оставаться в нашем городе даже до утра!» Но они не могли уехать без вещей и без официального разрешения властей.

Создалось безвыходное положение. Весть о злом умысле франков и о запрещении пускать их на ночлег быстро разнеслась по всей Мохе.

Легко ранним, Хавен, сразу потерявший вкус к путешествию, принялся уговаривать остальных возвращаться обратно. Форскол высмеивал его слабость — нельзя же в конце концов отступить, столкнувшись с подлостью. Бауренфейнд философствовал по поводу нравственных различий между европейцами и азиатами. Нибур категорически протестовал против того, чтобы отождествлять народ Йемена с одним негодяем.

— Сам же арабы говорят: тухлое яйцо всю кашу портит! — улыбался Форскол. — Вот вам и наглядный пример.

— Я не дам этому Исмаилу испортить нам кашу! — воскликнул Нибур и отправился искать ночлег. Однако в страхе перед угрозами Исмаила люди отказывались пустить чужестранцев на постой.

И все-таки нашелся добрый горожанин, который разрешил им поселиться у него, и даже на целый месяц. Правда, при этом он поставил условие: пусть кади заверит его, что он не будет за это наказан. Отправились к кади, и тот, оказавшись человеком честным и разумным, разрешил горожанину исполнить то, к чему

его призвали душа и сердце. Наконец-то у них снова появилась крыша над головой. Теперь следовало действовать дальше.

— Неужели вы не понимаете, — говорил Нибур, — что Исмаил решил нам доказать свою правоту? «Вы не верите в жестокость мусульман, в их злобу и ненависть по отношению к европейцам. Так вот, получайте и злобу и ненависть, получайте сполна».

— Но почему? Почему вдруг мусульманин решил бросить тень на своих единоверцев и побудить их к столь бессердечному поведению? — недоумевали его спутники.

Тем временем в Моху прибыли два английских судна из Бомбея. Капитан одного из них, шотландец Фрэнсис Скотт, узнав о пребывании в городе злосчастных европейцев и о том, что их вещи задержаны в таможне, сразу же пригласил их к себе на завтрак. Он часто бывает в этих краях, сказал он, знает местные нравы и берется помочь. Наконец-то путешественники увидели в Мохе прекрасно накрытый стол, услышали дружескую речь. Сразу же выяснились причины, побудившие Исмаила поднять против них весь город. Оказывается, купец Саид Салех со своим сыном не впервые распространяют слухи о том, что местное население ненавидит чужеземцев и способно причинить им всяческое зло. Напуганные европейцы должны были, по мнению Саида Салеха, быть счастливы, что встретили в этом ужасном краю такого доброжелателя, как он, у которого к тому же сын владеет одним из европейских языков. Сын моментально приставлялся к чужестранцу толмачом и гидом, и, таким образом, вновь прибывший оказывался в полной зависимости от этого семейства. Исмаил был сначала чрезвычайно обрадован приездом европейцев, по их знаниям и поведению опрокинули его планы. Предложение вызвать из Дании судно за грузом кофе также не получило отклика. Все это и явилось причиной его злобы. Дальнейшее уже зависело от его активности и авторитета среди жителей Мохы.

Объяснив участникам экспедиции поведение вероломных купцов, Скотт, однако, рекомендовал им при встрече с Саидом Салехом и Исмаилом сделать вид, что ничего не произошло, иначе на них обрушатся новые неприятности. Ученые последовали этому совету, и вскоре Исмаил явился к ним как ни в чем не бывало с новым предложением: так как дола якобы чрезвычайно сердит на европейцев, им надлежит его задобрить, для чего послать с ним, Исмаилом, ему в подарок 50 дукатов. Как ни странно, это была разумная мысль: европейцам предстояло еще долго путешествовать по стране, они даже не могли выехать из Мохы. Но они сразу поняли, что если дать деньги Исмаилу, то дола их никогда не получит. Посоветовавшись, они ответили Исмаилу, что с благодарностью принимают его совет, но деньги передаст Нибур.

По дороге к резиденции долы Нибур услышал, что сегодня утром, во время военных учений, доле случайно прострелили ногу. «Дола знает, что в городе сейчас находится врач из Европы, и, конечно, воспользуется его просвещенными услугами», — подумал Нибур и вернулся домой. Однако дола не пожелал приглашать

Крамера. Тем не менее часть вещей, задержанных в таможне, 27 апреля была им наконец выдана, хотя и в весьма плачевном виде. Даже постельные принадлежности были изрезаны на куски: видимо, и в них пытались что-то обнаружить. Исмаил не унимался: он обязательно должен отнести 50 дукатов доле, так как без его, Исмаила, рекомендации пикого из европейцев к доле не пропустят. Не видя иной возможности выбраться из заколдованного круга, в который они попали, Нибур отсчитал Исмаилу 50 дукатов. Неизвестно, какая часть из них досталась доле, но так или иначе Форскол и Нибур были допущены к нему.

Дола, седобородый старец благостного вида, изобразил удивление.

— Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Чужестранцы так чудесно изъясняются по-арабски! Почему же они сами давно не пожаловали ко мне, не сказали, чем недовольны и в чем нуждаются?

Зашла речь и об их багаже. Дола не отрицал, что был напуган слухами и хотел поскорее избавиться от пришельцев. Ну кто же возит с собой дохлых рыб и змей в склянках? Тогда Форскол напомнил, что среди них есть врач, который применяет европейские методы лечения, возможно неизвестные арабам, и услугами которого ему, доле, не мешало бы воспользоваться. До сих пор он всех лечил, и никто не жаловался.

— Мои подданные говорили, что чужеземный лекарь, может вылечить меня, но я боялся, что он даст мне горячие лекарства, — признался дола.

— Какие горячие лекарства? — удивился Нибур.

— Они принесли бы мне вред, разве ты не понимаешь, чужестранец?

Нибур только пожал плечами. Позднее он узнал, что арабы разделяют все лекарства на горячие и холодные. Горячие — это сильнодействующие снадобья, которые способны принести иногда вред человеку, если их не вовремя употреблять, и называются они так потому, что само слово «горячее» — синоним «жаркого», а «жаркое» — это высокая температура и та ужасная жара, которую порой с трудом переносят даже сами арабы. Но горячими бывают и болезни — те, что сопровождаются лихорадкой. Естественно, арабы предпочитают и холодные лекарства, и холодные болезни, не вызывающие лихорадки, и имеют свою определенную систему лечения и тех и других.

— Почему же наш врач, призванный лечить людей, мог бы принести вам вред? — не удержался от вопроса Форскол.

— Из мести, — не моргнув глазом ответил дола. — Возможно, сам Аллах уже наказал меня за то, что я так дурно обошелся с вами, чужестранцы.

На следующий день путешественники получили не только все остальные вещи, которые, как оказалось, даже не подвергались досмотру, но и подарок от доли — четырех баранов и два мешочка риса. Исмаил и тут вызвался помочь — сам оплатил таможенную

пошлину, из казны экспедиции, разумеется, и к тому же это стоило в три раза дороже, чем в Лохейе или Бейт-эль-Факихе. Нибур ни секунды не сомневался, что разница пошла в карман хитрого Исмаила.

Уговоры Нибура и Форскола, видимо, убедили долу, и он поехал за Крамером. И если всех иноверцев по существующему здесь закону заставляли перед резиденцией долы спешиваться, то Крамера ввели на муле прямо во двор, чтобы все жители Мохы видели, каких почестей удостоился европейский врач.

Теперь можно было спокойно знакомиться с городом и его достопримечательностями. Нибур отправился к мечети, возле нее всегда собираются старики. Мечеть носила имя Шадли, а недалеко от нее струился фонтан — тоже Шадли. Тогда Нибур вспомнил, что так же именовались и городские ворота. Что же это за имя? И он услышал легенду об основании города, который его жители считали одним из самых молодых в Тихаме.

Жил некогда в этих местах благочестивый шейх по имени Шадли. Арабы из всех окрестностей, даже весьма отдаленных, почитали за счастье приблизиться к нему. Однажды здесь пристало к берегу торговое судно, плывшее из Индии в Джидду. Индийские моряки увидели хижину и заглянули в нее. Шейх принял гостей с радушием, свойственным бедуинам, и угостил их кофе. Индийцам такой напиток известен не был, и они решили, что это лекарство. А у них на судне болел богатый купец. Шейх уверил моряков, что он молитвами и снадобьями вылечит купца, пусть тот только велит выгрузить товары на берег и сам явится к нему. Когда купцу это передали, он попросил отнести его к шейху. Выпил купец кофе, ему понравилось, а шейх между тем предсказал, что когда-нибудь на этом месте вырастет большой торговый город и индийским судам не придется плавать в Джидду. Шейха, как всегда, окружали арабы, пришедшие из окрестностей, и дело кончилось тем, что они купили у индийского купца весь его груз.

Купец вернулся в Индию чрезвычайно довольный, принес с собой рассказ о благочестивом шейхе Шадли и выгодной коммерции около его хижины. После этого сюда приехали другие купцы, за ними — третьи, и чем дальше, тем больше. И шейх всех угощал кофе. Постепенно они к нему пристрастились, ощутив его живительную силу, начали увозить отсюда кофейные зерна, а взамен оставлять свои товары. Так и случилось, что вокруг хижины шейха сначала возникло небольшое селение, а затем вырос крупный торговый город, и имя ему дали Мохы, что в Европе превратилось в «Мокко» и стало названием сорта кофе. И даже горы вокруг Мохы, сплошь покрытые кофейными плантациями, расположенными террасами на склонах, получили название «Кофейные». Когда шейх умер, над его могилой возвели мечеть, а его имя стали поминать в утренних молитвах как имя патрона города, покровителя арабских кофейен, вразумившего род людской пить кофе и покупать кофейные зерна.

«Моха — 13°19' северной широты,— отмечал Нибуру,— расположена в засушливой, неплодородной местности, где дождей почти не бывает. Город обнесен крепостной стеной, по обе стороны гавани стоят небольшие цитадели, оснащенные пушками...»

Моха принадлежала в прошлом туркам, причем арабы ее не отвоёввали, а выкупили. С тех пор долы назначаются только на три года, и каждый год они отчитываются перед имамом, а тот требует, оставить долу или же заменить.

В 1738 году Моху захватили французы, но продержались здесь недолго. Поводом для войны послужил отказ долы уплатить французским купцам за купленные у них по поручению имама товары.

Сейчас основной доход городу, как отметил Нибуру, давали торговля и ремесла. Большой вес имеет представитель английской Ост-Индской компании, арендующий два больших каменных склада. Английское судно приплывает за кофейными зернами раз в два года. Помимо обычной пошлины иноземные купцы платят еще и так называемую пристанную пошлину за величину судна, которая определяется числом мачт.

Фрэнсис Скотт рассказывал Нибуру, что в мохской таможне принято доводить европейца до такого состояния, что он в ярости начинает кричать и ругаться, тогда его штрафуют за оскорбление мусульманской религии и местных законов и грозятся передать властям. Напуганный европеец после этого готов заплатить любую сумму.

Как казалось Нибуру, для них все неприятности копчались. Дола не раз приглашал ученых к себе для беседы. Однажды Форскол вскользь упомянул, что их оскорбил какой-то горожанин,— в тот же вечер горожанин был брошен в застенок. К несчастью, он оказался одним из близких друзей Исмаила, и расвирепевший Исмаил возобновил происки против чужестранцев. Снова посыпались оскорбления, насмешки, и даже начались нападения. Дело дошло до того, что путешественники стали бояться выйти из дома. Пребывание в Мохе теряло всякий смысл. Но заколдованный круг по-прежнему не размыкался: они во что бы то ни стало должны были посетить резиденцию имама в Санае, а ехать туда было нельзя, не получив разрешения от самого владыки.

Тем временем у Нибура от недоброкачественной воды и пищи началась дизентерия — болезнь, в этих краях весьма распространенная. Заболел и Хавен. Тогда Форскол отправился к доле и попросил помпловать провинившегося горожанина. Он понимал, что жаловаться больше ни на кого нельзя: это грозило бы им смертью. Поэтому он сказал, что испытывает сострадание к наказанному йеменцу, хотя и считает, что впрямь тот, впрочем как и все остальные жители, должен быть более почтительным к гостям города.

Между тем Хавену становилось все хуже. Когда аравийское солнце накаляло землю, стены, воздух, он лежал без движения, закрыв глаза. Если раньше он не упускал минуты, чтобы записать

новые слова и выражения, то теперь он все время был погружен в сон. Или, быть может, не хотел беспокоить никого своими жалобами и притворялся спящим. Нибур, сам истощенный болезнью, часами сидел возле него, вглядываясь в исхудавшее лицо молодого ученого. Ему хотелось подбодрить его, вместе с ним помечтать о том, как после Аравии они объедят другие страны и с юмором будут вспоминать ужасающие пинтриги некоего Исмаила. Но Хавен молчал.

Кramer пустил Хавену кровь. На какой-то момент больному стало лучше. По его просьбе вечерами, когда жара спадала, его стали выносить на плоскую крышу дома. Но ночи в Мохе ветрены, а Хавен, наслаждаясь прохладой, лежал, раскинувшись, под звездным небом. Через несколько дней Крамер констатировал сильнейшую простуду. Теперь уже не было никаких забот, кроме одной — спасти Хавена. А он слабел с каждой минутой. Хавен составил завещание, хотя все еще надеялись на выздоровление.

Вечером 25 мая 1763 года он вдруг громко произнес:

— *Nunc vino pellite curas*¹.

Все подумали, что больной почувствовал облегчение. Оказалось, это началась предсмертная агония.

— *Nulla quaerit doletta è durra!*² — звучали в комнате слова Петрарки. И снова: — *Mors laborum ac miseriarum quies est*³.

В бреду Хавен повторял арабские, французские, итальянские, немецкие и датские слова и выражения, читал наизусть куски из любимых произведений, цитировал Библию, спорил с незримым оппонентом о значении восточных авторов для западноевропейской литературы, вспоминал своего учителя Михаэлиса. Фридрих Христиан фон Хавен умирал, не успев оправдать надежд, которые на него возлагали. Все молчали, потрясенные. Через два часа Хавена не стало.

На Востоке умерших хоронят завернутыми в холст. Однако друзья решили положить тело Хавена в ящик. Его накрыли старой монашеской рясой — зачем она арабам, если бедущи вдруг надумают разрыть могилу? Скотт прислал шестерых матросов — индийцев-католиков, и те быстро, чтобы не привлекать внимания местных жителей, отнесли ящик далеко за город, на крошечное кладбище, где хоронили только европейцев. Участниками экспедиции пришли туда потихоньку с разных сторон и с удивлением увидели там почти всех англичан, находившихся в то время в Мохе. Было людно и торжественно.

Вечером ученые долго спорили о том, что делать дальше. Нибур хотел пробыть в Йемене еще не меньше года, исследовать горные местности, неизвестные в Европе.

— Глупо останавливаться на полдороге, когда самое страшное позади, — доказывал он. — Мы уже достаточно свыклись с ме-

¹ Теперь вином прогоните заботы (лат., Гораций).

² В этом мире никакая радость не прочна (итал.).

³ Смерть — отдохновение от забот и бед (лат.).

стными условиями, даже если они нам не по душе. С людьми всегда можно договориться...

— Вот и договаривайтесь, господин Нибур. Ваши разумность и трудолюбие — залог любой удачи, — спокойно сказал Бауренфейнд, и было непонятно — восхищение это или насмешка.

— В трудолюбии не отказать и вам, господин Бауренфейнд, — ответил Нибур.

Сотни зарисовок, сделанные художником во время пути, вызвали искреннее уважение ученого.

К общему решению прийти оказалось нелегко. Все, кроме Нибура, настаивали на немедленном возвращении в Данию. Многие уже сделано, а полностью выполнить задание короля немислимо. Несчастья, преследовавшие их в Мохе, истощили силы, они потеряли веру в возможность преодоления трудностей, которые жизнь расставляла на их пути. Обиднее всего было то, что, помимо мучительных перепадов температуры, болезней и немыслимых житейских трудностей, в их бедах оказались виноваты люди, и именно в тот момент, когда они прониклись самыми дружескими чувствами к местному населению, когда поверили в общность людей, населяющих земной шар.

Нибур продолжал уговаривать, доказывать, убеждать. Эти люди — случайность. единицы. Разве можно по ним судить обо всем народе? Он негодовал, когда его соратники пытались сделать из этого обобщение. Так можно зайти далеко: из-за капли грязи в луже с отвращением взирать на чистейшее озеро, из-за чванливой, бездушной снохи возненавидеть всех родственников, а из-за выходки какого-нибудь мерзавца обвинить в коварстве весь род человеческий. Да стоит ли тогда вообще жить на свете? Такие, как Исмаил, это не народ. Нет, дело в них самих, это они пренебрегли местными условиями, не берегли себя, не так питались, волновались понапрасну. Нибур думал теперь о будущем. Главное — покинуть злосчастную Моху. Если сейчас же отправиться в Таиз, после чего, получив разрешение имама, побывать в Санае, а затем обойти глубинные районы Йемена, то можно будет, вернувшись в Моху, еще застать там английское судно и на нем приплыть в Бомбей. Только тогда они имеют право закончить путешествие.

Страстная убежденность Нибура произвела на его спутников сильное впечатление, и они приняли его план. Затруднение возникло лишь в связи с тем, что Крамеру долг не позволял оставить долу. Рана в ноге была опасна, хотя сам дола этого не понимал. Но и это в конце концов было улажено: нашелся местный лекарь, взявшийся полностью излечить долу.

Те из жителей Мохы, которые благожелательно относились к европейцам, не советовали им пускаться в путь, потому что в Мохе, объясняли они, стоит изнуряющая жара, а в горах холодно, у не подготовленных к такой смене температур людей сразу же начинается лихорадка. Однако европейцы настояли на своем. Дола снабдил их рекомендательным письмом к губернато-

ру Тапза и обещал тотчас же известить их, когда придет разрешение имама. Он подарил Крамеру мула с седлом и упряжью, арабский наряд и прислал своего слугу, наказав ему сопровождать чужестранцев вплоть до их возвращения в Моху.

Весь багаж путешественники решили взять с собой: быть может, им придется на этом трудном переходе застрять на целый год — теперь они были готовы ко всему. Только большую часть денег Нибур предпочел оставить у агента Ост-Индской компании.

9 июня 1763 года члены экспедиции покинули Моху — город, в котором им пришлось пережить столько бед.

ТАИЗСКИЕ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ

Прибыв в Тапз, путешественники, наученные горьким опытом, сразу же направились к местному доле, числившемуся офицером армии имама. Тот уже был осведомлен об их неприятностях в Мохе, знал и о бочонке с дохлой рыбой, и о сосудах со змеями — конечно, в преувеличенном виде, как это обычно бывало на Востоке. Он был рад познакомиться со странными чужеземцами, предложил им кофе, трубки с табаком, молодые листья ката, которые арабы жуют так же, как европейцы табак, а жители Южной Азии бетель, пресные, чуть вяжущие на вкус, обладающие наркотическими свойствами. Нибур и его спутники из вежливости пожевали кат, но никаких ощущений при этом не испытали.

Дола вызвал слуг, чтобы они показали гостям предназначенное для них жилище, небрежно заметив при этом:

— Владельцев этого дома я недавно бросил в тюрьму, не помню за что.

Те же слуги незамедлительно притащили туда от доли двух барапов, мешок муки и мешок ячменя, вручив их с низким поклоном и со словами:

— Светлейший наш господин просит осчастливить его благоклонным приемом сих ничтожных даров.

Нибур отправил с Берггренем доле ответный подарок — большой отрез индийского полотна, специально приобретенный в Мохе для этого случая. Когда Берггрен собирался войти в дом губернатора, привратник грубо остановил его и потребовал бакшиш. Берггрен, привыкший в этой стране ко всяким неожиданностям, весело ответил:

— Если у вас прямо брать бакшиш со слуг, так ты мне и заплати, потому что я тащу подарок твоему господину от своих господ.

Привратник рассмеялся и пропустил его.

Жизнь европейцев в Таизе поначалу складывалась счастливо. Даже погода установилась более прохладная, чем обычно. Шли дожди, и это было приятно. Смущало лишь присутствие слуги, приставленного к ним долой Мохи. Помощи он никакой не оказывал, но сопровождал их неотступно, молча наблюдай за ними,

незаметно появлялся всякий раз, когда к ним кто-нибудь приходил, и они не могли понять, то ли он их охраняет, то ли подслушивает и высматривает для передачи в Моху.

Каждый занялся своим делом. Нибур погрузился в историю города. Он записал в дневник: «Город Таиз расположен у подножия горного хребта Сабар, 13°34' северной широты. Окружен стеной 16—24 фута толщины со многими небольшими башнями... Вплотную к городской стене примыкает отвесная скала высотой примерно 400 футов, на ней стоит крепость Кахира, имеющая частично двойные стены. В стенах двое ворот, находящихся почти рядом... Баб-Шейх-Муса и Баб-аль-Кабир, и две башни, а еще башня, связанная одной стороной со стеной, имеет ворота, ведущие наверх, в горы». Население Таиза составляло 500—600 человек.

В крепости Кахира стояли пушки, возводилась еще одна башня, и для нее уже были приготовлены мощные орудия. Гарнизон насчитывал около 60 человек. Из крепости открывался вид на весь город.

Нибур заметил, что почти все города Йемена связаны с именами святых. На Востоке люди имели обыкновение селиться вокруг их могил, веруя, что близостью к телу святого и религиозным рвением они заслужат больше благ как на земле, так и на небе. Таиз связан с именем святого Исмаила Мулька, почитаемого суннитами Йемена; возможно, когда-то он был властителем этих мест. Над его могилой возведена мечеть, как это принято в арабском мире. Но с некоторых пор приближаться к месту его погребения никто не смеет. И Нибуру рассказали почему. случилось это, по преданию, после того, как двое нищих пришли за подающим к доле Таиза, но тот дал деньги лишь одному из них. Тогда другой бросился к могиле Исмаила Мулька, славившегося при жизни добротой, и воззвал о помощи и справедливости. И будто бы разверзлась могила и протянул святой обездоленному нищему письмо доле с приказом немедленно вручить подателю сего сто галеров. Письмо подвергли тщательному исследованию и убедились, что написано оно святым собственноручно и скреплено его печатью. Не осмелев воспротивиться воле святого, дола распорядился выдать нищему положенную сумму, по впредь, дабы в будущем оберечь себя от подобных «чеков», велел заложить подход к могиле камнями и запретил приближаться к ней.

В Таизе много мечетей. Неподдалеку от мечети Исмаила Мулька, к западу от нее, стоит мечеть шейха Мусы, к востоку, на небольшом холме, — мечеть и часовня над гробом некоего Афдала и его семейства. Они видны издали и по своей архитектуре напоминают турецкие постройки, из чего Нибур сначала сделал вывод, что Афдал был, возможно, пашой Таиза. Но потом он отказался от этой мысли, так как на стенах мечети обнаружил столь замысловатые куфические сплетения, что их едва ли могли прочитать и сами арабы: ранняя арабская куфическая письменность, на которой впервые был записан Коран, вышла из употреб-

ления еще в X веке. От средних веков сохранились двухкупольная мечеть Аль-Музаффарийя с двумя минаретами, построенная в XIII веке султаном Йемена из династии Расулидов, и Аль-Ашрафийя — с одним минаретом и множеством маленьких куполов.

Большинство остальных мечетей Нибур увидел уже в разрушенном виде; забыты и имена тех, кем или в честь кого они возводились.

Нибур знал, что владыки Таиза, зейдиты, последователи шиитской секты в исламе, хотя и религиозны до фанатизма, культура святых не признают, поэтому строят не мечети в память об усопших, а дворцы для мирских радостей и лишь позади дворца устанавливают небольшую часовню — куббу, где молятся и где потом их хоронят.

Дома напоминают средневековые замки. Многие из них — в несколько этажей, и стоят они сплошными каменными рядами.

Почти повсюду Нибур обнаруживал следы многочисленных войн. А от соседних городов Эддене и Тобад остались вообще одни руины. Там Нибур, взявший в привычку не пропускать ничего, что попадалось на пути, скопировал старинные надписи, сохранившиеся в верхней части небольшой мечети, сложенной из красного камня.

Таиз, некогда служивший резиденцией имамам, сейчас оказался в центре междоусобной войны. Шейхи, господствовавшие в селениях на горе Сабр, ожесточенно враждовали с жителями Таиза и местными долой. Началось это, как выяснил Нибур, уже давно. Когда-то один из шейхов спустился в город вместе с наложницей-рабыней, а высокопоставленный дола обвинил его в нарушении закона и заточил в тюрьму. По настоянию других шейхов, обратившихся к кади, дола вынужден был освободить узника, но наложницу задержал. Тогда шейх отправился с жалобой в Сану к самому имаму, и имам повелел отпустить рабыню. Но стоило шейху явиться за ней в Таиз, как дола приказал своим слугам схватить его и снова бросить в тюрьму. Кади, понимая, какими серьезными последствиями могут обернуться против населения Таиза незаконные действия долы, уговорил его отпустить обоих. Вскоре в горах были убиты шесть таизских солдат. С этого момента ни один житель города не рисковал подниматься на гору Сабр. В свою очередь, дола распорядился без разбора убивать всех спускавшихся с горы. На городской площади было даже отведено специальное место для казни. Шейхи требовали от имама заменить долу, а пока борьба между ними не утихла.

Все это осложняло пребывание европейцев в Таизе. Направляясь сюда, они твердо намеревались обследовать горные районы, где, как они узнали, растут все виды аравийских трав. Но теперь это становилось чересчур опасным. Форскол был в ярости. Он не желал мириться с тем, что какие-то нелепые распри паруют его планы, и решил связаться с одним из мятежных шейхов и под его покровительством попутешествовать по горам. Настойчивость Форскола была так велика, что дола Таиза приставил к не-

му солдата с приказом не пускать его наверх. Зато слуга, сопровождавший ученых по приказу доли Мохы, пообещал Форсколу провести его в горы. Кончилось дело тем, что Форскол ушел из города один. Это произошло 18 июня. Но горными вершинами ему довелось полюбоваться лишь издали. Не пройдя и нескольких миль, он обнаружил, что все окрестные селения пусты: их жители, измученные жестокостью доли, покинули свои хижины и поднялись еще выше. Идти по их следам было весьма неблагоприятно. Как-никак, а Форскол выглядел бы в их глазах посланником доли, прямого их врага. И если бы в опустевших селениях он не умер от голода, то наверху его бы все равно убили. Так ни с чем Форскол и возвратился в Таиз, не потеряв, однако, надежды вернуться к своей затее.

Наступил мусульманский праздник ид аль-адха, или по-турецки курбан-байрам, что означает «праздник жертвоприношения». В эти дни паломники отправляются в Мекку, а во всех городах и селениях режут скот. Праздник связан с библейской легендой о пророке Аврааме, который должен был принести в жертву богу своего сына Исаака, но милосердный бог заменил сына барашком. В Коране Авраам именуется Ибрагимом, а его другой сын, Исмаил, рожденный от рабыни Агары, считается родоначальником арабов. В память о них, а быть может, по традиции, перешедшей в ислам от древних арабов — язычников, приносящих жертвы своим божествам и духам, каждый правоверный должен в определенные дни зарезать овцу, барана, корову или верблюда и торжественно съесть их за праздничным столом.

Ид аль-адха длится трое суток, и никто в это время на базаре не торгует. Поэтому европейцам пришлось заранее запастись всем необходимым для себя и для своих слуг-арабов — для них купили традиционного барана, муку, мед, сахар, чтобы испечь что-нибудь сладкое к праздничному столу, а о кате те позаботились сами.

Среди мусульман было не так уж много людей, которые могли точно высчитать день праздника, перемещавшийся из года в год в соответствии с лунным календарем.

С помощью европейцев в Таизе день этот был определен заранее, подданные отправили доле положенные подарки и готовились к празднеству. Однако перед самым заходом солнца из Саны неожиданно пришло известие, что ид аль-адха наступит там лишь через сутки, а торжество должно, разумеется, отмечаться повсюду одновременно. До окрестных селений это известие не дошло, и жители Таиза целые сутки не без зависти наблюдали, как там шел шир горой. до того момента, когда три пушечных залпа, грянувшие из крепости Кахира, не возвестили о начале праздника и здесь.

На другой день снова били пушки, и армия доли воинственно маршировала по немощным улицам, вздымая тучи пыли. Свою ловкость демонстрировали наездники. Возглавлявший торжества дола тоже пожелал показать свое умение, понесся вскачь, но свалился с коня.

Праздники копчались, и Форскол снова стал мечтать о походе в горы. Наши европейцы не знали об одном немаловажном обстоятельстве. Распри между шейхами были делом второстепенным и едва ли могли сказаться на их пребывании здесь. Но зейдиты отличались особой замкнутостью, и отсюда, в частности, простекала их нелюбовь к иноземцам. Этот своеобразный изоляционизм впоследствии лег в основу внешней политики имамов Йемена.

Нибур также собирался исследовать окрестности Таиза и, подобно Форсколу, чувствовал себя словно в ловушке. Пока же он занимался тем, что позволяли обстоятельства: чертил детальный план города, знакомился по завету умершего Хавена с местным диалектом, производил астрономические наблюдения, поднимался в крепость, где скопировал старую надпись на воротах. Форскол стал уговаривать Нибура идти вместе с ним. Нибур обещал, и они решили этой же ночью ускользнуть из города.

И тут возникло новое препятствие. Вечером было получено повеление срочно возвращаться в Моху. Почему? Разве это и есть долгожданное разрешение имама, о котором им обещали сообщить?

Рассвирепевший Форскол потребовал ответа от слуги, навязанного им долой Моху. Тот клялся, что ему ведомо лишь одно: дола Таиза настаивает на их возвращении в Моху. Может быть, его господин так распорядился, он не знает. Но уже и верблюды прищипы за вещами.

— Нет, любезный, так у нас в Европе дела не делаются! — воскликнул Форскол. — Мы не готовы ни к какой погрузке. Нам не пужны верблюды. Можешь забирать этих верблюдов и отправляться в Моху. Ты нам порядком падоел. Признайся, что ты все это сам выдумал, и убирайся отсюда!

Остальные поддержали Форскола, и рано утром ненавистного слугу вместе с верблюдами насильно отправили в Моху. Все почувствовали и облегчение и страх одновременно.

— Не кажется ли вам, что вся эта выдумка с возвращением в Моху принадлежит достопочтенному таизскому доле? — спросил Крамер. — Все горожане послали ему, как то предписывает традиция, подарки к празднику, а мы об этом даже и не подумали. Ведь он нам на повоселье пожаловал барашка. Вот он с лошади слетел и, паверное, разбился, а меня позвать не соизволил. Это что-нибудь да значит.

— А может быть, дола рассердился на ваше упрямство, Форскол? — присоединился к разговору художник. — Он по-своему отвечает за нас, а вы явно решили копчить жизнь самоубийством, причем в одиночестве, среди горных отрогов.

Форскол рассмеялся.

— Вот уж не собираюсь служить здесь удобрением. А отвечаем мы за себя сами. Кто отвечал за Хавена? Чему быть, того не мниовать. А со мной ничего не случится, уверяю вас. Я найду общий язык с долой, с шейхом, с чертом или с самим Аллахом!

Я вернусь целым и невредимым, меня никто не тропет. Да и Карстен поддержит меня, не правда ли?

— Вы знаете, Петер, любой исход этой затеи дурен, — сказал Нибур, подумав. — Мы не должны ставить в вину доле его запрещение. Ведь он просто хочет предотвратить напрасное убийство. Наша смерть будет на его совести. Ну а если мы вернемся с гор целыми и невредимыми, как вы говорите, то представьте себе, что скажут местные жители: «Единственные люди, которым удалось побывать наверху, — франки. А нас там убивают. Значит, эти франки против нас, заодно с шейхами». Это ли ответ на гостеприимство? И зачем нам наживать здесь врагов? Даже во имя науки.

Решили объясниться с долой. Однако их к нему не пустили, сославшись на то, что он болен. А наутро у стен их дома снова появились верблюды и осел с погонщиком, которому было приказано сопровождать их в Моху. Участники экспедиции снова отказались трогаться с места. На этот раз к доле отправили Берггрена, приказав не уходить, не получив ответа. Берггрен пробыл у ворот губернаторской резиденции целый день, пока ему не передали: доля хочет говорить не со слугой, а с его господами, пусть придет кто-нибудь из ученых чужестранцев.

Пошел Форскол. Войдя к доле, он смиренно заявил:

— Да будет восхвален Аллах! Но пути Аллаха неисповедимы! Зачем ты, доля, хочешь вернуть нас в Моху? Если тебе не по праву моя затея посетить горы, то я могу от нее отказаться. Но позволь нам мирно дожидаться в Таизе ответа от имама, мы надеемся, что он будет положительным, и тогда благословенный путь поведет нас в Сану. Да процветает твой дом!

Но доля не желал ни о чем слушать. Да, он призвал господина ученого, но лишь потому, что тот не верит слугам доли. А он, доля, действительно получил послание из Мохы, в котором его просят немедленно отправить их туда обратно, и решительно настаивает на их отъезде.

Спорить было бесполезно. Форскол вернулся чрезвычайно огорченный. Мрачно запаковали вещи, приготовили все к отъезду. Оставалось только дожидаться верблюдов.

Однако на следующее утро все переменялось. Прибыл гонец от доли из Мохы с несколькими посланиями. В одном из них, обращенном к ним, говорилось, что имам не возражает против посещения ими Саны, нужно только обязательно взять с собой диковки, которые они показывали в Лохейе и в Мохе; в другом послании, адресованном доле Тапза, содержалась просьба как следует снарядить чужестранцев в дорогу до Саны: третье служило рекомендательным письмом к везиру имама Факиху Ахмеду.

Значит, никакого письма до этого тапзский доля не получал, значит, вся история с их немедленной высылкой в Моху — злобая выдумка! Путешественники чуть не плакали от обиды и собственного бессилия.

Они были готовы тотчас же отправляться в Сану, но теперь не

оказалось верблюдов. Форскол кинулся к погонщикам, однако те идти отказались; сначала они должны получить распоряжение, сколько взять верблюдов и куда держать путь, а это распоряжение может дать только сам дола. Форсколу ничего не оставалось делать, как опять идти на поклон к доле.

И снова неудача: уже наступил вечер, а в это время дола всегда находится в гареме. Форскол был вынужден оставить для долы записку и уйти. Так пропал еще день.

Утром пришел ответ: дола уже прислал верблюдов для отправки чужестранцев в Моху; что же касается их поездки в Сану, то это — повеление долы Мохи; его, долы Таиза, оно не касается, так что он чужестранцам ничем помочь не может.

Что делать теперь? Не идти же им с таким грузом пешком!

— Проклятая страна, — ворчал Берггрейнд.

— Не пойти ли нам к кади? — предложил Бауренфейнд. — Однажды в трудную минуту кади нас уже выручил.

Пошли к кади, показали ему все бумаги и, набравшись храбрости, пожаловались на долу. Кади удивился, заявил, что это вопиющая несправедливость, и тотчас же написал доле, упрекая его в том, что он смеет нарушать приказ имама и насильно задерживать иностранцев в Таизе. Дола ответил, также письменно, что он и не думает никого задерживать, просто ему требуется еще один день, чтобы приготовить для чужестранцев верблюдов, погонщиков и написать необходимые послания. Правда, Форсколу через привратника было передано, что они смогут уехать лишь через три дня.

27 июня, утром, слуга долы передал им последнее распоряжение своего господина: верблюды готовы, чтобы немедленно отправляться в... Моху. Форскол выгнал слугу за ворота и, вернувшись, в изнеможении опустился на землю посреди двора.

— Душит что-то... здесь. — Он держался рукой за грудь.

Это было полнейшей неожиданностью. Неутомимый Форскол никогда ни на что не жаловался.

Крамер бросился к нему на помощь.

— Ничего, сейчас пройдет... пустяки, — кривясь от боли, улыбнулся Форскол.

— Ну уедем же мы отсюда когда-нибудь! — воскликнул Нибур.

— На тот свет, — дрогнувшим голосом заметил Бауренфейнд.

Он сидел в углу двора со своим неразлучным альбомом и что-то задумчиво чертил в нем. Его мучило, что он ничем не мог помочь: языка он не знает, долы в глаза не видел, в местных обычаях не разобрался. Его дело — рисовать — вот он и рисует. Сейчас ему было по-настоящему страшно, и он снова замолчал.

— Может быть, этот дола тоже хочет получить от нас подарок? Может быть, следует заплатить ему? — тоскливо спросил Крамер.

— За что? — Форскол даже подскочил от злости. — За что? — повторил он. — За подлость, за обман, за унижения? Не давайте на это грязное дело ни талера, Карстен!

— Вы правы,— согласился с ним Нибур, радуясь, что перед ним прежний Форскол.— Это был бы не подарок, а подкуп. Постараемся остаться честными до конца.

— Вы жадничаете, Нибур, бережете королевские деньги, а это может стоить нам жизни,— возразил Крамер.

— Человеком должны руководить доброта, уважение, понимание, а не корысть и подлость. Предлагать сейчас доле деньги — та же подлость. Я сам схожу к кади.

Форскол присоединился к нему. Кади был по-прежнему внимателен, любезен. Прежде всего он снова написал записку для передачи доле. В ней было ясно сказано: «Не занимайся вымогательством, потому что они — друзья». Нибур и Форскол переглянулись. Значит, Крамер был прав. Затем кади написал письмо в Сану везиру Факиху Ахмеду. Оно начиналось словами: «Если тебе скажут что-нибудь порочащее этих ф'рашков, не верь. Помоги им всем, чем можешь, они — друзья».

Покончив с письмами, кади сказал:

— Верблюдов вы получите, но места здесь беспокойные, поэтому вам опасно продолжать путь одним. Погонщики в таких делах мало помогают. Я дам вам верного человека из своих слуг. Он не оставит вас, положитесь на милость Аллаха!

Когда они передавали записку доле, привратник сообщил им, что господин заболел и принять их не может. «Наверное, он так разозлился от нашего упрямства, что действительно заболел. Или же тут шла какая-то неведомая нам борьба, которую доля проиграл и потому теперь не хочет показываться нам на глаза», — подумал Нибур. Привратник сообщил им ответ доли. Этот ответ гласил: доля якобы только сейчас получила приказ от самого пмама отправить их в Сану. В доказательство своих добрых чувств к чужестранцам он не только дает им верблюдов, но и посылает с ними своего слугу, так как у того родственники в Сане и он хочет их навестить.

На прощание Нибур и Форскол решили преподнести кади в подарок часы, но его писец уверил их, что кади ничего не возьмет, дабы в его справедливости никто не смог усмотреть корысть. Тогда ученые еще раз зашли к кади и искренне поблагодарили этого благородного человека.

Как много анекдотов и смешных историй читал и слышал Нибур о глупых кади! Все эти рассказы созданы народом, а народ любит посмеяться над сильными мира сего. Вот и кади часто представлены в устной молве тупыми и корыстолюбивыми. Теперь же перед ними был живой пример истинного бескорыстия и высокой справедливости.

НЕСЧАСТЬЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

29 июня 1763 года путешественники двинулись наконец к заветной Сане. Такого трудного перехода у них еще не было. На пути в глубь страны жильё не попадалось сутками. Запасов про-

вианта из-за поспешного отъезда из Таиза они не сделали. Их маленький караван передвигался на этот раз на верблюдах, которые были не столь подвижны, как ослы, и в гористой местности доставляли немало хлопот.

Нибур, вымеряя расстояния, вышагивал порою один и тот же отрезок пути по несколько раз. Он уже давно определил, что в жару шаги меньше, а после наступления прохлады — больше, находил среднюю величину и потом пересчитывал ее в немецкие мили. Дневники Нибура снова заполнялись записями: «Дорога два часа вела на северо-восток мимо кофейни Аден до селения Джафар. Господин Форскол проследовал до горы Заурек, а от нее сходил два часа на северо-восток до Джанада — места, которое много лет назад славилось мечетью Маад ибн Джебел и от которого ныне ничего не осталось, кроме названной мечети и нескольких домишек. Местность вокруг Джафара именуется Хаубан — по названию горы, расположенной на восток от горы Сабр. От Джафара мы проследовали на север и северо-восток до Амаки. На этом пути мы не обнаружили ничего, кроме плохих кофеен... Городок Амаки находится в достаточно плодородной долине; несколько лет назад он был так разрушен, что в нем осталось лишь несколько домов. Тем не менее здесь каждую неделю бывает ярмарка. От Амаки — на северо-северо-восток до селения Каада, расположенного на возвышенности...»

Рядом с этими лакопичными записями заносились результаты астрономических измерений, топографических съемок, ежечасные наблюдения за климатическими и природными условиями. Так рождалась карта Йемена, фиксировались первые сведения о неведомых европейцам местах.

Дни сменялись ночами, ясная погода — дождливой, а путники все шли и шли, разглядывая, вымеряя, записывая, исследуя, зарисовывая.

Из-за резких перепадов температуры Нибур все время чувствовал себя простуженным, но это было еще полбеды; Форскол вдруг признался, что он очень ослабел и едва ли способен самостоятельно по двигаться дальше.

— Здоровье приходит сквозь игльное ушко, а болезнь обрушивается потоком. Эту пословицу я тоже слышал у арабов, — повторял он, словно оправдываясь.

Его привязали к верблюду и ни на секунду не выпускали из поля зрения. С каждым днем ему становилось хуже. Крамер все время шел рядом с Форсколом, поддерживая его. Тот по-прежнему ни на что не жаловался и, как всегда, старался шутить. Мпнутами казалось, что все прошло: Форскол подтягивался и держался с былой бодростью.

Гористая местность делала передвижение чрезвычайно медленным. Некоторые склоны были так круты, что верблюды взбирались на них с трудом; порою приходилось снимать с них поклажу. Когда же путешественники добрались до селения Менсиль, где можно было дать отдых измученному Форсколу, погонщики взбун-

товались: здесь не было корма для верблюдов. Они согласились нести Форскола на руках, лишь бы двигаться дальше.

Снова неприветливая горная дорога. У Нибура от прохладных почей началась лихорадка. К тому же они стали ощущать пехватку воды. Между Таузом и Менсплем встречалось так много источников, что они и не подумали запастись водой.

Но вот наконец показалось селение Ярм. Собственно, оно даже не было похоже на селение — всего лишь утес с турецкой крепостью наверху. Однако здесь обычно делали остановку торговые караваны, следующие из Тауза в Сану. Недалеко от Ярима некогда находилась столица химьяритского государства Зафар.

Нибур и его спутники нашли приют в лачуге. Они решили задержаться в Ярме до выздоровления Форскола. Однако на следующее утро Форскол не проснулся. Это произошло 11 июля 1763 года.

Оставшиеся в живых почувствовали, что оспротели. Форскол был душой экспедиции. Веселый и неутомимый, он больше всех верил в успех дела. Его мужество, его непреклонная решительность, его юмор всегда поддерживали их в трудные минуты. Он был более зрелым, опытным, чем остальные. Легко уживался с людьми, умел убеждать их и незаметно руководить ими. К тому же он хорошо знал восточные языки и даже диалекты. Поэтому он брал на себя самое трудное — переговоры с властями, установление личных контактов. В экспедицию все были включены на равных, каждый со своим определенным делом, причем Нибуру было поручено хранить казну и распоряжаться ею. И все же именно Форскол был негласным главой экспедиции. И именно в нем Карстен Нибур, с детства лишенный душевного участия, обрел друга. Большого горя он не испытывал в жизни.

Нибур поднялся на плоскую крышу. Никто не должен был видеть, как он плачет. Трудное детство воспитало в нем сдержанность, но сейчас, может быть впервые в жизни, он дал волю чувствам. Слишком долго он подавлял их, слишком долго старался быть трезвым, рассудительным, спокойным. Он словно выплеснул все накопившиеся переживания и плакал горестно, надрывно... Затем, немного успокоившись, задумался о будущем. Ну вот, теперь из ученых он один остался в живых. Бауренфейнд занят своим делом, Крамер неплохо лечит местных жителей, а чем он, Нибур, помог Хавену и Форсколу? Да и мог ли помочь? Ведь они, выходя из другого мира, чужды не только этим людям, которые способны убить и спасти, предать и приветить, они чужды этому климату, этим условиям, этим обычаям, воде, пище. Как приспособиться к окружающему? Прав ли был он, уговаривая остальных продолжать этот пелегкий путь? Да, Форскол был им примером. Он никогда не ждал удобств и милостей, он умел со многими мириться, работать и терпеть. А может быть, как раз это и стало причиной его гибели? Если бы он хоть раз сказал им в Таузе, что с ним. Хоть раз! Карстен вспомнил, как однажды Форскол упал посреди двора. Тогда все объяснили это усталостью, душевной опус-

тошенностью. Если бы он сказал... Так что же, значит, надо цепляться за жизнь, беречь себя? Да, наверное, надо. Форскол был не прав. Бравада может стоить жизни, помешать общему делу. Вот теперь и всем нам труднее, и научные задачи экспедиции поставлены под угрозу. Каждый из нас — не просто песчинка в житейской пустыне, нет, это часть мироздания, где все связано, сцеплено, скреплено воедино...

Нибур отметил смерть Форскола у местного кади, а затем направился к доле Ярима. Тот потребовал, чтобы ему было передано все, что осталось от покойного, так как он умер на его земле. Если бы он знал, что в багаже Форскола были лишь дохлые рыбы, пауки и битые ракушки! Нибур вспомнил, что после смерти Хавепа в Мохе доля не требовал ничего, значит, такого закона не существует. Правда, тот настаивал на подарке, но это уж к закону не имеет отношения.

— У нас, европейцев, — сказал Нибур, подумав, — тоже положено властям платить определенные деньги. Только под расписку. А ваших расцепок, почтенный, мы не знаем. Поэтому скажите, сколько в Йемене берут по закону за то, что человек умирает на вашей земле.

Дола, уже осведомленный о том, что чужестранцы держат путь в Сапу к самому пмаму, на всякий случай назвал ничтожно маленькую сумму. Нибур понял, что доля просто испугался, и тотчас же расплатился, даже не взяв расписки.

Похоронить Форскола решили на краю селения, среди развалин. Тело усопшего завернули в холст. Нибур увидел на лице друга застывшую улыбку и содрогнулся — никакое мужество не властно преодолеть этот дикий, необратимый процесс, называемый смертью.

Долго сомневались, пужно ли класть тело в ящик, не наведет ли это на мысль о том, что в нем спрятан клад. И все-таки сколотили некое подобие гроба: такого человека следует хоронить похристиански!

Дола прислал своих людей ночью. Нибур не мог двинуться с места. В нем все оцепенело, ему казалось, что это его самого будут сейчас опускать в чужую землю. Крамер настоял на том, чтобы он вместе с Берггеном остался в доме. Арабы подняли гроб и нырнули в зловещую темноту. Крамер, Бауренфейнд и слуга, пришедший с ними из Таиза, едва догнали их. Все закончилось в считанные минуты.

Позднее, в Сане, Нибур узнал, что вскоре после их отъезда из Ярима могилу раскопали и украли холст и ящик, бросив тело. Но по повелению доли захоронение было произведено еще раз, хотя, разумеется, уже без всякого гроба.

Теперь путь лежал на северо-запад, по равнине, покрытой скудной растительностью. Здесь встречались укрепленные поселения, поля и даже ручьи, которые из-за малого количества осадков не имели стока к морю. Внезапно заморосил дождь. На влажных гористых склонах Нибур разглядел листопадные леса, заросли кактусового молочая. Коллекции Форскола продолжали свой путь без хозяина. Теперь Нибур чувствовал себя ответственным и за эти бочонки, сосуды и ящички.

А впереди путников ожидали новые сюрпризы. Из-за их задержки в Яриме в следующих поселениях стало известно, что в этом краю появились франки, направляющиеся в Сану. Подозревая чужестранцев в агрессивных намерениях, жители каждой деревушки заранее выходили им навстречу, но не с хлебом и солью, а с камнями в руках.

Крамер предложил вызвать охрану, но оказалось, что во всех окрестных селениях, включая также большие, как Дамар и Хадафа, у долы всего 30 солдат, да и те боятся встречи с местными жителями. Оставалось лишь надеяться, что арабам все это в конце концов самим надоест. А тут еще разболелся Бергрэн. Когда его хотели оставить в селении, жители которого были настроены более дружелюбно, там откровенно заявили, что в дом его все равно никто не впустит, ибо, если он умрет, никому не захочется возиться с его погребением.

16 июля экспедиция наконец прибыла в Сану. Перед самым городом Нибур, Крамер и Бауренфейнд сочли нужным переодеться. До сих пор они путешествовали в бедных турецких одеждах, которые к тому же за время последних переездов приобрели жалкий вид и висели лохмотьями. Теперь же, поскольку в Сане им предстоял визит к имаму, они вытряхнули, из тюков новые арабские шаряды, более приличествующие подобному случаю. Одного из слуг путешественники послали вперед, чтобы известить о своем прибытии везира имама Ахмеда. Тот, в свою очередь, отправил им навстречу одного из своих людей. Рассыпаясь в любезностях и стигбаясь в поклонах, посланец сообщил им, что их уже давно ждут и что всемогущий имам приготовил для них на целый месяц дом с садом в предместье Эль-Бир-эль-Азб (по-арабски «Пресный колодец»); он их сейчас туда проводит, но для этого надо спешиться. Нибур решил, что дом находится где-нибудь поблизости, но они все шли и шли пешком, в то время как местные жители ехали на осликах и верблюдах.

— Плохая примета, — шепнул Нибур Бауренфейнду. — Там, где чужестранцев заставляют идти пешком, ничего хорошего не жди.

В предназначенном для них жилище оказалось несколько больших пустых комнат, и оно действительно было окружено прекрасным фруктовым садом. Окна смотрели в большой внутренний двор, посреди которого журчал фонтан, наполняя воздух приятной свежестью. Здесь же находилось замысловатое сооружение — коло-

дец. Воду оттуда доставали с помощью бурдюка, прикрепленного к веревке, перекинутой через колесо. Другой конец веревки тянул осел.

— Имам просит извинить его,— сказал гонец,— но в ближайшие два дня он занят и не сможет принять чужестранцев.

На это чужестранцы благодушно ответили, что они никуда не спешат и готовы ждать, так как их основная задача — знакомство с городом, его окрестностями, архитектурой, населением, наречиями.

— Имам просит извинить его,— продолжал гонец,— но, не получив у него аудиенции, чужестранцы не смеют покинуть это жилище.

И исчез.

— Когда-то в караване можно было по крайней мере достать хлеба и воды,— с грустью сказал проголодавшийся Бауренфейнд.

— Виноград много полезнее,— заметил Крамер, отправляясь в сад, где тяжелые, тугие кисти плодов буквально застилали небо.— Никогда не ел ничего вкуснее! — крикнул он оттуда через минуту.— В нем же совсем нет косточек!

Нибур тоже вышел в сад. Набив рот маленькими, почти белыми ягодами, он буквально проглотил все без остатка. Действительно сплошная мякоть. Сорвал еще кисть и обнаружил едва заметные, крошечные семена. Такого винограда им еще не приходилось видеть.

На следующее утро три до отказа нагруженных верблюда доставили им от имама пять баранов, много риса, овощей, дрова и даже свечи. Усвоив, что из дома им выходить запрещено, путешественники пригласили к себе местного жителя — молодого еврея, с которым познакомился на судне, когда плыли в Лохейю. Он попал как бы под покровительство европейцев и всячески старался услужить им. Вот и теперь он не только охотно откликнулся на их приглашение, но и привел с собой друга-астролога, потому что помнил, что чужестранцы хотели узнать еврейские названия небесных светил. Но тут неожиданно объявился вчерашний гонец и разъяснил, что до аудиенции у имама им вообще нельзя ни с кем видаться и что это правило распространяется как на иностранных послов, так и на арабских послов в иных державах. Нибур тут же вспомнил, что в Копенгаген незадолго до их отъезда прибыл посол папы из Триполи и что он действительно ни с кем не встречался, пока не был принят государственным министром Дании.

Через два дня, как и было обещано, чужестранцев пригласили к имаму Аббасу аль-Махди. Когда участники экспедиции прибыли во дворец Бустан-аль-Мутаввакиль, придворные им рассказали, в чем будет заключаться церемония приема, и Нибур стал судорожно заучивать слова приветствия имаму и варианты ответов на его возможные вопросы. В этот момент он особенно остро почувствовал отсутствие Форскола, легко применявшегося к любой ситуации. Теперь ему приходилось все переговоры брать на себя, что

давалось ему с великим трудом, ибо он никогда красноречием не отличался.

Нибур понимал, что едва ли встреча с имамом будет происходить наедине, но никак не ожидал увидеть такое скопление людей. Дворец был набит телохранителями, слугами, рабами, евнухами. Чпновник, сопровождавший их, буквально кнутом пробивал дорогу. И вот они в огромном сводчатом зале с фонтаном посредине. В глубине зала, на возвышении, к которому вело несколько ступенек, стоял трон. На троне, сложив по-турецки ноги, сидел имам, одетый в светло-зеленую накидку с широкими и длинными рукавами. На груди у него красовался большой золотой бант, на голове — белоснежная чалма. На вид имаму было лет сорок пять, кожа у него была темная. По обе стороны трона лежали подушки. Справа располагались сыновья имама, слева — братья. Нибур знал, что всего у имама около двенадцати братьев и что некоторые из них похожи на африканцев.

На одну ступеньку ниже трона стоял везир Факих Ахмед. «Факих» означало не имя, а титул — «мудрец». Еще ниже выстроились советники, военные чины и шейхи. Европейцев подвели к трону. Нибур твердо помнил, что он должен поцеловать имама правую руку, как с тыльной стороны, так и ладонь, и одежду на его коленях. Он поклонился. Наступила мертвая тишина. Но едва он прикоснулся к руке имама, как глашатай, стоявший где-то сзади, прокричал согласно ритуалу слова здравицы в честь имама: «Аллах милостивый, милосердный, сохрани великого имама на благо всех верующих и верных!» Такими же криками ему вторгли все присутствующие. Нибур чуть не упал от неожиданности, но с целованием руки и одежды кое-как справился. «Вот так и в Германии студенты торжественно приветствуют какую-нибудь важную персону, только они кричат: „Hoch! Hoch!“», — пришло ему в голову.

Теперь он должен был произнести приветствие, которое долго заучивал. Но роскошь убранства, многолюдье, застывшая, словно мраморная, фигура имама, а тут еще этот немислимый крик так подавили бедного географа, что он не мог рта раскрыть. Тогда Факих Ахмед что-то стал быстро говорить имаму, и Нибур с удивлением отметил, что он не понимает ни одного слова. Видно, это был санский диалект. Поэтому пришлось объясняться через переводчика. Нибур сказал, что они воспользовались Красным морем как кратчайшим путем из Дании в Индию, забыл сообщить о научных целях экспедиции, но, к счастью, не преминул выразить восхищение справедливостью и порядком, которые царят на земле имама.

— Теперь же, о высокорожденный имам, — заключил Нибур, — мы, охваченные интересом ко всему тому, с чем встретились здесь, решили поближе познакомиться с нравами вашей страны, чтобы в дальнейшем восславить их у себя на родине. Да наградит вас всемогущий за вашу царственную любезность и щедрое гостеприимство!

— Добро пожаловать в пашу страпу, великодушный чужестранец,— отвечал ему имам.— Вы располагаете здесь полной свободой и можете пребывать на этих землях столько, сколько позволят вам ваши дела и интересы, и до той поры, пока сердца ваши будут находить здесь удовольствие и радость. Да будет на то воля Аллаха!

Вся эта пысканная беседа заняла несколько минут. Затем столь же торжественно попрощались, глашатай снова прокричал что-то во славу имама, его здоровья и могущества, и европейцы покинули дворец.

— А я вообще не слышал ни единого слова,— признался Бауренфейнд на обратном пути.— Я смотрел по сторонам, стараясь запомнить все детали. Не мог же я перед самым носом имама выпнуть лист бумаги и пачать его рисовать. Тогда нас всех вытолкали бы в шею.

Нибур рассмеялся. Нервное напряжение наконец исчезло.

— Особенно если учесть, что ислам вообще запрещает изображать живые существа,— сказал он.— Недаром в одном из хадисов говорится: «Несчастье тому, кто будет изображать живое существо! В день Последнего суда лица, которые художник представил, сойдут с картин и придут к нему с требованием дать им душу. Тогда этот человек, не могущий дать своим созданиям душу, будет сожжен в вечном пламени».

— Значит, я уже обречен гореть в аду,— сказал Бауренфейнд.— Изображая местные наряды и головные уборы, я уже запечатлел немало человеческих лиц. Как вы думаете, Карстен, Аллах простит меня?

— Не печалься, о чужестранец! Аллах велик, и милосердие его безгранично, ибо потомки воздадут тебе должное за твой труд,— воздев руки к небу, произнес параспев Нибур.

— А я думал,— сказал Крамер,— что вы, Карстен, опишете имаму все, что нам пришлось пережить в Мохе и Таизе. Как-никак это его владения.

— Я уверен, Георг, что все происшедшее там не должно служить обвинением народа в целом,— упрямо произнес Нибур.

— Вы чересчур снисходительны или просто упрямы, Карстен,— сказал Крамер.

— Нет, он просто боится обидеть туземцев,— заметил Бауренфейнд,— не так ли?

— Конечно,— признался Нибур.— Тут надо быть осторожным. Не следует критиковать то, что не правится, но и не стоит завоевывать расположение арабов лестью. По-моему, они любят искренность и сами прекрасно знают собственные недостатки. Но, как и все остальные народы, они вовсе не желают, чтобы их высмеивали.

После аудиенции у имама путешественники посетили Факиха Ахмеда. Везир просил их захватить с собой диковинки: подозрные трубы, компас, карты, гравюры, книги. Все то, что для Нибура и его спутников было предметами повседневного быта, здесь вызывало удивление. Нибур не рискнул взять с собой лишь некоторые цен-

ные астрономические приборы, опасаясь, что их захотят показать имаму и они могут пропасть.

Его страхи были напрасны. Факих Ахмед вел себя очень достойно. При этом он проявил не только любознательность, но и завидную для йеменца осведомленность. Он больше других общался с иноземцами — турками, персами, индийцами — и, видимо, от них сумел многое узнать. Все йеменцы, с которыми Нибуру приходилось до сих пор говорить о географическом расположении страны, считали, что Европа находится на юге. Это мнение основывалось на том, что европейские корабли прибывали сюда с юга через Баб-эль-Мандебский пролив. О существовании карт здесь почти никто и не подозревал. А Факих Ахмед знал, где какие части света находятся и какие страны там расположены, какие выходят к морю и какие славятся военным и торговым могуществом.

Приближенные имаму, в том числе и Факих Ахмед, несмотря на рекомендательные письма, были уверены, что прибывшие в Сану европейцы — просто купцы и им что-то нужно от местных властей. Но европейцы вели себя независимо, ничего не просили и были скорее похожи на мусульманских дervишей. И уж совсем никто не ожидал, что они, ничего не попросив взамен, подарят везиру часы и некоторые физические приборы. В Османской империи власти смотрят на подарки как на своеобразную дань, обязательную для всех — и местных и приезжих. А здесь и имам, и его везир ни на что не рассчитывали, чем, в свою очередь, удивили европейцев. Одним словом, обе стороны испытывали приятное разочарование.

Теперь, когда с официальной стороны было покончено, Нибур смог заняться осмотром города и его окрестностей. «Сана — 15°21' северной широты.— записал он в дневнике.— Расположена у подножия горы Нуккум, или Локкум, на которой сохранились остатки крепости, построенной, по преданию, сыном Ноя — Симом. С другой стороны города, а именно с западной, протекает маленькая река... Со стороны реки находится Бустан-аль-Мутаввакиль — большой сад или, вернее, пригород, заложенный имамом Мутаввакилем. Правящий ныне имам построил в нем роскошный дворец. Все это обнесено стеной из обожженного кирпича и украшено башнями, отстоящими друг от друга примерно на тридцать двойных шагов...»

Через Сану еще в средние века пролегалли торговые пути из Южной Аравии в страны Средиземноморья. После того как Сана стала резиденцией зейдитских имамов, город начал заметно разрастаться и богатеть. Иноверцам, как правило, зейдиты вход в Сану запрещали.

Нибур обошел вокруг Саны несколько раз и отметил, что это занимает один час восемь минут. Хотя город был густо населен, он не вызывал давящего ощущения тесноты; напротив, здесь было много садов, особенно в его западной части, за что она получила название «Садовый город». Нибур осмотрел спаружи много мече-

тей. Некоторые из них возведены турками. Аббас аль-Махди построил лишь одну, где определил место своего будущего захоронения, зато возвел несколько дворцов, в небольшом городе они сразу бросаются в глаза. Помимо резиденции имама Нибур увидел Бустан-ас-Султан, Дар-ан-Наф, Дар-Фатх, нарядные, сложенные из камня.

Чуть ли не каждый дом казался Нибуру миппаторной крепостью: высокие глинобитные стены без окон, небольшие ворота, иногда башни. Только в одном доме оконные проемы были закрыты стеклами. В остальных постройках вместо окон отверстия или щели над дверьми, заделанные слюдой. Лишь очень богатые арабы могут позволить себе ставить цветные витражи, ввозимые из Венеции. Плоские крыши домов, как и везде на Востоке, предназначены для приема гостей или для отдыха.

Жизнь города подчинена торговле. Поэтому в Санае Нибур увидел немало караван-сараев, этих традиционных восточных приютов для странников и торговцев. Караван-сарай имеет обычно большой двор, обнесенный стенами, в которые с внутренней стороны ввинчены кольца, к ним привязывают вьючных животных. Караван-сарай служат и базарами, где торгуют углем, зерном, маслом, солью и особенно фруктами, которые лежат на прилавках горами, поражая богатством и разнообразием, — груши, абрикосы, персики, инжир, виноград. Нибур насчитал двадцать сортов винограда и узнал, что некоторые сорта хорошо сохраняются в подвалах, поэтому виноград продается в Санае круглый год. Город мог бы быть залит вином, но употребление спиртного в мусульманских странах находится под запретом. Поэтому занимающиеся виноделием евреи и персы стараются делать это втихомолку, опасаясь наказания.

Торговлей занято буквально все мужское население Саны, но хлеб продают женщины. Есть в городе и специальный рынок, где старую одежду можно обменять на новую. Ремесленники — портные, кузнецы, сапожники, ювелиры — разбили свои палатки прямо на улицах. Тут же за столиками приютились писцы, готовые за небольшую мзду составить любое прошение.

Горы, окружающие Сану, лишены лесов. Поэтому строят здесь, как и везде в Йемене, из камня, а топят каменным углем или изредка торфом. Но торф плохой, к нему надо добавлять солому, чтобы он горел.

По просьбе Нибура его сводили в крепость, расположенную на горе Гумдан. Там живут члены семьи имама, тогда как сам имам основную часть времени проводит в одном из своих дворцов. Пушки расположены на стенах или прямо на песке в воротах. На некоторых орудиях Нибур разглядел надписи. Вдруг он невольно вздрогнул, увидев на гаубице надпись: «Georg Gelos gos mich 1513»¹.

Затем Нибур спустился в предместье Саны, нанося на карту и записывая в дневник каждую географическую деталь. Повсюду в

¹ «Отлил меня Георг Гелос в 1513 году» (старонем.).

Аравии вода — редкость, а здесь она свободно стекает с горы Пук-кум. «Как странно, — думал Нибур, — что народ, обрядность которого основана на омовении, чаще всего лишен воды. Где вода в пустынях? А ведь молиться приходится и там. Нет ли в этом противоречии какой-то закономерности? Возвести недоступное в обязательное — разве в этом не ощущается божественная воля?»

К религии в Сане, как, впрочем, и повсюду на аравийской земле, относятся очень серьезно. Каждую пятницу, считающуюся у мусульман праздничным днем, имам посещает большую мечеть. Столь грандиозной процессии Нибур еще не видел. Сначала маршируют солдаты, затем в роскошном паланкине несут имама, которого сопровождает местная знать — человек шестьсот гарцуя на красавцах скакунах, остальные идут пешком. В голове и в хвосте процессии несут знамена, увенчанные серебряными паконечниками, в которые заключены амулеты. Завершают шествие толпы простого люда. При приближении имама к мечети солдаты дают несколько ружейных залпов. После молитвы знатные всадники соревнуются между собой в верховой езде.

Нибур, Бауренфейнд и Крамер начали подумывать об отъезде — ведь в Мохе готовилось к отплытию английское судно. Согласно ритуалу, да и по велению души, они панесли прощальный визит имаму. На этот раз прием происходил скромно. Имам сидел не на троне, а на плетеном стуле, будто взятом напрокат в какой-нибудь европейской загородной вилле, и в зале были лишь Факих Ахмед и семеро рабов-телохранителей. Имам держался просто и с интересом рассматривал все заморские диковинки, которые они по просьбе Факиха Ахмеда принесли с собой. Нибур и его спутники быстро освоились, перестали чувствовать напряжение. Имам расспрашивал о жизни в Европе, о торговле, науке и искусстве европейских стран. Чужая земля, чужие люди, чужой язык, а как, оказывается, близки могут быть их интересы, — приходило на ум Нибуру.

Имам достал шкатулку, в ней лежали лекарства — подарок какого-то заезжего англичанина. Теперь оживился Крамер. Он знал название каждого снадобья и его назначение. Имам радовался, как ребенок, и велел рабам все это записывать.

Каждому из европейцев имам подарил традиционный наряд знатного йеменца: тюрбан, длинную льняную рубаху, шаровары, тунику с большим поясом, за которым йеменцы обычно носят кривой кипжал, джамбию, и четки. Тюрбан был так огромен, что давил на шею и даже на плечи. Чулок в Йемене никто не носил, и туфли надевались на босу ногу. Позднее неизвестный художник изобразил Нибура в этом пышном наряде.

Поцеловав имаму руку и сердечно распрощавшись с Факихом Ахмедом, европейцы покинули дворец. Перед отъездом из Саны они неожиданно получили письменное распоряжение имама доле Мохи выплатить им 200 талеров, что тот впоследствии и сделал с величайшей неохотой.

НОВАЯ БЕДА

26 июля 1763 года путешественники отправились в обратный путь в Моху. Они боялись, что английское судно отплывет в Бомбей до их возвращения, поэтому избрали кратчайший путь через горы. К тому же новый путь обещал и новые впечатления. Нибур продолжал уверять своих спутников, что здесь путешествовать не опаснее, чем в Европе: к климату они привыкли, за плечами у них благословение самого имама, материализованное, кстати, в письменных повелениях. Да, все это было так, по неведомая земля готовила им все новые и новые сюрпризы. Почти беспрерывно шли дожди, застилая п горы, и ущелья, и вереницу людей, упрямо шагавших по узкой тропе меж крутых скал. А дорога все время вела вверх, так что даже верблюды и ослы спотыкались и требовали отдыха.

В каком-то узком ущелье они застряли надолго: впереди зиял провал, размытый водой. Погонщики предложили вернуться в Сану и оттуда идти старой дорогой — через Таиз. Нибур избрал другой выход — засыпать провал камнями. Эта работа заняла несколько часов. Огромные камни с трудом можно было сдвинуть с места, люди от усталости валялись с ног, стоял неумолчный грохот, на них то и дело обрушивался ливень. Погонщики и проводники сначала с интересом наблюдали за странным занятием европейцев и, лишь увидев, что оно дает какие-то результаты, предложили свои услуги — за плату, конечно. В конце концов препятствие было успешно преодолено.

На следующий день горы оказались позади, и путешественники вступили в чудесную зеленую долину. Вскоре им встретился большой караван. Какие-то люди без вещей и без шатров целыми семьями бродили по долине. Одна девушка отделилась от остальных и подошла к ним. По ее жестам, ужимкам, выражению лица они поняли, что она просит подавание. Погонщики посоветовали дать ей денег, иначе она не отстанет или, еще хуже, приведет других и вместе они что-нибудь украдут. Нибур и так был огорчен: у него пропал компас. Пришлось скрепя сердце пожертвовать ей несколько монет.

Случилась и еще одна беда: на путников налетел рой саранчи, ослы остановились как вкопанные. Саранча лезла в глаза и уши. Это воистину была «тьма египетская». Разогнал саранчу лишь неожиданно налетевший ветер. Однако не прошло и часа, как воздух опять стал недвижим и все вокруг окутала палящая жара, от которой спрятаться было некуда. Отчаянно хотелось пить, но колодца с пресной водой все не было и не было. Жажду удалось утолить лишь в городке Хаджире, уютно разместившемся в роще бальзамовых деревьев. На главной площади стояли три каменных резервуара с водой: в одном была питьевая вода для людей, в другом — для животных, в третьем — вода для мытья. Воспользовавшись посланием имама, европейцы сумели сменить верблюдов и погонщиков.

5 августа путешественники были уже в Мохе, где не без удовольствия встретили своего друга Фрэнсиса Скотта. От него они узнали, что английское судно еще даже не готово к отплытию.

Тяжелая дорога не прошла для них даром. 8 августа заболел лихорадкой Нибур, а вслед за ним слегли Крамер, Бауренфейнд и Бергрэн.

Скотт мобилизовал все средства, имевшиеся в распоряжении местных англичан, чтобы вылечить злосчастных европейцев. 23 августа, к моменту отплытия судна, только Нибур оправился от болезни. Тем не менее было решено плыть именно на этом судне: другому ждать долго, а здесь рядом люди, ставшие друзьями.

Однако судно сразу же попало в шторм. Пришлось вернуться в порт. Потом долго не могли сняться с якоря. Когда наконец рискнули выйти в море, шторм налетел с новой силой. Бауренфейнду стало совсем плохо. Он уже ничем не интересовался, не мог говорить. У входа в Баб-эль-Мандебский пролив буря прекратилась. Подул попутный ветер. Пролив казался очень узким. Нибур высчитал — лишь 5 немецких миль. Хорошая гавань была на острове Перим, но там не оказалось питьевой воды. Некоторое время сильное течение гнало судно между островом и африканским берегом, возле которого виднелись еще острова. И наконец после 16 августа берега скрылись из виду.

Утром 29 августа 1763 года Бауренфейнд skoччался. Не суждено было ему самому перевести рисунки в гравюры, о чем он так мечтал. В его дорожной сумке Нибур обнаружил множество законченных рисунков и набросков. Были даже зарисовки, сделанные для коллекций Форскола. Он переложил их к себе и мысленно поклялся во что бы то ни стало сберець их и издать, чтобы европейцы смогли не просто услышать об Аравии, но и увидеть ее глазами Георга Вильгельма Бауренфейнда. Тело художника по закону моря похоронили в волнах. Ровно через сутки за ним последовало и тело Бергрена. Организм шведа также не выдержал тех климатических и нервных перегрузок, которые выпали на долю участников экспедиции. Крамер уже не мог помочь ничем. Он сам лежал в полузабытьи.

У мыса Гвардафуй погода снова испортилась. Ветер, хотя и не был столь жестоким, как прежде, веял холодом. Нибур старался не выходить из каюты. Своими теплыми вещами и одеждой, оставшейся после умерших товарищей, он прикрыл Крамера, которого била лихорадка.

Судно взяло курс на Бомбей.

ОДИН...

Это было грустное прибытие. Скотт помог Нибуру переправить весь груз и больного Крамера в дом своих друзей. В Бомбее Нибура ждал еще один вопросник по странам Востока, составленный для их экспедиции английским Королевским обществом. И Нибур

упрямо продолжал записывать: «Остров Бомбей расположен у западного берега Индии и вот уже сто лет принадлежит английской торговой Ост-Индийской компании... Гавань велика и защищена от ветра, поэтому очень ценна. Сам остров, напротив, мал. В некоторых местах он едва достигает полумили в ширину и лишь двух миль в длину... Город Бомбей расположен в южной части острова — $18^{\circ}55'33''$ северной широты. Он имеет в длину четверть мили, по очень узок...»

Нибур чертит карту острова, осматривает город, его храмы, памятники старины. Да, он по-прежнему фиксирует все это в путевом дневнике, но едва ли способен воспринимать увиденное душой и сердцем. Покинуть Бомбей он также не мог: Крамер умирал. Его окружили выпадением, предоставили ему врачебную помощь, но его организм был слишком истощен. 10 февраля 1764 года Карл Крамер, последний соратник Нибура по экспедиции, умер. Ну, вот и конец. Печальный конец...

Нибур остался один. В чужом краю. С огромным грузом экспедиции, в котором было так трудно разобраться. С болью потерь, с душевной и физической немощью. С каждым днем ему становилось хуже. Он затруднялся поставить себе диагноз. Что это: нервное истощение, лихорадка, безмерная усталость? Ему снились Геттинген, университетские аудитории, уютный кабинет профессора Майера. Он часто вспоминал своего геттингенского учителя. Здесь, в Бомбее, он с грустью узнал о его смерти, наступившей в феврале 1762 года. Боже, как его тянуло домой! Как подмывало все бросить и уехать в Европу! Английские суда регулярно курсировали между Бомбеем и Лондоном. Стоило только договориться с капитаном, и все заботы остались бы позади.

Он старался сосредоточиться. Ходил ли он по улицам Бомбея, сидел ли дома, пытался ли заснуть — он неустанно анализировал все, что произошло, и мучительно думал о том, что же делать дальше. Почему так случилось, что из всех членов экспедиции выжил он один? Разве он крепче, выносливее других? Нет, у Берггрена и Форскола было отличное здоровье. И все они в одинаковой степени испытывали жару и холод, нервное напряжение и усталость, неприятности и беды. Может быть, он лишь больше других берег себя. Было ли это эгоизмом? И чего стоит теперь его жизнь? Впрочем, дорого стоит. Нибур вспомнил, что материалы многих экспедиций, собранные ценой огромного труда и человеческих жизней, не раз исчезали вместе с умершими путешественниками. И он обязан спасти, сохранить для потомства записи, дневники, рисунки, коллекции. Они не должны погибнуть бесследно. Ведь то, что уже сделано, позволяет приоткрыть завесу над таинственной Аравией.

Для Нибура наступает момент, когда он должен сделать окончательный выбор: через несколько дней в Европу отплывает английское судно. Он срочно приводит в порядок свои дневники, записи Форскола и Хавена, упаковывает их вместе с рисунками Бауренфейнда и коллекциями Форскола и все это грузит на суд-

но, отправляющееся в Лондон. А сам... сам остается. На родине его никто не ждет.

За пеустанными научными бдениями он не успел обзавестись ни близкими, ни друзьями. И полюбить тоже не успел. Надо было продолжать работать. В конце концов сила воли, стремление к жизни, выносливость победили.

8 декабря 1764 года на маленьком судне Ост-Индской компании Нибур отплывает из Бомбея снова в Аравию — в Оман. Теперь он до конца осознал свою ответственность и свои задачи. Жаль, что предыдущий опыт был так печален, жаль, что половина путешествия уже позади.

Когда Нибур с палубы всматривался в темноту ночи, вода фосфоресцировала. Что это? Рыбы? Как бы сейчас оживился Форскол! Нибур вспомнил светящихся медуз, которых Форскол притащил в ведре к ним в каюту в начале пути. Это и сейчас медузы, конечно. Их, должно быть, множество, потому что все море вокруг судна светилось, как вода в том ведре.

Чувство одиночества не покидало Нибура. Мысленно он все время возвращался к своим спутникам, вспоминая, какими чужими друг другу они были четыре года назад в Копенгагене и как совместные переживания, радости, несчастья постепенно сближали их. Ему остро не хватало их юмора, их бодрости, их уверенности.

Отныне Нибур был готов ко всяким неожиданностям. Он считал, что судьба сохранила ему жизнь лишь случайно и теперь он может распоряжаться ею по своему усмотрению. Морская ширь внушала ему изумительное чувство покоя и освобождения. Как хорошо, что он не поддался минутной слабости и не отплыл в Европу! Как хорошо, что он может затеряться в бескрайних просторах пустыни! Быть может, жизнь еще подарит ему счастье новых впечатлений, познания и открытий...

СНОВА В ПЕСКАХ АРАВИИ

22 декабря вдали показались горные хребты Омана. Некогда княжество Оман входило в состав Арабского халифата, с 1507 до 1650 года принадлежало португальцам. В первой половине XVIII века, воспользовавшись междоусобными войнами местных племен, Оман ненадолго захватили персы. Ныне иранское влияние было ликвидировано, и имамом был избран Ахмед бен Саид, основавший новую правящую династию.

В бухту Маската, главного порта Омана, долго не удавалось войти — не пускал встречный ветер. Лишь 3 января 1765 года Нибур сошел на берег.

Теперь ему не надо было заботиться об устройстве членов экспедиции, не был обременен он и громоздким грузом. Проблема жилища тоже мало беспокоила его. Не найдя крыши над головой, он мог остаться на ночь на улице, ничем не отличаясь от случайных торговцев или бездомных дервишей. Такое положение имело

большие преимущества: ему не надо было представляться властям, посещать скучные приемы, тратить время на пустые беседы с людьми, многие имеющие и мало знающими, зато он свободно передвигался, рассматривал то, что хотел, общался с теми, от кого можно было получить массу полезнейших сведений.

Он сразу же заметил, что жители Маската очень сдержанны и немногословны, не курят и не пьют, все носят одинаковые одежды. Представителей знати отличают лишь несколько более роскошный тюрбан да сабля или кинжал за поясом. Из европейцев город посещают одни англичане, изредка приплывающие по торговым делам. Никаких грабежей в городе, видимо, не бывает: товары лежат перед лавками прямо на улице неделями, в то время как ночи в Маскате темные — без фонаря не пройти. К чужестранцам любого происхождения и вероисповедания оманцы относятся с предупредительной вежливостью, если, разумеется, те не нарушают законов их страны. Да, Нибур понял это уже давно: только уважая обычаи людей, среди которых ты находишься, можно постичь их психологию, узнать их быт и нравы. Разве не внушал он этого всегда своим спутникам?

Впервые за все путешествие по Аравии Нибур увидел уличных женщин, одинаково охотно готовых услужить как мусульманам, так и «неверным». Впоследствии он узнал, что любого индийца, еврея или христианина, застигнутого у мусульманки, насильственно обращают в этом краю в мусульманскую веру.

Город выглядел хорошо укрепленным: он был обнесен стеной, на которой стояли пушки. Внимание Нибура привлекли две церкви, построенные португальцами; теперь в одной из них расположен губернатор, в другой разместились склады. Дома в городе бедные, мечети даже без минаретов, так как ибадиты, населяющие город, проповедуют аскетизм, и прежде всего в культовых постройках.

В Бомбее Нибуру говорили, что в Маскате никогда не бывает дождей. При нем дожди шли непрерывно. Он мечтал отправиться сушей в глубь Омана, но ему отсоветовали: на это не рисковал еще ни один европеец.

19 января 1765 года на английском судне он отправился дальше. Через несколько дней миновали Ормузский пролив. Персидский залив встретил их бурей. Нибур, уже привыкший к штормам, спокойно регистрировал изгибы иранских берегов, мимо которых они проходили.

4 февраля достигли порта Абушехр¹. Судно стало на рейде в 2 мпях от города. На шлюпке Нибура отвезли на берег. Летом здесь стоит страшная жара, зимой идут дожди. Нибура встретили град и холод. Горы, окружающие город, были покрыты снегом. Он определил широту гавани — 28°59', поговорил с местными жителями, узнал, что из Абушехра в Европу идет много иранских товаров — шерсть, шелк, вино, розовое масло.

¹ Ныне — Бушпр.

На следующий день в гавань вошло еще одно торговое английское судно — из Басры. На нем были только четыре европейца: капитан, двое рулевых и боцман, остальные погибли во время плавания, и капитан набрал команду из арабов и индийцев, за что впоследствии жестоко поплатился, ибо арабы оказались пиратами. Позже Нибур узнал о печальной судьбе этого судна. Отплыв из Абушехра в Бомбей, оно штормом было прибито к острову Кейс (Киш). Капитан послал рулевых на остров за питьевой водой, а в их отсутствие пираты убили его и боцмана, перерезали всех индийцев и захватили судно. Отойдя от берега, они поняли, что управиться с ним не смогут, так как ни один из них не владел искусством судовождения. Тогда они спустили на воду шлюпки, погрузили в них все найденные на судне деньги и товары и ушли. Рулевые, вернувшись с водой и не обнаружив судна, разыскали шейха острова Кейс и пожаловались ему. Шейх послал вдогонку грабителям вооруженный бот. Пиратов догнали, схватили, отрубили им головы и привезли шейху награбленное. Узнав об этом, другой, более знатный шейх велел отдать все деньги и товары ему, но и он вынужден был разделить добычу с правителем острова Ормуза. В результате владельцам так ничего и не досталось.

В эти дни богатый английский купец Джарвис готовил караван в старинный иракский торговый город Шираз. 15 февраля Нибур, наняв лошадь, двинулся в путь вместе с остальными. Посещение Ирана не предусматривалось инструкцией короля Дарьи, но Нибур не мог не осмотреть развалины Персеполя — столицы древней Персии, всего в 7 милях от Шираза.

В дороге Нибур варил себе еду сам. Однажды, раздобыв курицу, он хотел ее зарезать. Взяв нож в руку, он при этом случайно повернулся лицом к югу. В тот же момент несколько мусульман с угрожающим видом двинулись к нему. Он кинул нож и замер, не понимая, в чем дело. Оказалось, что христианин, убивая живое существо, не должен смотреть в сторону Мекки...

Как-то ночью Нибура разбудил отчаянный крик. Нибур вскочил и взгляделся в темноту. Повсюду лежали и сидели люди, но никто даже не пошевелился. А вопли звучали истошно, заглушая тихий разговор погонщиков и ржание лошадей. Равнодушие окружающих поразило европейца. Никогда еще он не чувствовал себя столь одиноким. Этот страдальческий голос разрывал сердце. Он не выдержал, побежал в сторону крика и увидел человека, который был и при этом колотил себя по голове, по груди и по ногам.

— Кто это? — спросил Нибур сидевшего у костра погонщика.

— Ахмед.

— Какой Ахмед?

— Ахмед.

— Почему он кричит?

— Брат умер, тоже погонщик, — равнодушно ответил тот и отвернулся.

«Это никого не касается, — подумал Нибур. — Почему никто не поможет? Равнодушие? А может быть, характер, обычай? Что

руководит этими людьми? Как понять их?» Да, суровая жизнь диктовала свои законы.

Дорога поднималась все выше в горы. Нагруженные лошади и ослы с трудом карабкались по узкой тропе. В пропасти можно было увидеть трупы сорвавшихся животных. И снова раздался истошный крик: чей-то осел оступился и сломал себе шею. Никто не остановился. Но Нибура потрясло, как быстро владелец осла добил его, содрал с него шкуру и, догнав караван, тут же продал эту шкуру по кусочкам всем желающим на туфли. И в тот же день на привале кто-то уже эти туфли сшил. «Нет, в нерасторопности этих людей обвинить нельзя», — подумал Нибур.

Пролетел рой саранча, но это была уже не та саранча, которая в Аравии считается гастрономическим деликатесом. Нибур рассмотрел жирные тельца с черными пятнами и зеленые головки. Снова вспомнил Форскола...

Как-то раз караван поравнялся со стоянкой кочевников. Нибур немедленно направился туда. Шатры были окружены животными — верблюдами, лошадьми, коровами, овцами. Впервые Нибур видел так много женщин с открытыми лицами. Как ему сказали, ценились они здесь не очень дорого и их охотно меняли на овец; впрочем, и овец часто меняли на женщин, кому что нужно. Даже слуги нанимались здесь за двенадцать овец в год.

Как в караване, так и в лагере кочевников строго соблюдали пост, приходящийся на месяц рамадан. Пророк Мухаммед, устанавливая время мусульманского великого поста по лунному календарю, не учел, что он будет приходиться и на холодное время года. Шел непрерывный дождь, но никто не смел согреться едой и напитками. Разве только по ночам. Плакали дети. Когда Нибур хотел потихоньку во внеурочное время напоить молоком трехлетнего мальчика, его чуть не растерзали.

28 февраля дождь был так холоден и обилен, что Нибур отправился в близлежащее селение и попросился на ночлег. Ему предоставили целую лачугу. Он развел огонь и пошел по привычке осмотреть местность. Вернувшись, он обнаружил у очага целый гарем. Женщины, завидев дымок из трубы, явились сюда погреться чуть ли не со всего селения. Нибур замер у порога, не зная, как себя вести. Появление хозяина несколько не смутило бесцеремонных гостей. Его попытка заговорить с ними ни к чему не привела: они не поняли ни одного слова. Они вовсе не собирались расставаться с теплым домом, а на грубость по отношению к женщинам Нибур вообще был не способен. Он улыбнулся...

Это возымело потрясающий эффект: женщины тут же вознамерились одарить его ласками. Но для роли хозяина гарема Нибур подходил меньше всего. Кое-как выскользнув из назойливых объятий восточных красавиц, он с позором убежал и забился в дальний угол дома, где было холодно, протекала крыша и где он чувствовал себя глубоко несчастным. Наутро, когда в очаге остался лишь холодный пепел, женщины исчезли.

Погода еще более ухудшилась: дождь сменился градом, град —

спегом. К тому же река, через которую подлежало перебраться вброд, разлилась, и караван не рисковал трогаться в путь. В Ширазе Нибур оказался только 4 марта, пробыв, таким образом, в дороге 18 дней.

ТАИШТВЕННЫЕ ЗНАКИ ПЕРСИДСКОЙ ЗЕМЛИ

Шираз, бывший в то время столицей Ирана, расположен в большой плодородной долине и утопает в зелени садов и огородов. Лакомый кусочек среди камней и песка! Может быть, именно поэтому к нему так часто устремлялись помыслы захватчиков. Город был окружен крепостной стеной и глубоким рвом. У городских ворот — несколько больших пушек, отмеченных, как выяснилось, любопытной судьбой: их отливали под наблюдением грузина, служившего некогда в русской армии и принявшего затем мусульманство.

Нибур остановился у молодого англичанина по имени Геркулес, который вел в Ширазе дела Джарвиса. К виду европейцев, несмотря на обширную торговлю со многими странами, здесь не очень привыкли, и Нибуру пришлось скрывать свою национальность и свои занятия. Когда же это открылось, он сразу почувствовал настороженность и отчужденность.

Геркулес устроил Нибуру аудиенцию у губернатора Шираза Садык-хана.

В мраморном зале, устланном коврами, окруженный свитой, на простом стуле сидел Садык-хан. По знаку церемониймейстера к нему подвели Нибура. На этот раз дело обошлось без коленопреклонения и целования рук. Садык-хан произнес несколько незначительных фраз, а затем велел показать гостю дворец. Церемониймейстер, изысканно поклонившись, пригласил Нибура следовать за ним. Да, иранские правители умели окружать себя поистине сказочной роскошью. Стены дворца были увешаны зеркалами и картинами. Одна из них изображала женщин в персидских одеждах, другая — женщину с обнаженной грудью, третья — целиком обнаженную женщину. Как это было непохоже на эстетический аскетизм арабов! Нибур не удержался от вопроса: откуда такая живопись? Оказалось, из Венеции; но когда эти картины здесь появились, никто не помнил. Показали Нибуру залы гарема, где все было выложено зеркалами, даже пол. Нибур узнал, что зеркала, витражи и хрусталь самого высокого качества изготавливались тут же, в Ширазе, и что искусству этому научил ширазских мастеров заезжий венецианец. Нибуру уже пришлось видеть в доме у Геркулеса винные бутылки, сделанные из такого тонкого стекла, что их приходилось покрывать плетением из трав или тонких прутьев.

Пора было готовиться к поездке в Персеполь. Нибур был хорошо знаком с многотомными трудами французского купца-ювелира Жана Шардена, во второй половине XVII века прожившего много лет в Иране, и нидерландского художника Корнелиуса де Бруйна, совершившего поездку по этой стране в 1704—1705 годах.

Труды эти содержали описания Персеполя и были снабжены многочисленными иллюстрациями. Знал он также работы итальянского путешественника Пьетро делла Валле, и испанского посла Фигероа, и немецких ученых Олеария и Кемпфера. Казалось бы, и добавить к ним нечего. Но Нибур, привыкнув все видеть своими глазами, уже не мог довольствоваться чужими описаниями земель, которые лежали так близко от него.

Как заметил Нибур, персы весьма благосклонно относятся к тем чужестранцам, которые хотят видеть достопримечательности их страны, и более охотно, чем йеменцы, отвечают на вопросы. Недаром именно в Иране родилась пословица: «Умный знает и все-таки спросит, а невежда не знает и не спросит». Поэтому в Персеполь Нибур решил отправиться один и в европейской одежде. О своем намерении он сообщил лишь Геркулесу. Англичанин снабдил Нибура письмом к главе селения и предоставил в его распоряжение своего слугу в качестве проводника.

В середине марта 1765 года Нибур был у цели, в деревушке Марвдашт, всего в часе езды от Персеполя. Здесь он получил вместе со слугой пристанище в караван-сараяе рядом с ремесленниками, кочевавшими от деревни к деревне в поисках заработка. Нибур пытался держаться неприметно и каждое утро в течение всех трех недель, что он провел здесь, отправлялся в Персеполь. Но именно это и привлекло к нему внимание обитателей караван-сарая. Чужеземец явился сюда издалека, чтобы смотреть на какие-то развалины. Удивление было так велико, что в пустынный, заброшенный Персеполь началось форменное паломничество местных жителей: все хотело знать, что там делает Нибур, и видеть то, на что смотрит он.

Развалины великой цивилизации потрясли Карстена Нибура. Правда, как он и думал, после разрушения города все, что было пригодно для дальнейшего строительства и могло быть увезено, перекочевало в другие места, а многое из оставшегося сровнялось с землей. И все равно от Персеполя сохранилось немало — возможно, благодаря тому, что город был воздвигнут на естественной скале и к тому же еще на искусственной платформе, взметнувшей это чудо архитектуры высоко вверх. К платформе ведет лестница, настолько огромная, что въехать вверх по ней можно даже на колеснице. А на вершине как первый эмоциональный удар, точно рассчитанный древними зодчими, монументальное сооружение — ворота с фигурами крылатых быков.

Нибур узнал, что персы называют эти руины либо «Тахт-е Джемшид», то есть «Трон Джемшида», древнейшего мифического правителя Ирана, либо «Чильминар», то есть «Сорок колонн» — по числу обнаруженных здесь колонн.

Задавшись целью уточнить, а возможно, и выправить данные Шардена и де Бруйпа, Нибур внимательно исследовал развалины. Прежде всего он обратил внимание на то, что город рос постепенно, все время раздвигая свои стены. Разные части Персеполя размещались на террасах разной высоты. И материал, из которого

сложены стены и памятники, различен. По качеству и сохранности материала Нибур пытается установить хронологию построек. Большая часть сохранившихся зданий сложена из серого мрамора, который от времени потемнел. Этот мрамор был всегда у строителей под рукой. Из него состоит почти вся скала Рахмед, что высится рядом. Такого прекрасного мрамора Нибур в Европе не видел. Он составляет как бы своеобразную техническую опись каждой детали Персеполя, его колонн, лестниц, стен, скульптур, барельефов, точно фиксируя их высоту, ширину, местоположение. По его данным позднейшие исследователи могли бы воссоздать историю и географию города. Помимо этого Нибур, неплохой рисовальщик, сделал немало художественных зарисовок колонн, скульптур и рельефов. Особенно поразили его воображение высеченные из гранита огромные, высотой более 30 футов, фигуры полуживотных-полулюдей. У них человеческие головы, бычье тело и за спиной крылья. Нибур прозвал их «персидскими сфинксами».

Древние египтяне украшали храмы внутри, здесь же парадная часть, декорум, вынесена наружу, к ступеням лестницы, словно предназначенной для торжественных процессий. Что же здесь храм, что — дворец или, может быть, в их назначении сочеталось и то и другое?

Из-за поворота лестницы выплыли вереницы человеческих фигур — барельефы, расположенные на стенах в несколько рядов. Слева, справа, на каждом марше. Одинаковые и разные. Каждая фигура высотой 2,5 фута выглядела как живая. Это напоминало торжественное шествие, они двигались в одном направлении, лишь некоторые чуть поворачивали голову или торс...

«Что за одежды на них? — думал Нибур. — По всей вероятности, персидские, нечто подобное описывали Геродот, Курций и Ксенофонт». На некоторых высокие шапки и широкие, почти до пят, одеяния с широкими рукавами. У тех, на ком узкие и короткие наряды, на голове плоская шапка или шлем, с которого сзади ниспадает широкий бант. В руках у многих копья, мечи, луки и колчаны со стрелами. Отдельные фигуры так хорошо сохранились, что Нибур без труда определяет, у кого на шее висит обруч, у кого — шпур, у кого в ушах серьги в виде колец, какие различия в поясах (широких или узких), в обуви (плоской, высокой или перехваченной ремешками до самого колена). Те, что в высоких шапках, несомненно, сановиты и богаты; те, что вооружены, возможно, воины, стражники или телохранители, а эти, одетые скромнее, — чиновники, слуги. С жезлами в руках и металлическими обручами на шее, вероятно, привратники. А на других маршах иные процессии: одни ведут царских копей, другие несут на вытянутых руках чаши, блюда, вазы, кубки и полотенца — ведь в древности ели руками, третьи идут с козами, лошадьми и быками, четвертые шагают рядом с верблюдами, пятые протягивают львиные шкуры. Сколько их? Сотни, более тысячи! Кто они? Послы? Данники? Несут ли они подарки своему владыке? Да, видимо, и эти кони, и бараны, и чаши, и вазы предназначены для подношения. И люди

эти выглядят совсем по-разному; можно предположить, что все они пришли сюда из разных стран, некоторые явно из Африки.

Нибур лихорадочно срисовывал их, пригнотившись на камне, присев на землю, прислонившись к колонне. А они все шли и шли, торжественно и ритмично.

Вдруг Нибур почувствовал, как что-то сжало ему виски и яркие блики поплыли перед глазами. Он тряхнул головой — стало еще хуже, боль от висков распространилась к затылку, к шее. Яркие пятна почернели, он закрыл глаза. Солнце стояло прямо над головой, но ведь именно благодаря его ослепительным лучам и можно рассмотреть все детали барельефов. Без солнца здесь делать нечего. Вечером ничего не увидишь. Превозмогая боль в голове и в глазах, Нибур продолжал работу.

Нижний ряд Нибур рассмотрел не сразу, настолько он был покрыт землей и пылью. Пришлось производить в некотором роде раскопки — без всяких инструментов, роя землю и отбрасывая камни руками, совсем одному. Об этих нижних фигурах до сих пор никто не упоминал. Даже Шарден и де Бруйи не заметили их. Да это и неудивительно: под Нибуром находился еще один, самый нижний ряд барельефов, а он и не подозревал об их существовании.

Величественные лестницы ведут к террасе, на которой расположен огромный открытый квадратный зал. Топкие колонны, будто вырастающие из-под земли, рядами заполняют его пространство. Не обозначено место ни для царского трона, ни для алтаря. Сколько же человек мог вместить этот зал? Наверное, не меньше десяти тысяч. Колонны увенчаны не привычными капителями, а фигурами львов и быков. Сквозь песок и землю проглядывает мрамор пола. Что за странное царство колони и каково его назначение? С любого места превосходно видно все окружающее. Чуть в отдалении, к востоку, на следующей террасе, новое нагромождение колонн. И снова зал, и снова барельефы. На лестницах и на порталах изображены стража, слуги, а вот, по всей вероятности, и сам владыка Персеполя, величаво восседающий на троне, поддерживаемый несколькими рядами верных слуг и подданных. За спиной у него стоит, вероятно, его наследник (преемник, сын?). А это, видимо, жрецы.

Нибур снова тщательно фиксирует в своих записях одежду каждого. Один вопрос громоздится на другой. Найти ответы суждено его потомкам.

Как зачарованный, бродит он среди лестниц, колонн, залов. И повсюду ему встречаются остатки рельефов и скульптур — человекоподобных быков или быкоподобных людей. Особенно часто повторяется изображение льва, нападающего на быка. А это — местные властители. Один из них борется с исполинским львом-грифоном, другой пронзает мечом быка.

Плутарх сообщал, что Александр Македонский сжег в Персеполе царский дворец, имевший много деревянных частей — двери, крышу, стропила. «Где же они, остатки этого самого дворца?» —

спрашивает себя Нибур. Если судить по руинам, столь живописно раскинувшимся вокруг, искусство зодчества и ваяния у персов еще до греков было великолепно развито. Здесь все продумано, все гармонично. Некоторые большие рельефы воссоздаются потом в мелких деталях, иные повторяются в разных местах всего архитектурно-скульптурного комплекса, отдельные позы и атрибуты носят канонический характер. Все вместе должно читаться как единое повествование. О чем же оно? Нибур внимательно исследует каждую деталь в этом гармоничном единстве архитектурных и скульптурных форм, пытается разгадать их символику.

Иногда он обнаруживал только стены с окнами, иногда — одни двери. В одном внушительных размеров здании не было ничего — все входы оказались заложеными. Нибур нашел небольшое отверстие, а за ним узкий коридор, ведущий вниз. Нет, здесь не было парадных залов, всего лишь крошечная каморка. Но зачем же такое сооружение, такие стены? Нибур вспомнил о египетских пирамидах. Их назначение еще не было известно ему, но там тоже были обнаружены лишь маленькие помещения. «Но ведь для чего-нибудь потрачены эти фантастические усилия? — рассуждал он. — Что там найдут потомки? Клады? Гробницы? Значит, и это здание может оказаться гробницей местного владыки».

Величественные ворота, массивные ступени, портики, колонны, пилястры, монументы, надгробные камни, барельефы — все говорило ему о неведомой исчезнувшей жизни. Но как узнать о ней лучше, больше, подробнее? И вдруг среди обломков и позеди фигур — странные знаки. Кто-то сказал, что это следы птиц. Нет, неверно. Они скорее похожи на орнамент. А если присмотреться — то на иероглифы, составленные из узких треугольников или клиньев. За их расположением угадываются определенная закономерность, определенный смысл. Не те ли это знаки, которые Геродот и Страбон называли «ассирийскими буквами»? И ведь это их Корнелиус де Бруйн пытался изобразить на рисунках в своих «Путешествиях». Но там они так невняты! А между тем знаки столь рельефны и отчетливы, что их можно воспроизвести без особого труда. Ведь еще никто в Европе не пытался прочитать их.

Нибур принялся за дело. Солнце слепило и словно тонкими нитями резало глаза. Тогда он откидывался назад и старался запомнить то, что видел. А вечером, с наступлением темноты, вернувшись к себе в Марвдашт, воспроизводил виденное по памяти. На следующее утро снова часами перерисовывал таинственные черточки. И опять болели глаза. И Нибур, прикрывая голову руками, запоминал те ничтожные различия, которые между этими черточками существовали. Процесс долгий, мучительный, без минуты передышки. Сотни строк. Иногда они заполняли целую стену в 6 футов высотой и 26 футов длиной, иногда были высечены на отдельных камнях или глиняных табличках. «Знаки острые, без закруглений, но на твердом материале писать трудно, иначе не напишешь, — думал Нибур, — это же не бумага. Зато,

если это письменность, то она рассчитана на долговечность. Нужно лишь суметь прочитать».

Повторяемость знаков привела его к предположению, что один из видов письма — алфавит, а отклонение от этих знаков, их видоизменение — к идее, что помимо алфавита здесь наличествуют и другие виды письма. Поэтому, составляя таблицы знаков, он расположил их тремя отдельными колонками — как три вида письма. Из того, что повторялось с одинаковой точностью, он срисовывал лишь по одному образцу. Затем он сравнил их между собой и составил клинописный алфавит из 42 букв, отнеся их к фонетическим знакам.

Во втором виде, более сложном, Нибур насчитал 113 знаков и принял их за обозначение отдельных слогов. И, наконец, третий вид, как наиболее сложный, он считал изображением уже целых слов, а быть может, и понятий. Зачем потребовались три разных вида? А почему на барельефах фигуры в разных нарядах? Много земель и много народностей включало Персидское царство. Значит, и надписи могли быть сделаны так, чтобы быть понятными всем.

У Нибура не было времени, и ему пришлось довольствоваться мыслью о том, что, вернувшись в Европу, он опубликует эти таблицы вместе со своими предположениями и они помогут дешифровке. И тогда заговорят дворцы и храмы, а люди, которые воздвигали их, расскажут о своей эпохе и о своем мастерстве.

Как мы с вами знаем теперь, дорогой читатель, все так и случилось. Двадцатисемилетний учитель из Геттингена Георг Фридрих Гротефенд, используя таблицы Нибура и отчет о его путешествии, изучив различные образцы других писем, разгадал тайну персидской клинописи и в 1802 году опубликовал результаты своей дешифровки.

Нибур не знал, что перед ним находились руины самого выдающегося памятника эпохи ахеменидских царей Дария и Ксеркса, начало создания которого относится к 520 году до нашей эры, что строили этот город-храм тысячи людей в течение пятидесяти лет. Хорошо изучили археологи Персеполь к нашему времени, но и сейчас осталось немало загадок. Так, не выяснено назначение Персеполя. Если он был резиденцией царей, почему тогда помно дворцов здесь не видно жилья, а найденная утварь не имеет следов употребления? Или же Персеполь был построен с единственной целью — чтобы раз в год, весной, в день иранского Нового года — Ноуруза, «царь царей», его двор, вельможи и гвардия совершали здесь торжественные ритуалы (версия, к которой склоняется большинство историков)? Мог ли служить Персеполь для пышных коронаций, роскошных обедов, на которых, по Страбону, пировало по 15 тысяч человек, для чего резали тысячу голов рогатого скота, или же для оплакиваний и погребений? Высказывалось и предположение, что здесь была астрономическая обсерватория. А может быть, в разное время город-храм использовался по-разному? Иначе для чего бы отдельные части дворцов,

скульптуры и рельефы переносились с одного места на другое, как это позднее установили археологи.

Первое здание, поразившее Нибура, войдет в книги по древнему искусству Востока под именем «Ворота всех стран», огромное пространство с колоннами — это знаменитая «ападана» — зал приемов Дария и Ксеркса, имевший не сорок, а сто колонн. Единоборство льва и быка, неоднократно повторяющееся в барельефах, — это древневосточный символ равноденствия, столь созвучный весеннему Ноурузу, а торжественная вереница фигур знаменует собой «шестие народов», входивших в империю Ахеменидов и подвластных «царю царей». Следующий тронный зал дворца принадлежал Артаксерксу II. И весь этот дворец-храм был действительно сожжен Александром Македонским в 330 году до нашей эры.

Не знал Нибур и того, что его мучительный труд, стойкий ему впоследствии потери зрения, не пропал впустую и что в немалой степени именно ему обязано человечество дешифровкой надписи «царя царей» Дария, высеченной 2500 лет назад на беломраморной скале Бехистун, что по-персидски означает «Страна богов», и прочитанной впервые англичанином Генри Роулинсоном. Вот ее конец:

Говорит Дарайавауш, царь:

Мой отец — Виштаспа,
отец Виштаспы — Аршама,
отец Аршамы — Арьярамна,
отец Арьярамны — Чишпиш,
отец Чишпиша — Ахемеп,
поэтому зовемся мы Ахеменидами.

Говорит Дарайавауш, царь:

Ты, который в будущие дни
увидишь эту надпись,
которую приказал я выбить в скале,
или эти изображения,
не разрушай их!
Но оберегай,
пока можешь!

Вот уже три недели Нибур срисовывает фигуры и копирует таинственные знаки, вот уже три недели спит глаза солнце, а ему все не хочется покидать эти места. Геркулес часто навещал его и давно уже уговаривал уехать отсюда. Но Нибур, напротив, из селения Марвдашт перебрался еще ближе к Персеполю и, вернув прежнего слугу Геркулесу, нанял другого — армянина. Тут и случилась беда: слуга умер. Нибур счел это дурным знаком, в некотором роде предостережением судьбы и тотчас же пустился в обратный путь — через Шираз в Абушехр. Отсюда он отправился в Басру.

До какого-то времени Нибур еще лелеял надежду вернуться на юг Аравийского полуострова, но чем дальше, тем отчетливее он понимал: одному ему туда уже не добраться. Что сделано, то сделано, и все это требует немедленной обработки и публикации.

А сейчас, двигаясь по направлению к Европе, можно пополнить знания человечества о странах, прилегающих к Аравии с севера.

Из Басры путь лежал на Багдад. Казалось бы, места здесь более обжитые, чем аравийская пустыня, но о безопасности можно было только мечтать. Перед Нибуром стоял выбор — плыть по Тигру или по Евфрату. По Тигру — дальше, по Евфрату — короче, но зато часть пути надо пройти сушей. Нибур избрал путь по Евфрату и подвергся грабежу, затем пробирался через местные селения и... тоже подвергся грабежу. Впоследствии он выяснил причину своего невезения. На чужеземцев нападают племена, которые считают себя истинными хозяевами здешних мест и не хотят платить налоги турецкому султану. Так, могущественное племя мунтефик никого не подпускает к берегам Евфрата около Басры. Попробовал турецкий паша бросить против них войска, они отступили к югу, в Сирийскую пустыню, — туда турки идти боятся. Ушли войска, племя снова заняло берега Евфрата. А на Тигре господствует племя бени лахм, которое тоже не желает подчиняться турецким властям. Турки несколько раз нападали на них, но так и не одержали победы. Вот и видят теперь эти свободолюбивые племена в каждом чужеземце врага.

Нибур больше не сетует на обычаи этого края, не называет их дикими или варварскими, даже стремится оправдать их, найти в них преимущества перед цивилизованной Европой. Вот что он, например, пишет в дневнике: «Воры в Аравии есть, как и в любой другой стране, но это самые благородные воры в мире. В Европейской Турции, перед тем как ограбить, вас убьют; шейхи же убивают тех, кого грабят, лишь в том случае, если они оказывают сопротивление и ранят их. Шейхи готовы проявить гостеприимство и щедрость по отношению к тем, кого они грабят: они оставляют им немного еды и одежду и даже сопровождают их дальше по пустыне, опасаясь, как бы они не погибли...»

Шейхов Нибур называет «истинными властителями пустыни, у которых есть право бороться с теми, кто хочет силой проложить себе путь в их земли, есть право требовать от чужестранцев подарков и пошлины, как это делают и все другие народы».

ТАМ, ГДЕ ЕЩЕ НИКОГДА НЕ БЫВАЛИ ЕВРОПЕЙЦЫ

На пути в Багдад лежали священные города Мешхед-Али (или Неджеф) и Кербела (или Мешхед-Хусейн). Нибур знал о них немало, но не слышал, чтобы кто-либо из европейцев посещал их. Поэтому он отправился туда с особой готовностью.

На заре ислама в этих краях развертывалось кровавое противоборство двух основных направлений мусульманства — суннизма и шиизма. В то время как сунниты выступали за выборность халифов, шииты были убеждены, что власть пад мусульманской общиной после смерти последнего «праведного» халифа Али, племянника и зятя Мухаммеда, должна была перейти к прямым

потомкам Али от Фатимы, дочери пророка. В 661 г. Али был убит. По преданию, он завещал привязать свое тело к верблюду, пустить верблюда в пустыню и похоронить себя там, где животное опустится на колени. На этом месте, считают шииты, и возник город Мешхед-Али, ставший с тех пор центром шиизма. Туда всегда стекаются тысячи паломников. Для них это то же самое, что Мекка для всех мусульман.

Случилось так, что наступило время паломничества — месяц раджаб по мусульманскому календарю, — когда Нибур направился в эти священные места.

По дороге из Румахйи в Мешхед-Али Нибур увидел, как на кладбище... выкапывают покойников.

— Зачем вы их выкапываете? — спросил он могильщика.

— Живыми были — не успели халифу поклониться; умирая, завещали отвезти их тела в Мешхед-Али. Шиитов только там и хоронят. А за этих родственники платить будут. Кто побогаче, получит место поближе к мечети, кто победнее — поближе к стенам города, а у кого вовсе денег мало, того за город свесем. За последние годы уже две тысячи покойников перевезли. Такова была их воля, да простит им мученик Али, благословенна память о нем!

— Откуда же их столько набрали? — удивился Нибур. — Со всей округи?

— Зачем с округи. Со всей Персии и из Индии даже. Некоторые год уже в земле пролежали, и все равно их сюда несут. «Ах, какое выгодное дело для местных властей, — подумал Нибур. — И, главное, как просто!»

Мешхед-Али расположен высоко, и уже издалека Нибур разглядел купол мечети, возведенной над могилой последнего «праведного» халифа. Светило яркое солнце, и золотой купол слепил глаза. Приблизившись к мечети, Нибур увидел, что у нее и крыша позолочена, а на куполе вместо традиционного мусульманского полумесяца — рука Али. Во двор ведут трое ворот — Баб-Мешхед, Баб-Нахр и Баб-Шам, но стена между воротами настолько разрушена, что сквозь нее можно беспрепятственно проходить в двадцати местах. «Зачем тут ворота?» — удивился Нибур. Тем не менее его торжественно провели в ворота. По бокам мечети — два минарета. А возле мечети — базарная площадь. Прилегающие к площади дома принадлежат служителям мечети и местной знати.

Город быстро заполнялся паломниками, говорили, что их прибывает сюда до пяти тысяч. И странное дело, Нибур не слышал привычного слова «Аллах», не слышал молений к Аллаху, упований па Аллаха. Вокруг звучало только имя Али: «Али милостивый, милосердный», «Да будет благословенна память о тебе, Али», «О великий мученик Али!».

Нибур был уверен, что здесь обитают только шииты. Оказалось, суннитов в городе почти такое же количество. И более того, если повсюду в мусульманских странах между шиитами и сун-

питами существует открытая вражда, то как раз здесь они уживаются довольно мирно. Правда, какой-то суннит все-таки успел тихонько сообщить Нибуру, что мечеть построена на пустом месте и что Али похоронен неизвестно где, так как его запрятали очень далеко, подальше от врагов. Но Нибур заметил, что Мешхед-Али построен на месте неплодородном и малопригодном для жилья. Воды нет ни в городе, ни в ближайших окрестностях, так что ее придется сюда везти на ослах издалека. И деревьев нет, голо и бесприютно. Вокруг города тоже нет никакой растительности, сплошной известняк, и дома сложены из известняка. Нет, паверно, и в самом деле верблюды с телом Али упали на колени именно здесь. Иначе нашли бы другое место. Мешхед-Али чем-то папоинил Нибуру Суэц и Джидду.

За мечетью в Мешхед-Али следит множество глаз. Ее официальными хранителями считаются местный губернатор и паша Багдада. Но они — сунниты, и служители мечети и все жители находятся в постоянном страхе: не подменили бы их ценностей, не растащили бы, не украли. Нибуру сказали, что мечеть отделана внутри с такой роскошью, что ему, немусульманину, к ней и близко подходить нельзя, религиозные фанатики его за это либо растерзают, либо заставят принять ислам. «Нет, так дорого платить за свое любопытство я не стану», — подумал Нибур и послал в мечеть своего проводника, с тем чтобы тот подробно ему рассказал о том, что увидит. Нибур наблюдал издалека за тем, как проводник, войдя в мечеть, вдруг застыл на пороге и как окружающие начали бить его по голове. Но он не бросился бежать, а смиренно преклонил колени и на коленях вполз внутрь мечети. Когда он вернулся, Нибур спросил:

— Ну, рассмотрел что-нибудь? И почему тебя били?

— Рассмотрел, — отвечал тот. — Потолок тоже позолоченный, весь блестит, переливается. На полу — светильники, много светильников, больших, и все из чистого золота или серебряные и украшены драгоценными камнями. А на стенах — изречения из Корана, тоже золотыми буквами.

— Били-то за что?

— А за то, что не молился. Увидел я эту красоту и о халифе позабыл. Разве будешь думать о ком-нибудь, когда кругом такие драгоценности — не сосчитать!

«Наверно, прав был пророк Мухаммед, призывая к аскетизму в убранстве религиозных мест, — подумал Нибур. — Этот бедняга здесь позабыл о боге, в молельне его селения такой роскоши нет. А разве помнят о боге католики, любясь в своих храмах великолепной живописью и скульптурой?» Нибур был протестантом и в своей религии ценил прежде всего чудотворную силу слова.

«Неужели здесь никто не понимает, что хоть этот Али и зять пророка, хоть и халиф, но все равно ведь человек, простой смертный? Зачем же тратить столько денег на то, чтобы посетить его могилу, зачем украшать ее несметными богатствами, зачем, наконец, платить огромные деньги за то, чтобы быть здесь поблизо-

сти похороненным?» — записал Нибур в дневнике, покидая Мешхед-Али.

От Мешхед-Али рукой подать до Кербелы, места захоронения Хусейна, сына Али, и двоюродного брата Хусейна — Аббаса, павших в борьбе против омейядского халифа Язида I. Вот она, Кербела, где в 680 году произошло сражение, память о котором до сих пор жива среди шиитов. Здесь Хусейн со своим отрядом, численность которого не превышала 300 человек, был окружен огромным войском Язида. В бою Хусейн и все его люди были уничтожены. Мечеть воздвигнута точно на том месте, где мертвого Хусейна сняли с коня и похоронили.

И снова сунниты тихонько сообщили Нибуру, что эти события сильно приукрашены шиитами. И похоронен, мол, Хусейн не здесь, да и битва, возможно, была совсем в другом месте.

Кербела много больше и населеннее, чем Мешхед-Али. Соответственно и паломников здесь больше. Нибур очень хотел нарисовать мечеть Хусейна, но боялся сделать это открыто. Надев большой турецкий тюрбан, он бродил возле мечети по ночам, стараясь запомнить ее внешний вид. Ему показалось странным, что всю переднюю ступу в ней занимают окна. «Наверно, подарок какого-нибудь перса, у которого стекольный завод в Ширазе», — решил Нибур. Могила Хусейна — под высоким куполом. По бокам — четыре маленьких минарета. Но ни золота, ни позолоты снаружи не видно. Вместе с паломниками ему удалось заглянуть внутрь мечети — особенной роскоши он там тоже не обнаружил. Вокруг мечети множество могил родственников Хусейна и его соратников, погибших в битве при Кербеле. Все они объявлены святыми и великомучениками.

У мечети Хусейна верующие охвачены экстазом: они не только целуют двери и пол, но и бьются головой о стены и железные решетки, крича и рыдая. «Будто Хусейн был их родным отцом и только что скончался, — подумал Нибур. — Или они думают, что если в религиозном усердии сами расшибутся здесь и умрут, то их тоже объявят святыми и они смогут возвестись на небо? Во всяком случае, их иступление выглядит достаточно искренне и сердечно, совсем не так, как у плакальщиц, которых нанимают за деньги».

Другая, столь же ревностно почитаемая мечеть носит имя Аббаса. Согласно легенде, когда раненый Хусейн захотел пить, Аббас велел вырыть колодец. Колодец вырыли, но воды в нем не оказалось. Тогда Аббас поскакал на север и там наполнил бурдюк водой, но на обратном пути встретил вражеского всадника, который захотел отнять у него воду. Аббас сопротивлялся, и всадник отрубил ему руку, Аббас схватил бурдюк другой рукой, и всадник отрубил ему другую руку. Тогда Аббас ухватил бурдюк зубами, но всадник проткнул бурдюк копьем. И с тех пор здесь бьет родник. Обо всем этом вспоминал Нибур, наблюдая, как толпы паломников идут и ползут к «чудотворной» воде, надеясь на исцеление и на отпущение грехов.

А вокруг деловито спуют турецкие стражники. Там сопровождают, здесь стращают, тут наводят порядок и всегда и из всего извлекают выгоду для себя.

ПЕСКИ АРАВИИ ОСТАЛИСЬ ПОЗАДИ

Отыгнать путь Нибура ясен и прям — он ведет на север, к дому. Но научный интерес и жажда исследования не покидают его ни на минуту. Он по-прежнему не торопится и, пристально взглядываясь во все, мимо чего проходит, тщательно фиксирует это в путевом дневнике.

Перед Нибуром раскинулись земли, находящиеся между реками Тигром и Евфратом, названные древними греками Месопотамией, или Междуречьем. Тысячи лет назад на них развивалась одна из самых первых цивилизаций человечества. Завоеванные арабами в 637 году и составлявшие славу халифата, теперь они входили в состав Османской империи.

Главный город Месопотамии — Багдад, «33°20', расположен на восточном берегу реки Тигр. Резиденция паши», — сухо, без эмоций отмечает Нибур в путевых записях. Тем не менее, помня о знаменитой истории города, Нибур въезжал в Багдад с интересом. Но теперь здесь едва ли кто помнил о былом. Город занят торговлей — отсюда в другие страны поставляют рис, соль, финики, лошади, а читать и писать, как сразу же обнаружил Нибур, здесь мало кто умеет. В Каире по крайней мере была хоть лавка, где продавались старые книги. В Багдаде о существовании книг как будто никто и не подозревает. А между тем в Багдаде на пять веков раньше, чем в Европе, было налажено бумажное производство (VIII век) и когда-то рукописные книги стоили сравнительно недорого. По свидетельству историка Якуби, в конце IX века на одной лишь улице Багдада размещалось более ста книготорговцев.

— Нет, почему же? У нас тоже продают книги, — объяснил Нибуру какой-то горожанин, — но это происходит лишь тогда, когда их владелец умирает. Вот тогда-то его книги вместе с одеждой и относят на базар.

В Багдаде было холодно. На дворе зима, февраль, и, хотя солнце, стоявшее в зените, бросало свои лучи прямо во внутренний дворик его жилища, на стеклах замерзал лед в полпальца толщиной. Говорили, что в этом году замерзло около двадцати человек. «Что ж, в это можно поверить, — подумал Нибур, — ведь люди здесь почти голые, а ночь многие из них проводят на улице, под открытым небом».

В Багдаде — резиденция султанского наместника Омар-паши. Нибур наблюдает прибытие паши на пятничную молитву в мечеть. Процессия пышна и многочисленна — едут советники, судьи, богатые купцы, телохранители, музыканты, слуги.

В мощной стене, окружающей город, трое ворот, у каждого установлено по шесть пушек. Но войти в город незамеченным никакого труда не составляет, ибо охраняют ворота янычары, а

они заняты своими делами — играют в шахматы или нарды, курят, болтают.

Нибур насчитал 20 мечетей с минаретами, остальные без минаретов. Дворец паши близок к разрушению, так же как и башня над могилой Зубейды, жены знаменитого Харуна ар-Рашида. И если бы не это свидетельство, Нибур и не вспомнил бы, какая блистательная жизнь кипела, по свидетельству арабских историков, в Багдаде во времена аббасидских халифов.

Далее путь Нибура лежал в сирийский город Алеппо. Когда он был в Басре, его пригласил туда к себе в гости голландский консул, так что почлегом и пищей он мог считать себя там обеспеченным. Кроме того, в Алеппо его должны были ждать новые распоряжения короля Дании. Не найдя каравана, направлявшегося прямо в Алеппо, Нибур присоединился к каравану, который двигался на север — в Мосул. Это было 23 августа 1766 года.

Как отличался теперь Нибур от того наивного ученого, который совсем недавно отплыл из Копенгагена! Сотни и тысячи миль, оставленных позади, многому научили его. Он стал похож на бедуина, который чувствует себя хозяином пустыни, потому что может преодолеть палящую жару и леденящий холод, знойные ветры и песчаные бури, а главное — одиночество, чувство затерянности в бескрайних песчаных равнинах. Теперь Нибур знал, как вести себя в минуту опасности. В дороге при нем всегда были карабин, сабля и пистолет. Проводнику, которого он нанимал, Нибур обычно также вручал пистолет и саблю. Несколько раз на него собирались напасть грабители — арабы или курды, но, увидев, что он вооружен, удирали. Нибур научился приказывать. Когда в беспорядочной суতোлке каравана возникала драка или ссора, он стрелял в воздух — и все затихало. Теперь он сам мог рекомендовать другим, что брать с собой при длительном переходе через пустыню, даже составил обстоятельный список для тех, кто когда-нибудь последует по его пути. В этот список входили два котелка с крышками, ложка, тарелка, бокал и кофейник, деревянная шкатулка с отделениями для соли, перца и других специй, кусок кожи вместо скатерти, бурдюк с вином, рис, топленое масло, лук, мука, сухие фрукты, копченое мясо, кофе, палатка с матрацем, одеялом и подушкой, два мешка с одеждой и книгами, ящик с инструментами. Для перевозки всего этого груза было достаточно двух-трех вьючных животных. Нибур научился печь хлеб. Привыкнув мириться с любыми обстоятельствами, он вместе с тем не хотел терпеть неудобств.

Окруженный арабами, он приспособился к условиям их жизни, перестал болеть и с сожалением вспоминал, как легкомысленно в начале путешествия он и его спутники после знойного дня наслаждались прохладой, вместо того чтобы укрываться от нее; как неосмотрительно питались; как растрачивали здоровье в перепалках с местными чиновниками. Теперь он вел себя совсем иначе. Он уже не боялся показывать свои астрономические инструменты, а напротив, по ночам рассказывал притихшим спутникам

о движении небесных светил и вместе с ними рассматривал сверкающие крупницы, затерянные в черной беспредельности мироздания. И люди доверчиво тянулись к нему.

Мелькали селения и города, и повсюду он находил пищу для наблюдений и размышлений. Вот посреди песков зажглись факелы, — значит, здесь есть нефть. Вот в селении Таук — мечеть, в ней погребен святой; у его могилы, говорят, раз в год может прозреть один слепой, а слепых толпятся здесь тысячи. А вот у одинокого шатра молится женщина. Нибур впервые увидел, как молится мусульманка. Обычно говорят: молиться должен мужчина, чтобы попасть в рай, а женщине молиться бесполезно — она все равно в рай не попадет.

Наступает час общей молитвы, и весь караван останавливается. Люди падают ниц, накрыв собою землю, словно огромным живым покрывалом. Все кажется белым: одежда верующих, выцветшее небо, светлый песок. Безмолвие нарушается лишь шепотом молящихся да ржанием лошади или криком верблюда. В такие минуты христианин Нибур слезал с осла, дабы ничем не нарушать религиозные чувства мусульман. «Уважай законы, обычаи, нравы людей, среди которых ты находишься» — этот девиз он когда-то в начале пути провозгласил перед своими спутниками и ни разу не изменил ему.

В Мосуле Нибур присоединился к другому каравану, который направился через Урфу в Алеппо. Караван двигался медленно, так как верблюды и лошади — а их было около двух тысяч — нуждались в длительных остановках для кормежки. Всего в караване было около четырехсот купцов, ехавших со своими товарами из Индии и Ирана, да еще человек сто пятьдесят, нанятых купцами для охраны. Однако грабители из местных племен действовали почти беспрепятственно.

Однажды Нибур и его проводник обнаружили пропажу постелей. Нибур узнал, где находится жилище местного шейха, и поскакал к нему жаловаться. Шейх полулежал на ковре, устало опустив голову на грудь, так что казалось, будто уши у него торчат прямо на затылке. Перед ним стояло блюдо с мясом. Шейх, видимо, обедал. Каково же было удивление Нибура, когда он обнаружил свои постели прямо здесь же, у стола шейха! Он выразил по этому поводу неудовольствие.

— Неверный! — вскричал шейх. — Ты должен гордиться тем, что твои дрянные лохмотья принесли мне! А твоему слуге и во все не пристало спать на мягкой постели, словно паше. Он же раб, собака!

— Мы оба люди, и оба должны спать, как люди. Ты упомянул пашу, он честнее и мудрее тебя. Вот рекомендательное письмо пашы из Багдада для таких наглецов, как ты. Взгляни!

— Здесь, в пустыне, я твой паша! — закричал шейх еще неистовее.

— Я не думал, что законы твоей страны позволяют быть бесчестным, жадным и грубым, — холодно сказал Нибур. — И за это

никто не несет наказания. Хотя начинать следовало бы с тебя. Потерянные деньги найдутся, потерянная честь никогда. Так, кажется, гласит ваша пословица? Да опустеет твой дом...

Промолвив это, Нибур поиграл рукояткой пистолета, засунутого за пояс, и вышел. Он благополучно вернулся в караван, а через два часа ему принесли и обе постели.

Так Нибур понял, что многолюдье здесь мало от чего спасает и что во всем надо рассчитывать только на самого себя. После этого он вместе с проводником отстал от каравана и продолжал путь вдвоем.

Теперь они двигались много быстрее и благополучно добрались до Алеппо. Под названием «Халаппа» этот город был известен еще в III тысячелетии до нашей эры как центр самостоятельного государства; затем он входил в состав Ассирии, Вавилона, Персидского царства, державы Александра Македонского. В VII веке нашей эры он был захвачен арабами и стал частью халифата, а в XVI в. вместе со всей Сирией был завоеван турками.

Пустыня подходит вплотную к стенам Алеппо. Недалеко от города находятся каменоломни, поэтому дома здесь каменные, да и улицы вымощены камнем. На исполинском естественном холме над городом возвышается величественная цитадель. Склоны холма облицованы каменными плитами, защищающими его от оползней, а вокруг вырыт широкий ров. К западу от Алеппо протекает река Кувейк, поэтому сады составляют здесь привычный пейзаж.

В городе находятся французское, английское, голландское и венецианское консульства.

Нибур, как и рассчитывал, поселился в доме голландского консула ван Массейка. На него пахнуло родиной. Он перезнакомился со всеми европейцами, часто бывал на приемах и на некоторое время забыл о тех трудностях и лишениях, через которые ему пришлось пройти.

Нибур собирался заняться изучением сирийского языка и его диалектов, считая его живым языком, но сразу увидел, что он вытеснен арабским. Придворным же языком, языком знати, в Сирии стал турецкий. «Так и в Германии придворным языком является язык другой страны — французский», — подумал Нибур.

В Сирии широко распространено христианство. Арабы-христиане исповедуют православие, армяно-григорианскую веру и католицизм; среди них много яковитов, несториан, маронитов.

Нибур разговорился с одним маронитом.

— Раз ваша религия близка европейскому христианству, — сказал он, — вы можете это использовать.

— Каким образом? — спросил маронит.

— Отправиться в Европу, получить там образование.

— Мне предлагали как-то ехать в Италию, только я не согласился. Ни к чему мне это, — заявил араб.

— Отчего же? Европа способна научить многому, — сказал Нибур.

— Зачем ехать? Зачем учиться? Я боюсь, что меня пошлют пасильно. Научусь я всяким европейским наукам, приобрету европейские манеры, надеву европейскую одежду, я же тогда пропаю. Кому я здесь буду нужен! — ответил тот, и лицо его при этом выражало столько ужаса, что Нибур рассмеялся. «Вот и разберись тут в их психологию, — подумал он. — Факты записать мало — надо знать истоки, внутренние соображения, да мало ли еще что, и тогда факты предстанут совсем в другом свете».

Причудливое смешение различных национальностей бросалось в глаза на каждом шагу. Впрочем, чтобы заметить это, Нибуру не требовалось даже выходить из дома ван Массейжа, у которого жена была родом из Гамбурга, тетка — из Ирландии, один компаньон — из Голландии, другой — из Верхней Саксонии, а слуги и помощники были итальянцы, армяне, турки и арабы. В доме говорили одновременно на семи языках, не считая диалектов.

Большинство жителей Алеппо заняты торговлей и ремеслом. Поэтому город произвел на Нибура впечатление огромного базара, где товары не только продаются и покупаются, но и частично производятся. Огромный, со сводчатым куполом рынок, тысячи лавок, десятки караван-сараев — все сплетено в хаотичный торговый лабиринт.

Товары идут через Алеппо из Европы и Турции в Иран и Индию и обратно. По морю — с запада, где находится основной порт Леванта — Бейрут; через пустыни — с юга и востока, с остановкой в Дамаске. Из Марселя сюда поступают французские шелка, которые охотно раскупаются турками и сирийцами, а из Венеции — изысканная одежда, тоже пришедшая по вкусу восточной знати.

В Алеппо Нибура ждала почта из Дании. Новый наказ короля и графа фон Бернсторфа гласил: срочно ехать на остров Кипр, где обнаружены какие-то древние надписи — в Европе их сочли финикийскими. Поэтому Нибуру надлежит скопировать все надписи, какие он только найдет на острове.

18 июля Нибур приплыл в главный порт и основной торговый центр Кипра — Ларнаку. Путешествие оказалось напрасным — никаких надписей он не нашел.

Кажется, теперь все. Король Дании не диктует больше никаких маршрутов. И тем не менее Нибур медлит расставаться с полюбившимся ему Востоком.

Он должен побывать в Палестине! Да и оправдание этому есть: прежние задания короля и его министра, полученные Хавеном.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ СКАЗАНИЯ НАЯВУ

В Ларнаке Нибур увидел семерых монахов-европейцев, державших путь в Иерусалим. Недолго думая, он вслед за ними пересел на французское грузовое судно, следующее до Яффы — города, который служил Иерусалиму морским портом. Монахи считали Нибура в его арабской одежде мусульманином и в разго-

вор с ним не вступали. Стояла жара, и они в своих плащах изнывали от зноя. Нибуру же морской воздух после раскаленной пустыни казался влажным, а попутный ветер — прохладой. Он заговорил с монахами и узнал, что двое из них — францисканцы и везут в Иерусалим священные дары с Мальты и из Неаполитанского королевства, остальные плывут из Калабрии и впервые покинули родные места. Кто-то спросил, из каких краев сам Нибур.

— Из Дании, — ответил он.

— Это где? В Анатолии? — спросил калабриец.

Нибуру стало ясно, что о существовании Дании монахи никогда и не слышали, а его приняли за анатолийца, то есть за жителя малоазиатской части Турции.

— Нет, Дания — это страна на севере Европы. Я такой же европеец, как и вы, — объяснил Нибур.

Монахи с ужасом отпрянули от него и наперебой загалдели:

— Ты — еретик, ты — вероотступник, пусть бог накажет тебя. Пусть проклятие падет на твою голову!

Нибур с огорчением понял, что в объяснения пускаться бесполезно и что радость его от встречи с европейцами была преждевременной.

В последующие дни он с интересом наблюдал, как монахи вели себя на судне. От него они отшатывались, словно от зачумленного, то и дело проклинали ни в чем не повинных пассажиров и команду, непрерывно требовали от моряков услуг, привередничали, брюзжали, кричали, что французы здесь на судне хуже всех еретиков и неверных. Капитану это настолько надоело, что он запретил монахам вообще показываться на палубе. Только тогда они приутихли.

Нибур стал припоминать легенды, предания и исторические события, связанные с Яффой. Их оказалось множество. Здесь жил библейский Ной. Отсюда, согласно Библии, отплыл Ноев ковчег. К скалам близ Яффы была прикована цепями Андромеда, дочь мифического эфиопского царя Кефея, спасенная Персеем. В Яффу прибывали для царя Соломона суда с ливанскими кедрами, шедшими на постройку Иерусалимского храма. Здесь же сарацины Саладина сражались с крестоносцами во главе с Ричардом Львиное Сердце. В немецком языке выражение «ехать в Яффу» означало «отправляться на тот свет», вспомнил Нибур.

И вот наконец долгожданная Яффа. Город взгромоздился на склоны холма, спускающегося к долине Шарон. Его окружали пальмовые рощи, плантации апельсиновых и лимонных деревьев.

Когда-то суда могли подходить почти к самому берегу. Теперь же Яффская бухта обмелела, корабли останавливались на рейде. Вместе с прочими пассажирами Нибура перевезли на берег в шлюпке.

Он тотчас же отправился к купцу Дамнану, к которому у него было письмо от ван Массейка. Этот восточный христианин много лет сопровождал в Иерусалим европейских монахов, теперь же

улаживал дела европейцев, прибывающих в Яффу. С его помощью можно было получить разрешение на посещение Иерусалима.

Однако Дамиана не оказалось дома. Его сын, выслушав просьбу Нибура, сухо сказал:

— Не знаю, что скажет отец, но я думаю, что у вас ничего не получится. Недавно одному шведскому проповеднику было категорически запрещено ехать в Иерусалим. Его звали Виллем Росс. Но если угодно, можете подождать отца.

— А не лучше ли мне прийти завтра? — спросил Нибур, не желая терять времени на бесполезное ожидание.

— Нет. Лучше ждать здесь, — так же сухо ответил молодой человек. — Лишний раз выходить на улицу вам не следует, как незачем и снова появляться у нас.

Эти слова, да и все поведение молодого человека, его сдержанность и чрезмерная осторожность озадачили Нибура. Он поблагодарил за совет и остался ждать купца.

Вскоре появился Дампан. Просьба визитера не удивила его.

— Вам надлежит пойти францисканцев, с которыми вы приплыли. Они уже отправили свое прошение в Иерусалим к его высокопреподобию настоятелю францисканского монастыря. Надо, чтобы они согласились взять вас с собой, — сказал он спокойно.

— А если они не согласятся? — спросил Нибур, вспомнив поведение монахов на судне и свой неудавшийся разговор с ними.

— Тогда вы не сможете посетить священные места, — попрежнему невозмутимо ответил Дампан.

— Но почему же? Почему я, протестант, должен зависеть от воли и желания католиков? И почему европеец сам по себе не может посетить Иерусалим? — не унимался Нибур, начиная злиться.

— Потому что его высокопреподобие почитаем здесь более всех других христианских священнослужителей, он не только настоятель монастыря, но и наместник папы римского в Иерусалиме, и посетить Иерусалим можно лишь с его разрешения.

На том Нибур и расстался с Дампаном. Но примириться с этим странным правилом не пожелал и отправился к местному судье. Он задал кади два вопроса: есть ли в Иерусалиме наместник турецкого султана, к которому можно было бы обратиться за разрешением, и почему ему, Нибуру, вообще требуется какое-то особое разрешение после того, как он уже посетил немало городов Османской империи. Кади ответил, что все это не имеет к нему никакого отношения и что Нибуру следует обращаться к францисканцам.

Пришлось снова идти к Дампану. Тот, разумеется, узнал, что Нибур за его спиной пытался вести переговоры с кади, но не рассердился. Он еще раз посоветовал заручиться расположением францисканских монахов. Иначе Нибур или не увидит Иерусалима вовсе, или будет там по совету монахов схвачен и брошен в темницу. Желание Нибура попасть в Иерусалим было так велико, что он пошел к францисканцам. На этот раз монахи оказались любезнее — он выложил им 200 пиастров — и разрешили ему до-

ехать до городка Рамлы, от которого до Иерусалима оставалось две трети пути. Кроме того, они написали туда письмо «святым братьям» с просьбой оказать ему содействие и помощь.

Когда Нибур добрался до Рамлы, он получил тот же совет — не выходить из дома, в котором ему удалось устроиться на ночлег. Но что ему было делать в четырех стенах? И Нибур отправился в город на поиски «святых братьев». По пути он рассматривал дома, улицы, жителей, наблюдал за тем, какая шла здесь торговля, и делал все это совершенно беспрепятственно. Наконец он нашел монахов, которым были адресованы письма.

— Сын мой,— сказал ему один из них,— ты подвергал свою жизнь большому риску. Тебе не следовало попадаться на глаза этим диким людям. Палестинские арабы — грабители, разбойники и садисты, они нападают на всех наших паломников, а благочестивых монахов просто хватают, суют в печь и заживо зажаривают!

Нибур слушал с недоверием — уж слишком все это походило на сказки, которыми их потчевал Исмаил в Мохе. Ведь до сих пор он не видел от арабов ничего, кроме участия и добра.

— Сын мой,— продолжал монах,— ты должен не скупясь пожертвовать святой церкви какую-нибудь сумму, тогда мы постараемся защитить тебя от беды и охранить от козней неверных.

«Так вот в чем дело,— выкладывая деньги, подумал Нибур.— Монахи наверняка сами распускают слухи о жестокости палестинцев, чтобы на этом заработать. И чем больше страха они нагонят на благочестивых европейцев, тем больше денег соберут. Это же ясно, как божий день. Значит, мне бояться нечего».

Вскоре Нибур удостоверился в том, что он был совершенно прав в своих предположениях.

Когда в Рамлу прибыли бывшие попутчики Нибура, францисканцы, он присоединился к ним и даже помог нанять арабов-проводников. На всем пути до Иерусалима монахи так суетились, так волновались и спешили, словно грабители уже бежали за ними по пятам, чтобы раздеть их и сунуть в горящую печь.

Итак, Нибур вступил в памятные для истории человечества края. Земли, расположенные между Средиземным морем и Мертвым, между горами Ливана и пустынями северной части Аравийского полуострова, издавна называют «святыми». Иерусалим — их центр. Его история насчитывает не менее трех тысяч лет с того времени, как, по преданию, в нем поселились ханаанеи. На древнееврейском языке слово «Иерусалим» звучит как «Иерушалаим» и содержит слово «шалом», означающее «мир», «покой». Так ли? Очепь уж странно связывать с судьбой Иерусалима слово «мир», «покой». Разве что в насмешку. Ни один город на земле не пережил столько разрушительных катастроф, сколько выпало на его долю. Кого только не видели камни Иерусалима, каких только плачей, песнопений и молитв не слышали! Одиннадцать раз завоеванный, пять раз уничтоженный, этот город омыт потоками крови.

Ханаанец и филистимляне, иудейские цари и ассирийские, вавилоняне и персы, Птолеми и Селевкиды, римляне и византийцы, арабы, турки-сельджуки и крестоносцы, мамлюки и турки-османы — все претендовали на эти каменные, малоплодородные земли, все утверждали здесь царство своей, и только своей, религии.

Да, трагические катаклизмы не раз разрушали город, как и многие другие города древнего Востока. Но в отличие от них он каждый раз возрождался заново, ибо неизменно почитался как святыня иудеев, христиан и мусульман.

История Иерусалима — это история трех религий и их противоборства. Победа одной религии определяла на время падение другой, но и побежденная, та продолжала ревниво оберегать свои святыни.

Во времена Карстена Нибура Иерусалим именовался по-арабски Бейт-эль-Махдис («Место святилища») ¹ и управлялся пашой Дамаска.

При виде города, словно выплывшего из-за поворота горы, Нибур не мог сдержать радостной улыбки. Так вот он, Иерусалим, который в средние века христиане считали центром Земли. Так и чертили географические карты: четырехугольная Земля с Иерусалимом посередине, омываемая океаном и морями, врезающимися в сушу: с севера — Каспийским, с запада — Средиземным, с юга — Аравийским и Персидским заливом, а на востоке — страна таинственных и жестоких северных народов Гога и Магога.

Древний Иерусалим стоял на многочисленных холмах; теперь же город, возведенный на месте развалин, расположен на плоскогорье. Нибур определил координаты — 31°47' северной широты, — ведь дотоле они были неизвестны в Европе. С юга к городу подступает гора Сион. На северо-востоке высится Масличная гора, называемая еще горой Олив или Елеонской; она отделена от Иерусалима Иосафатовой долиной (или долиной Кедрон), где протекает высохшее русло реки Кедрон, некогда впадавшей в Мертвое море.

Облик города показался Нибуру поначалу типично мусульманским. С XVI века Иерусалим обнесен зубчатой крепостной стеной с башнями по углам, и Нибур насчитал в ней семь ворот: Вифлеемские (или Яффские), Дамасские, ворота Ирода, ворота Стефана, Золотые, Навозные, через которые из города выносятся нечистоты, и Спонские. Нужно добавить, что и до и после Нибура некоторым воротам давали другие названия, иные закладывали вовсе. Менялся и облик всего города, так что русские паломники и путешественники, посетившие Иерусалим в XIX веке и описавшие его, увидели город совсем другим. Пусть эти «разночтения» не удивляют вас, дорогой читатель.

В самом городе — крепость XIV века, окруженная широким

¹ А позднее — Эль-Кудс («Святилище»).

сухим рвом. Улицы и переулки изломаны, возникают слева и справа под разными углами, то поднимаются вверх, то спускаются вниз. Дома квадратные, из тесаного камня, с плоскими крышами и глухими стенами. Нибур, хотя и не отличался особой религиозностью, даже обиделся за верующих: идут они сюда за тридцать земель с надеждой узреть священную благодать, а попадают на узкие, грязные улицы, ограниченные равнодушными, безликими плоскостями стен.

Нибур сразу же отправился в монастырь к францисканцам, с неожиданной благосклонностью обещавшим ему покровительство. Здесь он и поселился на все время пребывания в Иерусалиме.

Францисканский монастырь был в городе самым крупным и богатым. Его настоятель, носивший титул «реверендиссиму» («преподобнейший»), считался религиозным главой христианского Иерусалима. Он утверждался на три года и обязательно должен был быть итальянцем. Викарий при нем должен был непременно быть французом, а прокуратор — испанцем. Монахи же могли быть любой национальности. Нибур пригляделся к ним — самые разные люди, есть и прекрасно образованные, и совсем невежественные.

Францисканцы пригласили гостя на мессу. Нибур растерялся: ему не хотелось обижать отказом гостеприимных хозяев, но ведь он — протестант! Но тут ему пришла в голову здравая мысль: «В конце концов протестант и в католической церкви может возблагодарить господ за его милости». Он принял приглашение и не раскаялся в этом. Сколько времени он не слышал настоящей музыки! Среди музыкантов оказалось немало немцев. В монастырской церкви был великолепный орган, торжественно звучал хор, расположившийся почти под самым куполом.

Для осмотра города и его достопримечательностей настоятель дал Нибуру и приехавшим вместе с ним монахам проводника, хорошо знавшего современный город и его историю.

Прежде всего Нибур попытался выяснить для себя вопрос, кто же сейчас живет в городе. Оказалось, что основное население Иерусалима — палестинские арабы-мусульмане. Им принадлежит восточная часть города. Остальные жители строго распределены по кварталам: северо-западная часть с храмом Воскресения, «Гробом господним» и Голгофой, естественно, считается священной землей христиан; кроме того, христиане (армяне) живут и в юго-западной части города — на холме Офсел, где расположен монастырь святого Иакова; евреи населяют квартал между горами Сион и Мориа.

«Интересно, — подумал Нибур, — если бы Иерусалим принадлежал христианам и иудеям, разрешили бы они мусульманам спокойно жить и хозяйничать здесь? А мусульмане разрешают и даже стараются им помочь». Мусульмане оставили в неприкосновенности большинство христианских достопримечательностей города, включая «Гроб господень», сохранили церкви и часовни, а в дни больших праздничных служб, когда тысячи паломников

устремляются ко «Гробу господню» в храм Воскресения¹, именно турецкие янычары устанавливают здесь спокойствие и порядок, дабы благочестивые христиане не передавили друг друга. Правда, когда монахи, принадлежащие к разным, иногда враждующим орденам, затевают в священных местах и даже у «Гроба господня» потасовки, янычары бесцеремонно распахивают двери и плетми приводят разбушевавшихся клириков в чувство.

Единственное, в чем местные власти ущемляют христиан, — это в строительстве новых монастырей и церквей. В таких случаях паша требует платы — налогов, дополнительных денег, подарков. И тогда католические, православные, григорианские и коптские священники начинают сражаться друг с другом отчаянно и грубо. На возведение и содержание церквей и монастырей они получают дары и пожертвования — каждый со своей родины. За это «святые отцы» обещают жертвователям места на небе. «Значит, таким способом место на небе может купить себе даже заведомый негодяй и подлец», — приходит Нибуру мысль, когда он наблюдает монастырские интриги.

Люди сделали эту землю — горы, холмы (так и прозвали их — «библейские холмы») и долины — основным местом библейских событий, и каждое из этих событий словно облачено теперь в живую плоть реальных подробностей. На одной из гор близ Иерусалима, там, где, согласно библейскому преданию, Авраам хотел принести в жертву Исаака, возведен монастырь. На склоне горы Мориа Нибуру показали место, где царь Давид якобы видел ангела с мечом, направленным на Иерусалим. Давид построил там алтарь для жертвоприношений, а его сын Соломон в 960 году до нашей эры — храм. Ныне на фундаменте этого храма стоит мечеть, возведенная по повелению халифа Омара. Это самое почитаемое после Каабы в Мекке святилище ислама. Мечеть, кажется, вобрала в себя архитектурные достижения многих эпох. Она отличается удивительной гармонией отдельных частей; наверху — изысканная мозаика из бирюзовых изразцов, покрытых арабской вязью, позолоченный купол, внизу — белый мрамор. Возможно, что строили ее византийские зодчие: как известно, мусульманское искусство не допускает изображения человеческого лица, а среди арабесок и орнамента в мозаике мечети многие усматривают херувимов. Нибуру установить это было трудно, так как на площадь Харам аш-Шериф, где находится мечеть, не смеет ступить ни один христианин, разве что ремесленник, приглашенный для восстановления работ.

Разглядывая мечеть издалека, Нибур признался себе, что это самый прекрасный памятник мусульманского зодчества из всех встреченных им в арабских странах. В истории архитектуры она известна под названием Куббат ас-Сахра, то есть «Мечеть скалы», ибо поверье гласит, будто пророк Мухаммед, чудодейственно переносившийся архангелом Гавриилом (Джибраилом по-араб-

¹ Ныне он называется храмом Гроба господня.

ски) в Иерусалим, именно с этого места взлетая на своем крылатом коне Бураке, вырвал из склона горы Мориа кусок скалы.

Из-за каменной стены, охраняемой янычарами, Нибур рассмотрел и саму площадь, вымощенную камнями, сквозь которые пробивается трава, и другую мечеть, под названием Аль-Акса, что означает «Отдаленная», переделанную из христианской базилики, от которой она, видимо, и унаследовала свою наклонную крышу.

В то же время иудеи свято верят в то, что часть каменной ограды площади Харам аш-Шериф была стеной уничтоженного храма Соломона. Это и есть их святыня — Стена плача. Нибур обошел вокруг — стена как стена, только очень длинная. В ее основании лежат огромные, по 20 футов, камни, вверху мельче, возможно, времен крестоносцев. Но ведь в этом странном городе все стены разной кладки и отсыревают к разным эпохам.

Солнце клонилось к горизонту, и тени домов удлинились, выростали, от чего город как бы делался еще теснее и мрачнее. Но что это? К Стене плача движутся толпы людей. Это евреи бредут в своих длинных одеждах и черных шапочках, чтобы припасть к этим камням, плакать, молиться и читать псалмы.

Нибур отпрянул. Громкие стенания и тихие всхлипы повисли над стеной. Кто-то держал в руках Талмуд и произносил канонические тексты, кто-то повторял слова пророка Иеремии, но большинство неистово выплакивало свои мольбы и свои печали.

— О храме разрушенном одинокие мы стоим здесь и плачем! О стенах низвергнутых одинокие мы стоим здесь и плачем!

— Отцы наши грешили, их уже нет, а мы несем наказание за беззакония их. Рабы господствуют над нами, и некому избавить нас от руки их... Кожа наша почернела, как печь, от жгучего голода... Старцы уже не сидят у ворот, юноши не поют. Упал венец с голов наших; горе нам, что мы согрешили!..

— О великом нашем минувшем, о людях своих погибших мы стоим здесь и плачем! О камнях драгоценных, превратившихся в прах...

Быть может, в стенаниях молящихся звучала и скорбь о тех, кого когда-то, в день, сохраненный преданием, римляне казнили на горе Мориа и чья кровь лилась отсюда через пещеры в воды Кедрона?

Сумерки сгустились, и Нибур впервые почувствовал болезненное отвращение к этому городу.

После длительного общения с мусульманами, после посещения священных земель ислама, после католической мессы и зрелища иудейской Стены плача Нибур так устал от религиозного экстаза, что стал ощущать себя только историком, исследователем, бытописателем. И снова он со скрупулезной объективностью, сухо и лаконично отмечает местоположение всего, что перед ним предстает.

Да, конечно, для христианина здесь все связано со сказаниями о Христе. У северной ограды площади Харам аш-Шериф Нибуру показали дом, где жили Иоаким и Анна, родители девы Марии;

здесь же в V веке был основан и монастырь святой Анны. В скале — пещера, за железной дверью с готической аркой в глубину ведут двадцать каменных ступеней, где погребены Иоаким и Анна, а еще ниже на тридцать ступеней якобы находится гробница самой девы Марии. Здесь же в IV веке был возведен храм Богоматери, и православные, григориане, католики, яковиты и копты имеют в нем свои приделы. Мусульмане, не располагающие святыми женского пола, тоже чтут Ситти Мариама, как они называют деву Марию, и приходят помолиться ей. В саду монастыря святой Анны — пруд Вифезда, или Овечья купель, где, по преданию, Христос исцелял всех немощных и больных. Вода в нем с незапамятных времен признавалась целебной, но Нибур обнаружил, что пруд выглядит таким грязным, словно в него свалили нечистоты со всего города.

Когда монахи предложили Нибуру посетить Вифлеем, он, не раздумывая, согласился: ему хотелось проследить историю Христа с самого начала.

Вифлеем населен в основном христианами, главное их занятие — изготовление венков, крестиков, распятий, икон, изображений храма Воскресения и «Гроба господня». В Европу подобные изделия отправляются тоннами. Нибур приобрел несколько изящно сделанных предметов, чтобы потом подарить их на родине знакомым католикам. В центре Вифлеема — храм Рождества Христова, сооруженный в IV веке императором Константином. В храме под алтарем — вход в пещеру с беломраморными яслями, в которых якобы и родился Христос. В Вифлееме много пещер, и определить, в какой именно из них произошло это событие, невозможно. Ангел, возвестивший о рождении Христа, тоже дал пастухам, согласно Евангелию от Луки, весьма неточные указания: «Вы найдете младенца в пеленах, лежащего в яслях». А вот апокрифические тексты сообщают, что Иисус родился «на обратном пути из Вифлеема в пещере Рахили», которая находится между Вифлеемом и Иерусалимом. Вот так почти каждое библейское событие имеет различные толкования, и Нибур убедился в этом на месте воочию.

О развалинах Иерусалима монах-проводник рассказывал так, будто это были не жалкие груды камней, а полностью сохранившиеся строения, хозяева которых только вчера их покинули: вот дом первосвященника Каиафы, где собирался синедрион и где было принято решение казнить Христа; вот дом зятя Каиафы, участвовавшего в заговоре против Христа; вот дом, где жил апостол Марк и где он читал свою первую проповедь; дом Тайной вечери; дом фарисея, в котором грешница омыла Христу ноги.

— А вот здесь, справа от Золотых ворот, — говорил монах, показывая на низкое здание с небольшими окнами, — находилась претория прокуратора Иудеи Понтия Пилата.

— А что там теперь? — спросил Нибур.

— Турецкая казарма, — прошил монах и отвернулся.

От бывшей претории Понтия Пилата берет начало *Via Dolc-*

rosa, или Скорбный путь, по нему Христос совершал свой мученический подъем на Голгофу. Каждую пятницу, то есть в день, когда был распят Христос, францисканцы организуют по этой дороге крестный ход, в нем принимают участие все паломники.

Нибур решил осмотреть *Via Dolorosa* в обычный день. Узкая, перекрытая массивными арками и остатками сводов, она была словно отгорожена от внешнего мира глухими стенами домов, сложенными из камней кроваво-красного цвета, и от этого казалась зловещей. Даже солнце не заглядывало сюда, хотя стоял погожий день. Жалкие клочки травы, спертливо выбивающиеся из-под камней, да редкие нищие, словно статуи застывшие у стен, усиливали ощущение заброшенности и гнетущего трагизма обстановки. Нибур делал шаг и оглядывался: ему чудилось — кто-то преследует его, а это его собственные шаги гулко множились плитами мостовой, стенами, сводами. «А неплохую декорацию выбрали религиозные авторитеты для изображения страстей господних», — подумал он. На пути то и дело возникали часовенки, мемориальные камни, плиты или мраморные дощечки с надписями, воспроизводящими памятные события, якобы на данном месте происходившие: здесь состоялось бичевание Христа, и теперь тут воздвигнута арка с надписью «*Ecce homo*» — «Се человек». А здесь он упал под тяжестью своей ноши — креста. Там его встретила дева Мария, а там он остановился и сказал «дщерям Иерусалимским»: «Не плачьте обо мне, но о себе и о детях ваших». Здесь блудница Вероника обтерла лицо его от пота и крови, и на том куске полотна остался его нерукотворный лик, а там он снова упал, и Симеон Кириянин помог ему подняться и нести крест. Каждый шаг Христа был воссоздан, отмечен и вызвал к чувствам верующих.

Улица тянется вверх, и идти по ней действительно все труднее и труднее. Ноги скользят по древним камням, за многие века отполированным ногами паломников. Мрачную картину этого скорбного пути дополняли доносившиеся откуда-то звуки католического хора и крики муэдзина.

Наконец дорога приблизилась к центральному месту христианского Иерусалима — храму Воскресения, вплотную пристроенному к Голгофе. Здесь тягостная обстановка несколько разрядилась: местные жители превратили подступы к храму в шумный базар. Шла оживленная торговля свечами, крестиками, лампадами, распятиями, иконами, а заодно и кольцами, мундштуками, коралловыми ожерельями.

Храм Воскресения возник перед Нибуrom буднично и незаметно среди стен и крыш, меж куполов и минаретов, зажатый кубиками арабских домов, монастырями и часовнями. Посредине фасада — две большие арки и узкая дверь. И тут трепетному благочестию паломников наносится ощутимый удар: на площадке за дверью, вольготно развальясь на диванах, сидят янычары, курят, пьют кофе, играют в нарды. У них хранятся ключи от храма, так как в обычные дни храм заперт.

Когда Нибур вслед за своим проводником и францисканскими монахами направился внутрь, один из янычар, приняв его по внешнему виду за мусульманина, сказал ему:

— А ты-то куда? Ты что, и впрямь думаешь, что там что-то есть? Если бы было, наши оттуда давно бы все вытряхнули.

Нибур, отмахнувшись, сделал несколько шагов и очутился на галерее. Еще несколько шагов — и вот он уже в самом храме. Над ним, словно небосвод, опрокинут синий купол, подпираемый пилястрами и колоннами, облицованными мрамором. А вокруг все сверкает от золотых и серебряных подсвечников, лампад и паникадил, скульптурных изображений, икон и всевозможных предметов церковной утвари. Богатый иконостас, расписанный по золоту, взмывает вверх на пять больших ярусов. Вдоль стен расположены сиденья для молящихся, посредине — кресла для папы римского и четырех патриархов, кафедра для архидиакона, ложи для монахов.

Храм в основном принадлежит православной церкви, часть выделена католикам, к задней стене копты пристроили свой придел, здесь же находится и престол яковитов. Церковная утварь также поделена между разными церквями, и это не может не породить соперничества и зависть. Монах-францисканец не преминул показать Нибуру обломки дорогого серебряного подсвечника, который якобы сломали греки, а чуть позднее какой-то грек продемонстрировал Нибуру рубцы на теле от ударов дубинки, нанесенных ему католиком.

Здесь, так же как и на *Via Dolorosa*, каждое место, связанное с последними часами недолгого земного существования Христа и описанное в Библии, имеет точное обозначение: вот тут Христос вместе с двумя разбойниками дожидался казни и один из разбойников издевался над ним, тут солдаты разыгрывали в костяк его одежду, а там стояла Мария, глядя, как ее сыну, висящему на кресте, смачивают рот губкой, пропитанной уксусом.

Почти под самым престолом — огромная черная дыра. Нибур с интересом заглянул в нее, а монах, стоявший рядом, с самым серьезным видом сообщил ему:

— Это центр мироздания!

Вот где, оказывается находится «пуп Земли»: именно на этом месте бог якобы сотворил Адама. Показали Нибуру и небольшую каменную раку, в которой «хранится» череп прародителя человечества, ибо на этой земле, по преданию, он жил после грехопадения, тут и был погребен. Нибур не переставал удивляться подобного рода материализации древних преданий. Но легенда-реальность продолжалась.

Лестница в двадцать ступеней (когда-то это была просто крутая тропа) ведет на Голгофу — скалу, где римляне совершали казни. Теперь это место включено в пределы храма. На вершине скалы — часовня, увенчанная куполом с изображением голубого неба, звезд и летящих ангелов. Стены часовни сплошь покрыты иконами в золотых и серебряных окладах, усыпанных драгоценными кам-

нями. Монах-проводник между тем рассказывал о том, как в момент казни «рассеклась Голгофа от крови Христовой, и оросила та кровь главу Адамову»; и трещина разверзлась до самого центра земли. Престол в алтарной части часовни установлен якобы на месте распятия: сквозь серебряную решетку виднеется отверстие в земле, оставшееся от креста. Сами кресты после казни сбрасывали вниз, в овраг. К отверстию обычно и ползут молящиеся, целуют землю и орошая ее слезами. По обе стороны православного престола еще два отверстия — от крестов двух разбойников, распятых вместе с Христом.

Однако Нибур, аналитик по складу ума, куда больше интересовался подлинной историей, чем следами от мифических крестов. Его внимание привлекла панорама, открывшаяся с высоты Голгофы. Отсюда виднелась масса часовен и монашеских келий, прилепившихся к храму со всех сторон. А в голове вертелась мысль: «Как же могла Елена, мать императора Константина, спустя триста лет после казни точно обнаружить это место? Почему именно здесь, в самом центре Иерусалима? Или с веками раздвигались стены города?» Куда привычнее было думать, что Голгофа находится за пределами Иерусалима.

Затем снова спустились в храм и вошли в следующую часовню. Монах указал на камень, лежащий у самого входа, и голосом заученным, суровым и бесстрастным промолвил:

— А это камень миропомазания, тот камень, на котором Иосиф Аримафейский обвивал чистой плащаницей и мазал миром тело Христа, снятое с креста, перед положением во гроб.

Над камнем Нибур увидел балдахин, увешанный лампадами.

И, наконец, в самом центре храма находится святая святых христианства — «Гроб господень». Это также часовня, стоящая точно посреди храма, так, что отверстия на куполах совпадают и сквозь них заглядывает небо. Часовня эта, по-гречески Кувуклия, состоит из двух частей. В первой, приделе святого Ангела, лежит еще один камень. Нибуру объяснили, что это тот самый камень, который был ангелом отвален от гроба; после этого ангел возвестил о воскресении Христа. За низкой мраморной дверью — лестница, ведущая вниз, в тесное, облицованное разноцветным мрамором помещение, где едва могут поместиться три-четыре человека. Никакого гроба Нибур здесь не обнаружил. Просто виднелось углубление в скале, нечто вроде ниши.

«Гроб господень» никому не принадлежит, но около него ежедневно служатся три обедни — католическая, православная и григорианская. Священнослужители трех вероисповеданий воспевают Христа и его деяния каждый на своем языке и согласно своей обрядности.

Вплотную к храму примыкают кельи монахов — католиков, православных, коптов, григорян. Единственная дверь, туда ведущая, всегда заперта на замок и тоже охраняется янычарами. А общение с внешним миром осуществляется только через храм. В двери — отверстие, через которое монахи получают еду. Откры-

вают эту дверь янычары только по праздникам или в том случае, если какой-нибудь монах тяжело заболел и его нужно перенести в монастырь. При этом выигрывают как те, так и другие. Монахи, пока дверь открыта, могут беспрепятственно побродить в окрестностях храма часок-другой, а янычары урывают за это не только определенную плату, но и чашечку кофе.

Пройдет не так много лет, и обнаружится, что в Иерусалиме существует множество подземных ходов — целый лабиринт, состоящий из пещер, внутренних галерей, потайных коридоров. Некоторые из них сохранились еще с тех времен, когда рыцари-иоанниты спасались от преследования мусульман. Другие были, видимо, проложены самими монахами.

Лишь в оливковой роще на Масличной горе Нибур мог хоть немного отдохнуть от этого хорошо срежиссированного театрального представления в мрачных декорациях. Это и был знаменитый Гефсиманский сад, где Христос молился в последнюю ночь. Когда Нибур пришел сюда впервые, монах-проводник не без гордости объяснил, что сад принадлежит францисканцам и что именно они посадили здесь цветы — розы, георгины, цикламены, асфodelы, а некоторые деревья окружили решетками, дабы верующие не обдирали с них в религиозном усердии листья и ветки, и впрямь думая, что эти молодые еще деревца склонялись восемнадцать столетий назад над тоскующим Христом.

Сидя на скамье, Нибур размышлял над всем увиденным. Да, христианские пастыри точно обозначили все «священные» места, придав тем самым историческую достоверность произошедшим якобы там событиям. Не отсюда ли и родилась убежденность верующих в абсолютной истинности библейских сказаний? Ну, а на самом деле какая была здесь жизнь при римлянах? Как относились захватчики к христианству? И не были ли в глазах Рима Христос и его ученики подозрительным тайным обществом, подлежащим запрещению и наказанию? Да и могли ли римляне, воспитанные на идее красоты человеческого тела и духа, принять проповедь о спасении души через страдания и мученичество?

Нибур рассеянно водил карандашом по бумаге. Что он мог? Все места, которые показывали ему монахи, он бесстрастно описал в путевых дневниках, сомнений своих старался почти не проявлять, даже собственные эмоции подавлял. Пусть облик Иерусалима постепенно складывается из рассказов паломников, которых здесь тысячи и тысячи из всех стран мира... А карандаш как бы самостоятельно продолжал вычерчивать какие-то линии, кубики. Не унаследовал ли он привычку к рисованию от Баурепфейнда? Перед ним лежала зарисовка Иерусалима, такого, каким он его видел с Масличной горы, — пагромождение кубиков. Может быть, и не совсем похоже, но пусть останется тут, в записях...

Словно стяхнув с себя тяжелый сон, Нибур огляделся по стопам. Даже несмотря на зелень, пейзаж был отмечен безысходностью. Между Масличной горой и Иерусалимом раскинулась Иосафатова долина. По преданию, именно здесь господь совер-

спит над всеми народами свой последний суд. Но и сейчас это место выглядит печально — долина смерти. Гробница иудейского царя Иосафата, чьим именем названа долина. Захоронения царей Давида и Соломона. Могилы других царей, пророков, святых и их родственников — различных вероисповеданий. К одним приползают, чтобы молиться, к другим, например к могиле непокорного сына Давида — Авессалома, чтобы кидать в нее камни. Но все это прах, которого не оживит никакое воображение, не разбудят апокалиптические трубы. Какое воскресение?! Весь этот прах давно сгнил. Смерть необратима. Всегда хладнокровный, уравновешенный, умеющий владеть собой, Нибур вдруг почувствовал цепящийся ужас и отвращение. Каменные тиски и могильные плиты душили его.

Первое впечатление от Иерусалима как о шумном, многоликом городе, населенном самыми разными людьми, забылось. Виденные раньше руины древних городов словно ожили в его глазах. Разве может сравниться, например, серораморная вечная красота камней Персеполя с этим мрачным пространством, от которого несет мертвечиной? Там ведь не просто камни и руины, а бессмертный памятник творчеству, безымянным творцам. Или безбрежное каменное раздолье Аравии — это же естественная живая природа, еще не дождавшаяся, а быть может, и избежавшая вмешательства человека.

Нибур вздрогнул. Город и его окрестности представились ему сплошным кладбищем, словно тут нет живых людей. Здесь все было выдумкой, все было иллюзорным. Но почему же столько религий, словно сговорившись, отдали этому городу своих героев — Адама, Мельхиседека, Авраама, Мухаммеда, Христа?

Бедуин, промелькнувший за горой со своим стадом, показался Нибуру пришельцем из другого мира — мира жизни, мира песков, камней и палящего солнца, где он чувствовал себя легко и привычно. Нет, скорее прочь отсюда!

Одна только археология способна была бы после всех войн и разрушений восстановить подлинную историю той или иной страны. Во времена Нибура археологии еще не знали. Но и она не в состоянии проникнуть в мир священных реликвий, огражденных от постороннего глаза, не в состоянии перебороть подозрительность, взаимную ненависть и даже войны представителей разных вероисповеданий. Так и остаются археологические тайны Иерусалима не раскрытыми до сих пор. Экспедиции М. Паркера, Р. Вейля, Р. Макалестера, работавшие здесь в XIX—XX веках, добились немногого. Разве что обнаружили пробитый сквозь иерусалимские скалы туннель, по которому вода тайно поступает в город, да установили, что библейский Иерусалим погребен под двадцатиметровым слоем земли. Перед недоступностью храмов и монастырей, гробниц и святилищ археологи отступают.

На куда больший эффект можно рассчитывать при изучении древних рукописей. Мы знаем, что знаменитые Кумранские свитки, обнаруженные в пещерах у Мертвого моря в 1947 году, дают

возможность исследовать эволюцию текстов Ветхого завета, проследить источники мифа о Христе и их историю, найти звенья между иудаизмом и ранним христианством и, быть может, уточнить происхождение «святых мест».

Записи Нибура становятся скудными, поверхностными, безразличными. С этого момента мысли его устремлены к родине.

На пути из Иерусалима к морю Нибур предпочел бы присоединиться к какому-либо каравану, но францисканцы пастояли на том, чтобы он ехал вместе с ними в сопровождении нескольких проводников. Ему даже уступили единственную лошадь, в то время как все довольствовались мулами, к тому же без седел. Не желая обидеть неожиданных благодетелей, Нибур не без огорчения согласился: ведь они сдержали свое слово.

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ

Обратный путь снова вел через Рамлу в Яффу, а затем морем через Акко в Сайду. Оттуда Нибур с попутным караваном добрался до Дамаска.

В долине перед городом, там, где река Барада разделяется на семь рукавов, он остановился, восхищенный открывшимся перед ним видом: поля, сады, мягкие изгибы рек. «Недаром пророк Мухаммед называл эти места раем», — подумал он. Но сам Дамаск разочаровал Нибура: от двух крепостных стен, некогда окружавших город, остались жалкие развалины, все улицы, за исключением одной, были непомерно узки и на ночь запирались с обеих сторон, дома выглядели убого. Впрочем, Нибур изменил свое мнение, когда проводник открыл ему некоторые местные секреты. Оказалось, что турки взимают налоги только с владельцев хороших домов, поэтому жителям Дамаска есть смысл приbedняться... снаружи. Да и зачем выставлять богатство напоказ, если вся жизнь сосредоточена внутри? В доказательство проводник привел Нибура в самый обычный, ничем не примечательный дом, и ученый увидел узорчатые мраморные стены, нарядный пол из кедрового дерева, лепные плафоны, ковры, панно, колонны, фонтаны. Окна, выходящие во внутренний двор, были заделаны цветными витражами.

Что же касается узких улиц, то они, как и в других арабских городах, защищали жителей от слишком яркого солнца и даже создавали своеобразный уют. Нибур любовался крошечными кофейнями, всегда соседствующими с живописными фонтанами. Ни в одном городе он не видел такого изобилия воды, причем воды настолько холодной, что нередко она служила причиной простуды, из-за чего дамасские купцы даже летом предпочитали носить меха.

Жизнь в Дамаске беспокойна. От него как бы лучами расходятся важные дороги: на север — в Алеппо, на восток — в Багдад, на юг — в аравийские пустыни, на запад — к Средиземному морю. И через город тянутся бесконечные караваны с паломниками, направляющимися в Мекку. В такие дни европейцу лучше не пока-

зваться на улице. Впрочем, европейцев в Дамаске в отличие от Алеппо почти нет. Здесь развиты ремесла, и товары из Европы почти не требуются.

Не успел Нибур обойти город, осмотреть главную мечеть, построенную на месте храма Юпитера и церкви Иоанна Крестителя, и мавзолеей Салах ад-Дина, как о его пребывании стало известно турецким властям.

Важный чиновник, восседавший на пестром ковре посреди большой пустой комнаты, куда привели Нибура, рассматривал его с любопытством.

— Говорят, ты, неверный, появившийся в нашем городе неизвестно откуда и не по воле Аллаха, проявляешь непопозволенный интерес к местам священным и заповедным, — с важностью произнес он. — А знаешь ли ты, что за прибытие в наш город и за пребывание в нем требуется платить пошлину?

И чиновник назвал немыслимую сумму. Нибур в виду не подал, что величина пошлины ошеломила его.

— Да прости меня Аллах милостивый, милосердный, — равнодушно ответил он, — но мне и моим спутникам, которых здесь нет со мной, разрешено великим султаном посещать любые города по пути.

И он показал чиновнику бумагу, полученную в Константинополе. В ней говорилось, что с предъявителей сего документа никакой въездной пошлины в городах Османской империи взимать не надлежит. Чиновник, не менее равнодушно прочитав бумагу, сказал, что она к нему никакого отношения не имеет, ибо город Дамаск здесь даже не упоминается. Нибур понимал, что спорить бесполезно, но на всякий случай сказал:

— Разумеется, я не посмею нарушить законов города. Но я ведь тоже не принадлежу сам себе. Я здесь по повелению датского короля, поэтому все свои действия я должен согласовывать с ним. Пошлину я уплачу тогда, когда заручусь согласием датского посла в Константинополе.

Чиновник был явно озадачен.

— Ступайте, — неохотно выдал он. — Придете завтра... Завтра, — повторил он еще раз.

Но Нибур не стал дожидаться «завтра». В тот же день он снова уехал в Сайду, а 27 августа 1766 года отплыл из Сайды в Латакию, где его ждал ван Массейк. Вместе с голландцем он вернулся в Алеппо. Здесь, на обеде в доме французского консула, у Нибура произошла странная встреча. Его внимание привлек высокий худощавый мужчина, чем-то неуловимо отличавшийся от остальных гостей. Во всяком случае, он явно не хотел привлекать к себе внимание. И именно поэтому его замечали сразу. Нибур подошел к нему и представился. Тот сухо поклонился.

— Виллем Росс, — назвал он свое имя.

«Где-то я слышал это имя, — промелькнуло у Нибура в голове, — Ну да, конечно... в доме Дамиана... Уж не тот ли это проповедник, которого не пустили в Иерусалим?»

И Нибур приветливо заговорил с ним по-датски. Тот побледнел и отшатнулся.

— Нет, нет, — заикаясь, бормотал он на французском языке, — Я знаю, что виноват, я изменил нашей вере, но готов раскаяться, просить о прощении.

Больше он не мог вымолвить ни слова.

Нибур ничего не понимал. Какая-то трагедия произошла в жизни этого человека, и Нибуру захотелось помочь ему. Он пригласил Росса в дом ван Массейка. Однако тот не явился, и Нибур больше никогда не видел его.

Вот что он узнал впоследствии о необычной судьбе этого человека. Виллем Росс, швед по национальности, был протестантским проповедником в Финляндии. Страстное желание посетить Иерусалим однажды сорвало его с места, и он без гроша в кармане кое-как добрался до Смирны. Там его приютил шведский консул. Но Росс считал невозможным показаться в светском обществе — у него не было даже приличной одежды, и поэтому он поселился у консульской прислуги. Затем он упросил консула помочь ему добраться до Яффы. Оттуда он собирался идти в Иерусалим пешком. Расчет Росса был правилен: денег у него не было, и арабы не тронули бы его; скорее всего они приняли бы его за сумасшедшего, а к сумасшедшим на Востоке, как уже говорилось, относятся особо. Но Росс, мало того что он был протестантом, имел неосторожность во время плавания к берегам Палестины сблизиться с восточными христианами. Поэтому, когда ему, как и Нибуру, пришлось обратиться за содействием к францисканским монахам, те назвали его сретником и не только отказались помочь, но схватили его и насильно отправили морем в Акко. Именно тогда Нибур и услышал впервые имя Росса.. Из Акко Виллем Росс отправился в Иерусалим пешком. В Назарете он тяжело заболел.. На этот раз францисканцы над ним сжалились и вылечили его. Однако он бежал от них и снова примкнул к восточным христианам. Католики расценили это как предательство и начали жестоко преследовать несчастного шведа. Какой бы дорогой он ни направлялся в Иерусалим, его настигали в пути и возвращали в Акко. И так несколько раз. Тогда он вернулся в Алеппо, повсюду выкрикивал проклятия и собирался принять мусульманство. Чтобы как-то отделаться от него, французский консул дал ему денег и отослал в Дамаск, но Виллем Росс скончался в пути, так и не увидев Иерусалима.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

20 ноября 1766 года Нибур покидает Алеппо. С попутным караваном он проходит всю Малую Азию до побережья Мраморного моря, а затем на судне достигает Константинополя, исходной точки своего путешествия.

В тот раз он был болен и не видел города по-настоящему. Теперь он решил наверстать упущенное — описать этот своеобразный город, привольно раскинувшийся в двух частях света, его исто-

рию, географическое положение, составить подробный план. И тут у Нибура возникли непредвиденные осложнения. «Если в других городах вы могли сойти за мусульманина, то здесь это не получится, — предупредили его. — Здесь нужно и одеваться по-европейски, и жить там, где живут европейцы». Маскарад окончен. «В европейских костюмах слишком много лишнего», — вспомнились ему слова датского посла в Константинополе. Тогда ему так не казалось. А теперь? Теперь все иначе. Камзол железным панцирем сдавил тело, а парик с косичкой показался много тяжелее и нелепее даже турецких тюрбанов. «Придется привыкать, — подумал он. — Зато когда-нибудь потом, в центре Африки, я, наверно, буду ходить в одной набедренной повязке!» Эта мысль рассмешила его.

Европейцы в Константинополе жили в квартале Пера и, появляясь в других районах города, должны были притереться лишь главных улиц. Нибур решил проверить истинность этого утверждения и отправился в город. Пока он шел по широкой улице, все было спокойно. Но стоило ему завернуть в переулок, как на него обрушился град камней. Женщины кричали ему вслед бранные слова, а мальчишки, размахивая палками, бежали за ним по пятам. «Вот уж было бы глупо погибнуть, добравшись до Европы», — подумал Нибур. Он вернулся домой, надел свой потрепанный мусульманский наряд и смело зашагал по самым дальним, самым узким и запретным улочкам. Никто не обращал на него внимания, теперь он мог беспрепятственно и методично изучать город...

В Константинополе Нибур пробыл четыре с половиной месяца.

Наконец наступило время возвращаться на родину. Нибур привык к караванным тропам пустыни, когда, сидя на верблюде или на осле, он мог спокойно предаваться размышлениям, наблюдать за окружающим, делать расчеты, записывать. Но Европу не пересечешь верхом на осле. Вот и пришлось Нибуру впервые за все путешествие сесть в почтовый дилижанс. В европейской части Турции дилижанс сопровождали янычары, чье общество показалось ему ненужным и малоприятным. Далее виды передвижения менялись. Он ехал верхом, пересаживался в повозку, переходил через горные перевалы, плыл по Дунаю. И при этом неустанно вел путевой дневник. Дорога дальняя, утомительная, иногда не менее опасная, чем в йеменских песках, но все, что попадает у него на пути, он невольно сравнивает с недавно виденным. Гостеприимство славян напоминает ему восточное гостеприимство, болгарские избы, крытые соломой, — лачуги Тихамы, кукурузная каша — традиционную еду арабов, даже в местных костюмах ему порою чудится что-то арабское.

Он проезжает Русук¹, Бухарест, Яссы, Каменец-Подольск, Лемберг², Краков, Люблин, Варшаву, Бреслау³, Дрезден, Гам-

¹ Ныне — Русе.

² Ныне — Львов.

³ Ныне — Вроцлав.

бург. Звучат европейские языки: болгарский, румынский, украинский, сербский, польский, немецкий. Но теперь даже родной язык казался далеким и чужим. И лишь постепенно всплывали в памяти строки любимого поэта Фридриха Клопштока:

О давшая жизнь мне родимая почва.
Привет мой тебе, ты опять предо мною!
Настанет минута, когда в своих недрах,
Прохладных и чистых, покоить ты будешь
Сном смерти заспущшее тело мое.

20 ноября 1767 года Нибур возвращается в Копенгаген. Так закончилось это удивительное путешествие.

Тридцатичетырехлетний ученый был встречен в Дании с почестями. Его удостоил своим знакомством сам Фридрих Клопшток, о чем он даже и мечтать не смел. Когда же он рассчитался с королевским казначейством, все были изумлены: сложнейшее семилетнее путешествие обошлось в ничтожно малую сумму — всего в 21 тысячу рейхсталеров. Правда, деньги были выданы на шесть человек, а он слишком быстро остался один. Кроме того, все, что он, по его мнению, тратил на себя, он оплачивал собственными деньгами.

Вскоре в Дании произошли существенные перемены. Умер Фредерик V, и трон занял его психически больной сын Кристиан VII. Граф фон Бернсторф после смерти старого короля вышел в отставку и в 1770 году вместе со своим другом Фридрихом Клопштоком переехал в Гамбург.

Нибур получил скромное место, соответствовавшее чину инженер-лейтенанта, и погрузился в обработку материалов, добытых всеми членами экспедиции.

Каким простым и ясным казалось ему теперь недавнее прошлое, когда он посреди безмолвной пустыни спокойно управлялся с квадрантом и секстантом и заносил расчеты в путевой дневник! Теперь же, в тиши кабинета, наедине с бумагой и пером, он чувствовал себя беспомощным и несчастным. Накопленные материалы представлялись ему необозримо огромными. Нет, трудолюбие не покинуло его, он просто усомнился в том, что способен что-либо написать. Необходимость разбираться во многих областях науки ужасала его, ошибки чудились ему в каждой фразе. И лишь память о погибших коллегах, чувство долга заставляли его продолжать работу.

В 1772 году в Копенгагене на немецком языке вышел в свет первый труд Нибура «Описание Аравии. Из личных наблюдений и сведений, собранных в самой стране», остающийся вплоть до наших дней наиболее полным исследованием аравийских земель. Прочитав книгу, спидиатор экспедиции профессор Михаэлис заявил, что на такое обилие материалов он не рассчитывал даже в том случае, если бы все участники экспедиции остались живы.

Было опубликовано несколько рецензий. Нибур с благодарностью принимал все замечания и советы рецензентов, надеясь ис-

пользовать их при подготовке второго издания¹. Но одна из рецензий больно ранила его: автор ее обвинял Нибура в незнании языков, поверхностности и даже в отсутствии оригинальных карт!

Почти одновременно с немецким изданием «Описание Аравии» вышло на французском и датском языках, хотя и в несовершенных переводах, в 1792 году — на английском языке.

В 1774 году Нибур издал на немецком языке первый том своих путевых записок «Описание путешествия в Аравию и другие сопредельные страны», в 1778 году — второй том. Оба тома тотчас же были переведены на датский, французский, английский и голландский языки. В обращении к датскому наследному принцу, предпосланном первому тому, Нибур, как бы оправдываясь, писал, что ему не удалось выполнить все поручения Фредерика V, не удалось осуществить всего, что от этой экспедиции ожидали, но «произошло это никак не из-за небрежности, а в силу печально сложившихся обстоятельств».

Третий том своего путевого дневника Нибур не решился выпустить, сочтя собранный материал недостаточно полным. Этот том, посвященный путешествию по Сирии и Палестине, был издан лишь в 1837 году, после смерти ученого, его дочерью.

Книги Нибура — не занимательное чтение, поэтому широкого круга читателей они не обрели. Зато европейские ученые получили в них массу ценнейших сведений об арабском мире — о его истории, сельском хозяйстве, естественных науках, религии, торговле, ремеслах, правах и быте. Подробнейшие карты, и среди них первые в мире карты восточной части Красного моря, планы городов и селений, метеорологические сводки, сравнительные таблицы арабских почерков, куфических надписей, египетских иероглифов и древнеперсидской клинописи, заметки по геологии, результаты астрономических измерений — все это дополняло его повествование.

Параллельно с изданием своих трудов он со всею тщательностью приводил в порядок записи Петера Форскола. Они вышли в свет в 1775—1776 годах под названиями «Описание фауны...», «Флора в Египте и Аравии», «Редкие достопримечательности...» с рисунками Бауренфейнда. По другим его рисункам были изготовлены гравюры. Это явилось поистине прекрасным памятником обоим — и ученому и художнику. От Хавена сохранился очень ценный дневник о путешествии от Копенгагена до Каира и от Суэца до горы Синай, но Нибур не смог добиться его опубликования. Тогда некоторые записи Форскола и Хавена он по совету Михаэлиса включил в свои книги.

Однажды в Копенгагене Нибур встретился со знатным гостем из Триполитании. И вот он снова слышит арабскую речь, снова охвачен интересом к тому, что происходит там, где он еще не

¹ Оно так и не было осуществлено. Лишь в 60—70-е годы XX века в двух антологиях, изданных в ГДР и ФРГ, были опубликованы отдельные главы из всех книг Нибура,

был,— в Северной Африке, во внутренних частях континента, на озере Чад, о котором в то время грезил многие в Европе. Он готов тотчас же ехать туда сам, один, без чьей-либо поддержки. Но жизнь складывалась иначе. Нибур уже был женат — на дочери лейб-медика Blumenberga, которая стала на всю жизнь единственной его любовью. К тому же работа над книгами еще не была завершена. И он с болью отказывается от нового путешествия. Отныне ему суждено лишь издали наблюдать за путешествиями других, жить чужими интересами, переживать чужие судьбы. Иногда в томительные, бессонные ночи его мучил вопрос: а нужен ли по-настоящему его труд, сможет ли он кому-нибудь помочь в дальнейшем исследовании Аравии, научит ли кого-то горький опыт их экспедиции?

И ответом на этот вопрос стала жизнь Ульриха Зеетцена.

Часть вторая

ЗЕЕТЦЕН

«Путешественнику едва хватает времени на то, чтобы сделать хотя бы беглые наброски,— писал Зеетцен в декабре 1804 г. брату.— Часто так устаешь от непосильных нагрузок, что не остается ни желания, ни охоты описывать что-либо». Он просил брата редактировать его записи, сохраняя их хронологию. Он понимал, что пишет отрывочно, небрежно, неравноценно по стилю и жанру, что в его записях сухие сведения по географии и астрономии перемежаются с описанием приключений, им пережитых, и настроений, им испытанных. Его волновала проблема художественного описания путешествия. Он считал, что научные наблюдения важны лишь для специалистов, а для широкого круга читателей они скучны и неинтересны. Он уповал на друзей, которые ему помогут, на время, которого, он думал, у него так много впереди и которого ему не подарила судьба. По одному закону он следовал неукоснительно: во всех его записях должна быть только правда.

СНОВА ГЕТТИНГЕН

Ульрих Яспер Зеетцен появился на свет в том самом 1767 году, когда Карстен Нибур после долгого путешествия вернулся в Копенгаген. Произошло это в селении Софиенгроден, близ города Евер, принадлежавшего княжеству Ангальт-Цербстскому. Название этого княжества многое говорит русскому читателю: ведь именно оттуда прибыла в Россию будущая императрица Екатерина II. Сделаем небольшое отступление и перелистаем несколько страниц русской истории, главным образом потому, что они будут иметь в дальнейшем некоторое отношение к судьбе Зеетцена.

В 1575—1603 годах Евер входил в состав великого герцогства Ольденбургского, а с 1603 года перешел к ангальт-цербстскому дому. Между княжеством Ангальт-Цербстским и русским двором связь существовала уже давно. Один из ангальт-цербстских князей, епископ Карл Любский, еще во времена Екатерины I числился женихом дочери Петра Великого Елизаветы, и лишь его неожиданная смерть помешала этому браку. Елизавета продолжала переписываться с его родственниками, в частности с матерью, и те в 1741 году одними из первых в Европе поздравили ее с восшествием на русский престол. Известно, что прусский король Фридрих II, дабы угодить Елизавете, пожаловал владельцу Евера Христиану-Августу Ангальт-Цербстскому звание фельдмаршала. Когда же императрица решила женить своего племянника и наследника Карла-Петра-Ульриха, будущего Петра III, выбор ее вполне закономерно пал на дочь Христиана-Августа — Софию-Фредерику-Августу. Привезенная в Россию пятнадцатилетняя София-Фредерика в 1744 году приняла православие, переименовав имя на Екатерину, в 1745 году стала женой наследника престола, в 1761 году — российской императрицей, а в 1762 году, после государственного переворота, — самодержицей всероссийской. В 1793 году Екатерина унаследовала по смерти своего брата Фридриха-Августа еверские владения, и уроженцы Евера стали русскими подданными. Управление еверскими землями Екатерина II поручила вдове своего брата Августе-Софии, и та поставила во главе Евера государственное учреждение — коллегия — по аналогии с законодательством Петра Великого. По всей вероятности, и управление княжеством осуществлялось на русский манер. Во всяком случае, известно, что талеры и полуталеры, чеканив-

шпеся в Евере в 1798—1799 годах, присылались императору Павлу I и хранились на Санкт-Петербургском монетном дворе. В дальнейшем, в 1807 году, Александр I уступил Евер Голландии, а в 1814 году город был присоединен к великому герцогству Ольденбургскому.

Именно в эти годы прошла не только юность, но и вся жизнь Ульриха Зеетцена, немца по рождению и русского по подданству.

Наш новый герой ничем не напоминал скромного, рассудительного Нибура. У Зеетцена все с самого рождения было иначе. Сын богатого крестьянина, он ни в чем не знал отказа. Отец мог свободно позволить себе дать трем своим сыновьям прекрасное образование, и Ульрих отправился в Геттинген, по-прежнему служивший центром научной мысли Германии.

В 1785—1789 гг. Зеетцен проходит курс медицины и естественных наук — зоологии, ботаники, минералогии. В Германии XVIII века профессия лекаря считалась одной из самых прибыльных; к тому же, по мнению большей части бюргерства, она не требовала особых познаний, так как немцы во всех случаях жизни стойко придерживались своих излюбленных методов лечения — горячих и холодных компрессов на голову и слабительных пилюль.

В Геттингенском университете еще ощущалось влияние Михаэлиса, лекции по ботанике читал Мюррей, по минералогии — Гмелин. Законодателем в области медицины и естественных наук все больше становился профессор Иоганн Фридрих Блуменбах, сумевший собрать вокруг себя талантливых учеников. Среди них — Ульрих Зеетцен и такие всемирно известные в будущем географы и путешественники, как Александр Гумбольдт, Георг Лангсдорф, Фридрих Хорнеман. Работы Блуменбаха по зоологии, анатомии и физиологии поражают современников новизной, недаром впоследствии он войдет в историю науки как один из основоположников сравнительной анатомии и антропологии, по его книгам будут учиться студенты всей Европы, а предложенная им классификация человеческих рас сохраняет значение до сих пор. Своих учеников он вовлекает в научные дискуссии и исследования с момента поступления их в университет. Зеетцен и Гумбольдт — в первых рядах защитников новых теорий, и Блуменбах всячески покровительствует им.

Страстный, живой, честолюбивый, Зеетцен не только успевает справляться с университетской учебой, но и совершает несколько поездок по горным районам Германии для сбора растений и минералов, много печатается в научных изданиях Геттингена по проблемам естественных наук и статистики.

Казалось бы, благополучное детство, безбедная юность должны были способствовать воспитанию характера спокойного, уравновешенного. Но жизнь не всегда подвластна логике, и в Геттингене молодой Зеетцен поражал окружающих нервозностью и болезненным самолюбием. Если признать, что гипертрофированное самолюбие свидетельствует о сознании собственной неполноценности, то тогда откуда эта неполноценность? Возможно, Зеетцен ее под-

сознательно ощущал из-за своей внешности — маленький рост, очень некрасив, тщедушен. Не от этого ли ему все время надо было заниматься самоутверждением — на занятиях в университете, в научных дискуссиях, в печати?

Вместе с Гумбольдтом Зеетцен принимает участие в организации Физического общества, вместе они проводят практические исследования в области ботаники, геологии, минералогии.

— Как много еще непознанных сил таится в природе! — говорил Гумбольдт. — Их использование даст тысячам людей пищу и занятие. Наблюдения над природой вызывают у меня сладостное предчувствие бесчисленных открытий.

Тогда-то и возникла у Зеетцена мечта — проникнуть в Центральную Африку, в самые недоступные ее районы.

Годы в университете промелькнули быстро. В 1789 году Зеетцен защищает диссертацию. Но странное дело: чем больше он совершенствовался в медицине и естествознании, тем меньше ему хотелось быть врачом или естествоиспытателем. Сидеть на месте и лечить больных или производить опыты над растениями казалось ему слишком прозаическим занятием в век, когда в мире существовало еще столько неведомых земель. Зеетцена буквально лихорадило от неудержимого стремления к странствиям, к открытиям.

И он решился на откровенный разговор с отцом.

— Когда же наконец ты приступишь к врачеванию, Ульрих? — спросил его однажды отец. — На нас в Евере эпидемии обрушиваются одна за другой. Ты бы мог принести облегчение своим согражданам.

— Не сердитесь, отец. Я не знаю, что со мной, но все во мне противится врачеванию. Я не призван к оседлости, постоянству. Будни — не моя стихия. Меня гложет одна лишь страсть — прославить свое имя. Я чувствую, что способен сделать для родины что-то очень значительное.

— Рвение твое похвально, сын мой. Но как часто за словами не следуют дела! Что же ты намерен предпринять?

— Путешествовать! — выпалил Зеетцен и лихорадочно забежал по комнате. — Да, да, путешествовать.

— И далеко? — Отец явно не принял его слова всерьез.

— В Саксонию, Баварию... Австрию.

Не мог же он сразу сказать отцу: «В Африку», тот бы, пожалуй, принял его за сумасшедшего.

— Ну что ж, это дело возможное. Но только поездки такого рода должны иметь некоторые практические цели. Какие же?

И тогда Зеетцен развернул перед отцом грандиозные планы совершенствования горного дела в Германии.

В доме по-прежнему царил благополучие. Двое других сыновей к тому времени уже стали на ноги. Один, Петер Ульрих, окончил духовную семинарию, получил приход и обзавелся семьей. Другой, Отто Даниэль, превратился в солидного коммерсанта. Странные идеи Ульриха Яспера были восприняты отцом спокойно.

Вскоре Зеетцен отправился колесить по немецким землям.

Сначала он поехал на Рейп, потом в Нижнюю Саксонию, Баварию, Вестфалию, собирал травы, минералы. Весь 1791 год он провёл в Вене, затем побывал в Гамбурге и Бремене и, наконец, вернулся в Евер.

В германских государствах в это время быстрыми темпами развивались горное дело и обрабатывающая промышленность, химия, биология. В 1765 году в саксонском городе Фрейберге была открыта первая в мире Горная академия. В 1785 году в Германии заработала паровая машина.

Зеетцен поддается всеобщему увлечению. В 1793 году он неожиданно покупает лесопильню и почти сразу же вслед за этим — завод по переработке ракушечника. Затем вдруг становится лесоторговцем. Знание последних достижений науки и техники, изобретательность и неуемная энергия сулили ему прекрасную карьеру промышленника и фабриканта. Он получил звание камер-ассессора, но именовал себя на русский лад коллежским ассессором.

Не оставлял Зеетцен и научной деятельности. За эти годы он опубликовал десятки статей в различных периодических изданиях Германии. Интересы его чрезвычайно разнообразны: то он занимается водоплавающими, то исследует солеварни в Нидерландах, то решает проблему использования водных каналов, то издает трактат по минералогии. В 1795 году Общества естествоиспытателей в Йене и Берлине избирают его своим членом.

К концу века все чаще стали появляться сообщения о новых путешествиях и географических открытиях. Подвиги путешественников прославлялись, путешественники возводились в ранг выдающихся ученых. Получила развитие новая наука — сравнительная география. Заметно приблизились восточные страны и даже Африка. Вышла книга англичанина Джеймса Брюса «К истокам Нила» (на немецкий язык ее перевел Blumenбах). По следам Брюса прошел Уильям Браун. В 1795 году в Тимбукту отправился их соотечественник Мунго Парк, а в 1797 году — недавний выпускник Геттингенского университета Фридрих Хорнеман, и оба пропали без вести. Возможно, Хорнеману удалось достигнуть озера Чад — мечты каждого путешественника начала XIX века, но кто и когда узнает об этом? Александр Гумбольдт в 1799 году едет в Южную Америку.

Германская пресса публиковала известия о продвижении по Египту экспедиционного корпуса генерала Бонапарта, которого сопровождала группа ученых. В багаже генерала почетное место занимала книга Карстена Нибура «Описание Аравии». С этой книгой, а также с двухтомным дневником Нибура не расставался и Зеетцен.

В Сирию и Египет после Нибура совершил путешествие француз Констаптан-Франсуа Вольней и издал об этих странах прекрасную книгу. А вот в Аравии больше никто не побывал. Зеетцен был уверен, что там осталось немало белых пятен и что именно ему предстоит открыть Аравию для всего человечества. Он счи-

тал, что Нибур, отправляясь в экспедицию, по сути дела, обладал недостаточной подготовкой. Значит, он, Зеетцен, должен заранее представить себе все, с чем его столкнет судьба. Нет, он вовсе не собирался отказываться от своей заветной мечты — путешествия к центру Африки, но вот только попасть туда он хотел не с севера или с запада, как остальные, а с Арабского Востока, который манил его своей загадочностью.

ПОДГОТОВКА И СБОРЫ

Силы Зеетцен в себе чувствовал титанические, знаний у него предостаточно... Впрочем, он заметил в них пробел — астрономия. Без астрономических приборов всякое путешествие теряло смысл. А Зеетцен никогда не держал в руках секстанта, не умел определять географические координаты и имел весьма отдаленное представление о математической географии. К тому же астрономические инструменты очень дорого стоят. У него вообще еще нет денег на путешествие, и неизвестно, сколько оно продлится. «Чем больше денег, тем лучше результат, — думал Зеетцен. — Ведь даже обыкновенные карманные часы с секундной стрелкой и те стоят 60—80 луддоров. А мне нужен секстант, компас, подозренная труба, да мало ли что еще». В конце XVIII века уже был изобретен и хронометр, позволяющий определять географическую долготу, о нем тоже можно было помечтать. И Зеетцен устремляется на поиски покровителя.

Для этой цели как нельзя лучше подходил барон Франц Ксавер фон Цах, в 1786 году прибывший в город Готу и здесь на горе Зееберг основавший знаменитую обсерваторию. Широко образованный, галантный, блестящий, фон Цах объездил всю Европу и был знаком с такими виднейшими французскими астрономами, как Пьер Лаплас и Жозеф Лаланд. Фон Цах был автором множества статей по теоретической астрономии и весьма популярного руководства по применению секстанта и хронометра. Он издавал научный журнал «Ежемесячная корреспонденция по изучению земли и неба». Фон Цах поддерживал дружеские связи с семейством герцога Готы Эрнста II и пользовался неизменным покровительством самого герцога.

Фон Цах — звезда первой величины на астрономическом небосклоне Европы. Все помыслы Зеетцена сосредоточились на одном коротком, как выстрел, имени — фон Цах. Но как пробиться к нему, как заявить о себе и заставить в себя поверить?

Единственный, кто может помочь, — это добрый друг и учитель Блуменбах. Ведь именно по его рекомендации Хорнеман, отправляясь на Черный континент, получил поддержку британской Ассоциации для содействия открытию внутренних частей Африки.

Правда, ему, Зеетцену, никакие ассоциации не нужны, он хочет сохранить и признание и славу для себя одного, но, быть может, Блуменбах знаком с фон Цахом? И Зеетцен срочно пишет

Блуменбаху. Он просит совсем немного, всего лишь секстант, но надеется на большее. А вот и ответ Блуменбаха. Нервно сжимая письмо, Зеетцен читает: «Что касается желанья Вашей милости приобрести секстант для Вашего чрезвычайно важного путешествия, то по поводу этого я обратился к господину фон Цаху и вчера получил подробное наставление от этого столь же любезного, сколь и ученого астронома. Начало ответа прилагаю в копии, остальное — в оригинале и смею Вас просить по возможности скорее вернуть его мне обратно. Буду Вам очень признателен, если Вы мне заблаговременно сообщите более подробные сведения о маршруте, по которому Вы намереваетесь следовать... Примите уверенность в моем сердечном участии по отношению к Вашему почтительному начинанию и пожелания его счастливого осуществления. Остаюсь преданный Вам Иоганн Фридрих Блуменбах».

Зеетцен лихорадочно вчитывается в послание фон Цаха. Но что это? Тот пишет, что с подобной же просьбой к нему обратился некий английский или американский капитан, сохранивший в тайне свое имя и местонахождение; он тоже хочет проникнуть в Центральную Африку, но только с западного ее побережья, и фон Цах предлагает Зеетцену объединиться с этим капитаном. Нет, нет, от подобного предложения следует решительно отказаться! Ведь его путь ведет в Африку с востока. Непременно с востока — через Сирию, Палестину, Аравию, наконец. И потом он, Зеетцен, ни с кем не хочет делить славу!

25 июня 1801 года Зеетцен отправляет фон Цаху письмо, в котором подробно излагает план своего путешествия. Очень большое значение он придает подготовке и поэтому считает необходимым лично познакомиться с господином фон Цахом и получить от него нужные астрономические наставления, ибо его безумно удручает неумение пользоваться секстантом, в получении которого он также рассчитывает на господина фон Цаха. Он так верит в благосклонность высокочтимого господина фон Цаха, что заранее благодарит его за посильное участие и помощь. Далее Зеетцен писал о том, что хочет устроить свои финансовые дела так, чтобы в начале 1802 года пуститься в дорогу. В лице еверского хирурга по имени Якобсен он надеется обрести доброго спутника. Через Вену по Дунаю он намерен добраться до Константинополя, провести там несколько месяцев, дабы лучше узнать языки и нравы мусульман, и затем совершить обстоятельное путешествие по малоизведанным землям Сирии и Палестины; оттуда по Красному морю переправиться в Аравию, проследовать по маршруту Карстена Нибюра — конечно же, превзойти его — и непременно посетить святая святых ислама — Мекку и Медину; затем добраться до африканских берегов и, присоединившись к попутному каравану, проникнуть во внутренние районы континента.

Во имя чего же он собирается покинуть родную страну, родственников и друзей, не зная, сможет ли он когда-нибудь к ним вернуться? Почему он избирает именно этот путь, какие надежды

с ним связывает и отчего венцом своих стремлений считает Африку?

«И если мне повезет и я останусь жив,— пишет Зеетцен фон Цаху,— то я надеюсь этим путем достигнуть и западных берегов этой части света, ибо из сообщений большинства путешественников явствует, будто между восточным и западным берегами Африки наличествуют определенные торговые связи. Преимущества моего маршрута будут заключаться в том, что в пути я для владельцев крупнейших наших библиотек и музеев приобрету турецкие, арабские, греческие и персидские манускрипты и печатные книги, произведения искусства, монеты и т. д., что поможет многим научным изысканиям. Все турецкие сухопутные и морские карты, навигационные и астрономические инструменты и таблицы и т. д. могли бы быть переданы мною в распоряжение немецких ученых и стать украшением немецкой обсерватории». Зеетцен подробно пишет, какое внимание он намерен уделить животному и растительному миру этого края, минералогии, ремеслам, статистике, торговле, политической, математической и физической географии. Он обещает снимать копии со всех греческих, латинских, арабских, еврейских надписей и египетских иероглифов, какие будут попадаться на его пути. Уверен, что обнаружит следы городов, стертых с лица земли войнами и разбойничьими набегами.

Чтобы убедить фон Цаха в успехе своего нелегкого и опасного путешествия, Зеетцен описывает меры предосторожности, которые он собирается соблюдать. Он как врач изучил все случаи заболеваний и смерти путешественников по Востоку, и прежде всего трагические результаты экспедиции Карстена Нибура. Особенно горько Зеетцен оплакивает гибель талантливого Форскола. Поэтому сам он намерен для сохранения собственной жизни придерживаться обычаев тех стран, через которые будет идти: питьевую воду очищать песком, предохранять глаза от песка и пыли, соблюдать диету — не пить крепких напитков, не есть мяса, одеваться так, как одеваются на Востоке, овладеть арабским языком и его диалектами, с тем чтобы ничем не отличаться от местного населения, а если окажется нужным — назваться мусульманским именем и даже принять ислам.

По поводу религии Зеетцен писал следующее: «Под маской религии (а в наше время и политики) скрываются преступления, о чем разум скорбит, и неизвестно, чего больше приносит людям религиозная и политическая система — пользы или вреда». И посему он, Зеетцен, не придает религии никакого значения и заранее признается в том, что он, лютеранин, еогласен среди католиков быть католиком, среди православных — православным, среди несториан — несторианином, а среди мусульман — мусульманином.

Для полной безопасности он намеревается путешествовать не под видом купца, как к тому склонно большинство европейцев, а в качестве врача, что гораздо разумнее, ибо, оказывая людям помощь, особенно в Африке, мало знакомой с европейской медици-

ной, он сумеет обеспечить себе сбор материалов. «Именно врачевание,— писал Зеецен,— я надеюсь, и явится тем талисманом, который откроет мне сердца бедняков, доверие богачей и доступ к великим мира сего». А минимумом врачебных знаний он после окончания Геттингенского университета, несомненно, располагает.

Свое развернутое послание он завершил словами: «Моя слава или мой позор будут огромны! Я или достигну желанной цели, или погибну!»

Фон Цах должным образом оценил научную подготовленность Зеецена, его серьезность, поразительную эрудицию и безудержную самоуверенность. Зеецен еще не двинулся с места, а имя его уже получило некоторую известность: фон Цах полностью опубликовал план путешествия в августе — ноябре 1802 года в своей «Ежемесячной корреспонденции» (он занял более ста страниц печатного текста) и в том же году издал его отдельной книгой с собственными комментариями.

Он хочет немедленно видеть будущего героя. И вот Зеецен в обсерватории на Зееберге. Фон Цах всматривается в гостя. Да, неказист и ростом не вышел. Импульсивен, непоседлив. Но сколько самоуверенности!

— Вся Европа будет следить за моим путешествием! — восклицает Зеецен, размахивая руками.

— А вы не чувствуете страха? Пребывание французов на Востоке многое испортило. Европейцу там сейчас приходится еще труднее.

— В крайнем случае я перейду в мусульманство.

— Быть может, обратится к британской Ассоциации? — спрашивает несколько шокированный фон Цах.

— Нет, нет и нет. Пусть это будут моя слава или мой позор!

— Ну, а если... смерть? — Самоуверенность Зеецена пугает фон Цаха.

— Помилуйте, с чего бы? Мне известно все, что может пригодиться в дороге. Я же писал вам, что знаю, как уберечься от заразы, как экономнее расходовать свои силы в пустыне, как содержать в чистоте лицо и тело. Я умею измерять путь шагами, я...

— Все это вы, конечно, освоили, читая Нибура? — перебивает его фон Цах.

— В основном... да,— смущенно говорит Зеецен.— Это... и еще многое другое.

— Может быть, стоит в таком случае обратиться к нему за советом и поддержкой? Говорят, он очень добрый человек и всегда готов прийти на помощь.

Фон Цах уже видит разницу между ними. Тот трудолюбив, скромен и любит не себя, а науку. Этот мобилизовал все средства в угоду собственному честолюбию. Тот чутко воспринимает каждый совет, чужой опыт. Этому лишь бы были деньги, приборы и полная независимость. Тот один бы не отправился в экспедицию. Этот от участия других отказывается.

— Да, да, давайте обратимся к Нибуру.— Зеетцен с размаху бросается в глубокое кресло в углу кабинета.— Вот только бы герцог Готы согласился поддержать меня. Мои финансовые дела неясны.

— Думаю, что это устроится,— с прежним спокойствием отвечает фон Цах.

Отправив Эрнсту II письмо, в котором содержалась просьба оказать Зеетцену помощь, фон Цах полностью рассчитывал на успех. Вскоре из Готы пришел благосклонный ответ. Да, герцог готов оплатить стоимость всех необходимых для путешествия астрономических приборов, а кроме того, согласен финансировать пребывание Зеетцена на Востоке при условии, что тот будет посылать в Готу всякого рода раритеты на 800 рейхсталеров в год. Эти поступления послужат основой музея ориенталистики в Готе.

Вскоре фон Цах торжественно вручил Зеетцену секстант, хронометр в золотом корпусе, рассчитанный на любые перепады температур, три искусственных горизонта, два ватерпаса, подзорную трубу со штативом, морской компас и прочее снаряжение, необходимое для путешествия. Времени для практического освоения всех этих инструментов почти не было. Однако это не смущало фон Цаха. Карстен Нибур, располагавший сложнейшими приборами самого Майера, всему научился сам во время путешествия и добился отличных результатов; их высоко оценили французские ученые во время египетской экспедиции Бонапарта.

В феврале 1802 года правившая Евром княгиня Августа-София предложила Зеетцену как камер-ассессору государственную службу с хорошим жалованьем и с перспективами продвижения по служебной лестнице. Но уже ничто не могло удержать его на родной земле.

План Зеетцена тем временем отослали Карстену Нибуру. Тот не замедлил откликнуться. План он одобрил, но внес в него несколько существенных поправок. Во-первых, он считал ненужным длительное пребывание в Константинополе: арабскому языку там научиться нельзя, об Аравии сведений не получить. Во-вторых, в Африку, по мнению Нибура, следовало бы проникать тем путем, который избрал Хорнеман, то есть из Триполи через Фецан к Борну, что на Нигере. И, в-третьих, ему казалось опасным намерение Зеетцена выдавать себя повсюду за мусульманина. При малейшей оплошности это могло грозить даже смертью. Нибура, так же как и фон Цаха, беспокоила самоуверенность Зеетцена.

Казалось, все вокруг сговорились, чтобы пугать его, Зеетцена, всевозможными ужасами. Буквально перед самым отъездом на Восток, когда он вернулся в Евер, чтобы попрощаться с родными и оставить некоторые деловые распоряжения, решительно взбунтовалась семья. Старший брат, рассудительный и осторожный пастор, всячески отговаривал его от поездки. От этого Зеетцен нервничал и раздражался.

— Я уже ничего не могу изменить,— доказывал он.— Я столько лет обдумывал это путешествие и не откажусь от него ни за

какие деньги, решение мое твердо! Понятия о счастье у смертных бесконечно различны. Счастье Петера — в служении богу, счастье Отто — в коммерции, мое — в странствиях. Воздадим должное друг другу!

Ссориться с семьей он не мог: ему необходима была помощь братьев, притом немалая.

Он поручил братьям продать его земельный участок, мельницу, дом, сад, амбары, склады, печи для обжига известняка и позаботиться о судьбе работников. Зеетцен сжигал за собой мосты, и ему было совершенно неважно, принесет эта распродажа прибыль или убытки. Только книги он хотел сберечь для себя. В то время в Германии домашние библиотеки встречались не часто: консервативная часть бюргерства усматривала в них развращающее французское влияние, а те, кто понимал ценность книг, не имели денег на их приобретение, ибо книга считалась предметом роскоши и стоила очень дорого. Поэтому со своей библиотекой Зеетцен и не помышлял расставаться навсегда. Часть книг он брал с собой, а остальные умолял братьев сохранить ему на будущее. Свою естественнонаучную коллекцию, насчитывавшую около 40 тысяч экспонатов, Зеетцен решил подарить герцогу Ольденбургскому. В конце концов братья согласились исполнить все распоряжения и просьбы Зеетцена, а пастор снабдил его картой Палестины, но не столько для того, чтобы Ульрих пользовался ею, сколько в надежде получить уточненный ее вариант.

И вот окончены все расчеты с семьей, с домом, с отечеством. Прошлое как будто и не было, впереди ждет романтический Восток. Но тут происходит нечто совершенно неожиданное. Зеетцен, неистово устремленный в бурное будущее, изучивший ошибки своих предшественников, закаливший волю и приучивший себя к любым физическим неудобствам, воспитавший в себе мужество и выдержку, вдруг теряет присутствие духа и впадает в дикий, неосознанный страх. Однажды ночью ему приснился бедуин. Посреди огненно-желтой пустыни и синего неба он мчался на лихом скакуне. Бурнус его то белым, то синим, то коричневым шлейфом расстилался далеко позади, а в руках блестела кривая сабля. Что это — мрачное предчувствие? Страх перед неизвестностью?..

ПАЧАЛО ПУТИ

13 июня 1802 года вместе со своим спутником Якобсоном, человеком энергичным, атлетического телосложения, Зеетцен через Геттинген, Дрезден, Прагу отправился в Вену. Отныне Европе предстояло следить за его путешествием: Ксавер фон Цах с первого же дня стал печатать материалы Зеетцена и о Зеетцене в своей «Ежемесячной корреспонденции».

Счастливым случай свел Зеетцена перед отъездом в обсерватории фон Цаха с венгерским астрономом Паских, который тем же маршрутом возвращался к себе домой. По дороге он научил Зеетцена пользоваться астрономическими приборами и дал ему не-

мало полезных советов. Во время остановки в Вене оба они были радушно приняты тамошним научным миром.

Дальнейший путь вел через Венгрию, Сербию, Валахию, Молдову, Бессарабию.

...Судно лениво плыло по Дунаю. Прекрасная погода, живописные берега, покой и безмятежность. Но едва Зеетцен сходил на берег, как безотчетный страх охватывал его с новой силой. Он покрывался испариной, начинал дрожать. «Я этого не выдержу», — стучало в голове. Ему хотелось сорваться с места и бежать — от самого себя, своего страха, неопределенности будущего, к которому он так стремился.

Во время одной из стоянок гостеприимные сербы пригласили его осмотреть карстовые пещеры. «Зачем? — промелькнуло у Зеетцена в мозгу. — Они хотят убить меня? Погибнуть так нелепо!» И, не помня себя, он вдруг, уже подойдя к пещере, отпрянул от нее и бросился бежать. Сербы перепугались не на шутку: впереди был обрыв, и он мог сорваться. Вместе с Якобсеном они настигли его и привели в чувство.

По мере продвижения к востоку подобные затмения наступали все чаще. В одном из городов Якобсен даже счел необходимым ненадолго поместить ученого в больничный карантин. Затем двинулись дальше. Снова все казалось спокойным. Судно, пройдя мимо Рушчука, тихо скользило по дунайским волнам. Но в этом голубом благолепии природы, мирном единстве воды и неба ему почудился, как мираж, зловещий желтый мрак песчаной пустыни. А что это там, на горизонте? Красное, широкое... Это снова похоже на накидку бедуина. Впрочем, разве бедуины носят красные одежды? А тот все ближе, ближе. Зеетцен пытался рассмотреть, кто же это под ним — верблюд, лошадь? Почему он так быстро приближается? Зажмурившись, Зеетцен в страхе отшатнулся от борта судна. Когда он открыл глаза, перед ним по-прежнему синела гладь дунайских вод. Мираж? Здесь? А что же придется пережить в пустыне? Снова застучало в голове: «Я этого не выдержу, не выдержу». Он оперся о борт и решительным движением перекинул через него тело.

— Человек за бортом! — раздался крик вахтенного матроса.

Очнулся Зеетцен у себя в каюте. Огромный, широкоплечий Якобсен наклонился над ним с выражением тревоги на лице.

— Голова закружилась, господин Зеетцен?

— Да, наверно...

Спасения Зеетцен искал в научной деятельности. Он попробовал заняться астрономическими измерениями, стал вести дневниковые записи.

Вскоре путешествие по реке закончилось. Вместе с Якобсеном и с молдавским князем Стурдзой Зеетцен перевалил через Балканские горы и благополучно прибыл в Константинополь.

Помня о наказе Нибура, он вовсе не намеревался задерживаться здесь. Но возникло неожиданное осложнение: Зеетцен, собиравшийся в путь столь тщательно, не предусмотрел объема финансо-

вых затрат во время путешествия. Уже в Константинополе, в самом начале пути, он оказался почти без денег. Прусский посол барон фон Кнобельсдорф снабжает его некоторой суммой, но Зеетцен в ожидании обещанных денег от брата и герцога Готы моментально тратит ее на приобретение древних турецких, персидских, арабских, греческих и армянских рукописей и редчайших турецких музыкальных инструментов. Все покупки он тут же посылает герцогу Готы, тем самым выполняя условия соглашения. Одно только это первое почтовое отправление составило четыре огромных ящика.

В Константинополе постепенно утихли его былые страхи. Зеетцен погружается в изучение города, его быта и нравов, впервые знакомится с жизнью восточных народов. То был период, когда турецкое государство потихоньку начинало преобразоваться на европейский манер, и Зеетцен наблюдательно фиксирует этот процесс в своих записях.

Пробыв в Константинополе шесть месяцев, он, по собственному признанию, «сам едва не стал турком» — столь глубоко удалось ему проникнуть в характер и обычаи населения османской столицы.

После Константинополя — Смирна. И здесь Зеетцен получает непредвиденный удар. Его спутник Якобсен решительно отказался продолжать путешествие, ибо почувствовал недомогание от местного климата и усталость от житейских неудобств. Как ни уговаривал его Зеетцен, ничто не помогло. Якобсен по просьбе Зеетцена забирает значительную часть его записей (с большинства из них они заранее предусмотрительно сняли копии) и возвращается в Германию.

Однако наступившее одиночество лишь удвоило силы ученого. К нему вернулось то яростное стремление к преодолению всех препятствий, которым он был одержим в Евере. Из истории путешествий он знал, что в подобных ситуациях не всегда выдерживает сильнейший, и теперь на примере Якобсена убедился в этом. Все решало умение взять себя в руки, во имя дела смириться с любыми тяготами. Ну а для необходимых передышек следовало всегда иметь в запасе мало-мальски удобное пристанище. Первым таким пристанищем Зеетцен избрал Смирну. Покидая ее несколько раз, он исследовал западную береговую часть Малой Азии, где скопировал множество греческих надписей; он осмотрел также все окрестности города и составил их точную карту. Его попытки получить попутчика для путешествия одна за другой заканчивались неудачей: один не знал дороги, другой обкрадывал его, третий надоедал непрерывным вменательством в его дела, четвертый требовал непомерную плату. И все же Зеетцену приходилось терпеть их около себя, ибо ему одному было трудно ориентироваться на местности, трудно находить жилье и пропитание.

Проблема приобретения попутчика, слуги, погонщика, проводника в течение всего путешествия оставалась для него наиболее тягостной и мучительной.

В октябре — ноябре 1803 года Зеетцен вместе с попутным караваном проходит всю Малую Азию. 23 ноября он останавливается в Алеппо. Город, описанный Нибуром, показался Зеетцену почти европейским. Дома здесь, хоть и восточного типа, с плоскими крышами, окружены садами и огородами. На широких улицах много солнца. Зеетцен отмечает, что в городе повсюду видишь белый войлок — из него шьют не только одежду, но и попоны для лошадей. И это тоже вносит своеобразие в местный колорит.

Зеетцен принят в домах европейцев, знакомится с арабскими учеными. Он с радостью сообщает в Европу, что «восточные люди такие же, как и мы, и что при надлежащей осторожности их бояться вовсе нечего. В этом я убеждаюсь ежедневно, и мое страстное желание объездить Азию и Африку не уменьшается, а еще более возрастает».

Здесь, в Алеппо, можно было основательно изучить арабский язык — для нашего путешественника и это составляло немаловажную проблему — и дожидаться наконец денег, которых по-прежнему не было в достатке. Из Алеппо он тоже послал в Готу немало рукописей и предметов восточной старины. Между тем сам он не получил ни одного письма ни от фон Цаха, ни от герцога, ни от семьи. Быть может, все пропало в дороге, быть может, в Европе уже забыли о его существовании? К тому же бесследно исчезли его записи об отрезке пути от Константинополя до Бурсы. Поэтому он снимает копию с записей маршрута от Бурсы до Алеппо и отправляет домой в Евер вместе с очередным письмом.

В письме он жалуется Отто: «Никогда не думал, что в этой стране путешествие обходится столь дорого. Почти все деньги, предназначенные для путешествия, истрачены, а я еще не проделал и трети пути. Я так несчастен по сравнению со многими другими путешественниками, которые никогда не испытывали нужды в деньгах; если им не хватало своих, то они получали поддержку со стороны. А у меня нет никого и ничего! Ничего!» И просит брата прислать ему 1000 талеров. А ему, словно в насмешку, вручают письмо из Константинополя, где сообщается, что туда из Готы прибыло 1600 талеров. Зеетцен подписывает вексель, но деньги до него так и не доходят. И все же, будучи уверен, что в Германии имя его забыто, он упорно продолжает собирать минералы и растения, на последние деньги приобретает ценные рукописи и книги, консервирует в спирте рыб и змей, делает чучела отловленных животных и бескопечно много пишет — о книжном деле на Востоке, о секте ваххабитов, о существующих на Востоке астрономических приборах, об арабских, персидских и турецких описаниях путешествий... Чтобы лучше овладеть арабским языком и глубже проникнуть в духовный мир народа, с которым его столкнула жизнь, Зеетцен переводит на немецкий язык арабские сказания, песни и легенды. Поэзия заставляет его забыть о насущных заботах, о тягостном положении, в котором он оказался вдали от родины. Время тянется бесконечно медленно, а он из-за безденежья все никак не может двинуться дальше.

В феврале 1805 года Зеетцен отправил все свои работы фон Цаху, а шесть ящиков коллекций — в Готу. Что случилось в Европе, он по-прежнему не понимал.

А между тем в Европе происходили немаловажные события. Его мольбы о помощи не остались неслышанными, его труды не пропали даром.

Карстен Нибур вместе с другими учеными высоко оценил научные наблюдения Зеетцена и высказал пожелание, чтобы он пробыл в Сирии по крайней мере еще год. Сведения об этих землях весьма приблизительны, изучены они очень поверхностно, сам Нибур, попав в Сирию в конце своего многотрудного путешествия, был лишен возможности по-настоящему исследовать эту страну. «Ежемесячная корреспонденция» фон Цаха и венский альманах «Сокровищница Востока» фон Хаммера печатали буквально каждое слово Зеетцена, включая даже его частные письма, и прославляли каждую его находку. Однако в судьбе самого Ксавера фон Цаха за это время произошли некоторые изменения. Скончался герцог Эрнст II, фон Цах занял место обер-гофмейстера овдовевшей герцогини и отбыл с ней в Йсну, Эйзенберг и затем на юг Франции. Директором обсерватории на Зееберге и редактором «Ежемесячной корреспонденции» стал Бернгардт фон Линденау, относившийся к путешествию Зеетцена с еще большим трепетом и почитанием.

Первым забил тревогу фон Цах. В статье, напечатанной в «Ежемесячной корреспонденции», он сообщил научному миру, что, судя по последнему письму Зеетцена, путешествие его в опасности. Поэтому необходимо найти средства для должного его завершения. После этого часть расходов по путешествию согласилась взять на себя вдовствующая герцогиня. Новый же герцог Готы Эмиль-Август еще в бытность свою наследным принцем с интересом следил за затеей Зеетцена. Теперь же он милостиво выразил готовность оплачивать его расходы и, кроме того, пообещал посылать ему ежегодно 2000 талеров за пополнение музея Готы. Герцог поручил ему исследование берегов Мертвого моря, о котором в Европе почти ничего не было известно.

Братья выслали Зеетцену 2000 талеров вместо тысячи, которую он просил, и сопроводили деньги письмом. В письме сообщалось, что умер его дядя, оставив ему в наследство свое поместье, что это поместье продано за 17,5 тысячи талеров и что деньги эти могут идти на покрытие расходов Зеетцена.

Обнаружился и еще один покровитель. Настала пора вспомнить, что Зеетцен числился российским подданным и был вправе рассчитывать на поддержку российского императора. Возможно, Александру I показалось заманчивым пополнить географические сведения о заморских странах, интерес к которым питал его великий предок Петр I; возможно, он сам задумывал распространить на Восток сферу политического влияния России; возможно, его одолела просьбами тетка, княгиня Ангальт-Цербстская, но как бы то ни было, едва прослышав о бедственном положении Зеетцена,

он велел отправить ему 1000 талеров. 18 января 1805 года Александр писал по этому поводу княгине Ангальт-Цербстской: «Что касается доктора Зеетцена, которого Вы мне постоянно рекомендовали, то я, так же как и Вы, полагаю, что его отважное намерение проникнуть в глубь Африки неизвестными доселе путями способно привести новые открытия, полезные для развития науки, и заслуживает всяческого поощрения».

Так случилось, что деньги из Санкт-Петербурга пришли первыми, — растроганный Зеетцен тотчас же отвечает благодарственным письмом и просит совета насчет дальнейшего маршрута. «Хотя план моего путешествия во внутреннюю Африку уже решен, может легко случиться, что из-за вредного для здоровья местного климата я буду не в состоянии этот план выполнить. В таком случае с восточного берега Аравии я могу проследовать через Персию, Кандагар, Тартарию и Бухарию, которые теперь граничат с юга с азиатскими владениями Вашего императорского величества, и посетить известные города Балх, Бухару и Самарканд, бывшие некогда резиденцией известного завоевателя Тимура-хромого». Однако предложенная Зеетценом перемена маршрута никак не заинтересовала Александра. Русские войска только что потерпели поражение под Аустерлицем, назревала война со Швецией — путешествия в Аравию, в Самарканд и тем более в Африку императора не волновали.

Вскоре до Зеетцена дошло весомое пособие герцога, вдовствующей герцогини и братьев, и 9 апреля 1805 года он мог спокойно следовать дальше. Маршрут был теперь четко продиктован волей герцога и ученых мужей из Германии: надлежало отправиться на юг Сирии, затем к Мертвому морю и далее в Иерусалим.

Хозяйка дома в Алеппо заботливо снарядила его в дорогу: сварила курицу, поджарила телятину, дала с собой местные сладости, лук, апельсины, словно отправлялся он не в пустынные неведомые места, а на пикник. Да и у самого Зеетцена настроение было бодрое. Он нанял проводника с мулом. Проводника звали Мухаммед, и происходил он из рода алеппских янычар. Выйдя из Алеппо, Зеетцен сразу же начал точно фиксировать каждое селение по дороге, вымерять расстояния, ибо Нибур не составил карты этих мест.

В Сирии к моменту появления здесь Зеетцена назревал кризис и турецкого правления, и местной экономики. Турецкие паши и местные феодалы, добивавшиеся политической самостоятельности, всячески обирали население. Налоговый гнет, набеги бедуинов вынуждали сельских жителей уходить в города, бросая плодородные земли. Однако города были неспособны всех прокормить. В поисках работы и хлеба тысячи людей перемещались с юга на север и еще больше — с севера на юг, в район Дамаска. Вот проследовал большой караван — около четырехсот лошадей, ослов и мулов, на которых восседали не только мужчины, но и женщины и дети. Вскоре послышались стрельба, крики, а потом снова наступила тишина. Слухи о том, что где-то неподалеку бедуины грабят всех

встречных и угоняют лошадей, не прекращались. Поэтому проводник Зеетцена всегда стремился пристать к какому-нибудь каравану.

Зеетцен к этому времени прекрасно овладел арабским языком, однако с трудом усваивал арабские названия и все время прибегал к помощи попутчиков по каравану. Сначала их услужливо записывал для него шейх, затем за небольшую плату турецкий мальчик. В свою очередь, окружающие никак не могли произнести «Зеетцен». Что это значит? Чаще всего его называли «Зейтун», «оливка», или «Шайтан», что всегда вызывало смех. На его поклажу, на его занятия смотрели с интересом, даже вид карандаша многих приводил в изумление.

Зеетцен записывал: «Мааррет-эн-Нууман — 1500 жителей. Располежен на холме п похож на замок. Ворота запираются. Несколько мечетей, одна — с минаретом. Хотел заглянуть внутрь. Мухаммед не разрешил. Пугает местными солдатами. Не видел ни одного. Есть небольшой пруд. Но воды мало». Сухие записи перемежаются со всякого рода изречениями, которые сам Зеетцен называл «философией путешествия по Востоку». Видимо, в этих изречениях он определял и собственные принципы поведения: «Делай друзьями плохих людей, чтобы они тебе не повредили, а хороших — за их доброту»; «Не все волки одинаково голодны»; «Тот, кто хочет научиться ценить добро, должен сначала познать зло»; «То, что можно принять за шутку, считай шуткой, а если это не шутка, делай вид, что не слышишь»; «За оказанную тебе любезность отвечай любезностью вдвойне, но за нее уже не ожидай в ответ двойной любезности».

Он старался, и успешно, проявлять самостоятельность. Когда подошли к городу Хаме и он захотел, покинув караван, там остановиться, Мухаммед стал яростно возражать. Тогда Зеетцен с невозмутимым видом спрыгнул с мула, направился к базару, обошел его, в цирюльне побрился, в кофейне поел и попил кофе, затем осмотрел город и, присев у какой-то стены, начал приводить в порядок свои записи. И Мухаммед был вынужден безропотно следовать за ним.

Так в дневниках Зеетцена появилось подробное описание живописной Хамы — города, известного в древности под названием Эпифания. Хама расположена на берегу реки Эль-Аси и окружена базальтовыми горами. В городе 1200 жителей, среди которых 50 христианских семей. Зеетцен воспроизводит картину жизни Хамы, описывает светлые глинобитные дома с конусообразными крышами и с квадратными внутренними двориками, кривые улочки, двадцать мечетей и четыре больших караван-сарая, сады и акведуки. Река Эль-Аси, древний Оронт, известна у мусульман под названием «Непокорная река» или «Река-мятежник», ведь течет она с юга на северо-запад, то есть в сторону, противоположную Мекке. К востоку от Хамы — Сирийская пустыня.

Найти попутный караван для следующего отрезка пути оказалось невозможно, и они отправились дальше вдвоем. Снова в

дневнике ученого мелькают наименования селений, которых скорее всего сейчас нет даже на самых подробных картах Сирии или же они слились в более крупные населенные пункты, такие, как города Хомс и Шахба.

Зеетцен никак не мог привыкнуть к резким изменениям погоды: жара мгновенно сменялась ледяным дождем, прохлада — духотой. Растительности было мало — лишь редкий кустарник да одинокие оливковые деревья. Одним из основных занятий Зеетцена был сбор всех видов растений, попадавшихся на пути. Почва была известняковая, прорезанная глубокими трещинами, в которых вьючные животные не раз ломали ноги. Впрочем, ландшафт непрерывно менялся: то рядом появлялось поле, золотое от ярких желтых цветов, то под погами обнаруживалась красная глина, якой та самая, из которой бог сотворил первого человека, то путь преграждали груды камней — серых, желтых, черных, среди которых Зеетцен находил кремль, роговик и другие минеральные породы.

Дорога пошла ввысь — это пачались ливанские горы. Они предстали в дымке, которая меняла цвет в течение всего дня — лиловая, синяя, розовая, будто таинственный художник раскрашивал их невидимой кистью.

В горных областях население чувствует себя более независимо и не так боится турецких правителей, как на равнине. Горы Ливана многим служили надежным убежищем. Недаром крестопосы воздвигали здесь свои замки и крепости, величественные руины которых виднеются на склонах гор и на вершинах.

ДАМАСК, ГОРЫ, ДОЛИНЫ И ПУСТЫНИ

23 апреля 1805 года Зеетцен прибыл в Дамаск. На другой же день, заплатив 2 пастра, он получил паспорт, скрепленный подписью и печатью пашы, что давало разрешение на пребывание в Дамаске. Паспорт был выписан на имя Мусы аль-Хакима.

Водрузив на голову большую янычарскую шапку, привезенную из Алеппо, и обмотав шею пестрой шалью, Зеетцен отправился гулять. Уже через несколько шагов его догнал какой-то молодой человек. Загородил ему дорогу. Спросил:

— Ты кто? Мусульманин или неверный?

Зеетцен ответил:

— Франк.

— А ну, долой все это! — крикнул тот, сорвал с Зеетцена шапку и шаль, швырнул на землю и быстро удалился.

На следующий день Зеетцен выяснил, что христиане должны носить здесь маленькую шапочку и шаль голубого цвета: одежда в Дамаске, как, впрочем, и во многих других городах, была строго регламентирована.

В другой раз в одном из переулков он направился к большой мечети. Но стоявший неподалеку парень вдруг закричал:

— Куда это ты собрался?

Парень по голубой шали признал в нем христианина и не мог допустить, чтобы он приблизился к мечети. «Какое право он имеет меня о чем-то спрашивать? Разве я, Муса аль-Хаким, не волею здесь ходить, где хочу!» — возмутился Зеетцен и, не отвечая, зашагал дальше. В одну секунду парень оказался перед ним и бесцеремонно ткнул его палкой в живот. Тут же подоспели другие горожане. Наступая на Зеетцена, они посоветовали ему поскорее убираться отсюда. «Как поступить? — подумал Зеетцен. — Если я подчинюсь без сопротивления, не унижит ли меня это? Но переулочек узок и мрачен. Местные жители голодны, ибо сейчас время рамадана, и поэтому злы...» И он сдался — повернулся и ушел, повторяя про себя: «Если ты не мусульманин, то остерегайся в месяце рамадан приближаться к дверям мечети!»

Однако и осторожность отнюдь не гарантировала полной безопасности. Однажды в окрестностях Дамаска Зеетцен наткнулся на нескольких подвыпивших мусульман. Они потребовали у него денег. Кто-то полез к нему в карман. Зеетцен вынул руку нахала и достал паспорт. Но тот выхватил саблю. Зеетцен почувствовал, как тошнотворный страх сдавил ему горло. К счастью, среди мусульман нашлись благоразумные люди, и они насильно увели своего разбушевавшегося друга. Зеетцен остался цел и невредим. Он недоуменно смотрел им вслед, стараясь понять, как могли мусульмане напиться допьяна, если Коран вообще запрещает употребление спиртных напитков.

Впоследствии Зеетцену объяснили, что в это время в Дамаске шляется много чужого люда, ибо скоро отсюда должен отправиться караван в Мекку. Под видом паломников эти бродяги нападают на одиноких путников и грабят их. Вот недавно под стенами Дамаска горожане подобрали какого-то убитого христианина, раздетого до нитки, и сами похоронили его.

Сначала Дамаск прозвел на Зеетцена, так же как почти 40 лет назад на Нибура, странное впечатление. Некогда это была блестящая столица омейядских халифов, здесь жили крупнейшие арабские ученые, а сейчас по ночам в узких темных переулках с воем бродят шакалы. Подобно Нибуру, он постарался проникнуть за глухие стены, чтобы самому убедиться в том, как здесь обманчива внешность. Внутри эти невзрачные дома украшены позолотой, изысканной лепкой и резьбой. Посреди двориков расположены мраморные фонтаны с бассейнами, в которых мелькают рыбки, а крыши, которых снизу просто не видно, превращены в беседки, увитые зеленью.

Слух о появлении европейского врача быстро разнесся по городу. К Зеетцену стали являться с визитом католические монахи и местные жители. Среди посетителей было немало женщин, причем весьма привлекательных. Вот у этой сирийской христианки, явившейся с жалобой на зубную боль, поразительно белая кожа, прекрасный овал лица, и сложена она великолепно. А у мусульманок так соблазнительно сверкают над чадрой огромные глаза.

В городе было распространено многоженство, канонизирован-

пое мусульманскими законами. Некоторые евреи, не иначе, как из уважения к местным обычаям, тоже имели по две жены. Однако женщин на улицах почти не видно — они ведут затворнический образ жизни, и лишь в знойные вечера на плоских крышах мелькают белые покрывала обитательниц дома, вышедших глотнуть свежего воздуха и посмотреть на прохожих.

Из домов раздавались призывные звуки бубна, слышались монотонные, но по-своему чарующие арабские песни. Зеетцен еще в плане, составленном для фон Цаха, дал зарок не приближаться к мусульманским женщинам. Из сочинений других путешественников он знал об опасностях, которые подстерегают в этом случае европейцев. Правда, итальянец Лодовико ди Вартема, посетивший Египет, Аравию и Персию, писал в 1510 году, что арабские женщины очень любят белых мужчин. Но зато все остальные твердят о том, что близкое общение с мусульманкой грозит европейцу неминуемым обрезанием, обязанностью жениться на ней и даже жестокой смертью. Поэтому при всем тяготении к прекрасному полу Зеетцен не смел поднять глаз. Даже с крыши своего дома он боялся заглянуть в другие дома, чтобы не увидеть там что-нибудь недозволенное. Вот в Африке — там будет все иначе, утешал он себя. Там это даже поощряется...

Дамаск очаровал Зеетцена, как и Нибура, обилием садов, кипарисами и пальмами, прозрачным воздухом. Недаром за городом укрепились такие названия, как «Ожерелье красавицы» или «Перья райского павлина». По-восточному витиевато, но вполне соответствует истине.

Зеетцен осмотрел все достопримечательности и подробно описал их: 8 городских ворот, 143 мечети, 7 церквей, 3 медресе, 64 бани, 20 ткацких мастерских, 7 мыловарен, 119 кофеен... Составил список военного персонала паши, описал его одежду и обязанности.

Наш путешественник избрал Дамаск в качестве базы, с тем чтобы совершать отсюда радиальные поездки по всей округе. С мая 1805 года он покинул Дамаск и возвращался в него четыре раза.

Впервые Зеетцен сел на верблюда. Не понравилось. Поступь верблюда показалась ему грубой и неравномерной. Быстро пришла усталость. Палило солнце, и у Зеетцена обгорели ноги. Он выбралил «противное животное», но в ответ выслушал от проводника отповедь с восхвалением всех верблюжьих достоинств.

— Ты, франк, спаси тебя Аллах, глуп и не знаешь, какое это сокровище. Он возит нас, кормит, поит и одевает. Он весь без остатка служит нам. Его мочой мы моем голову, а его помет обогревает наше жилище. Мы скорее кипем человека в беде, чем откажем верблюду в уходе и заботе.

Однако этот панегирик Зеетцена не убедил, и в ближайшем селении он поменял своего верблюда на лошадь; заодно бросил его и проводник, пришлось брать нового.

Река Барада течет на восток. Ее воды затопляют луга, и во

время сильных дождей вдоль русла реки возникает немало «озер». Зато в сухое время года земля трескается от засухи и небольшие болотца можно увидеть лишь в лощинах.

На востоке виднеются безлесные горы Антиливана. Его самая высокая вершина — Хермон, или Джебель-эш-Шейх, что означает «Гора-шейх», — покрыта вечным снегом и напоминает белую чалму. Эти горы считаются священными, ибо, по преданию, именно на них были с неба низвергнуты мятежные ангелы. К югу лежит небольшое холмистое плоскогорье, а затем начинается край вулканических гор.

Знание всего этого района к югу от Дамаска,носящего название Хауран, очень важно для изучения эпохи римского господства на Востоке. Ведь Хауран и расположенная рядом провинция Джолан — это древние Гауланитида и Ауранитида. Зееццен первым дал их географическое описание. Не менее интересны эти места для истории христианства и для выявления библейских источников.

Лава покрывает в Хауране всю почву, растительность почти отсутствует. Земли неплодородны настолько, что бесполезно и удобрять их. Поэтому единственное занятие здесь — изготовление пряжи из овечьей шерсти, прядут даже мужчины. Наполовину пустые селения выглядят мрачно. Некоторые покинуты жителями вовсе. Бедный люд часто ютится в ущельях меж скал. Трахонитида, то есть «Страна скал», — так называли этот край в древности.

Останавливаясь Зееццен предпочитал у местных христиан или в монастырях. Во времена крестоносцев здесь возникло немало христианских церквей и монастырей, словно притаившихся во впадинах меж гор так, что их не всегда можно заметить из долины. Во время своих поездок Зееццен насчитал более двадцати маронитских монастырей, двенадцать православных, пять католических (два капуцинских, два лазаристских и кармелитский), армяно-григорьянский, яковитский. При входе в монастырь обычно стоят небольшие караван-сарай, где пилигримы могут найти пристанище.

Христиане радушно встречали Зееццена, хорошо кормили — хлебом, маслом, яйцами, мясом, попли крепким кофе. Кофейные зерна поджаривали тут же в большой железной ложке, толкли в деревянной ступке. Подавали кофе крошечными порциями и без сахара, как и повсюду на Востоке. Его здесь так и называют — «кахва мурра», то есть «горький кофе».

В некоторых монастырях ему предлагали пожить подольше, предоставляли в его распоряжение прекрасные библиотеки. Так Зееццен на землях, которые казались ему дикими и нецивилизованными, неожиданно обнаружил неисчерпаемый кладезь знаний во всех областях науки. Раньше он считал себя лишь практиком, неспособным к пониманию абстрактных проблем. Теперь же в библиотеках ливанских монастырей он вдруг увлекся философией, с горечью вспоминая, как мало уделял ей внимания в стенах университета. «Где же она теперь, моя покинутая Германия, мои це-

прочитанные книги, мои непознанные истины!» — воскликнул он.

А в греческом монастыре святого Иоанна Зеетцен обнаружил даже типографию, основанную еще в 30-е годы XVIII века. Здесь печатали тиражом в одну-две тысячи экземпляров книги с цветными иллюстрациями на бумаге, привезенной из Венеции и из Франции, и переплетали их в красную и черную кожу.

В монастырях ему нередко задавали вопрос:

— А правда, что европейцы хотят завоевать арабские страны?

Зеетцен становился в тупик. Местные христиане, наверно, уповали на это. Некоторые побуждения к будущему колониализму Зеетцен явно замечал в политике Европы. Но сказать «да» было бы рискованно. Христиане могут проболтаться об этом мусульманам, и те разорвут их и его вместе с ними.

— Едва ли, — отвечал он уклончиво, — потому что ни один европейский султан не разрешит сделать этого другому европейскому султану. Они скорее подерутся друг с другом. Ведь между ними тоже нет мира и согласия.

«В этих краях следует быть осторожным, — думал он, — так как любое твоё слово может стать широко известно». Поэтому он выработал для себя целую систему хитроумных правил. В числе их были следующие: «Если хочешь поправиться, ругай Европу и восхваляй их страну»; «Не вози с собой драгоценности, а про деньги говори — оставил в Дамаске»; «Не жалея денег на проводников, тем более если им еще приходится служить тебе переводчикам»; «Не бери охраны у пашы, население солдат ненавидит, и ты наживешь много неприятностей». Как мы увидим далее, наш герой не всегда был прав в своей изворотливости — во всяком случае, его судьба убедит нас лишней раз в том, что неискренность, криводушие, приспособленчество не остаются безнаказанными.

Почти всегда маровиты пугали Зеетцена ужасами, которые якобы ожидали его впереди: ограбят, убьют, растерзают. В одном селении они горько жаловались на свое положение. С тех пор как в Ливане началось ощущаться влияние французов, жить здесь стало совсем опасно, говорили они.

— Почему же вы не уходите отсюда? — спросил Зеетцен.

— У нас здесь дом, земля. Как мы можем все это покинуть? Вот и терпим, — отвечали ему.

Зеетцен с удивлением обнаруживал, что он становится все неприхотливее: удобный почлег и вкусный ужин все меньше привлекают его, он довольствуется сном под открытым небом и местной пищей — бобами, горохом, лепешками, овощами и национальными блюдами, названия которых он непременно заносил в свой путевой дневник. При этом он находил, что и аппетит у него становится лучше, и чувствует он себя здоровее. Сбросив еще в Алеппо европейскую одежду, Зеетцен оценил добротность и удобство местного паряда — кусок холста да овечья шкура. Голову он повязал пестрым алеппским платком «хатата», живописно перекинув один его конец через плечо, сверху надел маленькую крас-

ную шапочку и все время думал о том, как интересно было бы ему посмотреть на себя в этом наряде в зеркало. Постепенно он отказался за неадекватностью от предметов европейского быта, остались только чернильный карандаш да бумага. Писать ему было неудобно и некогда, карандашные записи стирались. При любой возможности он их копировал, и правильно делал: многие из них, посланные в Европу со случайными оказиями, так и не дошли до адресатов.

Пластины исчезали с поразительной быстротой. Но ни разу ему не пришла в голову мысль вернуться, он упрямо продвигался вперед. В столкновении страха и упрямства в его характере победило упрямство. Замелькали и дальше названия городов и деревушек: Атиль, Мидждаль, Шиджиб, Тдур, Шоффаг, Эль-Кадиса, Теппурия, Рам, Хакель, Бодрун, Дар-Калла, Шпут, Аншар... Первым из европейских ученых Зеетцен дал подробное географическое описание Хаурана. Казалось бы, эти места исхожены, хорошо известны, даже Фредерик V не проявил к ним никакого интереса, а вот, оказывается, к подлинно научному исследованию их в Европе еще не приступали, и начало их изучению положит он, Ульрих Яспер Зеетцен.

Со временем он почувствовал здесь себя привольно. Он узнал, где лучше останавливаться зимой, а где — летом, с кем и когда кочевать.

Когда наступала жара, он даже не замечал — так хорошо переносил ее. Ночи он предпочитал проводить на крыше и не просыпался, когда начинал идти дождь. Не раз, обеспокоенные этим, гостеприимные хозяева будили его и заставляли перебираться в дом.

Чем же он занимался в пути? Сбором минералов, растений, насекомых, описанием всех населенных пунктов с точным указанием их местоположения, количества и национальности жителей, их прав и обычаев. Мало было сорвать и положить в гербарную сумку какое-либо растение, следовало, еще определить его название по-арабски и по-латыни, указать, чем оно отличается от такого же в Германии, если таковое там имеется, и какое употребление здесь находит.

В результате в той части Сирии, которую он исколесил, он исследовал буквально каждую пядь земли, запечатлел все остатки древних городов и даже самые крошечные селения, запрятанные среди скал, описал разрушенные башни и церкви, скопировал сотни древних надписей, сделал множество рисунков. Однако недовольство собой, неудовлетворенность сделанным не покидали его. Однажды он записал в дневнике: «Путешественник, который хотел бы объездить весь Хауран, как равнинную его часть, так и горы, до самой пустыни, должен потратить не менее трех месяцев, чтобы посетить все его примечательные места. Он должен хорошо знать географию и древнюю историю. Ему следует захватить с собой художника и архитектора, а в пустыню взять еще по крайней мере пятерых вооруженных хауранцев, которые могли

бы провести его без всяких опасностей по самым неизвестным и отдаленным уголкам».

Зеетцен вникает во все житейские ситуации, в местный быт. Вот привели невесту из одной деревни в другую и бурно празднуют свадьбу. Невеста — почти девочка, у нее колечко на пальце и стеклянный браслет на запястье. Ее сверстницы красуются в монистах. У некоторых кольца в носу. Юноши гарцуют на лошадях и верблюдах. Бьют барабаны, играет музыка. Вся деревня пляшет. Повсюду режут баранов — пир горой.

А вот в этой деревне судебное разбирательство: один крестьянин обвиняет другого в том, что он украл у него зерно. Приговор шейха подлежит немедленному исполнению: истец должен стукнуть ответчика шесть раз кулаком, и делу конец.

В следующей деревне Зеетцен попал на крестины ребенка, родившегося в христианской семье, и был приглашен на трапезу. За столом сидело человек пятнадцать, и все они очень быстро управлялись с блюдом под названием «бургуль», приготовленным из дробленой пшеницы с мясом и похожим на плов. Брала рукой горсть пшеницы, клали на ладонь, скатывали что-то вроде большой пилюли и отправляли в рот, а то, что оставалось на пальцах, стряхивали обратно в чашу. У Зеетцена это получалось плохо, и ему, как гостю, дали ложку. Здесь же присутствовал и местный шейх с семилетним сынишкой. Мальчик ел вместе со всеми, но стоило ему увидеть, что у кого-то кусок мяса больше, чем у него, как он выхватывал мясо у того из рук, а взамен отдавал свой, поменьше и объединенный. Шейх был в восторге и похваливал сына, победоносно поглядывая на присутствующих:

— Настоящий шейх растет!

А у Зеетцена кусок застревал в горле при виде подобного «воспитания».

Если простые люди Хаурана распахивали двери своих лачуг перед любым странником, не помышляя о награде, то почти все шейхи, у которых останавливался Зеетцен, требовали подарков за постой, и он никогда не мог угадать, каков же должен быть этот подарок: одному он подарил часы, и тот остался недоволен, а другой, получив пачку табака, радовался, как ребенок.

В маленьких деревнях, заметил Зеетцен, меньше грубости, чем в больших селениях. Несмотря на трудные условия жизни, люди здесь здоровые, крепкие, хорошо сложенные — в этом Зеетцен мог убедиться как врач, — долго живут. Матери шейха в селении Шабаба, например, больше ста лет — точного возраста она не знает, ибо рождения и смерти здесь не регистрируются; ее старшему сыну — за восемьдесят. Она бодрa и ходит сама в церковь. Дети бегают обычно нагишом. Может быть, неспроста и деревня так называется: «шабаб» означает «молодость».

Взрослые в Хауране ходят в простых свободных одеждах. Мужчины, как правило, носят бороду. У некоторых татуированы руки. Татуировкой украшены и женщины, преимущественно около губ на подбородке. Они укутаны в белые покрывала, часто на

голове у них убор, похожий на серебряную тарелку, в носу — кольца. Мужчины в Хауране вежливы почти до церемонности. При встрече они долго прикладывают правую руку себе ко рту и ко лбу, а затем целуют друг друга в бороду, лоб, щеки и плечи, обязательно при этом справляясь о здоровье. Никаких ругательных слов здесь не произносят, зато часто слышится «Ла туахизни!», что значит «Не сердись на меня!»

Сначала Зеетцена поражало, что при всей скудости существования в Хауране не видно ни одного нищего, просящего подаяние. Позднее он понял истинную природу подобного «благополучия» — нищие толпами бродили по этим бесплодным землям, но им не приходилось вымаливать себе хлеб: стоило лишь постучать в любое жилище, как двери распахивались для странника, словно для близкого знакомого или родственника, хозяева радушно предоставляли ему ночлег и пищу на несколько дней.

Хауран — кладбище городов. Когда-то здесь находились резиденции древних сирийских властителей. Затем, как известно, приплыли греки, позже — римляне и все вокруг — города, храмы, театры — перестроили на свой лад. Зеетцен мог наблюдать пласты различных цивилизаций.

Основным строительным материалом в этих местах, лишенных леса и глины, был черный базальт. Зеетцен встречал здесь и небольшие жилые дома, сложенные из базальта; в них даже дверью служила тяжелая базальтовая плита.

Громадные глыбы храмов. Обломки погребальных сооружений. Поросшие травой ступени гигантских амфитеатров. Полуразвалившиеся ионические и коринфские колонны, еще устремленные в небо, и валяющиеся на земле расколотые капители. Выщербленные ниши с пьедесталами для скульптур. Битые барельефы. Не все из этих руин сохранили названия. Под именем Тадмор скрылись развалины знаменитой Пальмиры с ее колонными улицами, базиликами, алтарями и гробницами. Теперь это пристанище разбойников да шакалов. К северу, в долине Бекаа, находится Баальбек, ведущий свою историю с финикийских времен, ибо Баал — это древнее общесемитское божество плодородия, вод, войны, в честь которого здесь некогда был возведен храм.

В Баальбек Зеетцен попал в конце июля 1805 года в сопровождении маронита из Бшерри по имени Мишель, который служил ему погонщиком ослов и проводником. Жара стояла страшная, они заночевали в степи под открытым небом. Вдали в густых сумерках еще виднелись пологие склоны Антиливана, покрытые орешником. Если в горах водились хщные животные, такие, как пантеры, медведи и волки, то на равнине путникам ничто не угрожало, разве что проползет червяк да пролетит летучая мышь или сова, — при виде последней Мишель огласил почную степь исступленной молитвой, ибо увидеть сову здесь считается очень плохой приметой.

Утром они подошли к стенам Баальбека, сложенным из огромных тесаных камней, затем миновали ворота, ничем не при-

мечательные. За воротами оказалось пустое пространство, через него тропа ве́ла к руинам и упиралась снова в высокую стену. Вдоль стены прошли до арки и вступили в длинный сводчатый зал. Зеетцен остановился и перевел дух. Чтобы разглядеть что-либо, надо было привыкнуть к темноте. Затем из мрака выплыли несколько скульптур. В правом углу обнаружился еще один вход, он вел в следующий зал, через него Зеетцен и Мишель вышли на площадь. На одной стороне площади высилась стена с девятью хорошо сохранившимися колоннами, на другой — грудой лежали каменные балки, некогда, видимо, служившие перекрытием большого строения. А впереди — развалины огромного храма с остатками коринфских колонн и новые стены; входы, вырубленные в них, поражали совершенством форм и изысканной резьбой.

Зеетцен почувствовал себя несчастным и потерянным. Бренность человеческой жизни, бренность красоты, созданной человеком... Что есть вечного в этом вечном мире? Да и вечен ли сам мир? И что это такое — мир, вселенная, бесконечность? Ему захотелось громко закричать, но он лишь простонал. А в ответ... рядом с ним на землю грохнулся кусок мрамора. Это отрезвило его и вернуло к реальности.

— Осторожно! — раздался за его спиной голос Мишеля. — Здесь опасно. Взгляните наверх, там камни висят так, что могут свалиться на нас в любую минуту.

Зеетцен поднял голову. словно между землей и небом, над ним распростерлись два барельефа: на одном был ясно изображен орел, на другом — какое-то божество. Несколько минут Зеетцен стоял с высоко поднятой головой, упрямо разглядывая их, испытывая судьбу. Однако при первом же порыве ветра пошел дальше. Колонны, пилястры, фундаменты, полуразрушенные стены с нишами для скульптур, углубления в земле, возможно ведущие в подземные ходы. И снова колонны — стоящие густыми рядами и сиротливо валяющиеся на земле, высеченные из одного куска мрамора и составленные из двух кусков, прорезанные каннелюрами и совершенно гладкие. Зеетцен осторожно провел рукой по одной из них и ощутил твердую гладь мрамора. А вот эти из гранита. «Очевидно, их привезли из Египта, так как ни в Сирии, ни в Палестине, помнится, гранит еще никто не обнаруживал», — подумал Зеетцен.

После Баальбека он тщательно изучил и описал расположенные к югу от Дамаска развалины Декаполиса, или Десятиградья, — союза эллинизированных городов, образованного в III веке до нашей эры. Первый и самый большой город Декаполиса он уже хорошо знал — это Дамаск. Остальные, если считать по Плинию, — Филадельфия¹, Рафана, Скифополь², Гадара³, Иппос, Дион, Пелла, Канафа⁴, Гераса, или Джераш. Но потом этот спи-

¹ Ныне — Амман.

² Ныне — Безап.

³ Ныне — Мкес.

⁴ Ныне — Капават.

сок изменялся и дополнялся неоднократно. Во всяком случае, развалин городских поселений Зеетцен насчитал много больше, чем десять. Это и Драа, и Эль-Боттин, состоящий из сотен пещер, выдолбленных в скалах, где обитают люди, и Капитолия, сохранившая остатки былого величия — колонны и саркофаги, и Абиль, превратившийся в руины, по которым тем не менее можно попят, как прекрасна была древняя Абила, и развалины в Умм-эль-Джемале, Эс-Сувейде (древней Соаде), Санамене, Фене, Атие и многих других местах. И повсюду его не покидало щемящее чувство бренности бытия.

По какой странной, неожиданной спирали развивается человеческая цивилизация — создается, потом разрушается, забывается, а потом воссоздается из прошлого, чтобы служить будущему или чтобы однажды быть уничтоженной снова. Неужели никогда человечество не выйдет в своем развитии на прямую, не достигнет губительного бессмыслия разрушения и уничтожения?..

Больше всего Зеетцена занимала судьба Джераша, или Герасы, как назвал город Александр Македонский, построивший его в конце IV века до нашей эры. «Почему Джераш не вызывает в Европе такого же интереса, как Баальбек или Пальмира?» — недоумевал он. Удобно тому как некогда Нибур восхищался Персеполем, так и Зеетцен не мог оторваться от Джераша. Город стоял в долине, недалеко от притока Иордана — Эс-Серки. Уже на подступах к нему встречаются гробницы с барельефами, мраморные саркофаги. Развалин жилых домов не видно, но есть множество остатков общественных зданий, базилик, два мраморных амфитеатра, три храма, на южной стороне — развалины триумфальной арки. В одном перистиле из двенадцати коринфских колонн одиннадцать сохранились почти целиком. Колоннада форума овалом обрамляет площадь. Городские ворота состоят из трех арок и декорированы пилястрами. Улицы и площади города, выложенные большими тесаными камнями, украшены многочисленными колоннами — Зеетцен насчитал их более двухсот, а на перекрестках установлены каменные пьедесталы, но статуи исчезли.

Пошли холодные дожди. Оборванный, промокший до костей, Зеетцен босиком шлепал по грязи. На ночлег располагался в пещерах. Через реку Эс-Серка он переправился в район Эль-Белка с единственным сохранившимся городом Эс-Салт.

Эс-Салт — очень древний город, когда-то его называли Амагузой. На вершине горы над ним — руины крепости, служившей и римлянам и крестоносцам. Под горой — плодородная долина Вади-Шуайб с садами фиговых, оливковых и гранатовых деревьев.

Двинувшись на восток, Зеетцен вскоре вышел к стоящему на пяти холмах Амману. Раббат-Аммон, древняя столица государства аммонитян, в III веке до нашей эры получивший в честь нового владыки Птолемея II Филадельфа имя Филадельфия, славился памятниками древнего искусства. Сейчас глинобитные лагуны как бы сползают с холмов, многие жилища вырублены в скалах.

Как переменчивы в этих местах географические названия! Библейские сменились римскими, римские — арабскими. Если бы мы захотели проследить по карте путь Зеетцена во всех деталях, то у каждого пункта нам бы пришлось писать по два-три названия, а иные вообще исчезли с лица земли.

В развалинах древних поселений Зеетцен обнаружил немало греческих и римских надписей, перемежающихся с более поздними арабскими. Копирование этих надписей составило одно из его важнейших занятий, оно отнимало почти все время. Это был адский труд. Ему приходилось то лазать по пещерам, то ползать по земле, то карабкаться по камням, то влезать на спину собственного мула или проводника. Поза была неудобна, он срывался и, чертыхаясь, лез снова. Многие надписи стерлись, их было трудно читать. Вознаграждением за этот тягостный труд служили такие ценные находки, как, например, надпись римского императора Марка Аврелия.

Как и Нибуру, ему сразу же пришлось столкнуться с подозрительным отношением местных жителей к подобному занятию. Они думали, что эти загадочные письмена скрывают тайну кладов, на которые покушается чужестранец, или же содержат описание путей, по которым франки смогут вторгнуться в их страну. За официальным разрешением к шейхам местных племен Зеетцен не смел обращаться: заподозрив недоброе, шейх мог потом приказать уничтожить всех живущих здесь христиан.

В Баальбек и на развалины Пальмиры Зеетцен специально привозил с собою книги с описанием этих мест и показывал их арабам, объясняя, что все это уже давно известно в Европе. Ничего не помогало. Казалось, ему верили, но, когда он облегченно вздыхал и принимался за дело, снова раздавалось:

— Вознагради меня, о чужестранец, за мое молчание, и никто не узнает о том, что ты здесь задумал!

Еще хуже, если в заинтересованности Зеетцена усматривали колдовство. Тогда его окружали люди, вооруженные копьями и палками, они бросали в него камни, рылись в его поклаже. И тут его выручала профессия. Когда у него находили травы и насекомых, он объяснял, что он — врач и странствует в поисках лекарственных средств. Разговор сразу принимал совсем иной оборот. Больные устремлялись к нему за медицинскими советами — чаще всего эти люди страдали венерическими и глазными болезнями, — а здоровые, как правило, теряли всякий интерес и отходили в сторону.

То и дело Зеетцен слышал о том, что где-то началась эпидемия или разбойники остановили кого-то на дороге и били до тех пор, пока тот не отдал все, что у него было. Или что бедуины угоняли овец и коз из деревень и верблюдов из караванов. Но он уже ничего не боялся. Как-то на него напали десять всадников. Именно одного из правителей Хаурапа, Омар-аги, они схватили его, обыскали, но, не обнаружив денег, отпустили с миром. Этот случай придал ему еще больше уверенности.

Возвращаясь из своих путешествий в Дамаск, Зеетцен приводил в порядок записи, отправлял в Германию ящики с рукописями и коллекциями, векселя для оплаты, письма фон Цаху со своими астрономическими наблюдениями и с обзорами арабских трудов по астрономии и географии. Вся эта почта шла сложным путем — через французских пегоциантов в ливанский Триполи, затем на Кипр, оттуда в Венецию и далее на север. Наконец-то начала прибывать и почта для него. Он получил письма от фоп Хаммера, от герцогиини, от брата. Узнал, что герцог Готы теперь будет ему регулярно высылать по 2000 талеров в год. Настроение Зеетцена настолько улучшилось, что с этого момента в его записях появились собственные стихотворения. Да, да, наш герой был не лишен поэтического дара. Будущее представлялось ему безоблачным и сулило множество необычайных впечатлений.

Однажды его пригласил к себе папа Дамаска Абдаллах. Предки Абдаллаха, богатые правители Хамы, отказались от своих владений с условием, что папачьком Дамаск, одной из четырех административных частей, на которые разделило Сирию турецкое правительство, всегда будет управлять паша из их рода. Абдаллах уже дважды занимал эту должность. Но последний раз, когда он в каком-то деле пошел против воли султана, его объявили мятежником и изгнали из города. Папой Дамаска стал деспотичный аль-Джаззар, что по-арабски означает «мясник» (вероятно, это была кличка). Выходец из Боснии, аль-Джаззар совершил на родине убийство, бежал в Каир и поступил в услужение к испанскому путешественнику Доминго Бадиа, известному в арабских странах под именем Али-бея. Потом аль-Джаззар перешел на турецкую службу, сделал блестящую карьеру, получил звание паши и стал наместником огромного края, включавшего Акко, Бейрут и Дамаск. Когда аль-Джаззар прибыл в Дамаск, Абдаллах бежал в Багдад. Паша Багдада выхлопотал у Порты ему прощение, но вернуться в Дамаск Абдаллах не рискнул. В 1799 году жители Дамаска восстали, аль-Джаззар был вынужден покинуть город и в 1804 году умер. Его место занял паша Ибрагим из Алеппо. Абдаллах сверг его и снова объявил себя папой Дамаска.

Войдя во дворец паши, Зеетцен очутился в длинном четырехугольном дворе с традиционным фоптаном. Двор был настолько велик, что в нем помещались пушки и были привязаны лошади. Через мраморный зал и по длинному коридору его провели в комнату паши, выложенную подушками и коврами. Паша сидел в углу, а рядом, что немало удивило Зеетцена, спал маленький ребенок. В отдалении стояло несколько человек из свиты. Восточный правитель оказался крупным мужчиной лет пятидесяти пяти — шестидесяти, с бледным, помятым лицом; он смотрел на Зеетцена чрезвычайно неприветливо.

Не предвзяя беседы обычным на Востоке церемониалом вежливости и прославления Аллаха, паша коротко спросил:

— Этот человек — франк?

— Да, — ответил Зеетцен, поклонившись. Затем приблизился

к паше, поцеловал, как его научили заранее, край его меховой накидки и отступил назад.

— Из какой страны? — спросил паша и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Где она расположена? Далеко ли это от Константинополя? Правду ли мне сказали, что вы врач?

«Ах, вот в чем дело!» — мелькнуло в голове у Зеетцена. Паша протянул ему руку, пожаловался на желудок, попросил лекарство. Зеетцен пощупал пульс и пообещал занести завтра рецепты. Тотчас же ему подали знак, что он может удалиться. На следующее утро у него взяли рецепты, уже не допустив к паше. Зачем хотел его видеть паша? Из любопытства? Или действительно требовался врач? Однако Зеетцен был доволен: впервые его принял такой знатный вельможа!

А вскоре, в самом начале 1806 года, на улицах появились солдаты. Они собирали налоги по случаю отъезда паши в Мекку. Жители запирались в домах, а тех, кого заставляли на опустевших улицах, били палками до тех пор, пока они не отдавали положенные деньги. Особенно большие суммы вынуждены были вносить в это время монастыри.

В день ухода каравана весь Дамаск высыпал на улицу. Погода стояла чудесная. Крыши домов были усеяны женщинами и детьми. Многие — и среди них Зеетцен — предпочитали наблюдать из кофеен. Возглавлял процессию оркестр, за ним двигались всадники и верблюды, навьюченные палатками и поклажей, потом пехота — пестро разодетые албанцы и снова музыканты, выкрикивающие славу великому паше. За музыкантами выступала толпа дамасской знати, далее верхом на коне ехал сам паша, приветствуя парод. Вслед за ним тянулась на верблюдах и ослах вереница купцов, также отправлявшихся в паломничество. В арьергарде следовали вооруженная охрана из янычар и толпы дервишей. Шествие заняло несколько часов — от восхода солнца до полудня. Зеетцен подсчитал, что всего прошло не менее четырех тысяч человек. Через некоторое время он узнал, что караван паши в дороге подвергся разбойничьему нападению и был разграблен.

На следующий день через Дамаск прошел другой караван — из Багдада, через день — еще один — из других мест. В каждом караване было по две-три тысячи человек. Паломники ехали на верблюдах, положив под себя поклажу, и поэтому сидели особенно высоко. Некоторые прикрепляли к седлам знамена своих племен, кое-кто окрашал головы и шеи верблюдов яркими лентами, бахромой и кистями, бубенцами и колокольчиками. Пестрые вереницы на фоне яркого синего неба равномерно колыхались, как волпы, в такт мерной верблюжьей поступи и представлялись Зеетцену фантастически сверкающим морем. Он даже подумал, не присоединиться ли к одному из караванов, ведь посещение священных мест ислама стояло в его плане, но решил, что сначала отправится в Иерусалим и к Мертвому морю.

ПО ТЕЧЕНИЮ ИОРДАНА

К началу XIX века Мертвое море было одним из самых таинственных мест на земле. И кроме туманных и противоречивых сведений, содержащихся в Библии, о нем не было известно ничего. К тому же дикая природа, окружающая Мертвое море, слухи о проделках нечистой силы и бедуинских разбоях, совершающихся на его берегах, отпугивали всех. Пользуясь заброшенностью этих мест, бедуины находили здесь для себя безопасное пристанище и нападали на случайных путников.

Взяв проводника-маронита по имени Юсуф и двух погонщиков с мулами, Зеетцен 17 февраля 1806 года отправился в дорогу. Теперь на нем богатый наряд шейха, в поклаже немного одежды, книги, бумага. Снова в его записях описания каждого пройденного места, деревни, холма: где что растет, какие дома, сколько жителей, где и какие руины, горы, источники, мосты. Его заметки на этот раз более хаотичны, обрабатывать негде и некогда. Он то воспроизводит надписи, то описывает случай, с ним приключившийся, то занимается серьезным исследованием естественной истории или лингвистическими штудиями; так, он стал изучать местные диалекты, определяя их происхождение и взаимосвязь.

Его дневники — подлинная сокровищница всевозможных сведений, хотя в них сразу и не отличить факта, важного для науки, от случая частного, незначительного. В один и тот же день он ухитряется записать ценное географическое свидетельство и философское стихотворение, сделать пометки о том, чем торгуют и что едят в данной местности, где и как добывают соль, какие водятся в пустыне дикие кошки и как на них охотятся из-за шкур, и даже разработать целый трактат о верблюжьих кличках, которые, как оказалось, зависят от пола и возраста верблюда. Тут же, рядом, он описывает собственные переживания. Почти ежедневно он делает записи о погоде, но, видимо, для него это не столько объективный внешний фактор, сколько смутная причина, определяющая самочувствие и настроение первого и впечатлительного человека.

Наконец Зеетцен вышел к реке Иордан. Ее три истока зарождаются на высотах Хермона, после их слияния река проходит через озеро Хула (библейское Мером), затем течет на юг, вливается в Тивериадское озеро¹, выходит из него, снова течет на юг через долину Эль-Гхор и впадает в Мертвое море. Вдоль русла Иордана и двинулся Зеетцен. Он избрал восточный, левый берег, еще неизвестный в Европе, но ни один из проводников не соглашался сопровождать его. Богомольцам-христианам, шедшим в Иерусалим, естественно, не приходило в голову усложнять свой путь и идти с востока: переправ через Иордан не было, а единственный мост (к северу от Тивериадского озера) охранялся яны-

¹ В древности Генисаретское озеро, или Галилейское море.

чарами. Паломники-мусульмане, следовавшие с караванами в Мекку, предпочитали держаться подальше от «колдовских» берегов Мертвого моря и придерживались Сирийской пустыни, хотя как раз там их нередко подстерегали разбойники.

Все это разжигало воображение Зеетцена. Он отдал Юсуфу почти все, что у него было с собой, и велел ему западным берегом реки идти до города Табарии (древней Тивериады) на Тивериадском озере. Затем уговорил какого-то владельца осла пройти с ним хотя бы небольшой участок пути и двинулся по течению Иордана.

На севере Иордан течет среди тенистых рощ. Но чем южнее, тем ближе мрачные, пустынные, низкие горы подступали к воде. Зеетцен исследует горные породы — базальт и известняк. На реке много порогов. Недаром «иордан» по-древнееврейски означает «падающая».

Редкие встречные мирно спрашивали Зеетцена:

— Почему ты не идешь обычным путем?

— Я врач, — отвечал он с достоинством. — Я ищу травы, чтобы приготовить лекарства, которые облегчат ваши страдания и избавят вас от болезней.

И он показывал стебли и лепестки различных растений, которые, собирая, закладывал между листками папиросной бумаги. Его пропускали дальше, разве что потребовав немного денег, но тут же предупреждали:

— Там, у озера, всякая нечисть. И турецкие солдаты, что хуже самого дьявола.

Проводник все время пытался обмануть его, направить на исхоженные тропы, а когда понял, что провести его не удастся, сбегал, прихватив заодно часть поклажи вместе с ружьем. Особенно огорчило Зеетцена исчезновение писчей бумаги.

Оставшись один, он продолжал упорно следовать вниз по реке. Дойдя до моста, расположенного в двух милях от места впадения Иордана в Тивериадское озеро, он перешел на западный берег, отделавшись небольшой пошпиной. «Здесь даже арки моста из базальта», — записал он в дневнике. В Табарии он встретился с Юсуфом, нашел жилище и спокойно осмотрел город. Тивериада упоминается в Библии как главный город Галилеи. По преданию, в Тивериадском озере, которое как бы служит городу четвертой стеной, ловили рыбу апостолы. Берег песчаный, рядом в долине растут финиковые пальмы, лимонные и апельсиновые деревья, индиго. В этой местности немало горячих источников, и пар застилает окрестности. Аль-Джаззар, о котором Зеетцен слышал в Дамаске, соорудил здесь большие бани.

Покинув Табарию, Зеетцен вместе с Юсуфом посетил развалины старинного города Таррихея и вступил в долину Эль-Гхор, зеленую, плодородную, но невозделанную, служившую местом кочевья бедуинов. Теперь он оделся нищим — подобные маскарады нравились ему. Чтобы представить себе его живописный наряд, взглянем в письмо, которое он отправил на родину: «Поверх со-

рочки я надел старый кумбаз, нечто вроде халата, а поверх него старую, рваную синюю женскую рубашу, обмотал голову тряпкой и обулся в опорки. Старая, изорванная абайя¹, накинутая на плечи, защищала меня от холода и дождя, а длинный сук служил посохом».

Наступила жара. Но Зеетцен пешком, на муле или на осле, с разными проводниками все продолжал кружить по пустынным плоскогорьям и солончаковым равнинам. Теперь он был бы способен обходиться и без проводника: в лохмотьях, знавшего все тонкости арабского языка, его легко можно было принять за паломника, совершающего хадж в Мекку. Иногда его подкармливали в одиноких шатрах, оставляли там и на ночь, но он предпочитал спать под открытым небом. Эти часы были самыми приятными в его путешествии.

Темная ночь, скрывая от посторонних глаз, поначалу приносила умиротворение и уверенность в себе. Он, разумеется, понимал, что это самообман. Ночью любая опасность возрастала, и его спокойствие было не более чем инстинктом страуса, прячущего голову в песок. И тем не менее дневное напряжение спадало, реальный мир становился иллюзорным, далекие звуки казались призрачными.

Зеетцен всегда любил смотреть на небо. А после приобщения к астрономии в обсерватории на Зееберге особенно. В Сирии он часто наблюдал метеориты, иногда очень яркие; они пересекали небо, оставляя огненные хвосты. Каждый раз это волновало его, будило фантазию. Он вглядывался в далекие глубины неведомых галактик, и ему казалось, что россыпи звезд с презрением взирают на этот крошечный комочек, летящий в пространстве и пазываемый Землею. И насколько же маленьким казался он себе, как ничтожны были его заботы, его желания! Его охватывал страх, и он зажимал руками уши, чтобы не услышать собственного крика, если не сумеет сдержать его. Когда же нервы успокаивались, он, приткнувшись к какому-нибудь камню, погружался в полудрему. И наступали сны. В них уже не было кроваво-красных бедуинов, тихой гладью стелилось море, синее, безмятежное. А утром, когда он открывал глаза, перед ним возникал все тот же падевший пейзаж. Потухшие вулканы, пористая блестящая лава, застывшая черными и багряными потоками, потрескавшаяся, зловещая. Так легко поверить, что под пей погребены библейские города Содом и Гоморра. Землетрясения, извержения вулканов, ураганы были бичом этих плоскогорий с древних времен — в царствование и царя Ирода, и императора Юстиниана. Только люди раньше не могли пойти им научного объяснения и, описывая гибель городов, ссылались на волю «божественной силы», наказавшей ханаанцев за развращенность нравов. Вокруг много соляных образований естественного происхождения. Предание гласит, что

¹ Абайя — пакидка из верблюжьей, козьей или овечьей шерсти с отверстиями для рук.

один из соляных столбов, у самого берега Мертвого моря, и есть тот самый, в который была обращена жена Лота, когда она оглянулась на горящие города. Люди часто помещают свои вымыслы в достоверную обстановку, но природа сама выявляет и раскрывает тайны человеческой фантазии.

Зеетцен обогнул Мертвое море далеко по восточной стороне и вышел к городу Эль-Караку, что на юго-востоке от Иерусалима. Если проследить путь Зеетцена по карте, то он окажется не так уж длинен — сегодня турист способен проехать его на машине за несколько часов. Но если учесть, что этот путь пройден в одиночестве и пешком и не по прямой, а с ежечасными отклонениями на восток и на запад, если знать, что опасности подстерегали его каждую минуту, если, несмотря ни на что, здесь было сделано немало научных открытий, то станет понятным, почему именно этот маршрут Зеетцена вызвал особенное восхищение ученых Европы.

Эль-Карак затерян меж скал, на которых громоздятся остатки замков крестоносцев. В нем всего 120 мусульманских семей да 70 христианских. Живут оседло, покидая городок лишь для выпаса скота — овец, коз, ослов. У каждого мужчины ружье и длинный кинжал дамаской стали. Зеетцен с удовольствием отдохнул здесь несколько дней. Гостеприимные хозяева кормили его местным блюдом — чечевичной похлебкой, заправленной пшеничной мукой и политой растительным маслом.

2 апреля Зеетцен вышел из Эль-Карак, с трудом перебрался через крутые склоны Гхор-эс-Сафия и, обойдя Мертвое море с юга, вышел к его западному берегу. По пути к Иерусалиму он миновал селение Бир-эс-Себа¹, а затем остановился в Хевроне — одном из древнейших поселений в Палестине. По-арабски оно называется Эль-Халиль, что означает «друг» — имеется в виду «друг бога». Им арабы считали Авраама, якобы похороненного здесь вместе со своей женой Саррой, сыном Исааком и внуком Иаковом. Во всяком случае, в годы правления императора Юстиниана над одной из пещер была возведена церковь и было объявлено, что пещера скрывает останки именно этих прародителей еврейского народа. Церковь выстояла в веках, крестоносцы обновили и перестроили ее. Но арабы превратили ее в мечеть — харам — и строжайшим образом запретили в нее вход всем «неверным». А потом родилась иная версия: будто бы Авраам похоронен в роце Мамре, недалеко отсюда, где стоит древний дуб, под которым ему было предсказано рождение Исаака. Зеетцена эти религиозные изыскания не волновали, и он куда с большим интересом осмотрел остатки крепостных укреплений на горе.

Когда-то, в начале нашей эры, в Хевроне был крупнейший на этих землях рынок. Античные авторы писали о том, как во II веке, после восстания Бар Кохбы, император Адриан продал здесь в рабство тысячи иудеев, захваченных в плен. Сейчас от прежнего торгового оживления города не осталось и следа.

¹ Ныне — Бээр-Шева.

Хозяин дома, в котором остановился Зеетцен, прослышал о намерении чужестранца после посещения Иерусалима идти дальше, через Синай в Египет, и вызвался послужить ему проводником. Однако человек этот не внушал Зеетцену доверия, и он резко отклонил его предложение.

Спустя несколько дней, 12 апреля 1806 года, Зеетцен прибыл в Иерусалим.

В КАМЕННОМ МЕШКЕ ИЕРУСАЛИМА

Зеетцен, так же как некогда Нибур, намеревался остановиться в одном из францисканских монастырей. Однако поначалу его даже не впустили туда. В рваной одежде, с длинной бородой он менее всего походил на цивилизованного европейца. Лишь после того как прокуратор монастыря Кlemente Перес проверил его паспорт, Зеетцену выделили келью на все время его пребывания в Иерусалиме и даже снабдили по просьбе, заключавшейся в рекомендательном письме, 500 пиастрами. Правда, определенную сумму Зеетцен был вынужден тотчас же вернуть в монастырскую казну — этого требовал устав от христиан, впервые посещавших «Гроб господень».

Зеетцен сразу же захотел получить сведения о городе, его окрестностях и о Мертвом море, на котором прокуратор, по слухам, бывал, но тот ничего интересного рассказать не смог. Тогда Зеетцен обратился к монахам и был разочарован вдвойне: они были так поглощены механическим выполнением каждодневной обрядности, так устали от житейских тягот, что не проявили никакого интереса к вопросам ученого европейца.

При монастыре Зеетцен обнаружил католическую школу для мальчиков-арабов. Он побывал у них на занятиях — преподавали им арабский язык, итальянский и латынь. Мальчики, как попугаи, бубнили латинские молитвы и плохо справлялись с арабским языком. В школе они оставались до двенадцати лет — пели в хоре, помогали монахам в службе и по хозяйству, а затем родители забирали их и отдавали учиться ремеслу.

Зеетцен посетил монастырские мастерские — столярные, плотничьи, а также кузницу, мельницу и пекарню.

Основными изделиями монастырских мастерских были четки, крестики, иконы с изображением Христа и богородицы, миниатюрные модели «Гроба господня». Эта продукция, не очень высокого качества, расходилась по всем странам и приносила монахам немалый доход. Никакого религиозного пыла Зеетцен у монахов не заметил и был немало этим удивлен. В столь священном месте, казалось ему, следовало бы иметь больше святости и благочестия. Сам он, будучи лютеранином, не признавал ни обрядности, ни монашества, но в обрядах других вероисповеданий видел проявление нравов и поэтому всегда интересовался ими.

Свой приезд в Иерусалим Зеетцен приурочил к пасхе, которая самым торжественным образом отмечается в православном храме

Воскресения. В страстную субботу он направился туда вместе с прокуратором и двумя переводчиками: среди местных восточных христиан не все говорят по-арабски, для многих из них родной язык — греческий или турецкий. При таком многоязычии толмач просто необходим. Одним из них оказался образованный левантиец, в прошлом капитан корабля; изрядно постранствовав по свету, он разочаровался в жизни, деньгах и женщинах и удалился в монастырь. В нем Зеетцен обрел к своему удовольствию прекрасного собеседника и проводника по здешним местам.

Сопровождал их в храм янычар. Каждый монастырь располагал янычарской охраной.

Прошло совсем немного лет с той поры, как здесь побывал Карстен Нибур, но как изменилось все вокруг! Храм облепили бесчисленные часовни, приделы, кельи. Христиане ютились вокруг пего по принципу: и в тесноте и в обиде. Ни купола, ни креста не было видно, и найти точку для обозрения оказалось невозможно, так как нельзя было ни обойти вокруг храма, ни отступить от него.

Впечатление сдавленности, зажатости усугублялось еще и обстановкой праздника, собравшего разноплеменную, разноязычную толпу, которая наводнила город. Проталкиваясь сквозь сутолоку людей и животных, Зеетцен старался охватить взглядом все детали: и дерево, специально посаженное при входе в храм так, чтобы сдерживать натиск толпы при открытии дверей, и галереи, богато украшенные лампадами и иконами, и турецких солдат, с плетками в руках по-хозяйски устанавливающих порядок. В храме царил неслыханный толчея, причем мусульман здесь было не меньше, чем христиан. Да и понятно: со своих янычары денег за вход не брали, и те толкались, прыгали, потешались; особенно они развеселились после службы, когда начали сами изображать воскресших покойников.

Зеетцен с трудом пробрался к месту на хорах, предназначенному для прокуратора. Если бы не его могущественный спутник, наш герой ничего бы и не увидел.

Службу отправляли не только православные священники, но и священнослужители других вероисповеданий. Смешение их парядов создавало живописную картину. Греки в черных длинных одеждах. Армянские священники в золотых рясах и красных митрах. Сирийский епископ в черном клобуке. Католические священники в сверкающих золотом стихарях. И здесь же янычары в красных фесках, в широких шароварах и куцых жилетках, размахивающие плетками вместо кадил и стучащие для порядка алебардами. Грязные, оборванные паломники, серой массой устилающие пол храма. Необыкновенный контраст золота и лохмотьев, роскоши и нищеты, света и тени.

Да, перед Зеетценом Иерусалим, в частности храм Воскресения, предстал уже не таким, каким его видел Нибур. Но и то, что застал Зеетцен, не увидит никто из европейцев: во время пожара 1808 года сгорят кедровые стропила храма, разобьются в куски

мрамор и яшма двухъярусной галереи, погибнет богатое убранство и рухнет расписной купол. Так что последующим поколениям паломников и путешественников достанутся лишь обгорелая кровля, трещины в куполе да несмываемая гарь на стенах...

Началась заутреня. Греческие монахи, пропев ритуальные песнопения, спустились с хоров и совершили крестный ход, или, как это называл Зеетцен, «процессию священного огня», трижды обойдя вокруг часовни, где находился «Гроб господень». Во главе процессии шли двенадцать священнослужителей с хоругвями, затем двадцать диаконов пронесли канделябры со свечами, за ними последовал патриарх во всем своем богатом облачении и в митре. Далее валила беспорядочная толпа богомольцев, цепляющихся друг за друга.

У входа в часовню «Гроба господня» все замерли. Наступил самый торжественный момент: патриарх должен обрести священный огонь, якобы падающий с неба. Верующие в смятении — а вдруг свет не появится? — начинают неистово молиться. Волнение охватило и Зеетцена. Только что прокуратор сказал ему, что недоверчивые мусульмане перед входом иногда обыскивают патриарха и священников: не проносят ли они огонь с собой потихоньку снаружи. Темно, темно, темно... Звучат слова молитвы. И вдруг тысячеголосый ликующий крик взлетает под купол храма — это в глубине пещеры среди беспросветной темноты вспыхнул огонь. Патриарх поднимает зажженную свечу, и все стоящие вокруг кидаются к нему, пучками протягивают свечи, зажигают их и передают соседям. Мерцание свечей множится, и вот уже весь храм залит пламенем тысяч свечей и лампадок.

После православной службы почти такие же шествие и молебны совершили григорианские, коптские и сирийские священники. И лишь потом ко «Гробу господню» допустили паломников. Налыв молящихся был настолько велик, что Зеетцену, несмотря на высокое покровительство, так и не удалось пробраться внутрь часовни.

В отличие от времен Нибура храм не был постоянно закрыт. Хотя янычары по-прежнему сидели в притворе, охраняя вход, они и молящихся впускали, и монахов выпускали чаще, чем сорок лет назад. В обычные, не праздничные дни можно было видеть в полумраке среди колонн мерцание свечей, слышать молитвы, хвалы и стенания, ощущать смешанный запах ладана и дыма от лампад и свечей. Паломники целовали камни, ступени, а монахи, принадлежащие к разным церквам — православной, католической, коптской, сирийской и григорианской, ревниво охраняли иконы, лампы и подсвечники своих часовен и приглядывали за тем, чтобы молящиеся ненароком не запустили руку в тарелку с пожертвованиями.

Зеетцен попытался узнать, какова численность населения города. Но данные были противоречивы. Прокуратор Клементе Перес дал такие сведения: мусульман — 4000, иудеев — 2000, православных — 1400, католиков — 800, армян-григориан — 50, коп-

тов — 50, эфиопов — 13, сирийцев — 11. Из других источников он узнал иную цифру — 12 тыс. человек. Проверить он не мог, так как если в праздники улицы были забиты тысячами людей, то в обычные дни город казался пустынным.

По сравнению со временем, когда в Иерусалиме находился Нибур, населения в городе прибавилось, возросло и количество нищих, калек, больных. На улице можно было встретить даже прожженного.

Помимо двух францисканских монастырей Зеетцен насчитал в Иерусалиме пятнадцать мечетей, пять синагог, два армянских монастыря, девять православных мужских и пять женских монастырей (из них два специально для вдовиц). Маленькие монастыри были и у коптов, и у яковитов, и у эфиопов.

Все монастыри продолжали враждовать друг с другом. С конца XVIII века эта вражда усугубилась из-за соперничества европейских держав в борьбе за покровительство «святым местам». Так что теперь распри происходили не только между различными вероисповеданиями, но и между представителями разных стран и национальностей.

Когда идет служба во францисканском монастыре, никого из некатоликов на нее не допускают. Столь же скрытно проводится богослужение в православных монастырях — как Зеетцен слышал, самых богатых в городе. Зато в армянский монастырь волен прийти любой христианин. Зеетцен этим незамедлительно воспользовался и стал свидетелем еще одного красочного зрелища. Помещение церкви, обитое шелком, заставленное сотнями свечей, ломилось от золотой и серебряной утвари. Монахи, казалось, сгибались под тяжестью златотканых нарядов.

К мечетям не подступиться. У одной из них явно поврежден купол. Монахи сказали ему, что это молния ударила в мечеть и сбросила ее верхушку вниз. Значит, и «святые места» подвержены неожиданным капризам природы. А католики утверждают, что с «Гробом господним» такая беда никогда бы не могла случиться. Будто бы природе не все равно...

Из францисканского монастыря открывался живописный вид на Масличную гору. Зеетцен устремился туда, но тут его постигло жестокое разочарование. Безжизненные скалы кольцом охватывали город, держали его в плену. «Не выпустим, не отдадим», — словно кричали боги, цари и пророки. Иосафатова долина, издали представляющаяся зеленой, когда Зеетцен спустился в нее, оказалась скопищем могильных плит. Как и Нибур, он увидел одни надгробия — иудейские, христианские, мусульманские. Они соседствуют друг с другом столь же равнодушно, как кресты и минареты в городе. При виде развалившихся гробниц, не прикрытых даже кустарником, его охватил страх. Чувство обреченности, земной тщеты придавило мнительного и нервного европейца. Он бежал от этого скопища мертвецов в город, но не получил облегчения. От нависших над улицами сводов здесь царили вечные сумерки. В жаркий день Зеетцена бил озноб, по вечерам в холодной

келье становилось нестерпимо душно. Крики птиц и лай собак, разносившиеся по Иосафатовой долине, преследовали его даже за толстой монастырской стеной.

Каменные стены, каменные плиты на могилах, затхлая келья — все это казалось ему каменным мешком, склепом, гробницей, в которой навсегда погребен он, Ульрих Яспер Зеетцен, пруссака, полный жизни и надежд ученый и путешественник. Ему хотелось вырваться на волю, бежать отсюда под чистое небо, увидеть яркие звезды, почувствовать быстролетный ветер пустыни. Как и Нибур, он понимал, что в Иерусалиме то, что покрыто неизвестностью, так пока неизвестным и останется — здесь не добиться толку, не узнать не только о далеком прошлом, но и о том, что происходит сегодня. Но если для Нибура Иерусалимом путешествие завершалось, то у Зеетцена все еще было впереди — Мекка, Южная Аравия и, наконец, Африка, — поэтому он сгорал от нетерпения. «Нигде еще я не испытывал такого страстного желания уехать, как в Иерусалиме, — записывает он в своем дневнике 25 мая 1806 года. — Мое пребывание здесь за последние дни стало таким отвратительным, что я бы погиб от ужаса и тоски, если бы вынужден был провести здесь еще несколько недель». Тем не менее проходили недели, а он не двигался с места, ибо никак не мог получить по векселю крупную сумму у одного из негоциантов в Акко.

Как раз в этот момент в Иерусалим пришли долгожданные письма и деньги от брата и от герцога Готы. Герцог высказал желание, чтобы Зеетцен исследовал все берега Мертвого моря и прислал о том подробный отчет. Пожелание было как нельзя более кстати. Он и сам понимал, что его первого прохода по Иордану далеко не достаточно для серьезного изучения этого края. Каких только басен и сказок не распространяли о Мертвом море! Одни с ужасом говорили о его безжизненности, другие воспевали его берега как цветущий край. В Библии пророк Моисей вещал народу: бог ведет «тебя в землю добрую, в землю, где потоки вод, источники и озера выходят из долин и гор, в землю, [где] пшеница, ячмень, виноградные лозы, смоковницы и гранатовые деревья, в землю, где масличные деревья и мед, в землю, в которой без скудости будешь есть хлеб твой и ни в чем не будешь иметь недостатка...» Страбон и Тацит тоже писали о плодородии Палестины. А что видел он, Зеетцен? Известняк и базальт? Стоило ли древним народам искать в этих краях землю обетованную, стоило ли веками воевать за обладание ею?

Зеетцен просмотрел свои записи и остался недоволен. Ведь самого Мертвого моря он не видел. Теперь надо было узнать, что же скрывается за этим жутким названием — Мертвое. Во всяком случае, там ждет его природа, какова бы она ни была, а не скелеты и черепа Иерусалима.

Но полностью лишаться относительного комфорта францискапского монастыря было рискованно, и, решив покинуть монастырь, он оставляет за собой возможность вернуться сюда для отдыха.

Иначе говоря, поступает так же, как поступал в Смирне или Дамаске. И Зеетцей начинает сборы для путешествия к берегам Мертвого моря.

ВОКРУГ МЕРТВОГО МОРЯ

Францисканцы изо всех сил отговаривали Зеетцена от опасного предприятия. То, что ему однажды удалось благополучно пройти через те края, была милость божья. Но не надо искушать господу еще раз. «Чего они боятся? — думал Зеетцен. — Того, что живые наблюдения европейского ученого разрушат их мертвые сказки? Или того, что арабы нападут на меня? Хорошо, если убьют сразу, а то вдруг станут требовать выкуп у благочестивых монахов?!» Его решение было твердо. Он пытался, в свою очередь, убедить обитателей монастыря, а может быть, вместе с ними и себя самого в безопасности путешествия.

— Ну, подумайте, — говорил он, — пристало ли мне бояться трудностей здесь, если я скоро отправлюсь в очень далекие страны навстречу куда бóльшим опасностям? Испугайся я сейчас, что же тогда будет в глубинных районах Аравии и Африки? Пусть это путешествие научит меня преодолевать опасности и лишения.

На божью милость, надо сказать, он не слишком уповал.

Монахи не отпускали его без проводника — да и в самом деле отправиться в неизвестные места одному означало бы верную смерть, — а проводника он никак не мог найти ни среди мусульман, ни среди христиан.

Слух об этом распространился по всей округе. Однажды, когда Зеетцен вдали от монастыря собирал растения для своей коллекции, к нему подошел молодой бедуин и тихо спросил:

— Не вы ли тот господин, что собирается объехать вокруг Мертвого моря?

— Полагаю, что я, — радостно ответил Зеетцен, рассчитывая, что бедуин предложит ему свои услуги.

— Арабы убьют вас! — вдруг выпалил тот злобно.

— Арабы никого не убивают, — спокойно ответил Зеетцен. — Я уже был в Эс-Салте и Эль-Караке.

Мимо проходило несколько мусульман. Бедуин бросился к ним и, показывая на Зеетцена пальцем, закричал:

— Смотрите! Смотрите на него! Проклятый! Свинья! Свинья!

Зеетцен повернулся к арабам спиной и сделал вид, что не слышит оскорблений. Но этот крик еще долго стоял у него в ушах.

Наконец один из жителей Бейт-Лакха (Вифлеема), по имени Бутрус, вызвался сопровождать европейца. При этом он похвастался, что был на Мертвом море повсюду и даже знает место, где асфальт бьет из горы, как масло, и застывает твердой корою. Зеетцен по глазам видел, что тот врет, ибо убежден: проверить его невозможно. Бутрус сказал, что у него есть две лошади и он готов тут же погрузить на них провиант и другую поклажу, но по-

требовал панять ему в помощь еще трех человек. А где их было найти? Едва только узнавали, что надо идти на восточный берег Мертвого моря, сразу отказывались. У них, мол, кровная вражда с племенами, которые обитают на восточном берегу. Пришлось для начала договориться с двумя погонщиками лишь о маршруте к западному берегу. В момент отправления 13 декабря 1806 года лошади превратились в мулов, а вскоре и вовсе остались мул и один погонщик. На первой же стоянке прибавился второй погонщик, потом еще двое, затем все четверо исчезли, вскоре снова появились, так что Зеетцен мог рассчитывать на постоянство одного только Бутруса.

Чем ближе к Мертвому морю, тем каменистее становилась дорога, мрачнее ландшафт. Кое-где виднелись остатки разрушенных монастырей. С гор то и дело доносился раскатистый гул. Это падали вниз огромные валуны. Время от времени проводники кидались целовать некоторые камни, лежавшие у дороги. Оказывается, такими камнями бедуины отмечали могилы своих соплеменников, и прохожие должны были отдавать им дань памяти и почитания. Подъем становился все круче. Зеетцен спешил, но мулу все равно было трудно взбираться вверх. «А как же по этим склонам местные жители ходят к морю за солью?» — думал Зеетцен. Наконец они вступили на вершину горы Айн-Джидди. С нее открылся вид на Мертвое море.

Мертвое море — это самая глубокая впадина Земли, расположенная почти на 400 метров ниже уровня моря в долине Эль-Гхор. Как только его не называли! Библейские пророки — Соленым, Восточным, Морем равнины, греки и римляне — Асфальтовым, арабы — Бахр-Лут, что означает «Море Лота», или Бухайрат-Лут, то есть «Озеро Лота», ибо, по преданию, здесь обитал племянник Авраама — Лот, спасенный ангелами при уничтожении Содомы и Гоморры. Арабы, пожалуй, были ближе всех к истине: Зеетцен уже знал, что Мертвое море — никакое вовсе и не море, а бессточное озеро.

Сквозь туман виднелись горы на противоположной, восточной стороне — хребты Эль-Белка и Эль-Карак, черные, местами красноватые, неприветливые, со склонами, рассеченными пещерами и расщелинами, похожими на пропасти. У подножия Айн-Джидди поблескивали горные источники. Вокруг них образовались маленькие оазисы — несколько деревьев, трава, камыши, — так странно выглядевшие среди этого мрачного пейзажа. «Однако, — продолжал размышлять Зеетцен, — если бы бедуины хотели, они могли бы обработать и засеять эти участки земли». А вот яблони. Зеетцен протянул руку и сорвал спелый плод. Но что это? Внутри вместо аппетитной мякоти — одна труха. Бутрус объясняет: здесь все яблоки такие. Иные — с голову ребенка и прекрасны на вид, но с настоящими ничего общего не имеют.

Так вот она, разгадка таинственного «содомского яблока» из Библии! Никакой тайны нет. Природа опять все сама показала и объяснила. Впоследствии Зеетцен напишет об этих «яблоках» це-

лый трактат, а сейчас оп лихорадочно пополняет свою коллекцию. Лимоны здесь совсем иные, чем в Европе. Это желтые плоды величиной со сливу, растущие на колючем кустарнике. Под тонкой гладкой кожурой кислая мякоть, густо наполненная косточками. Здешние бедуины называют этот плод «сакран», что означает «пьяный».

Запахло серой. Путники вышли на узкую полосу берега. Мертвое море показалось Зеетцену спокойным и ясным, как и все моря. Напрасно религиозные сказки пытаются представить его черным. Конечно, прибрежные темные скалы затеняют его, но отражается в нем и синее небо.

В этом овеянном невероятными слухами мире Зеетцену очень важно было обнаружить любую растительность. Но ее и впрямь не видно ни по берегам, ни в воде. Хоть бы раковину найти или сервать водоросль, но их нет. Тяжелые, свинцовые воды неподвижны. Михаэлис говорил, что в Мертвом море почему-то не водится рыба. Теперь Зеетцен понимает почему. В его водах нет корма, и, если бы даже рыбу попытались разводить, она не смогла бы ни жить, ни размножаться. «Без пищи не может существовать ни одно насекомое, ни один червяк,— думает Зеетцен.— А отсутствие фауны придает стоячей воде еще большую неподвижность, это тоже понятно». Зеетцен берет пробы воды, горько-соленой на вкус. По этим пробам в Европе потом впервые узнают, что в состав воды Мертвого моря входят соли брома, калия, магния, хлора, кальция, натрия. «Странно, Иордан приносит в море пресную воду, а здесь такая большая соленость»,— рассуждает Зеетцен. Видимо, очень велико поверхностное испарение. К тому же с юга к морю подступают соляные горы. Размывая их, море беспрерывно пополняет свои соляные запасы.

Вот так и случилось, что вода здесь не приносит облегчения, не содержит живительной силы, а внушает страх и отвращение. Пребывание на Мертвом море считалось губительным: у человека якобы слезала кожа, он покрывался язвами, распухал, задыхался. В наши дни человечество умеет использовать своеобразие природы, и соли Мертвого моря признаны целебными. Зеетцен, разумеется, этого не знал и, приближаясь к морю, испытывал тягостное, неприятное чувство.

Бутрус предложил устроить привал. Трое проводников разожгли из сухих веток костер, замесили тесто из муки с водой, причем соль взяли прямо тут же, из моря, и испекли лепешки в палец толщиной. Полив лепешки маслом и посыпав виноградным сахаром, Бутрус бросил их прямо на овечью шкуру, расстеленную на земле мездрой вверх. Зеетцену казалось, что никогда он еще не ел с таким аппетитом.

Затем побрели по берегу, сплошь заваленному камнями. Из расщелины выскочил заяц. Пробежала ящерица — Зеетцен успел схватить ее. Взлетел коршун, напуганный шагами путников. Легкими прыжками промчалась газель. Значит, не совсем пустыньны эти берега.

И вдруг спутники Зеетцена молча бросились врассыпную. Один только Бутрус крикнул, оглянувшись:

— Эй, беги!

Зеетцен хватил мула плеткой, но тот не двинулся с места. Сзади и сбоку слышались крики, топот ног. Тогда Зеетцен тоже побежал, сбивая поги до крови и задыхаясь. Руку его оттягивал мешок с минералами и растениями, а длинные шаровары застревали меж камней. Лишь почувствовав чье-то дыхание у своего плеча и услышав грозный окрик, он остановился. Рядом стоял негр с ружьем в руках.

— Снимай все,— приказал он и сам стал грубо срывать с Зеетцена одежду.

В это время подбежали другие — негры и арабы, деловито вернули у него карманы, в которые он предусмотрительно не положил денег, расплатившись с Бутрусом заранее, в Иерусалиме. Зеетцен разделся почти догола и сел в сторонке, ожидая, что будет дальше. Несколько человек бросились вдогонку за Бутрусом и проводниками. Негр стал раскладывать все имущество Зеетцена на две кучки. В одну — одежду, часы, тюрбан, в другую — камни, растения, ящерицу, записи.

— Это мы оставим тебе,— проговорил он наконец, показывая на вторую кучку,— а вот во что же теперь тебя одевать?

Издали раздался крик:

— Остановитесь! Подождите! Здесь наш друг и знакомый!

Через несколько минут и преследователи — а их было человек семьдесят — и преследуемые вернулись все вместе дружной толпой. Выяснилось, что проводник по имени Хамдан оказался знакомым одного из бедуинов, и грабители мгновенно превратились в защитников и лучших друзей.

Подошел их предводитель — здоровый, крепкий араб средних лет — шейх Ахмед. Он и одет был получше, и держался с достоинством. Все почтительно расступились. Он улыбнулся, увидев полуголового европейца, оглядел его вещи. Первую кучку уже растащили.

— Верните сейчас же все этому человеку! — приказал он.— А ты,— добавил он, обращаясь к Зеетцену,— скажи мне, что у тебя пропало.

И тогда бедуины кинулись обыскивать друг друга. При этом они приговаривали:

— Ну ты, приятель! Отдай, что взял! Подумай об Аллахе и Мухаммеде, пророке его, и отдай!

Постепенно Зеетцену вернули все вещи, включая часы, и началось знакомство, почти братание. Оказалось, это бедуины из племени бени хатем. Название этого племени произошло, видимо, от имени легендарного бедуинского героя Хатема Аттая, известного своей необычайной щедростью. Одно из преданий гласит о том, как Хатем Аттай, для того чтобы накормить детей всего племени, хотел убить собственного ребенка, но затем прирезал своего любимого коня.

Бедуины из племени бени хатем считают себя хозяевами зе-

мель, расположенных вокруг монастыря Мар Саба и в долине Эль-Гхор. Предводителя их зовут шейх Ахмед ибн Наср. С соседним племенем бени курейш у них кровная вражда из-за того, что те воруют у них скот. Заодно они сами грабят всех, кто попадает здесь из чужих. Не окажись в окружении Зеетцена их знакомого, неизвестно еще, чем бы закончилась эта встреча. Одеты они в длинные белые рубахи, подпоясанные ремнем, ходят босиком. Лишь у некоторых на плечи накинуты абайи и к ногам подвязаны подошвы. В племени много негров. Питаются они плохо, хлеб пекут сами, и Бутрус отсыпал им немного муки и табаку из своих запасов. Так что разошлись друзьями.

Это происшествие навело Зеетцена на мысль о том, что в Европе подобные встречи куда опаснее, хотя там много полиции и грабителям грозит суровое наказание. Впрочем, может быть, как раз поэтому и опаснее. Там чаще всего убивают, чтобы не быть узнаемыми и избежать наказания. Бедуины же здесь хозяева, и им ничто не угрожает. Грабят они от бедности, а убить способны лишь из чувства мести или для самозащиты. Когда Бутрус попытался от страха выхватить кинжал, один из негров так стукнул его по руке, что она до сих пор болит. «Значит, — сделал вывод Зеетцен, — путешественник в случае нападения ни в коем случае не должен сопротивляться. Просто не надо брать с собой вещей, которые было бы жаль потерять или невозможно восстановить. Ведь они даже собирались мне вернуть мои записи, коллекции, а возможно, и часть одежды».

В молчании шли дальше по дикому, безлюдному берегу. Бутрусу и проводникам явно было стыдно за свое бегство, они не знали, как вести себя. Темнело. Внезапно пошел сильный дождь. Они едва успели добежать до ближайшей пещеры. А через минуту туда же ввалились и их недавние преследователи — шейх Ахмед со своими бедуинами. Потоки воды, льющиеся со скалы, образовали как бы стену, отделявшую обитателей пещеры от остального мира. Сквозь плотную водную завесу пламенели вспышки молний. Удары грома гулким эхом проносились по скалам. «Преисподняя, да и только! — подумал Зеетцен. — В Европе в такие минуты люди испытывают страх, а эти вон как развеселились!» И в самом деле, бедуины каждый удар грома сопровождали взрывом дикого смеха. Они привыкли жить в самой неприятельной обстановке, привыкли ко всему, что пугало бы европейца. Вот и здесь зажгли светильники, а когда дождь затих, развели костер, стали печь хлеб и жарить мясо. Ахмед был весел, разговорчив и заботливо охранял Зеетцена от приставаний бедуинов. Подчинялись ему беспрекословно. Когда же он послал одного из негров за водой наружу, а тот, видимо оступившись, вдруг вскрикнул от боли, Ахмед в секунду разделся догола и выскочил к нему на помощь. Всю ночь в пещере никто не спал, и назавтра Зеетцен чувствовал себя разбитым и уставшим.

Рано утром двинулись дальше. Снова острые камни раппли ноги, иногда дорогу преграждали огромные валуны, а иногда —

заросли тростника и тамариска. Зеетцен собирал образцы соли, серы, наполнял пробирки водой из моря. Ахмед говорил, что на пути будет много пресных источников. Их не оказалось ни одного. Зеетцен, мучимый жаждой, становился на колени и слизывал последние капли, оставшиеся после дождя в руслах маленьких вад, высухавших у него на глазах. «Не надо никому верить, — ворчал он про себя. — Всегда при любой возможности надо наполнять водой бурдюк».

К вечеру они вступили в цветущую долину, орошаемую Иорданом и его притоками. Это ее воспел в своих сочинениях Иосиф Флавий. Через вад Килд перекинут акведук из пяти арок. Посевы пшеницы, ячменя, чечевицы чередуются с фруктовыми садами и рощами оливковых деревьев. Пасутся верблюды, овцы. Здесь расположились бедуины племени бени хатем. Ахмед привел Зеетцена к своему отцу — главному шейху племени. Ему лет шестьдесят, и одет он иначе, чем остальные: в теплой красной накидке, на голове белая повязка, на ногах шерстяные гамаши и башмаки. Основное занятие шейха — взыскивать дань с проходящих по этим землям паломников. Зеетцен был его гостем, и он, как и положено на Востоке, посадил его рядом с собой и стал потчевать изысканным блюдом из пшеницы и ячменя с маслом. Хотел было зарезать барашка, но Зеетцен этому воспротивился. Ахмед рассказал отцу, как они напали на франка, как раздели его и как потом обнаружили среди его проводников своего «брата». Присутствие потерпевших несколько не смущало его. «Он докладывает о своих похождениях, словно европейский капитан генералу о военных маневрах», — подумал Зеетцен.

Подшли и другие гости — из соседнего племени бени адван, с которым племя бени хатем связано узами братства и дружбы. Без музыки в арабском мире не обходится ни одно празднество. Зазвучала гина — песня, возникшая на заре ислама. Затем защелкали бедуинские палочки — кадибы, а вот послышался и звук ребаба. Гости запели касиду — арабскую оду. Но особенно старался сын шейха, красивый мальчик лет десяти, с нежным, приятным голосом и необыкновенно музыкальный. Зеетцену взгрустнулось, и он задумался о судьбе талантливых детей. «Вот Моцарт так рано проявил себя в музыке и стал знаменит, а что уготовано этому ребенку?»

На следующий день, когда стали собираться в дорогу, старый шейх вспомнил о своих правах и потребовал дани, или, как ее здесь называют, «каффара». Зеетцен никак этого не ожидал, да и денег у него с собой не было.

— Я не знал, почтенный шейх, что франки платят каффара. И, кроме того, Бутрус получил за свой труд определенную сумму. Если он готов что-нибудь уделить вам, я не буду против.

Но Бутрус ничего не собирался уделить шейху и вступил с ним в отчаянную перепалку.

— Вы живете здесь на нашей перусалимской земле и еще денег требуете! — кричал он,

— Конечно, живем,— спокойно отвечал шейх.— И распоряжаемся здесь мы. В своем доме я вас не трону, но едва вы его покинете, мы можем взять у вас все, что захотим. Это наше право.

Насилу Зеетцен уговорил Бутруса расстаться с несколькими паистрами, пообещав в Иерусалиме возместить потерю.

К западу от долины Иордана, в его нижнем течении, расположено селение Эриха — библейский Иерихон. Когда-то он был окружен могучими стенами, теми самыми, что, по преданию, рухнули от звука труб Иисуса Навина. В этом городе жили пророки Елсей и Илия, оставившие его описания, затем римский полководец Марк Антоний подарил его египетской царице Клеопатре, а она продала его царю Иудеи Ироду Великому. Город был разрушен императором Веспасианом и заново отстроен Адрианом. А теперь лишь остатки стен двухметровой толщины, развалины башен и глубокий ров напоминают о былых укреплениях Иерихона. Вокруг турецкой крепости раскинулась дюжина арабских лачуг из обожженного кирпича, да немного поодаль стоят бедуинские шатры. Здесь обычно останавливаются на отдых паломники. Среди развалин Зеетцен к своему удовольствию обнаружил легендарную иерихонскую розу — невысокий кустарник с мелкими листьями и цветами. Люди верили, что, если эту розу высушить и положить в воду, она оживет, и поэтому приписывали ей чудодейственные свойства. Зеетцен внимательно изучил цветок. В жару и при сухой погоде он складывает свои лепестки, а от влаги действительно раскрывается, что и родило ему такую славу. После вызревания соцветие превращается в шарик, который, упав на землю, может очень долго валяться, и лишь в сырую погоду семена из него высыплются и прорастают. Нашел Зеетцен здесь и некоторые другие неведомые европейцам растения, которые украсили его ботаническую коллекцию.

Но все это очень мало для города, который воспет в истории как город пальмовых рощ. Ведь именно так пишут о нем и Библия и Страбон, а на иудейских монетах времен Маккавеев пальма чеканилась как эмблема этих земель. Библия перечисляет на «земле обетованной» кроме пальм 250 названий растений. А что осталось сейчас? Никаких пальм Зеетцен не обнаружил, равно как ни бальзамовых деревьев, ни фисташковых, ни индиго. Все погибло, все вытоптано, выжжено, уничтожено войнами и нерадивыми хозяевами.

Иерихон — один из самых древних городов на земле. В результате последних археологических раскопок ученые отнесли возникновение города ни много ни мало как к седьмому тысячелетию до нашей эры, то есть к эпохе неолита!

Из Иерихона в Иерусалим дорога ведет через пустыню. Зеетцен захотел обогнуть эту пустыню и вернуться в Иерусалим с юга. Это вызвало бурный протест проводников. Они стали громко ругаться, требовать у Зеетцена хлеба и табака, которых, как они знали, у него не было, и даже угрожать. Но он, давно разобравшийся в характере своих спутников, спокойно протянул им две гс

ловки лука, оставшиеся в его мешке еще с Дамаска. И вот он уже снова их лучший друг и «брат».

— Ты наш благодетель, ты не должен сердиться на нас,— сказали они ему.— Сейчас мы поведем тебя на священную гору.

И повели в затерянное среди Иудейских гор место паломничества мусульман — Наби Муса, маленькую мечеть, окруженную стеной с башней при входе. Даже пригласили войти в мечеть, только предварительно велели разуться. Они верили, что здесь погребен пророк Моисей.

Зеетцен осмотрелся по сторонам. Посредине мечети стояло надгробие, украшенное зелеными ветками, на железной решетке оконца развешаны пестрые лоскуты — так мусульмане всего мира чтят могилы своих святых. Зеетцен понял, что находится в местности, о которой писал Антон Фридрих Бюшинг. Здесь, в скалах, есть выходы горной породы, которую местные жители называют «хаджар Муса», то есть «камни Моисея». Когда же Зеетцен углубился в горы, он и в самом деле нашел залежи горючих сланцев. Если потереть эти камни, они издадут неприятный запах, а зажечь — хорошо горят. Наверно, это и есть «хаджар Муса», подумал он.

Пройдя по маршруту, который он выбрал сам, Зеетцен осмотрел все, что хотел,— монастырь Мар Саба, деревушки Эль-Азхария и Сальван, определил расположение других мест, неизвестных доколе европейцам.

В Иерусалиме Бутрус и проводники довели Зеетцена до самой его кельи во французском монастыре и попросили на прощание сверх обещанных денег лишь бутылку брантвейна, которую тут же и распили потихоньку, ибо употреблять спиртное — грех: Аллаха не велит.

Монахи были обрадованы, увидев Зеетцена живым и невредимым, но огорчились, когда он объявил им, что через несколько дней отправится дальше, на восточный берег Мертвого моря, что, по слухам, весьма опасно.

В течение уже нескольких лет в первые дни нового года Зеетцен ощущал странное, почти болезненное ухудшение настроения. Вот и на этот раз 1 января 1807 года его охватила безумная тоска. Из кельи он почти не выходил, ничем серьезным заниматься не мог — из-под пера лились слова жалкие, унылые, тревожные.

«Вот и опять Новый год! — писал он.— А я все еще в Палестине и так мало продвинулся к цели своего путешествия! Достигну ли я в этом году Счастливой Аравии, где столько интересных вещей ждет меня, дабы удовлетворить мою любознательность и жажду знаний? Как мало нам известно о будущем! Слово слепые, бредем мы ему навстречу. И узнаем о нем лишь тогда, когда оно становится нашим настоящим или нашим прошлым. Столько планов занимает меня, удастся ли мне когда-нибудь их осуществить?.. Свое путешествие вокруг Мертвого моря я совершил лишь частично, а самый трудный, хотя и неизвестный и потому самый интересный путь я до сих пор не имел возможности проделать. Хоть бы

этот год оказался счастливее для меня! Погода для этого сезона стоит прекрасная. Пусть это станет добрым предзнаменованием!..»

Нет, он не должен поддаваться на уговоры монахов, пора продолжать путешествие. Только теперь он решил действовать по-иному. Прежде всего удобнее оделся — в бюшт, рубаху из грубой шерстяной ткани с длинными рукавами. Взял с собой кофе и табак побольше и нанял лишь одного погонщика-мусульманина с мулом. Довольный собой, он сделал в дневнике несвойственную ему запись: «Храбрым улыбается счастье!» И 5 января 1807 года пошел в долину Эль-Гхор, к месту, где обитают бедуины племени бени хатем.

Шейх Ахмед встретил его как родного. Когда же Зеетцен вынул из мешка табак и кофе и щедро роздал это богатство всем знакомым бедуинам, восторгу не было конца.

— Когда к человеку отнесешься по-доброму,— воскликнул Ахмед,— он тебе всегда тем же отплатит! Аллах еще неизвестно, а человек всегда отплатит.

— Теперь ты, франк, ничего не бойся,— вторил Ахмеду негр, тот самый, что не так давно раздевал Зеетцена на берегу Мертвого моря,— ты наш друг, тебя никто не тронет!

Тогда Зеетцен изложил Ахмеду свой план: ему нужно осмотреть восточный берег Мертвого моря, и лучшего проводника и спутника, чем сам Ахмед, он себе и представить не может. Заплатит он за это, разумеется, прилично, но только после окончания путешествия, в Иерусалиме.

Ахмед долго не раздумывал.

— Хорошо, хорошо, друг, обязательно осмотрим все, что ты хочешь, только сначала будь гостем, поживи у меня немного. Завтра у нас какой день? Среда? Уходить в дальнюю дорогу в среду — плохая примета!

Пришлось остаться. В тот день он долго гулял по долине один и удивлялся, что никто на него не нападает. Возможно, вводили в заблуждение его одежда и длинная борода, а возможно, бедуины уже знали о странном госте Ахмеда.

Подножия скал, нависших над долиной, усеяны гротами. Зеетцен обнаружил развалины христианского монастыря, наполовину скрытого в естественной пещере. В нем остатки церкви, кухни, цистерны для воды — все служит сейчас обиталищем для диких голубей, стаям взметнувшихся вверх при его появлении. Потом он узнал, что с этим уединенным местом тоже связана легенда: якобы именно здесь соблюдал сорокадневный пост Христос. Вот почему сюда до сих пор приходят паломники. Поистине здесь шага не ступишь без библейских сказаний!

Окрестности Иерихона отсюда видны были отлично, и Зеетцен воспользовался удачным случаем, чтобы беспрепятственно начертить карту. При этом он подумал: вот куда надо было отправляться Нибуру за уточнением Священного писания, а вовсе не на юг Аравийского полуострова.

Ахмед, хоть и был шейхом, жил очень скромно. Шатер его,

как и у всех, был сделан из ткани, пятапутой на шесты и колья, и состоял из двух половин, отделенных друг от друга куском такой же ткани: мужской половины и гарема. Впрочем, слово «гарем» не имеет ничего общего с тем термином, к какому привыкли мы, уважаемый читатель. В мусульманском мире это просто жепская половина жилища, царство хозяйственной утвари — корзин, котлов, кувшиппов, бурдюков — и склад провипанта. Здесь же обычно располагается на ночлег и все семейство. Особенно важно это зимой, когда в гареме можно развести огонь. «Следует родиться бедупном, чтобы находить удобным подобное жилище», — подумал Зеетцен, разглядывая незамысловатое убранство шатров — паласы, подушки, оружие, сбрую. Но и такое жилище, как ему объяснил Ахмед, стоит дорого — 300 ппастров, а прослужить может не больше пяти лет. За такие деньги можно было бы поставить крепкий каменный дом, но это не для бедупна. Настает весна, кочевье снимется с места и отправится на горные пастбища.

Пицца здесь тоже незатейлива. Хлеб печется из дурры, замешанной на верблюьем молоке с маслом. А если этот хлеб размочить в воде, то получается новое блюдо, достаточно густое, чтобы есть его пальцами. И гостю кладут еду тоже пальцами — это считается особенно почетным.

На ночь Зеетцена уложили вместе со всеми на помосте, сделанном у задней стены гарема. Ахмед, несколько не стесняясь, разделся догола, остальные улеглись в том, в чем ходили днем.

Зеетцен долго не мог заснуть. Совсем недалеко всхлипывали шакалы, им втирал лай собак, сторожащих стада.

Проснувшись утром, он обнаружил, что, несмотря на помост, лежит в воде, залившей ночью всю долину.

— Видишь, какая погода? — сказал Ахмед. — Или хочешь опять в пещере сидеть, как шакал? Никуда мы не пойдем. Живи у меня.

Зеетцен не жалел об этой выпужденной остановке. Наконец-то он получил возможность познакомиться с бытом и нравами бедупнов, которых так боялся прежде.

У Ахмеда красивая жена по имени Фудда, что значит «серебро», сын и три дочери. Фудда зимой и летом носит одну и ту же длинную голубую рубашку, подпоясанную шнуром, и только в сильный дождь, когда выходит за водой или за топливом, накидывает на себя абайю. Голова у нее всегда покрыта голубым платком. Сын Ахмеда и Фудды, Мухаммед, ходит в лохмотьях, почти голый, все время проводит на пастбище с двумя верблюдами Ахмеда. Девочек одевают куда тщательнее — невесты растут! Фудда целый день хлопочет по хозяйству — мелет зерно, разводит огонь, печет хлеб, таскает воду, кормит животных, а Ахмед никогда не помогает, хотя и трогательно ласков с нею.

Зеетцен обратил внимание на то, что у большинства бедупнов большие глаза. Для этого здесь немало причин — повсеместная грязь, дым, застилающий шатры, ветры, продувающие все вокруг. Распространена здесь и еще одна болезнь — гноящиеся язвы на

коже, причем только у негров. Ни у одного араба Зеетцен этого кожного заболевания не обнаружил.

Бедуины ходили босиком, а вокруг — скалы, камни да колючий кустарник. Поэтому Зеетцену приходилось часто наблюдать, как бедуины вытаскивают занозы из подошв. Прodelьвалась эта операция с завидной ловкостью.

Встречались случаи лихорадки. Зеетцен попробовал было полегчить некоторых, но, как он записал у себя в дневнике, они больше доверяют природе, которую не без основания считают своей матерью и кормилицей. Все медицинские советы они тотчас же забывают и не исполняют ни одного из его предписаний. Но поговорить о болезнях любят, то ли из праздного любопытства, то ли чтобы поддержать беседу. Ведь и в наше время, дорогой читатель, многие очень любят поговорить о болезнях, своих и чужих, особенно если нет других тем для разговора. Однажды Зеетцену после такой явно бессмысленной беседы стали совать деньги, он не хотел их брать, но вовремя догадался, что его приняли за бедного дервиша, да к тому же Ахмед ему весело подмигнул — бери, коли дают!

Впрочем, ученость европейца имела и другую сторону: внезапно все решили, что он кладоискатель и колдун. Даже Ахмед стал подозрительно поглядывать на него.

— А знаешь, говорят, будто ты можешь превратиться в невидимку. Мы глядим на тебя — есть франк, и вдруг — нет франка, пусто!

— А зачем это мне? — удивился Зеетцен.

— Как зачем? Осмотришь берег моря — исчезнешь, и платить не надо.

Зеетцен рассмеялся:

— Так ведь этого даже пророк Мухаммед не умел делать. Да и грех: Аллах накажет.

— А тебе-то что? Ты — франк. Может, ваш бог такое разрешает, — не унимался Ахмед.

— Ты же шейх, неужели ты можешь верить в подобные бредни? — разозлился Зеетцен.

Это возымело действие. Ахмеду стало неловко, он явно хотел выглядеть мудрым шейхом.

— Я пошутил, — смущенно сказал он. — Ты мой друг, ты мой гость, ничего не бойся.

Однако открыто вести путевой дневник Зеетцен боялся. Бумага и карандаш произвели бы здесь впечатление безусловного волшебства, а от всего волшебного бедуины всегда ждали неприятностей. Поэтому Зеетцен предпочитал перед сном уходить за шатер и при лунном свете быстро делать необходимые записи. Он даже бумагу разрезал на маленькие кусочки — в одну двадцатьчетвертую листа, чтобы можно было незаметно держать в руке и легко спрятать.

В племени никто не умест ни читать, ни писать. Поэтому знают все из рассказов, по слухам. Приезжих тут не бывает. Даже

браки они совершают лишь внутри своего племени или с соседними — бени адван и бени эль-белка. Например, брат Фудды выменял ее в свое время на сестру Ахмеда, так что образовался большой семейный клан. Корней племени не знает никто, и самое большее, о ком могут рассказать, — это об отце или дяде.

Местные бедуины, отметил Зеетцен, мало религиозны. Редкого можно увидеть за молитвой в положенный час. Иногда Зеетцен слышал, как Ахмед, не прекращая ходьбы или не отрываясь от дела, небрежно бормотал слова молитвы, но ни о каких коленопреклонениях не было и речи. Никто не соблюдал и пятницу как день отдыха и общественной молитвы.

14 января Зеетцен категорически заявил Ахмеду, что пора выступать в дорогу. Тогда Ахмед признался ему, почему он все время оттягивал поездку. Дело в том, что на восточном берегу Мертвого моря, около Эль-Карака, кочует племя бени хаджайя, с которым у бени хатем кровная вражда. Когда в 1799 году большинство местных мужчин ушли, чтобы сражаться с французскими войсками генерала Бонапарта, вторгшимися в Сирию и Палестину, и дома остались одни женщины, бедуины из племени бени хаджайя напали на монастырь Мар Саба и разграбили его. Бени хатем считали себя защитниками монастыря и объявили месть бени хаджайя. Негры убили многих, не щадя ни женщин, ни детей.

Рассказав все это, Ахмед помог Зеетцену сесть на лошадь, а сам с унылым видом пошел рядом пешком. Было так холодно, что он зябко ежился. А для того чтобы попасть на тот берег моря, надо было перебраться через Иордан вплавь! Ахмед ворчал: вода сейчас высока, это тает снег на горах. Зеетцен пообещал увеличить вознаграждение. Действительно, на горных хребтах Аджлун, Эль-Белка и Эль-Карак до самого подножия лежал густой снежный покров.

Река Иордан у места впадения в Мертвое море текла среди пологих песчаных берегов тихо и мирно, мутно-желтая вода была похожа на густеющую смолу — так много в ней было соли. Зеетцен опустил в воду руку — жжет. Говорят, рыба в этих местах затвердевает от соли прямо в воде.

Перебраться на тот берег оказалось и в самом деле неприятно. Одежду и провиант сложили в кожаные мешки и, держа их над головой, поплыли. Ахмеду пришлось таким образом переплыть Иордан раз двенадцать, затем переправлять лошадь, держась за узду.

На том берегу их встретила группа бедуинов из дружественного племени бени адван. При виде Зеетцена, выскакивающего из воды, они закричали:

— Смотрите, смотрите, он весь пропитался солью, вот бедняга!

Никакой соли на Зеетцене не было, просто смуглокожие арабы не могли объяснить иначе белизну тела европейца.

Затем Ахмед и Зеетцен перешли вброд два ручья. Дорога то стелилась по равнине, то поднималась в гору. Двигались на юго-

восток. В долине реки Эс-Серки Зеетцен обнаружил неизвестные виды тростника. Долина эта узкая, окружена горячими источниками, и над ней всегда клубится пар. В наше время в этих источниках успешно лечат ревматизм и кожные заболевания.

Карта Паулуса, которую Зеетцен взял из Европы, оказалась чистейшим вымыслом. Впрочем, верную карту составлять ему было трудно: названия здесь менялись каждый раз, когда появлялись новые завоеватели. К тому же местные диалекты искажали их. Так, Зеетцен искал развалины древнего города под названием Махерус, а обнаружил Мкауер, к тому же бедуины произносили «Мчауер», тогда как в литературном арабском языке звука «ч» вообще не существует.

Ночевали у бедуинов других племен. Каждая такая встреча — новые люди, новые сведения. Однажды Ахмед натолкнулся на знакомых, и тогда приют был особенно гостеприимным.

— Гость — это подарок Аллаха, — торжественно объявил хозяин.

Уютно горел в очаге огонь, вкусно пахло кофе и жареным мясом, из котла, стоявшего на углях, поднимался аппетитный пар. Зеетцен в полудреме прислушивался к разговору. Ахмед, и всегда-то веселый и разговорчивый, сейчас был просто в ударе. Наслушавшись от знакомых горожан о благах, которые сулит вера, он теперь убежденно посвящал слушателей в прелести райской жизни, уготованной Кораном правоверным мусульманам.

— И не будет там ни жен, ни брака, — вдохновенно говорил он. — Женщин, гурии называются. бери сколько хочешь.

— А зачем? — вопрошал старый-престарый хозяин шатра.

— Ну, не только женщин, мяса и табака тоже будет вдоволь.

— Это бы нам подошло, — раздался чей-то голос.

— Мясо само не прибежит, барашка вырастить надо, — сказал старик.

— Там не надо, — убеждал Ахмед, — там барашки сами растут. Даже жарятся и то сами.

— О том, что будет после нашей смерти, мы знаем не больше, чем наш скот, — философски заметил старик.

— Это ты прав, — неожиданно согласился Ахмед.

И вскоре все легли спать, так и не прочитав молитвы.

В другой вечер Зеетцен наслушался всяких кровавых историй. Бедуины ненавидят турецких правителей и пользуются любой возможностью досадить прислужникам пашы Дамаска, а то и попросту убить их. Когда через их территорию проходит караван паломников, для этого представляется самый удобный случай. Ограбить караван — не главное, важнее вступить в бой с турецкой охрапой и победить. Об этом можно потом целый год разглагольствовать во всех шатрах как о героическом подвиге, достойном восхваления. Рассказывали и о нападениях на простых людей, но вот, как ни странно, богатых купцов они не трогают. Купцы связаны с городом, бедуинам же связь с городом необходима — купить, продать. Зачем же портить отношения?

Бывало, что за ночлег требовали деньги или подарок, а в одном селении они даже не успели добраться до шатра и вкусить бедуйского гостеприимства, как у Зеетцена отняли абайю.

— Какой же ты шейх? — кричал обозленный Зеетцен Ахмеду. — Никакой власти у тебя нет! Никто тебя и не знает.

Ахмед пытался догнать грабителей, но те успели скрыться.

На берегах речки Манджеб, текущей с ленивой медлительностью, границы Османской империи заканчивались. Далее шла пустыня. К ужасу Зеетцена, Ахмед именно здесь отказался идти дальше. Неужели повторится прежняя история с утомительными и бесплодными поисками проводников?

— Как же, Ахмед? Ты же обещал!

— Обещал, обещал, а теперь хочу вернуться.

— За что же я тебе деньги буду платить?

— Много прошли, ты вот сколько камней себе набрал. За это и заплатишь, — угрюмо заявил Ахмед.

— Но это же не все. И так, вместо того чтобы лекарственные травы собирать, мы сколько зря по горам лазили.

— Горы стоят, их не раздвинешь, вот и лазили. Ты там камни тоже собирал. Тебе нужно, значит, не зря.

— Стоило для этого Иордан переплыть! Если бы я знал, я другого бы шейха нашел, — применил Зеетцен испытанный прием. — Ведь я больше сюда не вернусь. Я теперь на Синай пойду.

Ахмед молчал и уныло смотрел на небо. Зеетцен твердо решил не отступать и, если Ахмед его бросит, продолжать путь один.

— Ты недоволен мной? — неожиданно мягко спросил Ахмед.

— Конечно. Как же я могу быть доволен, когда ты меня обманул и все мои замыслы разрушил.

— Ты меня не ругай, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты был мной доволен, — сказал Ахмед.

Но это вовсе не значило, что он отказался от своего намерения. В ближайшем же селении он нашел Зеетцену другого проводника — совсем молодого парня из племени бени хамид. Он звал его Мухаббаль. Только это было, видимо, не имя, а кличка, потому что по-арабски «мухаббаль» означает «дурачок».

— Знаешь ли ты, что такое быть проводником? — экзаменовал Ахмед Мухаббала.

— Не беспокойся, знаю.

— Это значит, ты должен идти неотступно рядом с франком, указывать ему дорогу, находить ночлег, готовить еду и охранять его, — не унимался Ахмед. — Аллах тебе этого не забудет. Только ты не сердись, друг, — обратился он к Зеетцену, — лошадь-то я у тебя заберу, а то вдруг на вас кто-нибудь нападет и ограбит. Ступайте пешком. Да, и часы свои отдай мне. А то, пожалуй, их у тебя отнимут по дороге. На обратном пути увидимся — отдам.

Зеетцен безропотно снял часы с руки.

Ахмед надел часы Зеетцена, забрал лошадь с частью поклажи и быстро удалился. Зеетцен ничего не понимал. Но отступать было поздно. Мухаббаль так Мухаббаль — делать нечего. И Ахмед

оказался прав: первый же встречный бедуин залез в их мешок и отнял часть провианта. Мухаббаль бросился наутек, но потом вспомнил, что ему поручено охранять чужестранца, и вернулся.

Дальше он бежал вприпрыжку, не обращая ровно никакого внимания на своего подопечного.

— Мухаббаль! — звал его Зеетцен. — Что это за ямки?

— Мыши, — отвечал тот, не оборачиваясь.

— Какие мыши?

— Обыкновенные! Земляные! Те, которых мы едим! — кричал Мухаббаль.

Даже Мухаббаль мог сообщить ценные сведения в этом страшном мире. И все-таки, когда этого глупого и беспечного мальчишку сменил его старший брат Махджуб, Зеетцен был искренне рад.

С Махджем добрались до-устья вади Карак. Здесь суша вдавалась в море и образовывала полуостров, не обозначенный на карте. Полуостров невелик — Зеетцен обошел его весь, — но очень зелен. На этом клочке земли растет и пшеница, и ячмень, п табак, и дурра, п мимоза, и тамариск. Оказывается, не все берега Мертвого моря безжизненны, как привыкли считать в Европе.

Зеетцен поднялся на прибрежную скалу. Напротив, на другой стороне Мертвого моря, высился хребет Айн-Джидди, где он побывал месяц назад, когда путешествовал по западному берегу. Зеетцен почувствовал удовлетворение от пройденного пути. Больше у Мертвого моря нет никаких тайн. Он действительно обошел вокруг него. Герцог Готы получит не только точные сведения об этой загадочной впадине, но и коллекцию ее флоры. Пора было возвращаться в Иерусалим.

Махджуб передал его следующему проводнику — симпатичному бедуину из племени бени адван. Зеетцен случайно услышал, как Махджуб давал тому наставления: «Следи за ним, не спуская глаз, а то, говорят, он колдун, может мгновенно превратиться в невидимку и исчезнуть». Так вот почему славный Махджуб не оставлял его одного ни на секунду!

Вскоре они наткнулись на Ахмеда. Оказывается, тот встретил друзей и охотился с ними на газелей, которых здесь множество. А закончив охоту, кому-то продал ружье. С ним Зеетцен почувствовал себя увереннее и спокойнее.

Ахмед тотчас же вручил Зеетцену его часы. Увы, они больше не шли. Вероятно, молодой шейх не преминул похвалиться часами перед знакомым бедуинами и, не умея обращаться с ними, сломал. Зато с прежней любезностью предоставил уставшему Зеетцену свою лошадь.

Разговорились об охоте в здешних краях. Помимо газелей Зеетцен видел барсуков, горных коз. Часто над ним кружились голуби, рябки, перепела, пустынные куropатки. Ахмед не без гордости рассказывал, что не раз его добычей были волки и гиены. Зеетцен вспомнил, как ночевал под открытым небом, и содрогнулся.

Путь нашего героя вокруг Мертвого моря благополучно завер-

шился. В последний момент Зеетцен вдруг задумал окунуться в его воды. Плавать он не умел, но ведь предание гласит, что в этом море не тонут. Ему пришла на память полупоупендарная история, как однажды римский император, то ли Веспасиан, то ли Тит, приказал утопить в Мертвом море нескольких рабов, закованных в цепь. Но в этой жидкости, похожей скорее на смолу, чем на воду, утонуть невозможно, и рабы остались живы.

— Правда, Ахмед, что в этом море не тонут? — спросил он. — Я хочу искупаться в нем.

— Сохрани тебя Аллах! — вскрикнул Ахмед. — Здесь только что захлебнулся и чуть не погиб шейх Махмуд, а какой он отличный пловец!

Ну вот, развенчан и еще один миф.

Бедуины, встретившие их у ручья Нахр-эс-Сем, сообщили, что вода в Иордане спала и там сейчас идет большая переправа. Зеетцен и Ахмед поспешили к реке, и перед ними открылось оригинальное зрелище. С одного берега на другой переправлялся караван, состоявший из сотен верблюдов и лошадей. Мужчины переходили через реку, держа вещи и детей на головах. Над водой стояли крик, ругань, ржание лошадей. Женщины в страхе перед быстрым течением и холодной водой, как безумные, вопили:

— Брат! Брат, спаси! Молю тебя! Я тону! Ой, погибаю! Аллах милостивый, сохрани меня, не наказывай!

Приятно было снова очутиться в шатре Ахмеда. Фудда радушно встретила Зеетцена, накормила его густой похлебкой из дробленой пшеницы и долго наказывала мужу, что он должен купить для дома и для детей на деньги, которые получит в Иерусалиме от франка.

Долина около Иерихона выглядела сейчас много веселее: приближалась весна. Посреди стада Зеетцен вдруг увидел пастуха, играющего на дудочке. Такого здесь еще не бывало! «Уж не снится ли мне далекая родина?» — подумал Зеетцен с грустью. Пастух еще долго тянул свою заунывную мелодию — вековую песнь единения человека с природой.

2 февраля 1807 года Зеетцен вернулся в Иерусалим. Ахмед не мог вместе с ним войти во францисканский монастырь. Когда-то монахи поймали здесь его отца и потребовали у него все деньги, полученные с паломников. У старого шейха денег не оказалось, и тогда его заковали в цепи, а выпустили только по настоянию греческого патриарха. Поэтому обещанное вознаграждение, которое составило сумму в 172 пиастра, Зеетцену пришлось выносить за монастырскую ограду. Они расстались друзьями. Ахмед был доволен полученными деньгами, Зеетцен счастлив, что остался жив. «Впрочем, как бы они могли убить такого доброго, искреннего, сердечного европейца?» — записал он в своем дневнике.

Каковы же результаты этого путешествия? Зеетцен создал первую карту Мертвого моря, исследовал источники, питающие его, изучил свойства морской воды, определил концентрацию в ней соли и подробно описал оказавшиеся чрезвычайно богатыми фло-

ру и фауну этого до сих пор совсем неизвестного района. В результате распространенные в Европе басни о Мертвом море были развенчаны навсегда.

К МОНАСТЫРЮ СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ

Значительную часть своих научных богатств Зеетцен запаковал в ящики и при содействии прокуратора францисканского монастыря отослал с оказией фон Цаху. Остальные его вещи и бумаги монахи переправили в Каир, где он собирался сделать следующую большую остановку. В благодарность за оказию прокуратор попросил Зеетцена прислать ему камень из монастыря святой Екатерины, ибо Зеетцен собирался идти в Египет именно через Синайский полуостров.

20 февраля 1807 года в Иерусалим пришло известие о начале русско-турецкой войны. Действовавший с 1799 года союзный договор между Россией и Турцией, направленный против французской агрессии на Ближнем Востоке, Турция расторгла под влиянием наполеоновской дипломатии, которая сулила ей Крым и Грузию. Зеетцен взволновался чрезвычайно. Ведь по всем бумагам он российский подданный! Паспорт для проезда по арабским вилайетам Османской империи выдавал ему в Дамаске турецкий паша. Все остальные бумаги уже на пути в Египет. Сможет ли он теперь сам туда поехать? И как оставаться в Иерусалиме? Ведь город принадлежит туркам! Францисканцы смотрели на него с удивлением. Неужели этот смешной европеец думает, будто кому-нибудь интересны его бумаги? Бедуины, перед тем как ограбить или убить, паспорта не спрашивают, а турецкие таможенники, право же, не придадут большого значения тому, чей ты подданный. В этих краях многие вообще не слышали о том, что с кем-то идет война. Недалеко египетская граница, а в Египте турки безвластны.

Поиски проводника на этот раз не отняли много времени. Сопровождать Зеетцена на Синай вызвались ремесленник Антун и его друг Фаваз. Антун, хоть и был всего лишь сапожником и мастером по изготовлению четок, знал грамоту и в Иерусалиме охотно помогал Зеетцену во время астрономических измерений. Так что тот вполне мог на него положиться. Он даже доверил ему свои драгоценные астрономические приборы, которые далеко не всегда рисковал брать с собой.

13 марта, навьючив двух верблюдов, они вышли из Иерусалима. Первая остановка — в Эль-Халиле, библейском Хевроне. Зеетцен однажды уже был здесь и потому не счит нужным прятаться и тем более скрывать свои занятия. Однако едва он показался на улице, как жители окружили его и, тыча в него пальцами, подняли неимоверный крик:

— Смотрите, франк! Христианин! Зачем он пришел сюда? Куда идет?

Кто-то вырвал у него из рук мешок и в ужасе обнаружил в нем убитых змей и ящериц, которых Антун наловил для Зеетцена по

дороге. А бумага? Зачем этот «неверный» что-то записывает? Зеетпену пришлось прибегнуть к помощи властей. Шейх Эль-Халиля Абдаллах Баддар и кади в присутствии толпы подвергли ученого обстоятельному допросу.

— Откуда ты пришел к нам, чужестранец? — спросил кади. Он был тих, вежлив, и это приятно контрастировало с бушующей толпой.

Антун, желая выгородить своего хозяина, выскочил вперед и закричал:

— Англичанин он! Ученый! Никому от него никакого вреда!

Но тут кади, надев очки, прочел вслух фирман пашп, в котором черным по белому было написано, что Зеетцен — подданный России, а прибыл из Германии.

Толпа взревела:

— Молчи, предатель! Пусть гром небесный обрушится на тебя, твоего отца и твоих детей! Они врут оба!

Шейх Абдаллах потребовал показать вещи, и первое, что все увидели, были диковинные приборы и инструменты.

— Колдун! Исчадие ада! — ревела толпа.

Антун опять выскочил вперед и закричал:

— Да врач он! Врач! Ученый!

Кто-то схватил его за шиворот и уволок в сторону. Видимо, решив, что полдела сделано, толпа притихла. Зеетцен, переведа дух, взгляделся в лица людей. Откуда такая ненависть? За время общения с бедуинами из племени бени хатем он отвык бояться. И вдруг он увидел того человека, у которого останавливался в Хевроне в прошлый раз. Лицо араба светилось злобным торжеством. «Так вот в чем дело! — подумал Зеетцен. — Он не мог простить, что не его я взял себе в проводники. Это он все подстроил. Какая низость!» Вместе с тем мысль о том, что лишь один человек оказался способен на подлую месть, успокоила его.

— Во имя Аллаха милостивого, милосердного, все бумаги в порядке, — вдруг громко объявил кади.

Шейх Абдаллах подозвал к себе другого шейха, Сиббена, видимо младшего по рангу, а всем остальным велел разойтись.

— Этот франк, согласно фирману, носит арабское имя Муса аль-Хахим, — сказал шейх. — И по нашим землям его ведет любознательность. Поэтому ты будешь сопровождать его до монастыря святой Екатерины, что на Синае. Из проводников его возьмешь лишь одного — того, что потише и поразумнее, а верблюдов и погонщиков получишь у меня. Поклянись, что доставишь его туда целым и невредимым.

Шейх Сиббен вздрогнул от неожиданности, но, мгновенно оправившись, произнес, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Иншалла! Клянусь, что провожу Мусу до южной границы земли нашей и буду блюсти его интересы и охранять его жизнь, да будет благословен Аллах!

После этого Зеетпену уже нечего было бояться и не о чем заботиться, и он мог себе позволить спокойно поездить с Антуном по

окрестностям Хеврона. О развалинах, расположенных к югу от города, местные бедуины рассказывали немало. Вади-Муса, гора Ша-рах, гора Гарун — еще Страбон писал о том, что в этих местах находилась некая «царская обитель». Да, здесь есть что исследовать! Но у Зеетцена мало времени, и он пишет для «Ежемесячной корреспонденции» небольшую заметку — пусть европейцы, которые позднее попадут в район Вади-Муса, найдут возможность внимательно его осмотреть.

А тем временем шейх Сиббен вместе с Фавазом подготовили провизию — муку, лук, хлеб, масло, сыр, инжир, наполнили бурдюки виноградным соком и водой, запаслись бумагой для записей и для сушки растений. Погрузив все это на двух верблюдов, 27 марта наши путешественники тронулись в путь.

Через Синайский полуостров проходит много караванов. Зеетцен и его спутники нередко примыкали к ним, но к контактам он не стремился — его больше устраивало безлюдье. Лишь издали он наблюдал, как здороваются местные бедуины: сначала они касаются друг друга лбами, потом руками, а затем дважды издают странный звук, похожий то ли на громкое чмоканье, то ли на чавканье. Одеваются бедуины Каменистой Аравии в длинную белую рубаху, перетянутую широким кожаным поясом, поверх нее накидывают черную абайю. Голову повязывают белым или красным шарфом. Через плечо у них часто перекинута узкий голубой платок. Ноги босы или в сандалиях. У всех из-за пояса торчит кривой кинжал, у некоторых — еще и сабля. Ни копыя, ни лука со стрелами Зеетцен здесь не видел ни у кого, а вот фитильные ружья встречались. Передвигаются все бедуины на верблюдах.

Мяновав селение Бир-эс-Себа, вступили в пустыню Эт-Тих. Прямых троп здесь почти не было. Дорога петляла то в обход колючих кустарников, то меж гранитных утесов. Некоторые ущелья были так узки и глубоки, что в них не проникало солнце. Труднее всего было преодолевать крутизну гор. Проводник смело ступал босыми ногами по острым камням, а Зеетцен все время боялся сорваться. Спутники пугали его тем, что высоко в горах лежит снег. Но когда поднялись, обнаружили лишь сплошной туман. Это было досадно, потому что в ясную погоду отсюда, вероятно, открывается прекрасная панорама.

На вершине горы святой Екатерины — маленькая часовня. Пока Зеетцен собирал образцы горных пород, проводники искали следы ног святой Екатерины, которые здесь, согласно легенде, сохранились. Но как ни доказывал Фаваз, что он ясно видит отпечаток не только ноги, но и всего тела святой, Зеетцен не мог рассмотреть абсолютно ничего. «Вот доказательство того, что вера способна даже на большее, чем двигать горы!» — рассмеялся он беззвучно. Ну а отпечаток ноги святой Екатерины еще более развеселил Зеетцена. «Поистине это утверждение не что иное, как клевета на прекрасный пол, — подумал он. — Ведь тогда получается, что у святой ножка покрупнее, чем у здорового мужчины».

Следы, оставленные на камнях святыми, здесь были в моде.

На следующий день ему показали камень с углублением от спины Моисея, а потом еще один — тот, по которому Моисей якобы ударил посохом и извлек воду, чтобы напоить жаждущий народ. Зеетцена все это забавляло, но вот сам камень его заинтересовал: глыба темно-красного гранита неопределенной формы, много крупнее, чем все остальные. Два с половиной клифтера¹ в длину, полтора в ширину и столько же в высоту. Длинная сторона обращена к монастырю святой Екатерины, по ней сверху вниз чуть наискось идет большая щель, от которой по поверхности камня разбегаются маленькие трещины. В них бедуины засовывают траву, веря, что потом эта трава излечит их скот от болезней.

Библейские сказания в этих местах одеваются плотью. Так, Зеетцен пашел реальное объяснение манне небесной. Это вполне натуральный продукт — сладкая корочка, которую бедуины собирают с кустов тамариска. Они смешивают ее с мукой и употребляют как лакомство. Ее арабское название даже по созвучию близко библейскому — аль-манн. Иногда бедуины дарят «манну» монахам из монастыря святой Екатерины — им она заменяет мед.

А вот и сам монастырь, уже знакомый нам по путешествию Карстена Нибура.

Ко времени египетской экспедиции Бонапарта одна из стен рухнула от древности, но генерал Клебер возвел ее заново на собственные средства. Синайский епископ, славившийся своей ученостью, долгое время жил в Каире, теперь он на Кипре, а в монастыре, как ни странно, он ни разу не был — быть может, именно потому, что его посещение, требующее торжественного открытия ворот, дорого бы обошлось монастырю: бедуины требуют за это большую дань.

Как мы помним, Карстену Нибуру не удалось проникнуть вглубь. Сейчас обстановка здесь несколько улучшилась. Во всяком случае, из отверстия, через которое монахи спускают на веревке бедуинам, охраняющим монастырь, хлеб и кофе, выглянул толмач. По первому взгляду он решил, что это арабы, и пускать их в монастырь категорически отказался. Когда же он услышал, что один из них — европеец, идущий из Иерусалима, он потребовал бумагу от греческого епископа, которой у Зеетцена не было. Вместо нее наш путешественник послал вверх на веревке свой паспорт и письма от паши Дамаска и паши Акко. Но и это не помогло, так как монастырь не зависит от турецких властей, он подчинен лишь патриарху Иерусалимскому. Лишь после того как в переговоры вступил шейх Сиббен, над Зеетценом наконец смиловались и подняли в корзине наверх. Самого же шейха и Фаваза отослали жить к бедуинам, раскинувшим свои шатры неподалеку.

Настоятель монастыря Гардиан гостеприимно встретил Зеетцена, отвел ему келью и приставил монаха для услуг. После унылой бесприютности песков и скал Зеетцен получил приятную возможность отдыхать и работать.

¹ Клифтер равен сажени, или 2,13 м.

Прежде всего он подробно записал свой путь по Синайскому полуострову, естественнонаучные наблюдения, астрономические измерения, на основании которых исправил астрономические выкладки Лаланда, который утверждал, что Северный тропик, или тропик Рака, проходит через Синай. По данным Зеетцена, тропик паходился на шесть градусов южнее. Затем составил точный список всех бедуинских племен, населяющих полуостров. И, наконец, описал быт монастыря, попасть в который люди стремятся, несмотря на дальнюю и трудную дорогу.

Содержать монастырь сложно: пастбищ вокруг нет из-за каменистой почвы, провизию приходится доставлять из Каира. Единственное подспорье — знаменитый сад, состоящий из фиговых, оливковых, апельсиновых, миндальных деревьев. Вырастить фрукты на гранитных скалах было бы невозможно без искусственного орошения. Вокруг возвышаются стройные, высокие кипарисы. Рядом с садом — часовня со склепом: тела умерших монахов закапывают в песок, пока не высохнут, а затем переносят в склеп и складывают друг над другом. При Зеетцене в монастыре жили двадцать пять монахов, из них только трое имели священнический сап, большинство же трудились в качестве пекарей, сапожников, садовников, портных.

Обед протекает по строгому ритуалу: сначала перед алтарем хором читают молитву, затем все отправляются в трапезную и рассаживаются на заранее определенные места. После еды первым встает настоятель, по удару колокола — все остальные. Питаются монахи скромно — гороховым супом да рисовой кашей. Горячую пищу принимают лишь раз в день. «Мяса монахи не едят, вина не употребляют, лишь изредка пьют хлебную водку, — отметил Зеетцен в своем дневнике. — Не курят и не нюхают табак. Почти все время соблюдают пост, на вид слабы и тщедушны, но болеют редко и живут долго. Говорят по-гречески или по-турецки, и только толмач по имени Акакий знает арабский язык».

19 апреля, за неделю до пасхи, в монастыре отмечали пальмовый праздник. Он так называется потому, что Христос вошел в Иерусалим с пальмовой ветвью в руках. В Европе пальму заменили вербой, вот почему там этот праздник известен под названием «вербное воскресенье».

Колокольный звон, отдавшийся гулким эхом в скалах, оповестил о начале праздника. Гардиан вынес на золотом подносе мощи святой Екатерины и с ними обошел вокруг церкви, что стоит во дворе монастыря. Церковь эта была возведена императором Юстинианом и в 1710 году перестроена дамасским зодчим. Она считается одной из самых красивых на Арабском Востоке. Пол ее вымощен мраморными плитами, иконы украшены драгоценными камнями. Мечеть, построенная около монастыря в 1405 году, фактически бездействует, ибо местные арабы особой религиозностью не отличаются.

Зеетцену оказали высокую честь, разрешив поцеловать мощи, затем настоятель благословил его крестом правой руки святой Ека-

терины и освятил его перстень с печаткой. За все это Зеетцен, к великому своему неудовольствию, должен был расплатиться золотыми монетами. После окончания праздника мощи были вновь заключены в небольшую раку из белого мрамора и спрятаны в алтаре. Показали Зеетцену и изображение святой Екатерины, выполненное хорошим художником. При виде этого миниатюрного создания он вспомнил огромный след ее ножки на камне и еще раз усмехнулся про себя: «Ну чего только не придумает религия в доказательство своей истинности!»

У себя в келье Зеетцен обнаружил записку, сообщающую о том, что такого-то числа такого-то года монастырь посетили два француза. Совсем как в лучших европейских гостиницах! Наш путешественник решил не отставать от других и на прощание также оставил пространную запись о своем пребывании.

ДВА ГОДА В КАИРЕ

18 мая 1807 года Зеетцен прибыл в Каир. К началу века в жизни города, как и всего Египта, произошли большие изменения. После французов в Египте пытались обосноваться англичане, затем власть снова перешла к туркам. Однако умелая политика султанского наместника, а фактически полновластного хозяина Египта Мухаммеда Али позволила сохранить независимость страны. Сюзеренитет Османской империи теперь сводился лишь к получению дани. Пребывание европейцев не прошло без следа для экономического и культурного развития Египта. Мухаммед Али начал развивать промышленность, интересовался успехами наук. Каир застраивался по европейскому образцу.

Остановился Зеетцен в доме барона фон Россетти. Новости, прибывшие сюда с европейской почтой, чрезвычайно огорчили его. Только здесь он узнал, что его родина — княжество Ангальт-Цербстское в 1806 году было насильственно присоединено к основанному Наполеоном Голландскому королевству. Узнал о смерти любимого брата Петера Ульриха, последовавшей в январе 1807 года.

Однако времени для переживаний не было. Зеетцен предпринимает несколько поездок по Египту, и весьма успешных. Под видом египетского купца он посещает провинцию Эль-Файюм и вывозит оттуда множество ценных манускриптов. Он первым из европейцев обходит озеро Шарон¹ — это кажется ему легкой прогулкой после Мертвого моря! — и открывает там неведомый европейцам остров, упоминавшийся в древности, а на юго-западе озера — остатки лабиринта непонятного происхождения, лишь много позже в нем признают храм, воздвигнутый фараоном Аменемхетом III в XIX веке до нашей эры. Он первым обнаруживает развалины главного города оазиса Файюм — Арсипон. У деревни Бенхирт (или Бегиг) видит никем еще не замеченный памятник, имеющий форму обелиска, и переписывает с него иероглифы, которые в 1820-е годы

¹ В древности Меридово озеро, ныне Карун.

расшифрует археолог из Лейпцига Густав Зейферт. Наконец, он сам начинает раскопки некрополя на развалинах Мемфиса и находит множество черепов, так хорошо сохранившихся, что впоследствии по ним немецкие ученые смогут определить, к какому антропологическому типу принадлежало население древнего Египта.

Находясь в Каире, Зеетцен значительно пополнил восточные коллекции Готы и Геттингена, предоставив богатейший материал для естествоиспытателей и лингвистов и заложив основы будущего музея Готы. Он торопился спасти для науки то, что постлело, разрушалось, грозило исчезнуть совсем. 10 января 1808 года Зеетцен писал фон Цаху: «Число приобретенных мною в Каире манускриптов достигло уже 1162, а предметов древности — 1464. Египет чрезвычайно этим богат».

Два года Зеетцен провел в Каире. Не слишком ли большая передышка? Однако пребывание в тиши каирского дома не было для него отдыхом. Покой не для него. Собранных материалов оказалось гораздо больше, чем он думал. Времени на обработку не хватало; в том виде, в каком существовали его записи, они не имели никакой ценности. Надо было привести в порядок путевые дневники, написать письма, отправить несколько научных работ в «Ежемесячную корреспонденцию» Бернгардта фон Линденау, в венскую «Сокровищницу Востока» фон Хаммера и в «Опыты немецкой лингвистики» Иоганна Фатера. С 1809 года многие из его писем и отчетов перепечатываются в парижских «Анналах путешествий» М. Мальт-Брюна, публиковавших «открытия, исторические мемуары о языках, нравах и искусстве народов, о климате, производстве и коммерции стран, о которых известно мало и плохо».

Среди трудов Зеетцена — научное описание географических и минералогических открытий, сделанных им в Сирии и Палестине, и результаты астрономических исследований этих районов, трактаты о берберах и о наречии аффаде, статьи о египетском сельском хозяйстве и работы, посвященные календарям коптов, арабов, греков и персов, переводы арабской поэзии и его собственные поэтические опыты — стихотворения «Пирамида», «Посещение», «Элегия Саида», «Кровная месть». То, что написал Зеетцен в Каире за эти два года, те бесценные коллекции, что он старательно упаковал и отослал в Европу, будут питать европейское востоковедение еще много-много лет. К сожалению, некоторые материалы так и не дошли до своих адресатов.

Здесь, в «воротах Африки», Зеетцен готовился и к будущему путешествию в глубь континента. Он совершил поездку вверх по Нилу — в древнюю Нубию. Там он посещал места, где широко развита торговля, вступал в разговоры с представителями различных африканских племен, расспрашивал, записывал слова и выражения. Знание языка, считал он, это основной путь к общению с другими народами, к подлинному изучению истории, культуры и нравов неведомых стран.

Но конечная цель была еще далека. Пока же следовало связаться с европейскими покровителями, получить от них пожела-

ния и напутствия, чтобы решить свою судьбу на ближайшее время.

Фон Линденау подтверждает прежний план — проникнуть на юг Аравии, в глубь Хадремаута. Некоторая задержка происходит по вине фон Россетти. Ему Зеетцен два года назад поручил вести свои денежные дела, и теперь тот долго не может должным образом рассчитаться. Наконец 23 марта 1809 года Зеетцен делает последнюю запись в дневнике: «Ну вот я и заканчиваю свой дневник. Начинаю укладываться». Затем он отсылает дневник вместе с коллекциями и рукописями в Европу и покидает Каир.

В Суэце Зеетцену пришлось долго ждать каравана до Джидды. Не умея сидеть без дела, он исследует Суэцкий перешеек, пытаясь решить для себя вопрос о возможности прорыть канал, который бы соединил Средиземное море с Красным. В манускриптах, приобретенных в Каире, Зеетцен вычитал, будто Суэцкий канал был впервые прорыт за тридцать веков до нашей эры египетским фараоном Тутиш ибн Малиа, который использовал естественное русло одного из рукавов Нила, впадавшего в Красное море, но, видимо, затем пески отвоевали его обратно, засыпали и скрыли все следы. Геродот писал о строительстве канала, которое в 600-е годы до нашей эры унесло 120 тысяч человеческих жизней, однако не было завершено, ибо оракул предсказал, что этим каналом завладеют враги. В 642 году арабы прорыли канал снова, и суда с зерном из Европы вплоть до 772 года беспрепятственно проходили из Средиземного моря в Суэц и далее в Ямбу и Джидду. Разве английским, французским или немецким строителям трудно прорыть канал еще раз? Он слышал, будто уровень воды в Ниле и в Средиземном море почти на 10 метров ниже, чем в Красном море, и поэтому эти моря нельзя соединить. Но ведь даже в одном море разница в уровнях во время прилива и отлива составляет несколько футов. Зеетцен производит соответствующие расчеты по Атлантическому океану, Средиземному и Черному морям, обосновывает возможность строительства канала, прилагает к этому средневековые рукописи — получается целый трактат, который он отсылает в Европу вдогонку за последними отправлениями. Насколько серьезно к этому там отнесутся, он не знает. Это уже нам с вами, дорогой читатель, станет известно, что в расчеты, произведенные в то время по приказанию Наполеона, вкралась ошибка и действительный перепад в уровнях воды двух морей составляет всего 80 сантиметров и что в 1869 году Суэцкий канал будет открыт.

Зеетцен обнаруживает в Суэце остатки древнего акведука и водопровод, которые считает возможным восстановить. Но он больше не в силах оставаться здесь. От душающей жары, от раскаленных ветров он почти ослеп. К тому же напрасно он думал, что его трудно отличить от местных жителей. Арабы его схватили и обвинили в том, что именно он вызвал засуху в этих краях. Пришлось откупаться. Он больше не мог и не хотел ждать каравана до Джидды и на крошечном суденышке вместе с группой паломников в пятнадцать человек отправился в аравийский порт Ямбу,

Теперь у Зеетцена одна дорога — в Мекку и Медину, святая святых ислама. Он страстно мечтал совершить паломничество и присоединить к своему арабскому имени возжеленное словечко «хаджи». Карстен Нибур не рискнул на это. Но чего бояться? Он, Ульрих Яспер Зеетцен, должен достичь большего, чем кто бы то ни было. Жаль, что в Мекке уже побывал в 1503 году Лодовико ди Вартема. В 1607 году был там и немец Иоганн Вильд — правда, его привозили туда в качестве раба, а англичанину Джозефу Питсу, писавшему о своем посещении Мекки в 1680 году, вообще едва ли можно верить. Других постигла смерть. Да, если бы не Лодовико ди Вартема, он, Зеетцен, был бы первым европейцем в Мекке.

Из записок Нибура Зеетцен узнал о трех христианах, которые пытались пробраться в Мекку: двух английских моряках и одним французом, которого насильно обратили в ислам. А что, если?.. Ведь он же признавался, что хочет среди мусульман быть мусульманином. Еще в 1802 году в плане, представленном фон Цаху, он писал: «Я возьму с собой Коран, как магометанин, и буду самым тщательным образом соблюдать все его религиозные предписания. А если мне придется стать идолопоклонником, я обвешу себя амулетами. Сей неприкрытой откровенностью, мне кажется, я не запятнаю в глазах просвещенного общества своей репутации и не потеряю его столь драгоценного для меня уважения, ибо образованные люди смогут отличить внешние обряды от доброй нравственности и скорлупу от ядра». Теперь настала пора эту идею осуществить.

Добравшись до Ямбу, Зеетцен идет с рекомендательным письмом к местному купцу за советом. Однако тот настроен пессимистически. Европейцу попасть в Мекку и всегда-то было практически невозможно, а сейчас это стало просто невысказано. К тому же суда в Джидду из Ямбу не ходят, так что морем туда не добраться. Власть ваххабитов распространилась на весь Аравийский полуостров (за исключением Йемена и Хадрамаута) — от Красного моря до Персидского залива. В Мекке и Медине стояли ваххабитские гарнизоны. Последний караван паломников, шедший из Дамаска в сопровождении турецких солдат, был разграблен, охрана перебита. Протурецки настроенный правитель священного города бежал. Восточные ворота Джидды, через которые проходят в сторону Мекки паломники, — под неусыпным надзором. А в Медину, где похоронен пророк Мухаммед, говорят, вообще не пробраться. Ваххабиты, твердо придерживаясь единобожия, отрицают культ святых и считают поклоном к могиле Мухаммеда идолопоклонством. Захватив Медину, они в знак протеста против ее почитания паломниками даже плевали на могилу. По этой же причине ваххабиты в 1801 году совершили набег на священный шиитский город Кербелу, где надругались над могилой внука Мухаммеда — Хусейна. Заодно они разграбили там мечети, торговые склады и богатые дома. Присвоение богатств «отступников» они считали неким возмездием за измену основным принципам ислама.

Но и услышав обо всех грозящих ему опасностях, Зеетцен не отступает. Хорошо, он пойдет в Джидду пешком, как и все остальные паломники. Он не сомневался в успехе. Сейчас толпы людей тянутся на юг, и ему будет нетрудно затеряться среди них. А если возникнут какие-то недоразумения, то у него есть бумага. Там ясно говорится, что, хоть он и француз, зовут его арабским именем Муса аль-Хаким.

Двигаться вдоль берега Красного моря в толпе паломников совсем не страшно, только очень жарко. На берегу много разноцветных ракушек. Из них делают перламутр и отправляют в Мекку — для изготовления четок и в Иерусалим — чтобы инкрустировать распятия.

У селення Рабай паломники вдруг закричали: «Ляббайк! Ляббайк!» — традиционный возглас арабов, означающий послушание и повиновение. Затем они стали сбрасывать свои одежды и облачаться в ихрам, в котором должны предстать перед Каабой. Зеетцен был осведомлен об этом ритуале, но заранее не припас двух кусков белого миткаля, рассчитывая принять соответствующий вид в Джидде. Ему объяснили, что ихрам — это не простая формальность, этот ритуал призван символизировать первозданную чистоту человека, прибывающего в Мекку без всяких покровов, без всяких телесных преград между собой и богом. Тот, кто облачился в ихрам, должен соблюдать определенные законы: не бриться, не чесаться, не ссориться, не приближаться к женщине, не проливать крови, не убивать даже насекомых, не срезать ветки деревьев.

Джидда, как мы это уже знаем, — морские ворота священной земли ислама. Через Джидду держал путь на юг Аравии и Нибур. Но у Зеетцена — другая задача. В Южную Аравию, в глубь Африки он успеет отправиться позже, у него еще вся жизнь впереди. А быть здесь, около Мекки, куда стремятся все мусульмане, и не попытаться туда попасть он, Муса аль-Хаким, не мог. «Все окружающее возбуждало во мне такое бурное волнение, какого я не испытывал никогда», — писал впоследствии Зеетцен фон Цаху.

В Джидде он остановился в доме некоего Абдаллаха ас-Сукката, в котором обрел советчика и покровителя. Жара стояла необычайная. Зеетцен спал на крыше, закутавшись в мокрое покрывало, но оно высыхало почти сразу, и он снова покрывался испариной.

Абдаллах ас-Суккат приходил в отчаяние, когда Зеетцен заговаривал о Мекке.

— Я не виноват в причинах, по которым ты решился на этот шаг. — говорил он, — но это невозможно.

И в наизидание рассказывал Зеетцену одну историю страшнее другой. Например, какой-то французский лекарь однажды на пари взялся сопровождать в Мекку знатного эмира в качестве лейб-медика. Уже на другой день его настигли и сделали ему обрезание. И это еще не самое плохое. От иных не оставалось и лоскутка. Здесь, в Джидде, такие случаи хорошо известны.

Но Зеетцен был как одержимый. В Европе никто не видел даже пзображения Мекки. А вот он пачертит ее точный план. О своих

истинных намерениях он не говорит хозяину, напротив, восхваляет ислам и клянется, что мечтает стать мусульманином.

— Хорошо, я склонен помочь тебе, — сказал наконец Абдаллах. — И ты увидишь то, что не дано увидеть людям твоей страны. Но все зависит от тебя самого, — продолжал он. — Слушай меня внимательно, и ты дойдешь до цели.

Оказывается, для обращения в мусульманство достаточно несколько раз произнести основную формулу ислама: «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха!» Затем надлежит совершить аль-уду — ритуал омовения перед молитвой и прочесть сами молитвы: утреннюю (салят ас-субх), полуденную (салят аз-зухр), послеполуденную (салят аль-аср), при заходе солнца (салят аль-магриб) и в начале ночи (салят аль-иша). Разумеется, следует неукоснительно соблюдать все, что требует мусульманская вера. Но для полного обращения, для истинного проникновения в ислам неплохо было бы выучить наизусть весь Коран, положения шариата, сунну и многое-многое другое.

У Зеетцена появился еще один учитель — мусульманский богослов шейх Хамза.

Со времен Геттингена Зеетцен не занимался столь усердно. Но выучить наизусть Коран он и не помышлял. Да и зачем? Он же не собирался приобретать титул шейха.

31 июля 1809 года его обращение совершилось. Муфтий, который эту процедуру проводил, не был особенно придирчив. Упомянул двадцать четвертую суру Корана, на что Зеетцен выпалил: — Аллах — свет небес и земли. Его свет — точно ниша; в ней — светильник; светильник — в стекле; стекло — точно жемчужная звезда!..

При этом сам был удивлен собственными познаниями.

Зеетцен получил фирман, свидетельствующий о том, что он больше никакой не франк, а мусульманин Муса аль-Хаким, новообращенный.

Что, собственно, изменилось в его жизни? Причесал в одну сторону волосы на теле, как положено по его новой вере. Обрил наголо голову, как того требуют ваххабиты при совершении хаджа. Старался не забывать о соблюдении всех предписаний ислама. Теперь, он был в этом уверен, ему ничто не грозит.

В доме Абдаллаха ас-Сукката он пробыл до октября. 8 октября переделся в ихрам, который принес ему шейх Хамза, и почувствовал себя удивительно легко и свободно. Впрочем, теперь пужно было жить по мусульманскому лунному календарю.

Приближался последний месяц года — зу-ль-хиджжа, когда и следовало совершать хадж.

Вот и заветные Ворота спасения, Баб эс-Салам, на восточной стороне Джидды. Здесь надо было действовать быстро и уверенно. Именно на этом месте «неверным», как ему не раз говорили, грозила смерть или насильственное обрезание. На каменной ограде страшным предупреждением чернели зловещие железные крюки. Зеетцен, внутренне содрогаясь, зашагал дальше. Длинная бо-

рода и красный загар, который он приобрел за последние годы, скрывали от окружающих испуганного европейца — новоявленного мусульманина.

Далее начиналась заповедная земля — «харам», что значит «священная», «неприкосновенная». Земля эта невелика, и границы ее со всех сторон, то есть из Джидды, из Медины, из Ирана, из Сирии, из Йемена, определены очень точно и весьма давно. Специальные знаки отмечали начало харама, пункты остановок караванов. Дорога петляла по бесплодной, каменной пустыне, окруженной горами, и полого поднималась вверх. А вот это место на самых подступах к Мекке называется «Тан-им». Оно уже вовсе запрещено для «неверных». В XVII веке христиан и пудеев здесь сжигали живыми. Каменные столбы на дороге указывают границы святого города. Проходя мимо них, следует читать молитву «Умра». По мусульманскому поверью, дьяволы в бессилии останавливаются при виде домов и минаретов Мекки.

Зеетцен шел от Джидды двое суток и прибыл в Мекку ночью 10 октября 1809 года. Среди гор, в небольшой долине, спрятана от всего мира святая святых ислама. Но в темноте ничего не увидеть — есть только ощущение необычности места, его таинственного прошлого и славной нынешней судьбы. «Ведь это именно сюда обращены по пять раз в день взоры миллионов мусульман всего земного шара», — подумал Зеетцен.

Каждый пришедший в Мекку обязан найти себе проводника, именуемого «матваф» (или «мутаавиф»), и тот обеспечивает ночлег и пищу, следит за точным выполнением ритуальных обрядов и молитв. В шарпате прямых указаний на это нет, но в процедуре хаджа столько тонкостей, что никакому паломнику одному не справиться. Зеетцену же был просто жизненно необходим такой человек, который бы ему все объяснял и руководил каждым его шагом.

Оказалось, что, войдя в город, следовало сразу же обойти вокруг Каабы. К священному месту они и направились, едва забрезжил рассвет.

Зеетцен обратил внимание на то, что в отличие от других городов Востока Мекка не обнесена стеной. Естественной оградой ей служат окружающие горы. Через весь город тянется широкая улица — Мессаф, к которой с гор сползают ярусамы дома, высокие, из петесаных камней. Во время хаджа домов не хватает, и многим паломникам приходится спать на улице. Посреди Мессаф, в самой нижней части долины, — площадь. Тут и располагается знаменитый священный комплекс — Харам аш-Шериф, или Бейт-Алла, что значит «Дом Аллаха».

Матваф начинает свои объяснения:

— Взгляни, правоверный! Перед собой ты видишь центр мироздания.

Зеетцен напряжен и сосредоточен, но при этом не может не подумать: «Ну, вот и еще один „пуп Земли“. Первый я уже видел в Иерусалиме, при входе в храм Воскресения. Значит, у каждой ре-

лигии — свой „пуп“, свой центр. Где уж им договориться между собой!»

Нас с вами, мой дорогой читатель, это уже не удивляет, потому что мы знаем, что каждая религия, а возможно, и каждый народ придумывают себе такой центр мироздания. Вспомним, например, что таким центром назвал Зевс то место над святилищем Аполлона в Дельфах, где встретились два орла, выпущенные им с запада и востока. Тогда-то Зевс и преподнес храму кусок белого мрамора — омфал, который стал с той поры почитаться у греков как «пуп Земли».

— Ты думаешь, это Земля? — продолжает матваф. — Нет, это часть неба, опрокинутая на Землю. И в последний день существования Земли она на небо и вернется.

Зеетцен осматривается. Площадь, похожая на традиционный восточный двор, только гигантских размеров, окружена в три и в четыре ряда тонкими колоннами из мрамора, гранита и обыкновенного камня, соединенными поверху стрельчатыми арками и покрытыми множеством маленьких белых куполов — их более ста пятидесяти. Над ними возвышаются семь стройных минаретов. Вплотную к площади примыкает несколько зданий, в которых во время хаджа живут богачи. Зеетцен читал раньше, что первые дома и колоннада относятся примерно к 638 году, к периоду правления халифа Омара, но ведь с тех пор многое, и не раз, перестраивалось. В колоннаде семнадцать ворот, так что площадь доступна для обозрения днем и ночью. Одна из арок тоже называется «Ворота спасения» — через нее и должен войти на площадь паломник при первом посещении Каабы. Площадь усыпана щебенкой, кое-где вымощена камнем.

В центре площади — огромный, футов сорока в высоту, куб с плоской крышей. Это и есть Кааба, некогда языческое святилище, а ныне самый почитаемый мусульманами храм. Окон в Каабе нет. Дверь, обитая серебром, находится выше уровня земли футов на семь, поэтому в храм можно попасть только по деревянной лестнице, которую специально подкатывают во время хаджа. Открывают дверь всего два-три раза в год. И то не для каждого, а лишь для тех, у кого есть большие деньги или особый фирман.

Сверху, примерно на три четверти своей высоты, Кааба покрыта черным шелковым полотнищем, на котором золотом и серебром вышиты изречения из Корана.

— Оно называется «кисва», — объяснил матваф и, заметив, что ветер колышет покрытие, добавил: — Видишь? Семьдесят тысяч ангелов летают вокруг Каабы.

Зеетцен попытался прочесть куфические надписи на покрывале.

— Его вышивают в Каире по повелению турецкого султана, — продолжал матваф.

— Кто вышивает? — спросил Зеетцен.

— Одна семья, которая передает это почетное право из поколения в поколение. И египетский караван к моменту хаджа два раза

в год доставляет эти покрывала сюда. После хаджа его заменят новым.

— А с этим что делают?

— Если не знаешь, потом увидишь сам, правоверный. Может быть, и тебе выпадет счастье...

Зеетцен пожал плечами. Так трудно было осмыслить все увиденное...

Но самым примечательным был «Черный камень» — «аль-Хаджар аль-асвад», вделанный в угол Каабы выше уровня земли и чуть ниже человеческого роста. Для нас с вами, дорогой читатель, метеоритное происхождение этого камня не подлежит сомнению. Но вера приукрасила его появление преданием. И, согласно этому преданию, камень спустил библейскому Аврааму, который у арабов стал Ибрагимом, на землю с неба архангел Гавриил. В то время он якобы сверкал такой белизной, что его было видно за четыре дня пути до Каабы. Но постепенно от грехов человеческих он темнел и темнел, пока не стал почти совсем черным. Паломник должен поцеловать этот камень, а если не удастся, то хотя бы потрогать рукой.

Еще одно предание гласит, что Каабу соорудил Адам, потом она была разрушена всемирным потопом, затем восстановлена Ибрагимом и сыном его Исмаилом, легендарным прародителем северных арабов.

«Насчет потопа это возможно», — подумал Зеетцен и невольно перевел взгляд на вершины гор вокруг. Проводник, зорко следивший за каждым его движением, быстро заговорил:

— Город строили, думалп — здесь всегда будет жарко и сухо, а природа рассудила иначе. Стучаются ливни, и с гор мчатся потоки воды. Бывает, что с водой сползают и дома. Поэтому здесь время от времени приходилось что-то достраивать. Последний раз, говорят, это было лет полтора назад. С тех пор Кааба так и стоит, как ты ее сейчас видишь.

— А когда дождей нет, откуда берут воду? — спросил Зеетцен. — Ведь ее здесь требуется немало и для питья и для омовения. Кругом — ни одного ручья, а в колодцах вода соленая.

— С гор для стока трубы проведены. Это было еще при Зубейде, вдове халифа Харуна ар-Рашида. А у каждого хозяина цистерны есть — в них воду и собирают.

Описание площади с Каабой Зеетцен читал у Нибура, но теперь все это выглядело иначе: ведь Нибур сам не был здесь и пользовался чужими изображениями. Он взял их из арабской рукописи и немного подправил по устным рассказам и по рисункам одного турецкого художника. Кстати, Нибур писал о том, что этот художник восемь лет провел в Мекке и неплохо зарабатывал, продавая рисунки паломникам. Значит, здесь можно рисовать?

Проводник продолжал свои объяснения. «Мне надо зарисовать эти места, начертить план, — думал между тем Зеетцен. — Как это сделать? Он следит за мной. Но все должно быть изображено

точно, без ошибок. Бумагу достать, наверно, невозможно. Запомнить... Или потом... во время хаджа? Тогда будет много народу. Кто заметит?» А сам послушно следовал за матвафом.

Около Каабы — священный источник Земзем. В этих засушливых краях появление Земзема — чудо. И легенда находит ему свое объяснение. Когда жена Ибрагима, Сарра, почувствовала, что она стареет, не произведя мужу потомства, она послала его к своей служанке — египтянке Агарь. Та родила от Ибрагима сына Исмаила, но Сарра, тогда же родившая Исаака, выгнала из дома Агарь с Исмаилом. И скитались они по пустыне, умирая от жажды, пока архангел Гавриил не жалился над ними: он ударил о землю крылом, и появился Земзем. Как похожи мифы друг на друга, хоть и в разных религиях! Не такого ли эта вода происхождения, что и на Синае. вызванная из-под земли ударом посоха Моисея?.. А Исмаил с той поры почитается как прародитель и покровитель арабов.

А вот и Макам-Ибрагим, где хранится камень, на котором стоял якобы Ибрагим, когда строил Каабу, — здесь показывают даже отпечаток его колен. А чуть поодаль — гробницы Исмаила и Агарь. И здания, принадлежащие четырем мусульманским религиозно-юридическим школам — шафитской, маликитской, ханифитской и ханбалитской. И между ними мраморный мимбар — кафедра, с которой читают проповеди.

Почти целый месяц Зеетцен бродил по Мекке. Чем-то неуловимым она напоминала ему Иерусалим — такие же камни, почти лишенные растительности, та же мертвенная закосвелость «священных мест», то же оживление в момент появления паломников и тот же религиозный фанатизм толпы. Другая вера, другие нравы — атмосфера та же. В городе грязно. Когда идет дождь, потоки воды разливаются по немощеным улицам, превращая их в черное месиво, ибо сточных канав нет.

О том, чтобы сделать план города и Каабы, пока не могло быть и речи. Зеетцену все время казалось, что за ним следят. Усерднее, чем настоящие мусульмане, он совершал на площади пятикратную молитву, чтобы все лучше запомнить. Порою ему даже удавалось достать карандаш. Но у Каабы никогда не бывало пусто, а вызвать подозрение было не только неразумно, но и опасно. Даже по ночам в дрожащем пламени свечей там виднелась чьл-то фигуры.

Поэтому, оставив уточнение плана до окончания хаджа, Зеетцен стал искать себе иное занятие. В конце концов он решил направиться в селение Мадаин-Салих. Там, в пустыне, говорят, находятся развалины неизвестных городов, десятки вырубленных в скалах гробниц, испещренных надписями. О них слышал еще Нибур. Но Абдаллах ас-Суккат, снявший в Мекке дом для Зеетцена и навещавший его, отговорил ученого от этого: и так кое-кто подозревает, что чужеземец принял ислам не во имя религии, а из каких-то иных побуждений. Он, Абдаллах, старается в это не вникать. Но подобная поездка усугубит подозрения в неискренности.

ности, привлечет внимание ваххабитского эмира Мекки и наверняка вызовет его гнев, а это может быть сопряжено с опасностью для жизни.

22 декабря 1809 года Зеетцена вызвали к эмиру. Последовал немногословный допрос.

- Откуда?
- Из Европы.
- Турок?
- Нет.
- Кто?
- Бедный пилигрим.
- Вероисповедание?
- Мусульманин.
- Когда?
- Неофит.
- Зачем здесь?
- Чтобы завершить свое обращение.
- Почему столько книг?
- Жажду быть ученым богословом.

Глядя недоверчиво и грозно, эмир знаком велел ему удалиться.

Теперь уже Зеетцен не помышлял о Мадаин-Салихе. Но не прошло и недели, как он, оправившись от испуга, затеял не менее рискованное предприятие. Он решил посетить Медину — город, куда в 622 году переселился Мухаммед («переселение» — по-арабски «хиджра»), откуда вел свои войны и где был погребен.

Абдаллах уверял европейца, что посещение Медины не пройдет ему даром. Ваххабиты, владеющие Хиджазом, считают идолопоклонством паломничество в Медину, к могиле пророка, и запрещают его. Но для всех правоверных мусульман посещение Медины желательно, хотя и не установлено Кораном; не надо надевать ихрам, и можно обернуться быстро. И вот Зеетцен, прикинувшись дервишем, примкнул к попутному каравану.

Извилистая дорога все время идет вверх. Город расположен на восточной окраине плато, и здесь прохладнее, чем в Мекке. В доисламское время он назывался Ясриб, а «Медина» по-арабски и означает «город».

Каменные стены. Ворота. Две узкие улицы. Двухэтажные дома с плоскими крышами. Дома сложены из темного камня, поэтому город выглядит мрачно. Безлюдье. Нашествие ваххабитов сократило население Медины тысяч на десять. Отсутствие же массы паломников — результат запрета ваххабитов — привело город не только к запустению, но и к обнищанию: прежних доходов нет.

Главная улица, хотя и более узкая, чем в Мекке, но вымощенная камнем, здесь также ведет к площади, которая, подобно мекканской, называется Харам ан-Шериф. Площадь усыпана песком и щебенкой, а у самой могилы пророка выложена мрамором.

Мечеть с зеленым куполом, увенчанным золотым шаром и полумесяцем, имеет пять минаретов. Могила пророка, которую называют «худжра», расположена поодаль, на том самом месте, где, по

преданию, после прибытия Мухаммеда в Медину из Мекки его верблюд опустился на колени. Впрочем, саму могилу паломникам увидеть не дано. Ее загораживает массивная металлическая решетка, украшенная бронзовой и серебряной куфической вязью. Зеетцен попробовал заглянуть сквозь нее, но увидел одно сплошное покрывало. Ему рассказали, что под покрывалом находится сложенное из камней сооружение кубической формы, внутри его — гробницы Мухаммеда и его ближайших преемников — халифов Абу Бекра и Омара, а за занавесом — могила дочери пророка Фатимы. Всеми этому пришлось поверить на слово. Так же как и тому, что там находится еще одна гробница, сейчас она пуста, так как в ней должен быть похоронен Иса бен Мариам, то есть Иисус, сын Марии, после его второго пришествия.

Рядом с Зеетценом кто-то глухо бормотал слова молитвы: «Мир да будет с тобой, Абу Бекр, о ты, праведный! Мир да будет с тобой, о халиф посланника Аллаха, друг по пещере, спутник в пути!»

Часть площади окружена колоннадой и называется «Сад». Зеетцен вспомнил строки Корана: «Сказал пророк: „Между моей могилой и моей кафедрой находится сад садов рай“». Вот и создали правоверные некое подобие этого сада. Пол здесь устлан коврами, колонны из зеленого мрамора и яшмы украшены нарисованными цветками и увиты золотыми надписями.

Зеетцен начертил план Медины и сделал зарисовки.

Когда 11 января 1810 года он вернулся в Мекку, туда уже со всех сторон прибывали караваны. Как могли небольшие кварталы Мекки вместить всю эту массу людей и животных, было непостижимо. Но город, казалось, раздвинул границы. Дома были набиты до отказа, а под стенами города далеко во все стороны раскинулись поселения из разноцветных и черных шатров.

На хадж прибыли мусульмане из многих стран — персы и афганцы, негры и малайцы, арабы и индийцы, турки и яванцы. За порядком следили полицейские-ваххабиты с кремневыми ружьями и длинными кинжалами.

Зеетцен тщательно соблюдал все обряды хаджа, но в глубине души у него таился страх. Тревожило его и другое. Совершая молитву, он привычно держал в руке листок бумаги и пытался делать наброски. Едва ли кто увидит, успокаивал он себя: все поглощены молитвой и созерцанием. Кому интересно смотреть на него?..

Основная процедура — это «таваф» — «обход», семикратное шествие вокруг Каабы. Матваф внушал Зеетцену, что оно символизирует божественный порядок, согласно которому все существа подчинены единому центру — солнечной системе, воплощенной в боге. Тысячи людей, столпившихся у мечети, действительно образовали некую мистическую круговерть. Но если семь раз обойти вместе с толпой вокруг Каабы было не так уж трудно, то исполнить заключительный обряд — поцеловать «Черный камень» — оказалось значительно сложнее. Около камня, этой крупницы вселенной, втиснутой в массивную серебряную оправу, вдруг разом очут-

лась охваченная религиозным экстазом масса людей, друг друга не видящих, отталкивающих, давящих насмерть.

Все в Зеетцене содрогнулось от отвращения, ему захотелось снова, как тогда на Дунае, бежать от самого себя, от всего окружающего. Но это было невозможно. Людской поток подхватил его, сжал и понес, словно песчинку. И вот он вступил на овальную мраморную площадку, гладко отполированную подошвами сотен тысяч правоверных. Площадка окружена бронзовыми столбиками, а между ними на цепях висят стеклянные лампы. Зеетцен пытается втиснуть лицо в серебряную ораву. Камень находится глубоко внутри ее, Зеетцен вытягивает шею не для того, чтобы его целовать, нет, а чтобы лучше рассмотреть и потом поведать другим. Что же это? Да ведь камень и не черный вовсе, а серый! Он хорошо разбирается в горных породах, но такого не знает. Каково же его происхождение? Вулканическое? Эти прозаические мысли несколько успокаивают его.

Затем полагалось выпить воды из источника Земзем. Хранитель источника среди беснующейся толпы казался мраморным изваянием. Механическим жестом он наполнял чашу и безмолвно протягивал ее очередному паломнику. Зеетцен слышал, что иногда по велению эмира хранитель бросает в чашу яд, и тогда смерть наступает мгновенно. Дрогнувшей рукой Зеетцен взял чашу и выпил нечто теплое и горьковато-соленое.

Теперь предстояло исполнить ритуал «саи». Это значило семь раз пробежать туда и обратно всю главную улицу Мекки, расположенную между священными горами Сафа и Марва, длиной метров четыреста с лишним. Своим происхождением саи якобы обязан тому моменту древней истории, когда Агарь металась по раскаленной пустыне в поисках воды. Вот эти ее мучительные метания и надлежало повторить в миниатюре всем правоверным мусульманам. Но есть в ритуале и какие-то отголоски языческих обрядов.

«Саи» означает «иди быстро», «беги», но Зеетцен заметил, что бегут далеко не все. Видимо, это зависит от рвения или от физических возможностей. Вот кто-то мчался так стремительно, что уже свалился и теперь судорожно вертится на земле, стараясь не быть раздавленным обезумевшими паломниками. А вон того, толстого, слуги просто несут на руках. Зеетцен увидел и женщин. Какой-то араб, обняв своих спутниц, важно шагал по улице, не обращая ни на кого внимания. У молодого перса на плечах сидел ребенок. Над головами людей вытягивали свои длинные шеи невозмутимые верблюды.

Зеетцен сначала бежал вместе со всеми как одержимый. Затем споткнулся и замедлил бег. Нет, это было выше его сил. Он незаметно нырнул в дом, снятый Абдаллахом. Отдышавшись, поднялся на крышу, служившую, как и повсюду на Востоке, террасой, и, приняв к перилам, глянул вниз. А там, на улице, все еще бежали, шумели, суетились тысячи людей, гонимые нервным напряжением, боязнью что-то сделать не так и тем самым совершить грех, неотступными мыслями о действительно содеянных грехах,

жаждой раскаяния, страстной потребностью в искуплении и прощении.

— На крышах домов в Мекке не положено появляться мужчинам, — услышал он вдруг бесстрастный голос матвафа. — Там проводят все свое время женщины, занимаясь домашними делами. Мужчина, вышедший на крышу, может быть обвинен в том, что он подглядывает за тем, что ему не позволено видеть.

Зеетцен в отчаянии отпрянул от перил...

На восьмой день месяца зу-ль-хиджжа из Мекки отправлялась огромная процессия на холм Арафат, где правоверные должны были прослушать проповедь мекканского имама и отслужить молитвы. Только посетившему этот холм давался титул «хаджи». «Арафат» значит «узनावание». По преданию, именно на этом месте встретились и узнали друг друга Адаи и Ева, изгнанные из рая. С этого же холма якобы архангел Гавриил являлся пророку Мухаммеду.

Дорога к Арафату — это двенадцать миль на восток, в сторону города Эт-Таифа. Собственно, это даже не один, а два холма, нависшие один над другим. Более низкий окружен стеной, на вершину ведут выдолбленные в граните ступени. В долине у подножия Арафата полагается провести день и ночь.

Рано утром все те тысячи паломников, которые накануне в Мекке молились, кружили вокруг Каабы, пили воду Земзема, бегали, все те тысячи людей, что кишели на улицах и в переулках, погрузили на верблюдов и ослов тюки с поклажей и устремились к Арафату. В отличие от сутолоки предыдущих дней это шествие двигалось спокойно и величественно. Зеетцен, ехавший в сопровождении проводника, успевал не только рассматривать спутников, но и тайком отмечать на бумаге все пункты по дороге.

Многотысячная человеческая масса заполняет долину. Приближаясь к холму, все молятся и кричат: «Ляббайк!», будто призывая небо в свидетели своего религиозного усердия. Лучи закатного солнца окрашивают багрянцем белые накидки пилигримов. И почти тотчас же солнечный свет сменяется пламенем костров. Люди раскидывают шатры и читают вечернюю молитву.

Зеетцен стал, как обычно, рассматривать темное небо. Глядя на звезды, он постепенно отрешался от всего земного. С детства он привык верить, что каждый человек рождается под определенной звездой, и всю жизнь вел поиски своей звезды. У нее не было названия. Там, далеко в небе, в бесконечности мироздания, она, возможно, так же одинока, как и он, и так же не знает, что ждет ее в катаклизмах вселенной. Быть может, завтра она столкнется с другим небесным светилом или упадет. Ведь есть же такое понятие «падающие звезды» — в Сирии их было множество. А вдруг его звезда уже давно погасла и только свет ее все еще летит сквозь эту черноту? Летит к людям, к нему, летит, летит, летит... Голову его заволочло туманом. Летит, летит... Он не заметил, как заснул.

Перед восходом солнца все зашевелилось, зашумело. И когда от гладкого гранита Арафата отразился солнечный луч, на вер-

пшине холма верхом на верблюде показался имам. Началась хутба — проповедь: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Клянусь горой, и книгой, начертанной на свитке развернутом, и домом посещаемым, и кровлей вознесенной, и морем вздутым... Клянусь зарею и десятью ночами, и четом и нечетом, и ночью, когда она движется...» Это длилось почти до самого вечера. Солнце палило пещадно. Бессмысленные слова застревали в ушах, но отступить было некуда — следовало пройти этот мучительный путь до конца. А вокруг, словно грозное предостережение, кое-где виднелись кучки камней, обозначающие места захороненных паломников, не доживших до завершения хаджа.

И все же самое страшное было впереди. После окончания проповеди все паломники должны были направиться в деревню Мина для жертвоприношения. Как сказали Зеетцену, надо будет идти через Муздалифа, но он не предполагал, что Муздалифа — это узкое ущелье, в которое захотят сразу втиснуться тысячи людей, обезумевших от жары и неподвижности. Здесь, в ущелье, видимо, погибла не одна сотня людей. Паломники кричали, напирали, давили друг на друга, потому что надо было не просто пройти через ущелье, но и набрать при этом как можно больше мелких камней и завязать их в ихрам. На ночлег располагались тут же, неподалеку.

На другой день, когда вся толпа пришла в Мину, эти камни были пущены в ход. Мина состояла всего из одной улицы, на которой высились три колонны — «столбы дьявола». Мусульмане верят, что именно тут Ибрагим побил дьявола камнями. И вот теперь в ознаменование этого события каждый паломник должен бросить по семь камней в каждый столб. Зеетцен взирал на это массовое действие с изумлением. Что это — игра? Отголоски языческих обрядов? Зеетцен вспомнил, что Жан-Жак Руссо любил кидать камни в ствол дерева и загадывать: попал, — значит, повезет, не попал — сорвется. И даже более того: попал, — значит, окажусь в раю, не попал — в аду. Испытание судьбы, собственного везения. Но здесь, кажется, никто и не попадал в столб, камни летели в паломников. Зеетцен едва успевал прикрывать руками голову.

Однако и это было еще не все. Наступил ид аль-адха — праздник жертвоприношения, который отмечается в десятый день месяца зу-ль-хиджжа. Праздник этот явно языческого происхождения. Зеетцен же записал у себя в дневнике, что он отмечается в честь деяния Ибрагима: как раз здесь, в Мине, Ибрагим хотел принести в жертву своего сына Исмаила, не Исаака, как сказано в Библии, а именно Исмаила, от которого северные арабы ведут свой род и который был первенцем Ибрагима. На один этот день в Мину сгоняют стада со всей Аравии. Купив овцу или барашка, паломник поворачивается лицом в сторону Каабы и перерезает животному горло. Деревня превратилась в гордо выставленную напоказ бойню. Хрип, крик, блеяние тысяч овец неслись над маленькой Миной. Абдаллах ас-Суккат спял и в Мине дом — специально для того, чтобы Зеетцен смог все хорошенько рассмотреть. Но этого кровавого зрелища наш путешественник не смог выдержать. Забившись

в угол, он, как затравленный зверь, только огрызался на сочувственные слова Абдаллаха.

Вернувшись в Мекку, они застали город спльно изменившимся. Повсюду еще толпился народ, но напряжение спало. Недавно еще белоснежный ихрам у всех паломников от грязи и пота превратился в темно-серый. Зато на Каабе появилось новое покрывало. Старое же разрезали на куски и продавали новоявленным хаджи. Тот, кто покупает большой дорогой кусок, может сшить себе жилет, веря при этом, что он защитит владельца от ударов. Из маленьких кусочков хаджи обычно делают закладки для Корана. Торговля идет в приглушенных тонах. А рядом наполняют сосуды водой из источника Земзем, чтобы увезти ее домой. Те, у кого сосудов нет, брызгают водой на себя или окунают в нее свои одежды.

Видя, с каким интересом наблюдает за этим процессом Зеетцен, матваф зашептал ему на ухо:

— Недавно один правоверный приехал сюда с собственным саваном. Заранее сделал! Окунул его в воду Земзема и теперь будет хранить до самой смерти. мудро поступил. В адском огне гореть не будет, рай себе обеспечил, машалла!

За пределами Харам аш-Шерифа шла более оживленная торговля. Где скопище людей, там и торжище — так уж повелось с незапамятных времен. В дни хаджа в Мекку доставляют товары не только из всей Аравии, но, пожалуй, и со всего мусульманского Востока. Здесь продают коралловые четки и священные книги, фески и сафьян, ковры и шелка, платки и сандалии, оружие и ювелирные изделия и многое другое, чем славятся восточные ремесла, хотя в самой Мекке ремесла не развиты. Ни в городе, ни в его окрестностях воды для орошения полей и садов нет, и здесь могут произрастать лишь пальмы, колючие кустарники да дикие травы. Базар же завален прекрасными фруктами всех сортов — привозными. Торгуют в Мекке все: ученые богословы и плотники, бедные бедуины и богатые купцы, проводники и шейхи. Во время хаджа цены поднимаются неимоверно. Зеетцен видел и прямой товарообмен, когда, например, товары из Индии меняются тут же на товары из Южной Аравии или Африки. В Мекке торгуют и рабами, для чего существует специальный рынок.

В то время как одни до самозабвения усердствуют — падают, ползут, бегут, целуют камни, другие не считают за грех подороже продать, подешевле купить, а то и вовсе украсть. Близость священных мест их не смущает. Как вы помните, дорогой читатель, паломнику, облачившемуся в ихрам, запрещено убить даже насекомое. Тем не менее в Мекке нередки и убийства, и похищения людей. Да, этот мир поистине безумен перед лицом Аллаха!..

Пищу паломники готовят прямо на улицах Мекки, прокормиться тысячам людей в маленьком городе — дело не простое. И местные жители умело пользуются этим, обогащаясь на пуждах паломников. Однажды Зеетцен попробовал жареную саранчу, и ему так понравилось, что отныне он, преодолев предубеждение европейца, стал охотно питаться ею.

В редееущей толпе паломников заметнее стали выделяться бедные, хлынувшие из пустыни на базар в Мекку. У некоторых из них черные накидки и пунцовые вуали с прорезями для глаз.

Все процедуры, связанные с хаджем, длятся иногда до трех месяцев. Не успеет покинуть Мекку один караван, как уже прибывает новый, с очередной партией паломников, и город опять закипает страстями.

ПО СЛЕДАМ НИБУРА

23 марта 1810 года Зеетцен вернулся в Джидду. Немного отдохнув, он начал подумывать о путешествии в Хадрамаут — область на крайнем юге Аравийского полуострова. Как раз в это время туда отправлялся большой караван ваххабитов, охраняемый сотней всадников. Узнав, что Зеетцен намерен присоединиться к этому каравану, Абдаллах сказал ему холодно:

— Ваххабиты нам ненавистны. Получишь их помощь, потеряешь наше уважение. Пойдешь с ними — наши не простят.

Пришлось Зеетцену отказаться от своей затеи и избрать путь морем. 8 апреля он прибыл в Ходейду. Здесь он нанял погонщика с верблюдом и проводника. Вместе с ним отправился и шейх Хамза. Своим необыкновенным религиозным рвением он очень замедлял движение, так как останавливался и молился не только в положенное время, но и по любому поводу.

— А почему бы вам тоже не вести путевые записки? — спросил его как-то Зеетцен. — Я слышал, что так поступают все ученые люди.

Шейху это предложение польстило, и с таким же усердием, с каким молился, он принялся записывать все, что попадалось на пути. Зеетцен просматривал записки шейха, черпал из них новые сведения, сверял со своими, хвалил его за образованность и наблюдательность. К сожалению, вскоре Хамза покинул Зеетцена.

С небольшими отклонениями Зеетцен повторял маршрут Нибура: Ходейда — Бейт-эль-Факих — Забид — Дамар — Кусма — Таиз. Уже сравнительно недалеко от Саны, в тех местах, где умер Форкол, Зеетцен попал под сильный дождь и занемог. Начался бред. В минуты просветления он с горечью думал о своей самонадеянности. Он был уверен, что предусмотрел все. Но, оказывается, природа сильнее. Никогда он не боялся болезней. Был готов перенести любые невзгоды. Впрочем, надежды он не терял и сейчас. С улыбкой вспоминал прежние приступы страха. Как славно он справился с ними! Да и вообще он молодец. Даже ваххабиты не мешали ему посетить могилу пророка. Самое трудное позади. Недомогание — это пустяки... Он старался передвигаться сам, лишь через горные реки и крутые переправы спутники переносили его на руках. И все же в селении Дуран пришлось пробыть почти месяц, чтобы окрепнуть.

Когда 2 июня 1810 года Зеетцен прибыл в Сану, он был совершенно здоров. Здесь его заподозрили в колдовстве и обвинили в

том, что он во время своих непонятных странствий по земле яма ловит животных, убивает их и делает из трупов настоек, которым отравляет источники. На допросе свое путешествие он объяснил стремлением к познанию, а коллекции — интересом врачавателя. Он чувствовал свою неприкосновенность в роли хаджи Мусы аль-Хакима и держался независимо. Это подействовало на обвинителей, и его отпустили с миром.

И снова он шагает по землям, описанным Нибуrom. Пытается что-то уточнить, что-то добавить, найти и увидеть то, чего Нибуr не нашел и не увидел. Множится количество записей, пополняются коллекции йеменских птиц, животных, насекомых, растений, горных пород. Теперь ему уже не обойтись даже двумя верблюдами.

В древности в Южной Аравии существовало хемьяритское царство. Прочитав об этом у греческих историков, Зеетцен кружит здесь в поисках его следов. Он попадает в бывшую столицу царства город Зафар, что близ Ярима, и обнаруживает несколько камней с непонятной письменностью. Такие же надписи встречаются ему в Манкасе на камнях, составляющих стену мечети. Эти письменные свидетельства существования южноаравийской цивилизации он тщательно копирует, и именно они положили начало современной сабенстике.

Через Лахдж он добирается до Адена, а затем берегом моря приходит в Моху.

Стоял уже ноябрь. Жары не было. Город показался ему уютным, приветливым. Вокруг зеленели горы, сплошь покрытые рощами кофейных деревьев, море манило своей синей гладью. Он снял удобный дом. Не Каир, конечно, но все равно прекрасное место, где можно наконец спокойно просмотреть все записи, разобрать коллекции, заняться почтой, подготовить отчеты и научные статьи для фон Хаммера и фон Линденау.

Дело пошло весело. Написаны и посланы статьи самого различного содержания: о флоре и фауне Аравии, об аравийских лошадях, об обнаруженных в Манкасе древних надписях, выдержки из дневников. Отправлено несколько писем. В письмах к фон Цаху — снова сомнения, наблюдения, планы. Впрочем, Зеетцен уверен, что, приняв мусульманство, он поступил правильно. 17 ноября 1810 года он писал в Германию: «Если я буду жив и здоров, то, окончив путешествие по Аравии, с величайшим рвением поспешу к конечной цели моих путешествий — в Африку, причем, полагаю, маска мусульманина сослужит мне столь же полезную службу, как и в Аравии».

Читатель помнит, сколько зловещих выпадов выпало в Мохе на долю экспедиции Нибура. Не пощадила здесь судьба и Зеетцена. Как-то, вернувшись после прогулки домой, он обнаружил, что вещи его перерыты и часть коллекций исчезла. Все попытки найти грабителей ни к чему не приводят. Кади смотрит хмуро, пожимает плечами. Хаджи Муса ищет свои банки с пауками? А может быть, это Аллах смилостивился над пауками? Они никому не нуж-

ны? Тогда, значит, уползли. Дохлые ползать не могут? Послушайте, а кому вообще нужны дохлые пауки? Или бабочки, которые не летают? Или камни, которых предостаточно в этих горах? Или птицы, навсегда сложившие крылья, созданные для полета и превратившиеся в чучела? Зеетцен, чувствуя свое бессилие, решает как можно скорее покинуть Моху, добраться через Маскат в Басру, а оттуда плыть в Африку. По дороге можно снова побывать в Сане и подать имаму жалобу на ограбление в Мохе.

Декабрь 1811 года. Зеетцен упаковывает свои богатства. Почти все предназначено здесь для музея Готы. Только вот дневники, записи и карты брать с собой опасно. Тем более что не хватило времени на то, чтобы сделать с них копии. Поэтому все свои рукописные материалы он оставляет итальянскому купцу Мензони — теперь он за них спокоен: тот обещает переправить их в Европу. Впереди трудный путь, никем не изведанный, никем не пройденный. Зато как вырастут его коллекции! И сколько новых городов, селений, руин он обнаружит там, какие подробные карты составит! Его багаж необъятно велик, приходится нанять целый караван — семнадцать верблюдов.

В последний вечер перед отъездом из Мохи Зеетцен, как всегда, поднялся на плоскую крышу. В сухом прозрачном воздухе звезды сияли особенно ярко. «Звезда дана человеку, чтобы внушать ему уверенность в себе, чтобы беречь его, ведь ей сверху виден каждый его шаг. Где же ты, моя звезда?» — вглядывался он в сверкающий небосвод. Огненная точка вдруг прочертила небо. Звезда упала? Что вечно в необъятной вселенной? Зеетцена охватило давно забытый леденящий страх. Он вздрогнул и опустил голову...

ПРЕРВАННЫЙ ПУТЬ

Ксавер фон Цах, ненадолго приехавший из Милана в Готу, посетил редакцию своего бывшего альманаха. И вдали от Германии он неустанно продолжал следить за его публикациями.

Скромный кабинет Бернгардта фон Линденау был погружен в полумрак. Массивные шкафы с книгами таинственно поблескивали золотом дорогих переплетов. В углу саркастически улыбался мраморный Вольтер.

Одним из первых вопросов фон Цаха было:

— А что слышно о нашем милом путешественнике Ульрихе Зеетцене? Я давно ничего не получал от него. Последние его послания были из Мохи. Если он проник в глубь Аравийского полуострова, то нам придется ждать его прибытия в Басру.

Фон Линденау молчал.

— Он переменил маршрут? Вам что-нибудь известно? — переспросил фон Цах.

— Известно немного, но большего, верно, никогда и не узнать, — ответил наконец фон Линденау. — Зеетцен убит через два дня после того, как покинул Моху.

— Кем? За что? — в ужасе воскликнул фон Цах.

— Если бы знать! По-видимому, он шел в Таиз.

— Пятьдесят лет назад этим же путем проходила экспедиция Нибура. Но они там умирали своей смертью.

— Зеетцен убит,— повторил фон Линденау.— Англичане из Ост-Индской компании, прибывшие вскоре в Моху, сразу услышали об этом. Я получил письмо от капитана Джеймса Бэкингема.

— Грабители? — спросил фон Цах.

— Едва ли. Он побывал в куда более опасных местах, и все обошлось. Кроме того, он всегда прекрасно ладил с туземцами. Правда, караван из семнадцати верблюдов не мог не вызвать жадное любопытство.

— А зачем так много? — удивился фон Цах.

— Об этом я ничего не знаю. Быть может, он побоялся отправлять из Мохи в Готу все свои коллекции, дневники и рукописи и взял их с собой.

— Ужасная судьба,— прошептал фон Цах, и непонятно было, что он имел в виду: судьбу человека или судьбу коллекций.— Что-нибудь нашли?

— Бэкингом пишет, что ничтожно мало. Уж он бы все разыскал, была бы хоть малейшая зацепка.

— Да, Бэкингом не только моряк и путешественник. Он ведь еще и журналист. Для его «Атенеума» такие материалы оченьгодились бы. Весь мир следил за путешествием нашего Ульриха,— сказал фон Цах.

— По словам бедуинов,— продолжал фон Линденау,— всю его поклажу было велено доставить имаму. Поэтому не исключена возможность...

— Что вы такое говорите! — воскликнул фон Цах.

— Да, да, не удивляйтесь,— с грустью промолвил фон Линденау.— После Лодовико ди Вартема мало кто из европейцев рисковал посетить Мекку, а могилу пророка в Медине до Зеетцена, кажется, не видел ни один европеец. Он прислал ценнейшие описания священных городов ислама. К тому же он начертил их планы. Если это заметил хоть один человек, то судьба его была предрешена. Слухи там распространяются молниеносно. Об этом пишет и Нибур. Стоило имаму узнать, что у европейца оказались планы и рисунки их святыни, и он, вне всякого сомнения, мог распорядиться его...

— Убить?

— Возможно, отравить. Правды мы никогда не узнаем.

— Но в облике хаджи Мусы аль-Хакима он ведь, кажется, не вызывал подозрений,— возразил фон Цах.

— Думал, что не вызывает. Верил. И мы вместе с ним. Но ведь еще Нибур предупреждал его: лучше быть любопытным христианином, чем казаться искренним мусульманином.

— Лучше быть, чем казаться...— повторил фон Цах.— Да, это так — всегда, везде, во всем.

— Вряд ли окружающие верили в искренность его обращения

в мусульманство. Более того, именно после принятия ислама он стал повсюду вызывать подозрение. Помните, едва он прибыл в Мекку, как его вызвали к эмиру ваххабитов. Зачем? Проводник не спускал с него глаз. А в Мохе перерыли все его вещи. Разве это не было плохим предзнаменованием?

Они замолчали. Им представился маленький упрямый, честолюбивый Зеетцен, его нервность, впечатлительность, павязчивое стремление после Аравии проникнуть в сердцевину Африканского континента. Кто прервал его неудержимый порыв. Кого он увидел перед смертью? О чем думал в последнюю минуту? О чем пожалел? Что вспомнил?

Узнают ли когда-нибудь потомки обо всем этом? Вряд ли. Слишком много прошло времени, слишком много утекло воды, развеялось песка. Поэтому, дорогой читатель, нам лишь остается вместе с Ксавером фон Цахом и Бернгардтом фон Линденау, вместе с европейскими учеными более позднего времени бродить по области домыслов и догадок. Конечно, караван из семнадцати верблюдов выглядел весьма соблазнительно для разбойников. А может быть, действительно Зеетцена подвел облик мусульманина? Не считая его своим, к нему уже не хотели относиться и как к гостю. К тому же в глазах окружающих он выглядел колдуном. Не располагал к себе и его характер — заносчивый, угрюмый. Местные жители имели все основания недолюбливать его. Почему же имам должен был испытывать к этому чужеземцу другие чувства?

Впоследствии возникла еще одна версия: будто бы представители некоторых европейских держав сочли Зеетцена русским шпионом и подослали к нему наемных убийц.

Через несколько лет, в феврале 1815 года, Джеймс Бэкингом произвел в Мохе тщательное расследование. В частности, у него состоялась беседа с неким доктором Айкином и агентом Ост-Индской компании Форбсом, которые видели Зеетцена за два дня до гибели. И они рассказали, что большую часть коллекций ученого забрали его проводник и переводчик. Рукописи же, оставленные Зеетценом Мензони, после смерти купца попали к какому-то индийцу — служащему Ост-Индской компании, а у него их отняли и передали самому имаму. «Я не смог узнать точных обстоятельств его гибели, — писал Бэкингом, — но не осталось больше и надежды обнаружить его драгоценные бумаги... Ясно, что они были захвачены и уничтожены».

7 декабря 1815 года, спустя целых четыре года после таинственной гибели Ульриха Зеетцена, его родные получили от фон Линденау сообщение о том, что, несмотря на все старания, не удалось обнаружить ничего из того, что несчастный путешественник оставил в Мохе, — ни его бумаг, ни 1200 пиастров, также переданных там на сохранение.

ЧТО ОСТАЛОСЬ ЛЮДЯМ

20 февраля 1816 года в немецкой прессе промелькнуло сообщение, якобы полученное из Дуйсбурга: «В Алеппо с караваном прибыла часть бумаг и имущества погибшего Ульриха Зеетцена. Они были проданы с аукциона, куплены неким англичанином и, вероятно, переданы им родственникам покойного». По-видимому, на основании этого сообщения фон Линденау писал 21 марта 1816 года, что он все еще пытается помочь семье Зеетцена получить деньги, оставленные ученым в Мохе, и бумаги, которые, по его сведениям, находятся в Англии.

Таким образом, судьба научного наследия Зеетцена оказалась не менее таинственной, чем его личная судьба. К тому времени многие рукописи Зеетцена — статьи и путевые записки — были изданы в «Ежемесячной корреспонденции» фон Цаха и фоп Липденау, в «Сокровищнице Востока» фон Хаммера, в «Новом немецком Меркурии» фон Беттигера. Часть рукописных материалов была передана семьей погибшего в библиотеку герцога Гольштейн-Ольденбургского. То, что не было своевременно получено, впоследствии собиралось по листочку, как подлинная редкость. А листочки эти появлялись в самых неожиданных местах. То какая-то рукопись была продана неизвестным лицом венской Королевской библиотеке, то в Триесте обнаружили кусок дневника, то в самой Германии нашли несколько страниц из путевых записей.

Не буду утомлять вас, дорогой читатель, рассказом о том, как искали и находили коллекции и рукописи Ульриха Зеетцена, — это уже было делом других людей, не Зеетцена. Скажу лишь, что число материалов, отправленных Зеетценом с Востока, огромно. Достаточно подсчитать то, что нам известно: четыре ящика, привезенные Якобсеном из Смирны наследному принцу Готы Эмилю-Августу; шесть ящиков из Алеппо с дневниками и гербариями, пришедшие сложным путем через Кипр и Венецию; дневники и записи, отправленные из Ливана и Сирии также через Кипр и Венецию; четыре ящика из Акко, которые везли через Сицилию, Кипр и Триест; шестнадцать ящиков из Каира, в которых находились 1574 рукописи, 3536 предметов древности, восточные украшения, египетская домашняя утварь, гербарии, коллекции минералов и чучел животных, мумии, черепа, забальзамированные пapyrus, мангусты, а также змеи и другие пресмыкающиеся.

Однако прошало куда больше. По непонятным причинам не дошли до адресата многие чучела птиц и четвероногих. Исчезли бесценные произведения античного искусства. Лишь благодаря тому что Зеетцен пронумеровывал каждый предмет и каждую рукопись, можно было продолжать поиск его материалов. Известному немецкому историку и географу Фридриху Крузе, возглавившему этот поиск, потребовалось сорок лет для того, чтобы объединить все, что осталось от путешествия Ульриха Зеетцена, разобрать коллекции, просмотреть рукописи, изучить их, систематизировать и составить каталоги.

22 февраля 1805 года Зеетцен писал брату: «После потери жизни и здоровья для путешественника самой тяжелой потерей может быть только потеря путевого журнала». Он знал цену каждой записи, сделанной в путешествии, по свежим следам. «Путешественнику едва хватает времени на то, чтобы сделать хотя бы беглые наброски,— писал он брату двумя месяцами ранее.— Часто так устаешь от непосильных нагрузок, что не остается ни желания, ни охоты описывать что-либо». Он просил брата редактировать его записи, сохраняя их хронологию. Он понимал, что пишет отрывочно, небрежно, неравноценно по стилю и жанру, что в его записях сухие сведения по географии и астрономии перемежаются с описаниями приключений, им пережитых, и настроений, им испытанных. Его волновала проблема художественного описания путешествия. Он считал, что научные наблюдения важны лишь для специалистов, а для широкого круга читателей они скучны и неинтересны. Он уповал на друзей, которые ему помогут, на время, которого, он думал, у него так много впереди и которого ему не подарила судьба. Но одному закону он следовал неукоснительно: во всех его записях должна быть только правда.

К обработке научных материалов Зеетцена Фридрих Крузе привлек многих специалистов: естествоиспытателей, математиков, египтологов, лингвистов, астрономов, геологов. Одновременно восполнялись пробелы: из небытия появлялись письма, фрагменты статей и дневников, топографические расчеты, результаты астрономических наблюдений. Из отрывочных записей слагались новые труды, среди них — трактат о восточной музыке, статьи по этнографии арабских племен, переводы арабских песен, карты Египта, Палестины, Заиорданья, Мертвого моря. Кое-что из этого было переписано чужой рукой, поэтому авторство иногда оспаривалось. Но в конце концов всегда удавалось доказать подлинность этих материалов. В результате возникла своеобразная «Зеетцениана».

В 1854—1856 годах Крузе опубликовал три тома дневников и записей Зеетцена, снабдив их своей статьей и обширными комментариями, составившими отдельный том. Ученый спрашивал себя, не устарели ли эти материалы за прошедшие годы. И сам отвечал: нет, не устарели, как не устаревает история «для всех тех, кто ценит научную истину — самый надежный якорь в этом ненадежном море жизни, точное познание прошлого и настоящего, далекого и близкого». К тому же, заключал он, Зеетцен прожил «жизнь, похожую на приключения Робинзона Крузо».

После издания Крузе поиски прекратились. Обнаружено ли все, что осталось после Зеетцена, нам неизвестно. Но многие его письма, статьи, стихотворения еще ждут публикации.

В музее ориенталистики в Готе, небольшом городе, что недалеко от Веймара, хранятся — в экспозиции и в запасниках — коллекции Зеетцена. Так что, если когда-нибудь, дорогой читатель, судьбе будет угодно привести вас в Готу, зайдите в этот музей — в арабском его отделе вы обнаружите немало экспонатов, добытых ценой жизни Ульриха Яспера Зеетцена.

Часть третья

БУРКГАРДТ

Мало кто из путешественников был наделен такой тонкой наблюдательностью, которая является природным даром и, как всякий талант, встречается очень редко. Он обладал особым чутьем, помогавшим ему распознавать истину даже в тех случаях, когда он не мог руководствоваться личными наблюдениями... Его пытливый ум, благодаря размышлениям и научным занятиям зрелый не по возрасту, направляется прямо к цели и останавливается у нужного предела. Его всегда трезвые рассказы насыщены фактами, и тем не менее они читаются с бесконечным наслаждением. Он заставляет в них любить себя и как человека, и как ученого, и как превосходного наблюдателя.

ГОДЫ УЧЕНИЯ

В то время как Нибур, всколыхнув европейские умы описанием Аравии, поселился вместе с семьей в тихом, провинциальном Мельдорфе, а Зетцел, исследовав окрестности Дамаска, искал проводников для похода к Мертвому морю, наш новый герой, Иоганн Людвиг Буркгардт, еще учился в Геттингене. Да, да, все в том же Геттингене с его узкими улочками и шумными университетскими аудиториями, где тот же Иоганн Блуменбах собирал на своих занятиях восторженных, жадных до знаний студентов.

Сын богатого швейцарского фабриканта Иоганна Рудольфа Буркгардта Иоганн родился в Лозанне 25 ноября 1784 года. Вскоре семья переехала в Базель. Родительский дом в Базеле — это не просто дом, а роскошный дворец, построенный в 70-е годы XVIII века по заказу отца архитектором Иоганном Ульрихом Бюхелем и известный под названием «Вишневый сад». В 1779 году его посещал великий Гете. В наши дни в нем расположен музей этнографии Швейцарии XVIII века. Лестницы дворца были украшены колоннами, перила сверкали позолотой, несколько залов были заняты картинной галереей. О стиле жизни семьи можно судить хотя бы по тому, что семилетний Иоганн к дню своего рождения получил в подарок пианино, специально сделанное для него на заказ из красного дерева. Но при этом дети — а их было семеро — не росли изнеженными баловнями: отец заставлял их спать без одеял, на жестких матрацах и буквально изводил постижением всякого рода наук. Так Иоганн получил блестящее домашнее образование, еще в детстве изучил несколько языков, успешно занимался музыкой. В четырнадцать лет он зачитывался описанием кругосветного путешествия Джеймса Кука и грезил о дальних странах.

Государственный переворот, произведенный генералом Бонапартом в ноябре 1799 г., стремительное восхождение Наполеона к власти и подчинение Францией большинства стран Западной Европы разрушают идиллическую жизнь семейства Буркгардтов. Старшего Буркгардта едва не казнят по ложному обвинению в шпионаже в пользу Австрии. Но отец действительно считал Наполеона самозванцем и предпочитал разориться, но не действовать на благо французской республики. Он не хотел сотрудничать с завоевателями и, предчувствуя крах дома, отправил детей за грани-

цу: младших — учиться, старших — на дипломатическую службу. Помрачнела жизнь во дворце «Вишневый сад». Мать, мягкая, кроткая женщина, согревавшая всю семью теплом и любовью, — а надо сказать, что четверо детей были от первого брака ее мужа, — неохотно отпускала от себя любимца Иоганна.

Иоганн после окончания в 1800 году гимназии в Невшателе поступает в Лейпцигский университет. Здесь он совершенствуется в языках, как древних, так и новых, занимается философией, юриспруденцией, статистикой. В 1804 году для изучения естественных наук он отправляется в Геттинген. «Ах, если бы я приехал сюда раньше! — пишет он одному из братьев. — Тогда все было бы иначе, много лучше. Преимущества образования в Геттингене перед Лейпцигом огромны. Я занимаюсь здесь главным образом практическими опытами, затем историей, политикой, древними языками. Я снова начал греческий и продолжаю латынь. Стараюсь изо всех сил. Переезд с одного места на другое уже сам по себе благотворно сказался на мне, а то, что это другое место — Геттинген, может, как я чувствую заранее, составить счастье всей моей жизни».

Однако политическая обстановка все более ухудшается. Наполеон, продолжающий победоносное шествие по Западной Европе, после побед под Йеной, Ауэрштедтом и Фридрихсвандом признал властелином Германии. Поэтому Иоганн Рудольф Буркгардт настаивает, чтобы сын переехал в Англию, единственную, кроме России, страну, свободную от французской тирании.

Перед тем как отправиться в Лондон, Иоганн заехал в Базель. Мать его была в отчаянии, судьба снова разлучала ее с сыном. Надо ли? Иоганн не унывал.

— Это наша последняя разлука, мама, — говорил он ей весело и беззаботно. — Я только завершу образование на чужбине, все уладится, и мы больше никогда не будем расставаться.

Она не знала в момент прощания, что видит сына в последний раз...

Заручившись рекомендациями и советами Блуменбаха, Иоганн в начале 1808 года устремляется в Лондон.

Англия значила для Буркгардта не просто страну, где он должен был «завершить образование». Здесь у него были свои планы. Его привлекала британская Ассоциация для содействия открытию внутренних частей Африки, плодотворно действовавшая с 1788 года. Это общество, насчитывавшее в своем составе многих крупных ученых, членов парламента, аристократов, быстро завоевывало авторитет у европейских географов и путешественников. Исследование Африканского континента, как и арабских стран, в Европе конца XVIII века заметно активизировалось, а Ассоциация не только стремилась к установлению торгового и политического господства Великобритании в глубинных районах Африки, но и ставила перед собой научные задачи. Возглавлял Ассоциацию известный естествоиспытатель Джозеф Бэнкс, участвовавший в экспедиции Джеймса Кука 1768—1771 годов. О встрече с Бэнксом

Иоганн мечтал еще в Геттингене, Бэнксу адресовал свои письма и Блуменбах, рекомендовавший Буркгардта с самой лучшей стороны. Политические интриги, войны, перевороты, будоражащие Европу, — не для Иоганна. Нет ему никакого дела и до британского господства на Востоке. Страсть к путешествиям — это бактерия, как известно нередко приводящая к неизлечимой болезни. А в нем эта бактерия поселилась еще в раннем детстве. Он грезит о научных открытиях, о неизведанных землях, жаждет увидеть новые страны и узнать людей иного языка и иной культуры. Добрые, разумные человеческие отношения — он верит в это — служат миру, обогащению культур, взаимопониманию народов.

Однако раньше, чем с Бэнксом, Иоганн знакомится в Лондоне с русскими дипломатами. У одного из них ближайший друг — ректор Московского университета. Иоганн слышал, как успешно развиваются науки в России, некоторое время он на распутье: теперь он уже просит протекции у своих новых знакомых для переезда в Москву. Но разрыв отношений между Англией и Россией лишает его выбора, ему отказано в получении русского паспорта, он вынужден остаться в Англии.

Веселый, жизнерадостный, добродушный, Иоганн быстро завоевывает симпатии Бэнкса и секретаря Ассоциации Уильяма Гамильтона. Они охотно привлекают его к работе, в нем видят продолжателя дел Хорнемана и Мунго Парка, недавно совершивших свои первые путешествия в Центральную Африку. Но для будущего путешествия, для решения научных задач, которые ставились Ассоциацией, и достижения целей, к которым стремился сам Иоганн, его образование кажется теперь недостаточным, и он, как того и желал отец, при содействии Бэнкса в июле 1808 года поступает в Кембриджский университет для специальной подготовки, в нее входит изучение новых для него наук — ботаники, медицины, минералогии, географии, астрономии, а также арабского языка, и он постигает их с удивительной быстротой.

В это время Наполеон, объявив континентальную блокаду, делает последнюю попытку покорить Англию. Так Иоганн оказывается отрезанным от родителей, лишенным их поддержки. Даже переписка с ними почти прекратилась. Но он вовсе не склонен предаваться унынию. Спартанское воспитание, полученное дома, пригодилось. Но этого мало — ведь путешественник должен быть выносливым, неприхотливым, готовым ко всему. И он мучает себя жаждой, питается одними овощами, спит на голом полу и даже на булыжной мостовой под стенами университета. И при этом восторженно принимает все, что есть в его жизни, — необходимость без конца заниматься, любовь друзей, уважение учителей. Он любопытен, добр, весел, абсолютно лишен зависти. Слово бывалый путешественник, он отпускает бороду и позирует в таком виде перед художником. Полученный от него портрет он передает своим друзьям — супругам Кларк, и Анжелика Кларк делает с него гравюру. Оттиски он раздает на память всему университету.

Единственное, чего он боится, — это что родители узнают о его

памерениях из газет и что это причинит им огорчения. Он умоляет издателей не называть его имени, когда они будут помещать материалы о деятельности и планах Ассоциации. Но статьи, посвященные подготовке путешествия, появляются чаще и чаще, и он всеми правдами и неправдами добивается отправки на родину своих писем, в которых обо всем рассказывает сам. Отец и мать не знают, как отнестись к неожиданному повороту в жизни сына. А он, всегда послушный, заботливый и любящий, во всем просящий родительского совета и благословения, успокаивает их, стараясь убедить, что на него свалилась просто огромная удача. «А разве солдат рискует не больше? — пишет он родителям. — А если бы я был военным и оказался на поле боя, разве я не смотрел бы каждый день смерти в глаза? И во имя чего? Во имя того, что противно мне и моему образу мыслей, что меня никак не касается и не волнует. А какие опасности могут ожидать путешественника? Климат или люди. Что касается климата, то я, как вы знаете, от рождения отличаюсь силой и отличным здоровьем... Жару я переношу хорошо, любую диету тоже. У меня, правда, нет еще жизненного опыта, но я его получу. Я уже научился жить среди чужих и ничего не боюсь, даже смерти. Это просто слово „Африка“ внушает страх, и совершенно напрасно».

Иоганн понимал, что путешествие продлится шесть-восемь лет, и поэтому чего только не написал родителям в утешение за месяцы учебы и сборов! Он уверял их, что изучил медицину и способен лечить себя сам от всех болезней; описывал легкость передвижения по пустыне, когда верблюды нагружены бурдюками с животельной влагой; доказывал полную свою безопасность — «кому нужен бедный торговец, под видом которого я собираюсь странствовать?»; обещал писать домой чуть ли не каждый день, ребячески приглашая родителей следить за его маршрутом: «Купите карту Африки, и тогда вы будете путешествовать вместе со мной!» И, наконец, в качестве решающего довода он выдвигает деньги и славу, которые ожидают его после окончания путешествия. Ведь Ассоциация будет платить ему более 500 фунтов стерлингов в год, не считая оплаты непредвиденных расходов; столько денег ему наверняка не понадобится, и он сможет сколотить через несколько лет изрядный капитал. Сам он ни к славе, ни к деньгам вовсе не стремится, но, может быть, хоть это как-нибудь утешит родителей... Больше всего он уповал на себя — на свое здоровье, на умение ладить с людьми и радоваться жизни. «Я уже достаточно долго живу, чтобы твердо убедиться в том, что счастье и довольство зависят исключительно от собственного характера», — писал он как-то.

Наступило прощание с Кембриджем, с Англией, с Ассоциацией. Но почему же он, всегда такой радостный и оживленный, вдруг почувствовал невыразимую тоску. Бэнкс и Гамильтон, приготовившие для путешественника одежду, книги, приборы, инструменты, были удивлены, когда Иоганн отказался вообще брать с собой что-либо.

— Но почему же, дорогой Джон? — недоумевал Бэнкс. — В дороге вам многое может пригодиться. Следует заранее все предусмотреть.

— Зачем? — грустно усмехнулся юноша. — Всего не предусмотреть. Жизнь только тогда имеет цену, когда можно заранее предусмотреть, как ее употребить с пользой. Но все брэнно. И счастья на земле не достигает никто!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОИСКА

Маршрут путешествия был начертан Ассоциацией: посетить Мальту, оттуда проследовать в Сирию, там провести период подготовки и акклиматизации, после чего через север аравийских земель двигаться в Египет, а затем на юг Сахары, к Нигеру. Возможны отклонения, которые подскажут обстоятельства.

В начале 1809 года, когда Зеетцен отправлял из Каира в Европу свои последние дневники, Буркгардт высадился на Мальте. Здесь он встретился с английским купцом Баркером, брат которого Джон занимал пост британского консула в Алеппо, то есть именно там, куда держал путь Буркгардт и где ему предстояло прожить ближайшие год-два. Баркер показал ему опубликованные статьи и письма Ульриха Зеетцена с первоначальными планами его путешествия по Востоку и с описанием полученных результатов. Из них Буркгардт узнал о сотнях рукописей и тысячах уникальных экспонатов, которые Зеетцен послал в Готу.

Иоганн восхищен достижениями своего предшественника. Подобная жизнь кажется ему подвигом. Теперь у него есть реальный образец, пример для подражания. Он немедленно пишет отцу в Базель, чтобы тот нашел и переслал ему в Алеппо все, что было опубликовано в европейской прессе ученым-ориенталистом по имени Ульрих Яспер Зеетцен.

На Мальте он без всякого сожаления сбрасывает с себя европейскую одежду и облачается в восточную — сирийскую рубаху с абайей. Единственное, с чем ему жаль расставаться — с галстуком. Нет, не как с предметом мужского туалета, который всегда докучал ему, изрядно стягивая шею, а как с подарком матери: она прислала галстук ему в Лондон и на краю незаметно вышила своими волосами его инициалы. Иоганн сентиментален. Он вырезает кусочек шелка со своим вензелем, делает из него подобие амулета и вешает себе на грудь. Восточным людям свойственно носить на груди амулеты, чтобы они защищали от всех напастей и злых духов. Так пусть же у него таким амулетом будут волосы матери.

Высадившись на сирийский берег в Тартусе, Буркгардт через Антакью в июле 1809 года добирается до Алеппо.

Он снял небольшой домик в квартале, где обычно селились европейцы, и немедленно нанес визит брату мальтийского Баркера. Джон Баркер принял его в высшей степени гостеприимно.

Вскоре супруги Баркер так привязались к нему, что предло-

жили переселиться к ним. Он, не раздумывая, согласился и перевез туда свое нехитрое имущество.

С момента появления Буркгардта на мусульманском Востоке перед ним встала важная проблема: кем он должен считаться для местного населения? Выдавать себя за араба — преждевременно. Оставаться европейцем тоже рискованно: не то чтобы он боялся за свою жизнь, но европейцу трудно добиться полного доверия, проникнуть в неисследованные края, получить откровенные ответы на свои вопросы. Одним словом, это мало помогло бы делу, во имя которого он сюда прибыл. И тогда Иоганн придумывает себе имя и биографию. Отныне он — Ибрагим ибн Абдалла, индийский купец, мусульманин. В Алеппо прибыл в качестве курьера со срочными депешами Ост-Индской компании к британскому консулу и теперь имеет желание познакомиться со страной поближе. Правда, для такой биографии следовало еще знать и Индию, по ведь не зря же Иоганн столько лет учился — и дома, и в Лейпциге, и в Геттингене, и в Кембридже! И Ибрагим ибн Абдалла рассказывает своим новым сирийским знакомым о том, какой прекрасный жемчуг добывается в океане недалеко от Бомбея и как тысячи пилигримов стекаются к священной реке Ганг.

Случались, конечно, и курьезы. Однажды его попросили что-нибудь прочитать на языке хинди, о котором он не имел ни малейшего представления. Иоганн не растерялся: швейцарский диалект немецкого языка изобилует такими экзотическими гортанными звуками, что для непосвященного вполне может сойти за хинди.

В другой раз какой-то торговец, заподозрив в нем европейца, подошел к нему вплотную и хотел потянуть за бороду, желая доказать остальным, что она приклеена. Иоганн знал, что для истинного мусульманина прикосновение к бороде — страшная обида, и одним ударом сбил обидчика с ног.

Каждый день Буркгардта был заполнен до отказа. Прежде всего он осваивает разговорный арабский язык и его диалекты, имеющие распространение в тех местностях, куда он намеревается отправиться. Для совершенствования в арабском литературном языке переводит на него свою любимую книгу — «Робинзон Крузо» Даниеля Дефо. Одновременно осваивает вполне прилично турецкий язык. Увлекается древними арабскими рукописями и начинает их собирать для будущей коллекции. Много месяцев у него отнимает доскональное изучение Корана и комментариев к нему, составленных крупнейшими мусульманскими богословами. Но он не ограничивается кабинетными занятиями и присматривается к повседневной жизни, старается узнать обряды, быт и нравы арабов.

Иоганн отправляет из Алеппо много писем — Бэнксу и Гамильтону, родителям, сестре, братьям. В письмах он не раз сетует на то, что «слишком поверхностно подготовлен, чтобы представлять интерес для образованной публики». Он вчитывается в то, что до него было написано об арабских землях, о Сирии в част-

пости, ибо ему не хочется повторять ничего из того, что уже знают европейские читатели. Больше других его интересует Зеетцен, с отчетами которого он познакомился в Алеппо. Зеетцен, по его выражению, «очень достойный ученый, до него никто из европейцев не был в Хауране». В Хауран, а затем к Мертвому морю и к Каменистой, или Петрейской, Аравии он собирается пройти и сам. Но в работах Зеетцена он ощущает какую-то неполноту, что-то недостаточно точно понятое или не увиденное вовсе. И он хочет заполнить на первых порах хотя бы эти белые пятна.

Прошел год с лишним, прежде чем Иоганн почувствовал себя вполне подготовленным к первым поездкам. Физически он был крепок, местный климат переносил хорошо, никаким болезням не поддавался.

Однажды он появился перед домом консула на красивом арабском скакуне и потребовал, чтобы чета Баркеров вышла посмотреть, как хорошо он держится в седле.

— Я купил этого отличного коня, чтобы отправиться в дорогу! — крикнул он, приподнявшись в стременах. — Взгляните, взгляните, миссис Баркер, не правда ли я похож на бедуина?

— Нет, не похожи. У бедуинов кожа смуглая и выражение лица иное, — со смехом отвечала та.

— Я буду проводить много времени на солнце и покроюсь загаром. А выражение лица зависит от меня самого.

Он сделал «страшные» глаза и помахал в воздухе воображаемой саблей.

— Боже мой, ведь он еще совсем ребенок! — сказала миссис Баркер мужу. — Как же ехать ему одному в такое трудное путешествие?

В сентябре 1810 года Буркгардт впервые покинул Алеппо, избрав для исследования горы Ливана и Антиливана. Один из местных шейхов согласился сопровождать его по горам, а затем отправиться вместе с ним к бедуинским шатрам, где Иоганн хотел остановиться. Однако не успели они добраться до Хамы, как на них напали враги того племени, к которому принадлежал шейх, и основательно «оципали» их. Особенно жалко было Иоганну английских часов и компаса. А вскоре шейх заявил, что у него плохое настроение, к тому же, по слухам, сюда приближаются ваххабиты, и отказался идти дальше. Пришлось распрощаться с капризным шейхом и двигаться без проводника.

В Хаму Буркгардт въехал один. Он пробыл в этом городе два дня и подробно описал его. Через реку Эль-Аси перекинуты четыре моста, а посреди города находится четырехугольная насыпь, на которой когда-то возвышалась крепость. В Хаме тринадцать мечетей, улицы многолюдны, идет обширная торговля, в основном абайями и прочей одеждой, производство которой налажено в городе. Совершив поездку вокруг Хамы, он насчитал сто двадцать небольших селений, из которых семьдесят стояли заброшенные и пустые. В руинах крепости, на мечетях и куббах он обнаружил много надписей и все их тщательно скопировал. На ночлег он по-

просился в один из домов и был восхищен тем, как гостеприимно его встретили: его не только напоили кофе, но и отдали ему единственный матрац.

Так Иоганн обнаружил, что путешествие в одиночку ему нравится несравненно больше: он ни от кого не зависит, волен сам выбирать маршрут, расспрашивая встречных, к тому же это намного экономнее. С караваном, конечно, передвигаться куда надежнее, но где же ему взять попутный караван, если его дорога ведет в горы?

Поднявшись на вершины Ливанского хребта, он пришел в восхищенный восторг. Знаменитые ливанские кедры окружали его сплошной стеной. Некоторые рощи насчитывали до шестисот деревьев, причем, по его предположению, многим из них было не менее чем по две тысячи лет. На коре некоторых стволов красовались вырезанные надписи вроде: «Такого-то дня и года здесь был такой-то...» Некоторые из них, к удивлению Буркгардта, относились к началу XVII века. Он срезал кусок высушенной, посеревшей коры и бросил к себе в мешок.

Далеко внизу виднелось море. Иоганн вдыхал свежий горный воздух, и ему чудилось, что он дома, в швейцарских Альпах. Из дому он еще не получил ни строчки. «Мало новостей — добрый признак», — утешал он себя арабской поговоркой. Как-то они там? Отец, сестра, мама... Он потрогал пальцами амулет на груди. Нет, не честолюбие, не жажда богатства, не склонность к приключениям привели его сюда. А что же? Просто он решил сам складывать свою жизнь согласно своему характеру, интересам, желаниям. И вот в сини близкого неба и далекого моря, в гудящей тишине, среди могучих кедров он говорит себе: «Это материнская любовь возвысила меня, привела в далекие страны. Я хочу, чтобы мама гордилась мной, чтобы я мог стать мужественным, независимым и составить счастье ее жизни». Он верит, что амулет охранит его от всех несчастий и невзгод, поможет ему пройти через все лишения и опасности и здоровым вернуться домой, к родителям.

С вершин Ливана он спустился к истокам Иордана, осмотрел деревни Хасбайя и Банияс, подтвердив предположение Зеетцена, что здесь и была древняя Цезария Филиппа, посетил несколько христианских монастырей, которыми изобилует этот кусок земли. В монастыре в селении Канобин жил глава маронитской церкви. Он привял Буркгардта очень любезно и вручил ему несколько рекомендательных писем к настоятелям монастырей. Повидал Иоганн в этом краю и многочисленные замки крестоносцев, и замок, построенный знаменитым Саладином. В селении Бшерри он встретился с предводителями друзов; в Ливане были распространены два их рода — Арсланы и Джумблаты, и оба претендовали на независимость. Позднее в Хауране Буркгардт увидит реальные плоды их свободолюбия: друзов здесь не менее семи тысяч, и они не подчинены шейху, назначаемому пашой Дамаска. Они избирают собственного верховного шейха — всегда из рода Хамдан, а уж

тот назначает из числа своих родственников шейхов в каждую деревню.

Пропутешествовав почти месяц, Буркгардт вернулся в Алеппо, а спустя две недели отправился дальше — в Хауран с его руинами древних городов.

Нетрудно увидеть, что поездки Буркгардта почти точно повторяют маршруты Зеетцена. Как в свое время Зеетцен в Аравии шел по следам Ибнбура, так и Буркгардт в Сирии и Палестине идет по следам своего предшественника, многое уточняя, добавляя, открывая заново.

ПО СЛЕДАМ ЗЕЕТЦЕНА

«В истории науки,— писал крупный французский географ Вивьен де Сен-Мартен,— редко случается, чтобы два человека, почти равные по своим достоинствам, следовали друг за другом по той же стезе и один из них продолжал дело другого. Действительно, Буркгардт шел во многих отношениях по пути, проложенному Зеетценом, и, сопутствуемый в течение долгого времени благоприятными обстоятельствами, помогавшими ему совершить свои многочисленные экспедиции, сумел прибавить многое к открытиям, сделанным его предшественником».

Буркгардт был смел, общителен и легко заводил контакты со здешними жителями. Может быть, еще и поэтому ему удалось добиться большего, чем Зеетцену. Он более тщательно осмотрел Пальмиру, Баальбек и их окрестности, города Декаполиса, изучил долину реки Эль-Аси ниже Хамы и восточный берег Иордана, впервые описал развалины греческих городов Ларисы и Апамеи. На юго-востоке от Дамаска он обнаружил древние надписи времен Траяна и Марка Аврелия и скопировал их, впрочем, как и многие другие надписи, попадавшиеся на его пути, что, в частности, помогло европейским ученым восстановить историю древних Ауранитиды и Трахонитиды. Описание странствий Буркгардта лишь по одним этим сирийским землям займет впоследствии более тысячи страниц и будет издано на многих языках. Едва ли нам с вами, дорогой читатель, столь важно выписывать по карте каждое место, где он побывал, изучать каждую надпись, которую он нашел и сохранил до нашего времени. Это стало занятием специалистов — географов, историков, филологов. Посмотрим лучше, как складывалась дальнейшая судьба нашего путешественника.

Следуя примеру Зеетцена, он совершает множество радиальных поездок — сначала из Алеппо, а затем из Дамаска, где он также нашел более или менее приличное пристанище. Джон Баркер снабдил его рекомендательными письмами, но к их помощи Иоганн никогда не прибегал, предпочитая теперь выдавать себя за бедного сирийского торговца Ибрагимна ибн Абдалла, еще прибавив к этому имени титул «шейх».

Однажды, когда он отправился из Алеппо в сторону Евфрата, на него напали грабители. Поскольку отнимать, кроме еды, было

печего — денег он с собой не брал, — его попросту разделли, оставив в одних штанах. Пришлось возвращаться в Алеппо — два дня под дождем, в холоде, почти голым и без крошки провианта. Семейство Баркеров было встревожено появлением своего молодого друга в подобном виде. Но он был вознагражден: в тот же вечер европейцы в городе устраивали бал, и Иоганн наслаждался вновь обретенным комфортом. Вальспруя с женой одного из дипломатов, он не замедлил рассказать ей о своем недавнем приключении и прошептать на ушко слова арабского поэта: «Держись, держись, возвращается круг жизни, берет тебя с земли и вверх вздымает».

Буркгардту пришлось пробыть в Дамаске гораздо дольше, чем он рассчитывал. Местный паша впал у султана в немилость, Черта сместила его и прислала ему на смену пашу из Акко. Прежний наместник не хотел сдаваться без боя, и между его охраной и янычарами, сопровождавшими нового пашу, разгорелась настоящая война. Буркгардт был выпущен переждать, пока не закончились военные действия. За это время он осмотрел город, написал несколько писем, понаблюдал дамаскские нравы, а потом снова отправился колесить по Сирии.

Сборы у Иоганна недолги: надел длинную рубаху, повязал голову куфией, национальным платком, с бримом — двойным шнуром, сплетенным из верблюжьего волоса, накинул на плечи шерстяную абайю, бросил в мешок еще одну рубаху, нож, несколько листов бумаги, фунт кофе, две пачки табаку, захватил немного ячменя для лошади — и все.

В Дамаске от местного высшего христианского иерарха он получил письмо на случай, если придется остановиться в каком-либо монастыре. Но в отличие от Зеетцена он предпочитал общество бедуинов. Грабили его не раз. Отняли верблюда, отняли лошадь — ничто не могло остановить его. Он упрямо продолжал свой путь, пытаясь проникнуть в психологию тех, кто по праву считал себя владыками пустыни.

В Хауране, как он заметил, образ жизни и положение людей разных национальностей были почти одинаковы. И одевались, несмотря даже на разницу в религиях, турки, арабы, армяне и греки почти в одни и те же наряды: тот же кумбаз, длинная рубаха из грубой, чаще всего шерстяной, ткани, расширяющаяся книзу, та же куфия, та же абайя. Многие женщины не закрывали лиц. Буркгардт постепенно уловил разницу во внешнем виде местных жителей: городские были ниже ростом, имели более продолговатые лица и, как правило, носили тонкие усы, а феллахи и кочевники были шире в плечах, выше ростом и носили густую бороду. Христиане чувствовали себя здесь более свободно, чем в других районах Сирии; например, грек мог в драке поколотить турка и не получить за это никакого наказания, в то время как в другом месте подобный поступок мог привести к малоприятным для него последствиям. Буркгардт не без юмора заметил, что если и была здесь какая-то ярко выраженная вражда, то это вражда православных с католиками,

Зеецен в свое время наблюдал в Сирии, особенно в Хауране, начало некоторого упадка державной власти Османской империи. Буркгардт же видит те меры, к которым прибегнул паша для возвращения былого могущества турок, и в какие беды это ввергло местное население.

В Хауране теперь содержится турецкое войско в несколько сотен человек. В одной только Бусре расквартировано триста турецких солдат. Естественно, это никак не улучшило жизни местного населения. Вот и тащились жители Хаурана из одной деревни в другую, из деревни в город. Однако Буркгардт хотел лучше разобратся во всем этом, а хауранцы при всей своей вежливости чрезвычайно сдержанны — от них не добьешься лишнего слова. И он продолжал бродить по этому неудобному краю, стучась в деревенские лачуги, ночуя в бедуинских кочевьях. Каждый раз его гостеприимно встречали, хорошо кормили и никогда не брали денег. Лишь иногда ему удавалось, уходя, вложить монету в ручку какому-нибудь малышу и со словами «Отнеси это маме» скрыться раньше, чем родители поднимут крик, заставляя взять деньги обратно.

— Ну, вот вы собираетесь уходить отсюда, а на новом месте лучше? — расспрашивал Буркгардт в одном из селений, где остановился на несколько дней.

— Говорят, лучше. — Этот феллах с умными, живыми глазами оказался словоохотливее других.

— А если так же?

— На первый год шейх меньше налогов назначает. Значит, лучше.

— А разрешения не надо, чтобы деревню покинуть? — продолжал свои расспросы Буркгардт.

Хауранец улыбнулся наивности чужестранца:

— Какое разрешение! Живем, где хотим. Только плохо живем.

— Ну а если хорошее зерно посеять? Урожай собрать? — спросил Буркгардт.

— Зачем для чужих землю возделывать? Все равно мы отсюда уйдем. У нас никто не умирает там, где родился.

Буркгардт давно заметил, что здесь очень неохотно говорят об урожае. Да и как можно на него рассчитывать? Плодородие зависит от наличия воды, а вода — от дождей. Летние посевы без дождей бесполезны, да и озимые всходят не всегда. Чем же живут люди?

Однажды в конце апреля, увидев на полях ростки бобов, он радостно сказал хозяину дома, в котором остановился:

— Аллах милостив, вас с урожаем поздравить можно.

— Этот урожай, если его полевые мыши не съедят, волам и овцам на корм пойдет. Дождь будет — еще засеем кусок поля. С ячменем смешаем — вот и еда для верблюдов.

— А сами что есть будете?

— Ячменный хлеб печем. А если к концу мая пшеница взойдет, то и из пшеницы.

— А осенью? — продолжал спрашивать Буркгардт.

— Можем кунжут, арбузы и даже огурцы собрать.

Лишь в редких селениях Хаурана Буркгардт наблюдал, как крестьяне пытаются заниматься искусственным орошением и выращивать овощи и фрукты.

Вникая в быт и социальное положение местных жителей, Буркгардт наконец понял истинную причину казавшихся ему странными бесхозяйственности и неусидчивости даже тех людей, которые тяготели к оседлости и покою. Это были государственные налоги и повинности. Их насчитывалось столько, что выжить под их гнетом было нелегко.

Один налог — поземельный. В налоговой книге у шейха раз и навсегда записано, сколько жителей в деревне и у кого сколько федданов¹ земли. Но число жителей меняется, а налог, некогда определенный, остается постоянным. Значит, приходится его раскладывать на всю деревню поровну. Еще один налог — на скот. Урожай на участках разный, потому что у одних есть сильные волы, у других — хилые или нет вообще. А у шейха в той же книге записано раз и навсегда, сколько волов в деревне, и налог также распределяется поровну. Так вот почему на вопрос Буркгардта: «А сколько на каждого жителя приходится федданов или сколько он может получить денег за урожай?» — ему отвечали как бы невпопад: «У него три (или две, или четыре) пары волов», или «У него два осла и один верблюд», или «У него одна корова и сорок коз». Этим здесь определялось истинное благосостояние человека. И цена неизменная: бык, вол или корова стоит 70 пиастров, верблюд — 150 пиастров. А у кого никакого скота нет, вынужден заниматься в батраки.

Очень тяжелая повинность — содержание турецких солдат, которых то и дело расквартировывают по домам хауранцев. Солдаты требуют, чтобы и их самих, и их лошадей хорошо кормили, да к тому же не прочь сами прихватить что-нибудь из хозяйского добра. Ну и, наконец, поборы, которые взимают с жителей деревень бедуинские племена. Эта повинность существует с незапамятных времен и имеет определенные законы: не захочешь заплатить положенного — потеряешь больше, а заплатишь — будешь защищен от набегов и многих других неприятностей, сохранишь свою землю, урожай и скот. Бедуинские племена честно разделяли деревни Хаурана между собой и за установленную мзду оказывали им покровительство. Недаром повинность эта так и называется «хувва», то есть «братство», а деревня, которая ее платит, — «ухт», или «сестра». То и дело возникают другие, непредвиденные поборы. Например, паша отдает приказ: «Собрать с такой-то деревни четыреста пиастров!» Тогда приходится совсем туго: люди продают скот и даже женские украшения.

«По-видимому, они правы, переезжая с места на место, не возделывая полей, не сажая садов, не утруждая себя искусственным

¹ Ф е д д а н — мера площади, равная 0,42 га.

орошением засушливых земель», — подумал Буркгардт, узнав обо всем этом. Понятна ему стала и замкнутость хауранцев: назойливые расспросы чужестранца не могли не вызывать у них справедливый страх — перед новым угнетением, новыми палогамп.

А бедуинские племена — это ведь тоже особый мир. В Хауране Буркгардт впервые стал изучать жизнь кочевых арабских племен, не пугаясь той мрачной славы, которая их окружала. Оказалось, что одни племена кочуют по одним и тем же местам круглый год, другие являются сюда только на лето или только на зиму, смотря по тому, из какого района их выгоняет климат: с юга, где летом не найти ни капли воды, или с севера, где все заливают воды или покрывает снегом. Бедуины или платят налог туркам, или же воюют с ними, если этот налог утаивают. Здесь есть племена более мирные и покорные, такие, как бени фахель или бени серди, платящие ежегодную дань с каждого шатра, и есть воинственные и независимые, предпочитающие войну смирению.

Все эти отношения сложны и зыбки, вот почему в одном месте шатры бедуинов раскинуты привольно около деревень и их обитатели мирно пользуются колодцами и покупают зерно у крестьян, а в других — не прекращается стрельба и бедуины скрываются на южной границе Хаурана, в наименее доступных его районах, чтобы оттуда устраивать вооруженные набеги на солдат пашп, а заодно и на местные поселения, ибо потребность в воде и хлебе у них ничуть не меньше, чем у оседлых жителей. И, наконец, бывает в Хауране полная идиллия — это когда во время хаджа бедуины поставляют для караванов проводников и верблюдов и все остаются в выгоде.

Так Буркгардт сразу же соприкоснулся с бытом и правами арабов, оседлых и кочевых, гораздо теснее, чем его более осторожный предшественник.

С памятью о Зестцепе в Хауране, Джолане, Ледже и южнее Буркгардт встречался не раз. В одной из деревень Хаурана хозяин дома, христианин, сказал вечером, когда все темы для разговора были исчерпаны:

— А вот года четыре назад здесь тоже был один. Муса его звали. Говорил, что лекарь, да нас не проведешь. Мы понимали: он пришел к нам от аль-Малика аль-Асфара.

— От кого? — не понял Буркгардт.

— От желтого царя. Из Московии.

— Какой Московии? — Буркгардт, конечно, уразумел, о чем идет речь, но был поражен подобной осведомленностью.

— Той, где русский царь. Он прислал его готовить нашествие на нас, чтобы освободить от турок. Муса сокровища в земле искал, все про них допытывался.

— Ваше сокровище — сама земля. Обрабатаете, засеете ваши поля и настоящее богатство обретете в хорошем урожае, — серьезно сказал Буркгардт, все еще не теряя надежды на то, что в этом печальном, полном противоречий мире все-таки победят справедливость и благоразумие.

— Это ты правду говоришь, чужестранец, истинную правду,— грустно сказал хозяин, не желая бесполезного, с его точки зрения, разговора.

В других местах, когда Буркгардт договаривался с проводником или погонщиком, ему просто объявили тариф, установленный здесь четыре года назад Мусой. Был, например, такой разговор:

— До Бусры, говоришь? Муса до Бусры тридцать пиастров платил.

— Побойся Аллаха! Это же очень дорого!

— Муса платил. Боялся он очень.

— Ну а я не боюсь. Дороги только не знаю. За три пиастра пойдешь со мной до Бусры?

— Пойду. Муса хороший человек был, а ты веселый.

— Вот и пойдём. Я тебе по дороге всякие истории будут рассказывать.

Он хотел видеть в проводнике не слугу, а доброго попутчика, друга, особенно если с этим человеком его связывали дальняя дорога и длительное общение.

Иногда Буркгардт нанимал погонщика с ослом. Казалось бы, зачем это ему? Поклажи у него пет, а сам он едет на лошади. Но он уже разобрался в психологии собственника: владелец осла, идущий рядом с ним, в случае опасности непременно становится защитником. Он высмеивает тех, кто пытается путешествовать с удобствами. Ему милее ночевать в грязном караван-сараяе, где матрацем служит земля, а одеялом — собственный бурнус или абайя, есть с погонщиками или с арабскими торговцами, самому кормить свою лошадь, чистить и седлать ее.

Порою ему удавалось пристроиться к попутному каравану, и тогда он подчинялся общим законам передвижения по арабским землям. Он чувствовал себя частью большого неведомого мира, растворялся в нем и с радостью перенимал чуждые обычаи и манеры. Восход солнца караван встречал обычно молитвой, пением и пронзительными криками, и Иоганн громко кричал вместе со всеми. Когда же солнце близилось к полудню, все в караване замолкало. Предводитель каравана делал знак, и верблюды опускались на колени, а люди располагались на отдых в их тепи. Прикрывшись накидкой, Иоганн пытался в эти минуты незаметно делать записи. Опыт всех предыдущих путешествий показал, что дневник необходимо вести ежедневно. Вовремя не запишешь — быстро выветрится из памяти, и можно считать, что день прожит напрасно.

Ночью, на привале, повсюду горели костры из сухих веток и верблюжьего помета, звучало приглушенное пение, шел тихий разговор. Из муки, масла и лука готовили ужин. Иоганн с нескрываемым интересом прислушивался к беседам арабов. Обсуждали случаи ограбления на дорогах. Вспоминали тех, кто бывал в этих местах, откуда пришел и зачем.

— Некий христианин из Эфиопии,— рассказывал кто-то,— пожелал умереть в Эль-Кудсе — Иерусалиме по-ихнему. Приплыл он из Массауа в Джидду, а ваххабиты его поймали да и притащили

к своему Ибн Сауду, в нашу веру обратили. Так он и провел там два года. А потом сбежал. В прошлом году в наши места попал. Пожил немного в Эс-Салте, нанял проводника и отправился в Эль-Кудс. Подошел он к Иордану, два дня и две ночи молился на берегу, не вставая, а потом сразу и умер. Вере своей так и не смог изменить.

Много подобных историй наслушался Иоганн за время пути. Придумал он для себя и еще одно увлекательное занятие — начал составлять сборник арабских пословиц и поговорок, первый в Европе. И поэтому он теперь запоминал, а иногда и записывал характерные изречения и афоризмы.

Однажды в деревне близ Алеппо Буркгардт, так же как в свое время Зеетцен, наблюдал свадьбу. Свадьба была христианской, но многие обряды были здесь одинаковы у христиан и мусульман. Отец невесты получил выкуп за дочь. Сумма обычно устанавливалась исходя из имущественного положения жениха, будущего главы семейства, в данном случае она была велика — 1500 пиастров. Невесту привезли ее подруги. Встречая их, женщины били в бубны, юноши стреляли из мушкетов в воздух. Между тем жених спустился к ручью, омылся там, вернулся к себе в дом и приоделся. На разукрашенной лентами лошади, в сопровождении своих друзей он подъехал к дому шейха. Когда он спешился, двое юношей подхватили его на руки и, натужно крича, внесли в дом. Шейх сказал: «Будь благословен, жених!», и юноши опустили жениха на землю. Вскоре после этого жениха повели в церковь, где его ждала невеста с подругами. Священник совершил таинство брака, и все отправилось на свадебный пир. Отец жениха к этому дню зарезал десятков овец и наполнил вином огромные чаны. Всего пировало более ста человек. Друзья жениха ходили меж гостей и восхваляли его, а тот гость, около которого они останавливались, должен был выкладывать им деньги на подарок молодоженам. Иоганн с удовольствием пил и ел вместе со всеми. А после ужина в центре деревни развели костер, у которого расселись музыканты, и начались танцы. Иоганн выяснил, что наиболее понравившийся ему танец называется «дабка», и записал его мелодию.

В другой деревне Буркгардту показали юношу, который, не имея возможности заплатить отцу полюбившейся ему девушки положенных пиастров, согласился в течение восьми лет бесплатно работать на него, чтобы получить право жениться без выкупа. Тот выполнил обещание и через восемь лет отдал юноше свою дочь в жены, но и после этого продолжал безжалостно эксплуатировать его. Юноша ни на что не жаловался, но Буркгардт видел, какая боль затаилась в душе этого несчастного парня.

Во время своих странствий Иоганн не раз приходил в отчаяние при виде ужасающей нищеты и безысходности. К концу пути он обычно мрачнел и худел.

Возвращаясь в Алеппо, он попадал в объятия Баркеров и быстро излечивался от душевной и физической усталости. Наконец — о счастье! — стали приходиться письма от родителей. Его сестра Ро-

звива вышла замуж, и он бурно переживает это событие. «То, что вам,— пишет он в Швейцарию,— тяжело дается разлука с Розипой, я, разумеется, отлично понимаю. Но ведь сколь прекрасно все же иметь возможность хотя бы изредка навещать друг друга, в то время как для меня единственной отрадой являются несколько строк от вас, но и в них я буду находить утешение до той поры, пока жизнь не дарует нам встречу».

В доме британского консула — большое событие: миссис Баркер произвела на свет сына. В этих краях рождение сына отмечается как большой праздник, играет музыка, гости несут подарки, звучат поздравления. Когда же рождается девочка, в доме траур, родственники тихо идут к матери, чтобы выразить ей соболезнование. Европейцы решили в соответствии с местными обычаями пышно отпраздновать это событие. Иоганн категорически настоял на том, что крестным отцом будет он. Значит, и основные заботы по торжеству пришлось на его долю. Он снял в городе самый большой зал, нанял оркестр, купил цветов и сам украсил зал гирляндами. Он пригласил не только весь состав английского и французского консульств, но и всех европейцев, так или иначе оказавшихся в Алеппо. Переступив порог зала, гости пришли в восхищение от изысканной простоты его оформления. Когда начались танцы, Иоганна на секунду охватила грусть: как одичали европейские дамы в этих краях — они танцуют в нелепых, тяжелых одеждах и мехах! Вот посмотрела бы мама! Завтра он обязательно ей подробно опишет этот неожиданный бал, на котором хозяином был он сам. И он помчался приглашать на очередной танец какую-то дорогую голландку.

В апреле 1812 года Буркгардт навсегда покидает Алеппо. Расставаться с домом Баркеров грустно, и неизвестно, что ждет впереди. Но он чувствует, что подготовлен к любым испытаниям. «У путешественника должно быть каменное сердце, чтобы он не был способен ни к кому и ни к чему привязываться серьезно», — пишет он родителям, явно пытаясь переломить мягкость и сентиментальность своего характера.

Как когда-то Зеетцен, Буркгардт движется к югу. Исследует плоскогорья вокруг Эль-Гхора, восточные и юго-восточные берега Тивериадского озера, составляет подробнейший план знаменитого Джераша, который произвел на него не менее сильное впечатление, чем на Зеетцена. В письмах в Ассоциацию он скромно называет этот план «черновиком», но ни одна более поздняя европейская экспедиция не сочла нужным его исправить. Такие же планы и описания он составляет на руинах древних городов Бусра, Аджлун, Арвад, Абиля, Гадара и многих других.

Путь Буркгардта был труден. Наступило самое жаркое время года. Из аравийских пустынь на север потянулись бедуинские племена. Встречи с ними не всегда заканчивались благополучно для ученого. В одном из селений у Тивериадского озера он писал своим родителям: «Трудности пути и плохая пища прикончили даже мою любимую лошадь, которую я купил в прошлом году в

Алеппо. Пришлось по дороге покупать другую. Что-то я в Сирии все время занимаюсь куплей-продажей лошадей и очень этим счастлив. В Египте, верно, займусь торговлей верблюдами, а в Африке... чем бы вы думали? Не иначе, как рабами! Там, в Африке, это основной товар. Придется и мне привыкать к этому. Только я надеюсь, что ни один раб не застонет под моей плеткой».

В Табарии, древней Тивериаде, Буркгардт неожиданно встретил еще одного европейского путешественника. Это был англичанин Джеймс Брюс. Он жил в Назарете, а в Табарию приехал вместе с несколькими францисканскими монахами. Брюс уговорил Буркгардта отправиться с ним в Назарет: по долине Иордана опасно ехать одному, а в Назарете можно будет подыскать надежных попутчиков.

Всего через восемь часов они уже были в Назарете.

Буркгардт поселился в францисканском монастыре. Здесь — новая встреча. Иоганну показалось, что он видит сон: красавица аристократка в мужском костюме для верховой езды, со стеклом в руке, властная, своенравная, распоряжающаяся здесь, словно у себя в родовом замке. Кто она? Откуда? Прежде чем представиться ей, он узнал, что это леди Эстер Стенхоуп, дочь графа Чарльза Стенхоупа, племянница видного британского государственного деятеля Уильяма Питта, которой пришла в голову блажь постраивать по «святым землям». В сопровождении огромной свиты, с собственным врачом и камеристками! С караваном из нескольких десятков верблюдов!

Наспех приведя себя в порядок, Иоганн предстал перед обольстительной дамой. Для нее тоже было приятной неожиданностью встретить в этих диких местах красивого чернобородого швейцарца с восторженными глазами, загорелого, овеянного ветрами пустынь. Она тут же увела его в свою келью, рассказала о кораблекрушении, которое разорило ее по пути сюда, об Иерусалиме, где уже успела побывать, о Синайском полуострове, о палестинском берегу Средиземного моря. Он дивился ее зоркости, меткости ее определенных, непредвзятости суждений. «Какой мужской ум! — думал он, слушая ее. — Как многое она умеет увидеть и точно оценить... Позор тем путешественникам, которые ездят по чужим странам с равнодушными, ничего не видящими глазами!»

Мы не знаем, что произошло между ними дальше, но, во всяком случае, когда спустя несколько дней они прощались, Иоганн смотрел на леди Эстер с восхищением и одновременно с легкой иронией. Она с царственным видом наблюдала, как ее свита готовилась к отбытию из монастыря.

— Итак, вы отказываетесь воспользоваться моим покровительством? — спросила она его, видимо завершая какой-то разговор.

— Мои коллеги в Лондоне расскажут вам, что одним покровительством меня купить трудно, — ответил он с улыбкой.

— Неужели отказываетесь?

В ее голосе звучало раздражение. Она похлопала своего коня по лоснящемуся боку и взялась за луку седла.

— Ну, а если не покровительством, а... любовью? — спросила она, глядя ему прямо в глаза.

— Я хочу быть любим только теми, кого люблю сам, — ответил он с невинным видом.

— Значит, меня вы...

Не закончив фразы, она быстро протянула ему руку, явно для поцелуя. Иоганн огранчился рукопожатием и с улыбкой сказал, кланяясь:

— Да сохранит вас Аллах милостивый, милосердный во веки веков!

Леди Степхоуц, едва сдерживая гнев, вскочила в седло.

— Надеюсь, вы еще услышите обо мне! — крикнула она и прищипорила коня.

Караван тронулся, она не оглянулась ни разу. А он долго стоял, продолжая смотреть ей вслед, затем вдруг громко рассмеялся и пошел осматривать Назарет.

Треть населения города составляют христиане — православные, католики, марониты. Назарейцы мало похожи на других палестинцев. Иоганн решил, что они больше смахивают на египтян. Да и диалект у них совсем иной. «Наверно, так в Европе испанцы отличаются от итальянцев», — подумал он.

Основная достопримечательность Назарета — католический монастырь с церковью Благовещения. Говорят, после храма Воскресения в Иерусалиме это самая красивая церковь на Востоке. Паломникам в ней показывают камень, на котором якобы стоял архангел Гавриил, возвестивший деве Марии рождение ея мессии. За алтарем — подземный ход в пещеру, где она пряталась вместе с новорожденным Иисусом. Паломники отламывают от пещеры по камешку, и поэтому она все время разрастается и вверх и вглубь. Показали Буркгардту и еще одно «чудо». В церкви стоит прекрасная гранитная колонна; есть у нее и базис и капитель, а середины, самого ствола, нет, его разрушили сарацины в средние века, и капитель висит в воздухе, словно поддерживаемая невидимым магнитом. Зоркий Буркгардт рассмотрел, что она накрепко присоединена к потолку, и это развеселило его.

В церкви два великолепных органа — вот это действительно чудо. Буркгардт нежно потрогал клавиши.

Монахи чувствуют себя в Назарете независимо и разгуливают в своих длинных одеяниях даже вдали от монастырских стен. Оказалось, это имеет свою историю: когда-то французские войска под командованием генерала Клебера вели здесь бой, и даже сам генерал Бонапарт трапезничал в монастыре. После ухода французов из Сирии паша аль-Джаззар повелел убивать всех христиан подряд. Тогда английский консул Сидней Смит пригрозил паше, что, если он тронет хоть одного христианина, английская эскадра уничтожит порт Акко. После этого монахи чуть ли не причислили Смита к лику святых. «Его слово свято, как божье слово, оно никогда не обманет», — говорили они.

Тридцать лет назад, рассказывали Буркгардту, настоятель мо-

пастыря Гардиан занимал пост судьи в Назарете. Он платил за это дань паше, сидевшему в Акко, и весь город ему подчинялся — и чиновники, и даже янычары. Он повсюду ходил с дубинкой и частенько расправлялся с непокорными прямо на месте, будь то турок или палестинец — все равно.

Знакомясь с историей и правами Назарета, Буркгардт не терял из виду своей основной цели — найти проводника для дальнейшего пути. В это время в город прибыли два мелких торговца из Эс-Салта, и, когда они возвращались домой, он примкнул к ним. По дороге на берегу Тивериадского озера он осмотрел развалины Капернаума, который, по Библии, был любимым городом Христа.

Эс-Салт — единственный крупный населенный пункт в районе Эль-Белка. В нем живут примерно 80 христианских семей и 400 мусульманских, живут хотя и в разных, точно обозначенных кварталах, но без конфликтов. Власть в городе принадлежит двум шейхам, обосновавшимся в крепости, что выставила свои пушки посреди Эс-Салта. Построил крепость предшественник аль-Джазара — паша Дахир, даже провел туда трубы из городского источника. Этот источник снабжает хорошей водой не только сам Эс-Салт, но и долины, раскинувшиеся на 8—10 миль вокруг города. Жители занимаются в основном земледелием, немного ткачеством. Если торгуют, то лишь одеждой и утварью для бедуинов, а в урожайные годы — еще пшеницей и ячменем. У бедуинов горожане покупают павлиньи перья и за большие деньги перепродают в Дамаск. Вообще, здесь развита посредническая торговля с Дамаском, Назаретом, Наблусом и Иерусалимом. В городе хорошо растет виноград, обычно его сушат и затем отправляют в Иерусалим. На время пахоты или сбора урожая все население перебирается в долины, где живет в шатрах, подобно бедуинам.

Бродя по городу, Буркгардт все больше приходил к выводу, что начиная отсюда и к югу арабы ведут полуседлый-полукочевой образ жизни, а далее и вовсе отказываются от оседлости. Бедуинов в Эс-Салте не боятся так, как в других городах Сирии, где побывал Буркгардт; здесь более пятисот мужчин имеют оружие и лошадей. Патриархальное спокойствие этого города нарушают лишь бедуины племени бени сахр. Пользуясь преимуществом в численности и силе и опираясь на традицию, они требуют определенной дани с жителей Эс-Салта, и те, как и положено, платят, дабы сохранить свои поля от опустошительных набегов.

Никаких достопримечательностей в городе Буркгардт не обнаружил. Мечеть, церковь да два караван-сарая — вот и все общественные здания. Впрочем, караван-сарай в некотором роде примечательны. Они даже похожи на европейские гостиницы. Приезжих здесь обхаживают и кормят буквально всем городом, распределив обязанности по снабжению и обслуживанию между всеми семьями.

А вот с проводниками здесь оказалось скверно.

Идти в Амман один Буркгардт не решился, опасаясь нападения бедуинов племени бени сахр. Он нашел вооруженных людей,

готовых его проводить до Аммана, но не успели они выйти из караван-сарая, как на проводников накнулись жены. Они упрекали своих мужей за то, что те готовы рисковать жизнью из-за нескольких пиастров. А вот они, жены, возвращаясь с поля, видели на дороге лошадиный помет. Значит, в округе шастают бандиты из бени сахр!

Не в силах дожидаться конца этой оглушительной перебранки, Буркгардт вскочил на коня и покинул город один. До Эт-Техейса добрался благополучно, а там сразу нашел проводника, и опять того, который когда-то сопровождал Зеетцена, и вместе с ним достиг Аммана.

В Аммане, как и в других поселениях Заиорданья, почти одни руины. На горе Джебель аль-Калаа, что значит «Гора-крепость», остатки древней цитадели — огромные каменные блоки, пригнанные друг к другу и скрепленные цементом. Внутри — арочные ниши с резным орнаментом. Когда-то город был построен крепко. Дома сложены из твердого известняка. Все они одной кладки, хотя можно определить и разные периоды в застройке. В домах — низкие дверные проемы, ниши в стенах. Кое-где сохранилась искусная лепка. Повсюду на земле валяются разбитые колонны по 3—4 фута в поперечнике. Буркгардт обнаружил несколько зданий — свидетелей прошлых эпох: церковь с колокольной, два небольших римских храма с пирами для статуй. В южной части города — амфитеатр, самый большой из всех, какие Буркгардт только видел в Сирии. Сорок рядов амфитеатра разделены тремя большими ложками. Перед фасадом — остатки колоннады. Восемь коринфских колонн неплохо сохранились, а судя по основаниям, их здесь было не менее пятидесяти. Рядом с амфитеатром — еще одно здание, Буркгардт не мог понять, для чего оно предназначено; быть может, это был цирк. Фасад почти без украшений, внутри — полукруглая арена, по стенам — обломки скульптур. Крыша обвалилась и загромодила весь интерьер.

Буркгардт присел на ступеньку, достал дневник и описал в нем каждый дом, каждую колонну и пилястру в Аммане. Город больше подвергся разрушению, чем Джерам, и впечатление, которое вынес Буркгардт отсюда, было более мрачным. Проводник из Эт-Техейса отказался идти с ним дальше, к Мертвому морю. По его словам, он думал, что чужеземец направляется в Амман по какому-то важному делу, а для того чтобы старые камни рассматривать, не стоило и тащиться, особенно под угрозой нападения бедуинов бени сахр.

Буркгардт вернулся в Эс-Салт и продолжил поиски проводника. И снова ему предложил свои услуги один из тех, кто помнил Зеетцена.

Начали торговаться.

— Муса двадцать пиастров платил, — утверждал проводник.

— Не может этого быть! — вскричал Буркгардт. — Аллах у тебя язык отрежет за вранье. Отрежет и выбросит шакалам!

А сам думал: «Невероятная сумма! Боже мой, как мог этот за-

мечательный ученый, перед именем которого я преклоняюсь, установить здесь такие цены? Теперь их долго не поломать...»

— Аллах свидетель, я правду говорю! Двадцать пиастров! — кричал оскорбленный проводник. — Меньше не возьму.

— За два дня-то! Ты сам подумай. Да здесь ни один человек за две недели столько не зарабатывает, — пытался убедить его Буркгардт.

Все было напрасно, проводник на меньшую сумму не соглашался. Наконец кто-то из местных жителей пошел с ним за большую плату.

И снова Буркгардт почти точно следует маршруту, описанному Зеетценом. Чтобы не повторять своего предшественника, он по-прежнему старается больше увидеть, подробнее запечатлеть; составляет планы некоторых селений, чертит карту.

В Эль-Караке многие помнили Мусу аль-Хакима.

— Хотел идти к Мертвому морю, — рассказывали ему, — и, говорят, все море обошел кругом. А там страшно: разные духи живут, и города в землю проваливаются. Муса, конечно, тоже боялся, но свое дело делал — травы искал, камни разные. А сам маленький такой, щупленький...

«Да, это самый неутомимый путешественник, который когда-либо побывал в Сирии, — с уважением думал о Зеетцене Буркгардт. — Значит, он действительно обошел все Мертвое море. Несомненно, он сделал там массу интереснейших открытий». И Буркгардт отказался от мысли еще раз исследовать Мертвое море. Естествознание, минералогия — не его стихия. Нет, он не будет повторять Зеетцена.

Буркгардта интересовало другое — то, что у Зеетцена было только в памеке. Существовало мнение, что Эль-Карак и есть столица древнего набатейского царства Петра, она же библейская Села. Государство набатеев, группы арабских племен, возникло не позднее IV века до нашей эры и просуществовало до 106 года нашей эры, когда оно было завоевано римским императором Траяном и составило провинцию Аравия.

На полях недалеко от Эль-Карак Буркгардт нашел несколько медных монет. На них по-гречески было написано «Петра». Говорят, местные жители находят здесь и золотые и серебряные монеты, ювелиры охотно покупают их и переплавляют в драгоценные изделия. Но ни по географическим, ни по историческим данным Эль-Карак на Петру не похож. Но, может быть, стоит тщательнее исследовать эти места, каждое поселение, каждую долину, и обнаружится Петра. Когда-то это был огромный прекрасный город. Где же его руины, его следы? Остатки городов Декаполиса показывают, что такие следы не исчезают с лица земли.

Буркгардт прибыл в Эль-Карак под видом жителя Алеппо Ибрагима ибн Абдалла, который направляется в Каир к родственникам. Неожиданный интерес к нему проявил шейх Юсуф, шестидесятилетний здоровяк. Шейх сам собрался сейчас к югу и предложил Иоганну присоединиться к нему. Выяснилось, что он

едет со свитой из сорока всадников. Как не воспользоваться столь заманчивым предложением!

Однако продвигались очень медленно, так как по дороге шейх должен был разбирать деревенские тяжбы. В одном селении застряли надолго: там у шейха оказался еще один дом, семья, жена, о которых в Эль-Караке и не подозревали. Иоганн начал нервничать, торопить шейха. Тогда тот потребовал у Иоганна двадцать пиастров. «Отказать нельзя, — подумал Иоганн. — Убить он меня не убьет, конечно, но сумеет поставить в такое положение, что и вдвое больше заплатишь». Сошлись на пятнадцати пиастрах, причем Иоганн заставил шейха поклясться, что он или сам доведет его до Каира, или поручит это верному человеку из племени бени ховеитат — о людях этого племени Буркгардт слышал немало хорошего.

Но шейх не уговорился. Во время одного из переходов он вдруг спешился и подошел к Буркгардту.

— Давай мне твое седло, а я тебе отдам свое, — потребовал он.

Буркгардт намеренно купил дорогое седло, отдав сорок пиастров, чтобы потом в Каире продать его и таким образом сохранить часть денег. У шейха же седло было старое, бедуинское.

— Не могу, — ответил Иоганн, — твое седло очень высокое, к моему росту не подходит.

— Ничего, привыкнешь, — спокойно сказал шейх. — Все равно у тебя седло отнимет шейх племени бени ховеитат.

Буркгардт растерялся, не зная, что предпринять. В это время всадники конvoja окружили их с криками:

— Ты почему седло не отдаешь? Разве он не брат твой? Разве он не давал тебе лучшие куски со своего стола? Не кормил коня твоего? Ты скряга, позор тебе!

С седлом пришлось расстаться. Спустя несколько часов то же самое повторилось со стременами. Буркгардт знал, что стремяна на коне шейха сразу же сотрут ему ноги до крови. Но делать было нечего: он попал в безвыходное положение. Отдал и стремяна.

Наконец в селении Бессейра шейх Юсуф передал Буркгардта проводнику, якобы из племени бени ховеитат, потребовав за весь путь восемьдесят пиастров, но зато пообещал двух верблюдов — и для самого путешественника, и для его шатра. Спорить было бесполезно, и шейх вместе со своими всадниками ускакал. Тут-то и оказалось, что проводник этот из племени бени билли и что у него вообще лишь один верблюд, да и тот хромой. В гористой местности передвигаться на лошади неудобно, с нею надо было расставаться. Буркгардт продал лошадь, купил на эти деньги четырех коз, решив, что они всегда пригодятся для расплаты, купил зерна, чтобы питаться в дороге, погрузил вещи на хромого верблюда и приготовился идти пешком, гоня перед собой свое небольшое стадо. Тогда проводник забрал у него коз и заявил, что идти он раздумал — устал, и настроения нет. Вот тут Буркгардт рассветел.

— Да что же ты за собака, что обманываешь на каждом ша-

гу! — кричал он. — Да опустеет твой дом и пусть проклятие Аллаха обрушится на твою голову, на головы твоих детей, внуков и правнуков!

Он разгрузил верблюда, взвалил на спину мешки и с независимым видом зашагал по селению, хотя понятия не имел, что делать дальше. Но его тут же окружили бедуины из племени бени ховеитат.

— Пока ты был с тем из бени билли, мы не вмешивались, — сказал один из них. — У гостя с хозяином свои счеты, они никого не касаются. Теперь ты ушел от него, и мы можем тебе дать совет! Пойдем к шейху, он рассудит.

Шейх рассудил так: проводник из племени бени билли должен коз путешественнику вернуть, а путешественник за это должен отдать ему, шейху, свое ружье. В Каир же его поведет надежный человек из племени бени ховеитат по имени Хамд ибн Хамдан с сильным верблюдом и всего за двадцать пиастров. «Если не надует, то это не так уж много», — подумал Буркгардт и отдал шейху ружье.

Новый проводник стал собираться в дорогу, и все племя выстроилось в очередь к его жилищу, чтобы дать ему поручения в Каир. 20 августа они тронулись в путь. Этому не помешали ни сильный ветер, поваливший шатры по всему селению, ни слухи о том, что где-то поблизости свирепствуют бедуины из племени бени сахр. Хамд ибн Хамдан ничего не страшился. Он держал слово.

ЭТО БЫЛА ЗНАМЕНИТАЯ ПЕТРА

Через несколько дней Иоганн Буркгардт и его проводник вступили в Вади Муса, то есть Долину Моисея. Буркгардт не раз слышал от жителей Сирии, что в ней таятся несметные богатства. А свое название она получила-де от того, что Моисей разбил здесь лагерь, когда вел евреев из Египта, и похоронил неподалеку своего брата — первосвященника Аарона. На горе Хор, возвышающейся над долиной, и находится могила Гаруна, то есть Аарона, которого бедуины, как и Моисея, высоко почитают. Вдоль дороги то и дело попадаются груды камней — это означает, что здесь Аарону была принесена очередная жертва, а кровь засыпана, как полагается по бедуинскому обычаю, камнями.

Миновали две деревни, почему-то покинутые обитателями. Буркгардт поразился, увидев пустые дома, стены с тремя воротами, несколько глыб мрамора, лежащих на дороге. Жители деревень предпочитали шатры у подножий скал.

Хамд ибн Хамдан торопил Буркгардта. Он считал, что в Египет надо идти от порта Акаба в Акабском заливе Красного моря: там частенько собираются караваны, направляющиеся в сторону Суэца. Но Буркгардту не хотелось так быстро покидать долину, о которой он был немало наслышан. К тому же он знал, что Акаба сейчас — самое беспокойное место в Петрейской Аравии. Паша

Египта Мухаммед Али стянул туда войска против ваххабитов и заодно против основного своего соперника — паши Дамаска. Встретиться с египтянами не очень-то приятно, да и в самой Акабе наверняка тщательно проверяют бумаги приезжих. Неизвестно, чем может это закончиться для европейца, выдающего себя за жителя Алеппо и идущего в Каир без особой нужды.

— Аллах велик, — сказал Буркгардт проводнику, — а я дал ему обет принести в Вади Муса жертву верному сыну его Гаруну. Думаешь, для чего я перед собой коз голю? Одну из них я должен заколоть в честь Гаруна. Пойдем на его могилу.

— Зачем на могилу? — удивленно спросил Хамд ибн Хамдан. — Ты же видишь кучи камней у дороги. Режь свою козу здесь.

— Нет! — упрямо сказал Буркгардт. — Я дал Аллаху обет принести жертву около самой могилы.

Он понимал, что проводник не посмеет противоречить: так можно разгневать Аллаха и вызвать его немилость. Тот и вправду молчал, глядя на горы.

— К могиле Гаруна надо дорогу знать, — наконец произнес он. — Я не знаю.

— Найдем кого-нибудь, кто знает, — успокоительно сказал Буркгардт.

Проводник до вершины горы Хор нашелся в ближайшем кочевье, и платой он довольствовался минимальной — всего парой старых подков, оказавшихся в мешке у Буркгардта. Ибн Хамдана оставили в деревне вместе со всей поклажей, с верблюдом и тремя козами, а сами, взвалив на плечи четвертую козу и бурдюк с питьевой водой, быстрым шагом направились к подножью горы, вершина которой вырисовывалась вдали над скалами.

«Другого такого перекрестка путей между Средиземным и Красным морями, между Суэцем и Вавилоном в этих краях нет, — размышлял Буркгардт. — Древние — и Диодор, и Эратосфен, и Страбон, и Плиний, и Птолемей — достаточно точно описывали местоположение Петры. Известно также, что находится она в горном районе, среди высоких скал, до которых трудно добраться. По описаниям все сходится. Не может быть, чтобы все они ошибались. Зеетцен подошел к Вади Муса вплотную, но не имел возможности исследовать ее. Это была удачная мысль насчет жертвоприношения».

Так думал он, продолжая зорко следить за дорогой, фиксируя малейшие подробности. Вдруг да и появится что-нибудь необычное! Отвесные скалы подступили почти вплотную к тропе, по которой они шли, и, казалось, где-то на высоте футов двухсот смыкались над нею, образуя подобие туннеля. Луч солнца не заглядывал сюда, лишь узкая полоска неба синела над головой. Пахло сыростью. Ни кустика, ни травинки меж камней.

— Куда это ты меня ведешь? — спросил Буркгардт проводника, стараясь казаться равнодушным. — Как называется это ущелье?

— Эс-Сик, Улица,— ответил проводник.

Прошли еще шагов триста. Ущелье чуть расширилось, и по его краю обнаружился глубокий овраг, отделивший тропу, по которой они шли, от отвесного склона горы. На дне его струился небольшой ручей. «Когда ручей зимой разливается, он, наверно, затопляет овраг,— решил Бургардт,— а летом вода уходит в песок и гравий». Но что это? На берегах ручья виднеются остатки каменной облицовки, и кажется, этот каньон призван сам направлять поток воды. Ну, конечно же, дальше он пробит в скалах. Значит, здесь жили люди, которые пытались снабдить водой этот сухой горный участок и вместе с тем предотвратить затопление, если напор воды окажется слишком стремителен. Бургардт восхитился делом рук человеческих, сумевших с таким искусством использовать скупые природные данные местности. Еще шагов через пятьдесят он увидел виадук, перекинутый между скалами. Наверху мелькнули развалины, глаза выхватили из полумрака ущелья большие ниши. «Такие ниши делают для статуй»,— подумал Бургардт.

— А что там, наверху? — спросил он.— Это еще не могила Гаруна?

— Нет. Там камни от старых домов и злые духи. Туда никому не подняться. Скалы отвесные. И духи не пускают. Впереди тоже камни. Целые дворцы. А Гарун дальше и выше. Успеть бы до заката,— сказал проводник и ускорил шаг.

Они шли по извилинам Эс-Сика, и количество ниш в скалах все возрастало. Ниши располагались порознь или по две-три вместе, состояли просто из углублений или были обрамлены с двух сторон короткими пилонами. В некоторых нишах сохранились постаменты для статуй.

Просвет между скалами все увеличивался. Бургардт шел, спотыкаясь, не в силах оторваться от невероятного зрелища, которое открывалось по сторонам и там, наверху. Лепные украшения, пилоны, карнизы, низкие двери — все это связывалось воедино, образуя некие сооружения. Какие же? Может быть, гробницы? Святилища, алтари? На высоте примерно десяти футов он рассмотрел четыре обелиска. Похожи на египетские. К какому же времени они относятся?

Ущелье еще более расширилось, русло ручья соединилось здесь с другим, идущим с юга. Рассеялась и тьма, окутывавшая теснину. От яркого света Бургардт на секунду зажмурился, а когда открыл глаза... Прямо перед ним на фоне скалы возвышался храм, огромный, изумительно стройный, словно излучавший розовато-красный свет. Люди, воздвигнувшие его, несомненно, знали толк в зодчестве. Здесь все было точно рассчитано. Никакой путник, в течение получаса пробиравшийся меж скал, почти под землей, в мрачных потемках, выйдя на это широкое пространство и увидя перед собой такое великолепие, не смог бы сдержать возгласа изумления и восторга. Гармония и изящество пропорций, розовый цвет песчанка, из которого храм был сделан, и, наконец, его прекрасная

сохрaпность — все было поразительно. Никому бы и в голову не пришло, что в этом богом и людьми забытом месте скрыто великое творение великих мастеров.

Буркгардт всмотрелся в фасад храма. Фронтон опирался на шесть колонн, футов тридцать пять в высоту, с коринфскими капителями, а над ними высились еще три павильона с колоннами, украшенные статуями. Архитрав увенчан вазами, соединенными друг с другом фестонами. Над колоннадой — карниз. Каждая колонна и пилястра вырезана из одного монолита песчаника, лишь средние сложены из кусков. Общая высота фасада — футов семьдесят.

Но где же сам храм? Сзади скала. Ведь не шутки же ради поставили этот фасад. Куда он ведет? Буркгардт, словно в фантастическом сне, двинулся мимо колонн прямо на скалу и... вошел в нее. Храмом и была сама скала, вернее, вырубленная в ней пещера. Он оказался в огромном зале, футов двадцать пять высотой. Стены зала были гладкие, так же как и потолок, и лишь ту, на которой располагался вход, украшала лепка. Здесь же Буркгардт увидел широкие ступени, на них — четыре колонны, по бокам — пилястры. И снова какие-то входы; они вели во внутренние палаты тоже с колоннами футов по тридцать пять высотой и фута по три в поперечнике. В каждой палате — колоссальные статуи. В полутьме Буркгардт рассмотрел фигуру женщины, сидящей на верблюде. А рядом — небольшие покои наподобие усыпальниц.

Проводник терпел любопытство путешественника явно из тщеславия — гляди, мол, какие на моей земле есть чудеса, тебе такое и не снилось. Даже пояснил:

— Это дворец фараона.

— Какого фараона? — спросил Буркгардт.

— Того, который здесь жил когда-то. А потом все поумирали, и дворец превратили в гробницу в память о нем, — сказал проводник, всем своим видом давая понять, что они отклонились от цели и им уже давно пора следовать дальше.

«Как же велики должны были быть богатство и могущество города, чтобы так увековечивать память о своих владыках!» — подумал Буркгардт.

Выйдя из храма, они прошли еще шагов двести. Среди утесов появлялись все новые и новые гробницы. Как правило, они состояли из небольшого зала с гладкими стенами и потолком. Лишь в некоторых были боковые покои и ниши для статуй, в иных — углубления в полу для захоронений. Двенадцать маленьких углублений и одно большое в стене насчитал Буркгардт в одной из гробниц — видимо, в семейном склепе. По внешнему виду такие усыпальницы было трудно отличить от дворцов и жилых домов, а их, по всей вероятности, было тут тоже немало — те же фасады, крыши, остатки стен и фундаментов, засыпанных землей и камнями. Большинство фасадов отстояло от скалы на один-два фута. Из-за выдававшихся вперед портиков они казались издали отдельными строениями. Все фасады имели пирамидальную форму, но

были чрезвычайно разнообразны по декору — пилястрам, расчленивающим портал, лепным деталям над входом, скату крыши. А над чем и из чего крыша? Над скалой и из скалы! Некоторые фасады имели два и даже три яруса. «Интересно, — мелькнуло у Буркгардта в голове, — как же проникали наверх? Подъем крут, а следов ступеней не видно». Иногда было трудно понять, где же кончалась скала и начинался храм или дом.

Но вот скалы расступились, освобождая место для большого амфитеатра. Все его сиденья — а их не менее трех тысяч — были высечены в скале. Арена посыпана гравием, и, если бы ветер не разметал его в разные стороны, можно было подумать, что лишь вчера на ней состоялось очередное представление. Недалеко от амфитеатра — триумфальная арка, явно римских времен. Она стояла совершенно отдельно, как бы демонстрируя свою непричастность к этой странной архитектуре.

Далее распростерлась долина, также густо усеянная развалинами домов, храмов, грудями камней, обломками колонн. Одних только гробниц Буркгардт насчитал не менее двухсот пятидесяти. Судя по архитектуре, относились они к различным историческим периодам. Выступы некоторых скал были превращены в обелиски.

На горных террасах, расположенных на разных уровнях, дома и храмы были вырублены прямо в скалах. Этот розовый песчаник сам по себе, своей податливой мягкостью диктовал методы строительства. Проникнуть в него резцом было нетрудно. Но и разрушению он подвергался много быстрее, чем крепкий базальт, из массивных блоков которого соорудились здания на севере страны. Поэтому нигде не сохранились надписи, время стерло и выветрило их. Остался лишь костяк города, его огромного архитектурного монолита. В нем легко было усмотреть влияние эллинизма — коринфские колонны, греческий орнамент. В отдельных элементах Буркгардт ощущал неведомое ему доселе искусство. А обелиски? Не пришли ли они из египетского зодчества? В самом деле, это не только перекресток географических путей, но и гармония разных архитектурных стилей. Повсюду виднелись массивные нагромождения диковинных форм — возможно, там тоже скрывались мавзолеи, храмы, жилые дома. Рассмотреть бы все в деталях!

Около русла ручья дома были, видимо, сметены многократными наводнениями, но и здесь мелькали фундаменты, каменные глыбы, остатки колодцев и снова гробницы, еще более величественные и нарядные, чем виденные Буркгардтом ранее. А дальше, насколько хватал глаз, на север тянулись скалы.

— И река течет сквозь них под землей еще с четверть часа, — сказал проводник.

«В пустынях все пространства измеряются временем движения, и так даже у рек», — подумал Буркгардт и в последний раз оглянулся на город. И словно на прощание древние зодчие угодили путнику еще одно прекрасное видение: дворец, не похожий ни на одно из других строений города.

— Что это? — изумленно спросил Буркгардт.

— Дворец дочери фараона, — равнодушно ответил проводник, которому надоела медлительность его подопечного.

Буркгардт, как зачарованный, направился в сторону дворца. И тогда проводник, до сих пор терпеливо смотревший на то, как Буркгардт заходил в гробницы, разглядывал амфитеатр, руины, вдруг завопил:

— Стой! Теперь мне ясно, кто ты! Ты — неверный, и в развалинах города наших предков у тебя свои цели. Но будь спокоен, из всех сокровищ, которые здесь хранятся, мы не позволим тебе взять ни одной монеты. Они на нашей земле и принадлежат нам.

— Я просто любопытен, и меня интересуют такие красивые здания. И никаких других целей у меня нет, кроме как принести эту козу в жертву Гарупу.

— Остановись, неверный, и не приближайся к нашим сокровищам! — прорычал проводник.

— Да ты взгляни, разве я ищу какие-то деньги? — воскликнул Буркгардт.

— Конечно, ты их не возьмешь у меня на глазах. Но я-то знаю, что колдуну ничего не стоит перенести их куда он только пожелает.

Буркгардт остановился. Он понял, что настаивать на своем нельзя. Он здесь один, посреди пустыни, где и в глаза не видели европейца. Если его заподозрят всерьез, то им ничего не стоит его обыскать, задержать и убить. Он же совершенно беззащитен! Даже если его оставят в живых, то отнимут деньги и, что еще хуже, путевой дневник. В их глазах исписанная непонятным закорючками бумага, вне всякого сомнения, будет выглядеть как инструмент колдовства. Придется отступить. А ведь напротив этого дворца еще какое-то необычное сооружение... Его засыпало песком и гравием, но ясно виден круглый купол. Нет, нельзя поддаваться искушению. Надо выйти отсюда живым и сообщить точные координаты Эс-Сика. Пусть сюда придет специальная экспедиция — целенаправленная, многочисленная и даже с охраной. А может быть, со временем и местные жители привыкнут к посещениям чужеземцев. Раз уж английская леди едет сюда с целой свитой, то что же будет дальше!

— Очень любопытные развалины, — весело сказал он, тряхнув головой. — Чрезвычайно интересно было бы посмотреть, но взгляни, кажется, уже солнце садится, а мы еще ничего не сделали. Пойдем скорей.

Проводник снова взвалил козу на плечи, и они полезли в гору. Буркгардт с невыразимым сожалением то и дело оглядывался. «Как неприятно, — думал он, карабкаясь по крутой тропинке, — что мысль о сокровищах, спрятавшихся в древних развалинах, столь крепко укоренилась в сознании местных жителей. Мало того, что они следят за каждым шагом чужеземца, так они еще и верят в то, что достаточно волшебнику взглянуть на место, где лежат сокровища, чтобы те перепеслись куда ему угодно».

Наконец они поднялись на небольшое плато, у дальнего края

которого была сооружена прямоугольная площадка, на ней — алтарный жертвенник, над ним — своды. Вокруг лежали груды камней.

— Это терраса Гаруна, — сказал проводник. — А могила на самой верхушке горы. Хочешь туда или здесь?

Буркгардт огляделся. Солнце близилось к закату, окрашивая город в яркий пурпур и придавая ему еще более фантастический облик. Но им еще предстоял долгий путь назад, к Вади Муса. Да и что он увидит с вершины горы? Те же скалы, долины, ручьи. Самое главное он уже нашел. Можно возвращаться.

— Здесь, — сказал он.

Проводник подтащил упирающуюся козу к месту, около которого было набросано больше камней, и протянул Буркгардту нож. Иоганн содрогнулся от отвращения. Зарезать беззащитное существо просто так! Но отступить было невозможно. «Эта жертва не тебе, Гарун, — подумал он, — эта жертва науке, истории, будущему человечества».

— О Гарун! — вдруг закричал проводник так неожиданно и так громко, что Буркгардт, испугавшись, едва не выронил нож. — О Гарун, тебе приносим мы эту жертву, взгляни на нас!

Движение руки, и кровь хлынула на гравий площадки.

— О Гарун! — продолжал неистовствовать проводник. — Сохрани и помилуй нас! Поверь, Гарун, что намерения наши высоки и благи, хотя коза эта мала и худа! О Гарун, отпусти нам грехи наши и наставь нас на путь истинный! Будь благословен, Аллах, владыка всех созданий земных!

Проводник все повторял да повторял эти заклинания и при этом заваливал пролившуюся кровь камнями. Затем, успокоившись и снова приняв равнодушный вид, он отыскал под сводами площадки медную посудину и предложил Буркгардту поужинать. Оказывается, здесь специально существует и посуда для приготовления пищи из жертвенного мяса; при этом самый большой котел предназначен для верблюжатины. Проводник умело отрезал лучшие куски мяса и развел костер.

— Только поскорее надо, поскорее, а то в темноте оооь далеко виден. Разбойники здесь повсюду ходят, могут и до нас добраться, — приговаривал он.

Буркгардт смотрел на черные вершины скал, едва различимые в вечернем небе, и думал: «А все-таки жаль, что не поднялись к самой могиле Аарона. Там, наверно, тоже могут быть гробницы или храмы, а я ухожу, так ничего и не узнав о них».

Возвращались тем же путем в темноте. Проводник то бурчал себе под нос, то напевал нечто монотонное, но бодрящее. Буркгардт шел за ним молча, а мысли все сверлили мозг. Сомнений у него не было: это Петра. Кстати, у римского писателя Евсевия Кесарийского говорится, что она расположена близ могилы Аарона. К тому же он, Буркгардт, ничего другого не обнаружил на пространстве между южным концом Мертвого моря и Красным морем, да и не слышал от местных жителей ни о каких иных

сокрытых развалинах городов. А этот спрятан надежно. При вражеском нападении достаточно было сотни мужчин, чтобы надежно перекрыть узкое ущелье, ведущее в город. Других ворот туда нет. Город-скала, город-крепость.

Жить там, наверное, было трудно. Летом солнце нагревает скалы нещадно, и в каменном мешке можно задохнуться. А ветер из-за гор туда не проникает вовсе. Но люди жили там и из ничего творили чудеса архитектуры. И точное место выбрали — на перекрестке дорог между Египтом и Сирией, Сирией и Аравией и между двумя морями. Здесь могла быть большая стоянка караванов. «Интересно,— подумал Буркгардт,— открыл я Петру или нет? „Петра“ значит „скала“, „камень“. Не произошло ли от этой величественной столицы набатеев название и всей Северо-Западной Аравии — Петрейская, то есть Каменистая? Пусть это решают будущие исследователи. А я должен срочно написать об этом в Европу».

Зловещую тишину затерянного в скалах города нарушали лишь журчание ручья, струившегося вдоль Эс-Сика, да гулкие шаги спешивших путников. Буркгардт весело улыбался своим мыслям, темноте ночи, звездам, словно пытавшимся заглянуть в ущелье.

Да, любезный мой читатель, Иоганн Буркгардт первым из европейцев увидел Петру. Археологи, работавшие там в начале XX века, установили происхождение и историю этого древнего города, открыли замечательные памятники — храмы, дворцы. Они объяснили и запустение города: после захвата Петры римлянами она потеряла былое значение, ибо основные торговые пути пролегли уже через Красное море, а для бедуинских племен город не представлял интереса — им не от кого было скрываться, незачем было и оставаться на оседлое житье.

В наше время Петра входит в число туристских объектов Иордании, и тысячи туристов с красочными путеводителями в руках подъезжают теперь к ЭК-Сиду на автобусах и автомобилях. Их, правда, предупреждают, чтобы они не особенно медлили, проходя по ущелью, ибо, если хлынет дождь, вода, низвергаясь со скал, может затопить ЭС-Сик за несколько минут. Но дожди здесь идут редко, и шанс погибнуть очень невелик, хотя был недавно и такой случай.

Туристы спешат увидеть сказочный город, вырубленный в розовых скалах, и мало кто знает, что открыл его для всех нас молодой швейцарский путешественник Иоганн Людвиг Буркгардт.

ПО ВОДАМ НИЛА И ЧЕРЕЗ ПЕСКИ НУБИИ

В дальнейшем путешествие протекало относительно спокойно. Путникам не раз удавалось присоединиться к караванам, шедшим в Египет. Иоганн устало вглядывался в однообразный

пейзаж. Безводную пустыню Эт-Тих сменили горы. Камни да песок... Никакой растительности, лишь изредка мелькал куст тамариска. За десять дней попало всего четыре колодца, да и то лишь в одном оказалась по-настоящему пресная вода, в других же она была солоноватая или пахла серой. В этом переходе, как никогда, пригодилась Буркгардту кембриджская диета. Питался он так же, как и погонщики и его проводник: за двадцать четыре часа пути он съедал полтора фунта хлеба, испеченного тут же, на костре, и все. А шли по пять-шесть часов безостановочно. И так более двух недель.

В Каир прибыли 3 сентября 1812 года. Хамд ибн Хамдан был немало удивлен, когда Буркгардт вынул из заветного места деньги и рассчитался с ним. За время пути проводник успел привыкнуть к мысли о том, что у его хозяина не осталось ни гроша, и не раз задумывался над тем, как же ему удастся получить обещанную плату.

Буркгардт снял в Каире дом с садом и, так же как несколько лет назад Ульрих Зеетцен, занялся обработкой своих путевых записок. Многое пришлось восстанавливать по памяти, но память у него с детства была феноменальная, и в результате он без труда исписал сотни страниц, что в будущем составило объемистую книгу. Вместе с подробнейшими письмами он отослал эти записи в Лондон Бэнксу и Гамильтону. Не был забыт и родной дом: туда одно за другим следуют пространные послания — родителям, братьям, Розине.

Каир к тому времени все больше и больше наводняли европейцы. Снарядить научную экспедицию в Египет не представляло больше особой сложности. Почти все европейские государства имели там своих консулов. Наибольшим влиянием обладали англичане, ибо они ежегодно покупали у Египта зерно на миллионы фунтов стерлингов, а паша Мухаммед Али в торговле как в средстве экономического развития страны был очень заинтересован. Поэтому Иоганну в Каире незачем больше прикрываться восточным именем, и он живет здесь не как Ибрагим ибн Абдалла, а как Джон Льюис Буркхардт — ведь официально он представлял британское научное общество.

Расплатившись с проводником и сняв жилище, он остался с одним талером в кармане. Положенные ему от Ассоциации деньги задерживались в дороге. Тогда живший в Александрии полковник Миссет охотно предоставил в распоряжение молодого ученого значительную сумму.

Буркгардту трудно было привыкать к новому месту — оно ничем не напоминало ему Сирию. Каир мало интересовал его, и он не собирался в нем долго задерживаться. Не будем и мы с вами, уважаемый читатель, уделять много времени и внимания африканскому периоду жизни Буркгардта, кстати весьма недолгому, а отметим лишь основные вехи пребывания здесь нашего героя.

Прежде всего он был представлен правителю Египта Мухам-

меду Али, проявлявшему жадный интерес ко всем, кто прибывал из Европы. Мухаммед Али именно в эти годы устанавливал дипломатические отношения с европейскими державами (причем независимо от воли турецкого султана, которому номинально был подвластен), насаждал в стране элементы европейской культуры, проводил первые реформы. Он создал регулярную армию, привлекая в нее помимо албанцев специально обученных египтян и суданцев. В Египте пачала развиваться собственная промышленность. Мухаммед Али открыл в Каире первые учебные заведения, а многих египтян отправил учиться в европейские университеты. Сам же он научился читать и писать лишь в возрасте сорока пяти лет.

Поэтому неудивительно, что, прослышав о прибывшем в Каир европейце, он тотчас же потребовал его к себе. Но отнесся к нему весьма настороженно. Вероятнее всего — и далее тому будут доказательства — он принял его за английского шпиона. Буркгардт же оценил Мухаммеда Али как чрезвычайно умного человека.

Момент сейчас для египетского владыки был напряженным. С мамлюками он расправился, но вот уже два года, как не прекращается война с ваххабитами, подчинившими себе часть Аравии вместе со священными землями ислама. В свое время, как мы помним, ваххабитское завоевание сильно осложнило пребывание в Мекке и Медине Ульриха Зеетцена. Сын Мухаммеда Али, Тусун-бей, в 1812 году как раз развертывал активные военные действия в Аравии против ваххабитов. Туда же собирался и сам Мухаммед Али, чтобы лично возглавить армию.

Узнав, что Буркгардт собирается совершить поездку в верховья Нила и в Нубийскую пустыню, Мухаммед Али повелел снабдить его соответствующими бумагами и дал ему письмо к своему сыну Ибрагиму, который правил на юге Египта. Буркгардт искренне поблагодарил, но на всякий случай решил эти бумаги никому не показывать: в данной политической ситуации еще неизвестно, какое влияние они могут оказать на его путешествие.

В январе 1813 года в Каир приехал племянник лорда Честерфилда Сметт. Он привез свежие новости о событиях в Европе. От него Буркгардт узнал о нашествии Наполеона на Россию, о пожаре Москвы. К имени Наполеона он всегда прислушивался с болезненным интересом. Разве этот неистовый корсиканец не сыграл решающую роль в его жизни, в жизни его семьи? «Неужели ничто не способно остановить сей бешеный напор? — пишет Буркгардт в эти дни домой. — Те, кто сейчас следит за судьбой Европы из далеких стран, много счастливее тех, кто вынужден участвовать в этом уничтожении или подвергаться уничтожению самому».

Он уже давно мечтал поехать в Нубию, как это было задумано Ассоциацией. Нубию он считал колыбелью египетской культуры и придавал большое значение ее исследованию. В XVII—XVIII веках из европейцев там побывали португалец Франсишку Алвариш, французы Шарль Жан Понсе и Ленуар дю Руле, англичанин Джеймс Брюс. К их поверхностным описани-

ям Буркгардт относился не очень серьезно. Однако неожиданное обстоятельство задержало его в Каире: в Нубии свирепствовал голод, ибо саранча полностью уничтожила посевы.

Плодородие земель по берегам Нила общеизвестно: по три раза в год снимают богатые урожаи кукурузы, проса, пшеницы, ячменя, чечевицы. Поэтому ждать нового урожая нужно не так уж долго. Тогда на юг отправится и караван из Каира. Но и эти месяцы вынужденного безделья кажутся Буркгардту тягостными. Убивая время, он много ходит пешком по окрестностям Каира, ездит на верблюде, иногда на осле. Многие ограничения и запреты, существовавшие в Каире еще два года назад, теперь сняты. Часами Буркгардт купался в Ниле. С сожалением он думал о том, каким ловким пловцом был в Базеле или Лондоне, тогда как здесь его мог легко оставить позади любой каирский мальчишка. Правда, он научился брать у них реванш: ложился на спину и долго плыл по течению, этого здесь никто не умел делать.

От своих европейских корреспондентов он, между прочим, узнал, что леди Стенхоуп объездила верхом почти всю Сирию, а теперь разбила свои шатры близ Пальмиры и требует у паши чуть ли не целый монастырь в собственное распоряжение, ибо намерена... объединить христианство и ислам в единую религию. В письмах в Англию она упомянула об их встрече, не постеснявшись охарактеризовать его как человека легкомысленного, неверного, которому едва ли можно поручить серьезное дело. Даже его задержку в Каире она объяснила по-своему: просто, мол, он из-за распутного характера был не в силах оторваться от каирских женщин. Она действительно сдержала свое обещание: «Вы еще услышите обо мне!»

Наконец в марте 1813 года Буркгардт, так и не дождавшись каравана, вдвоем со слугой отправляется к верховьям Нила. За сравнительно короткий срок он проходит вдоль обоих берегов великой египетской реки — до Донголы в Северном Судане и обратно. Помимо множества разнообразных наблюдений, встреч, открытий этот путь был отмечен двумя важнейшими событиями.

В Фивах, где сосредоточено наибольшее количество памятников древнеегипетского искусства — скульптуры и архитектуры, в то время еще никакие раскопки не велись, и в Европе о богатстве этого района было мало что известно. Буркгардт обнаружил там остатки храмов, засыпанных землей и песком, и огромную гранитную голову, торчащую среди руин. С такой находкой, которая сама просплась в руки, ему было нелегко расстаться. Он назвал ее головой Мемнона — легендарного сына богини утренней зари Эос и царя Египта и Эфиопии. Согласно легенде, Мемнон пал от руки Ахилла, Эос оплакивала его гибель, и слезы ее, утренней росой кадая на статую, производили звук, похожий на стон (что, кстати, было возможно, учитывая разницу ночной и дневной температур). Буркгардт сообщает в английское консульство о своей находке и о том, что готов оплатить все расходы по

раскопкам и транспортировке этой головы, дабы преподнести ее в подарок лондонской Ассоциации или Британскому музею.

Следующее открытие необыкновенной важности было сделано им у самой границы Судана. От случайного попутчика он услышал однажды странное название «Ибсамбал», которое относилось к храму с фигурами богов. Насмотревшись всяческих чудес в Нижнем Египте, он не надеялся увидеть здесь ничего особенно интересного. Но такого названия он не знал, и научный интерес победил: вместе со своим слугой Буркгардт остановился в указанном ему месте.

Внимательно изучая западный берег Нила, он вдруг увидел словно выросшие из-под земли огромные пилоны, между которыми возвышались статуи — четыре мужские фигуры и две женские. Позади — странное сооружение вроде украшенного нишами фасада, прилепленное к скале, а может быть, как и в Петре, высеченное в ней. А вокруг — пустыня с узкой полоской берега. И фигуры, и скала, и вход в нее — все засыпано толстым слоем песка.

Слуга нашел щель, и они пробрались внутрь скалы. Зал, в котором они оказались, был похож на интерьер храма. Слуга разжег огонь, и Буркгардт увидел барельефы на стенах, колонны с капителями в виде женской головы с коровьими ушами, остатки лепки. К своему удивлению, они обнаружили следы недавнего костра на каменном полу — видимо, в храме прятались от непогоды, и возможно, и от грабителей.

Когда они спустились к берегу и оглянулись, их поразило фантастическое видение. Где-то среди скал и на их фоне чуть южнее статуй храма, где они только что были, Буркгардт увидел непостижимых размеров лицо, потом еще одно, другое, третье, причем, казалось, все они повторяли друг друга, взирая на Нил впадинами глаз. Головы эти были увенчаны коронами фараонов. Но стояли ли они отдельно, сами по себе, или были частью колоссальных фигур, охраняли ли они вход в храм, подобный тому, который он только что осматривал, Буркгардт понять не мог. Горы песка возвышались над ними, угрожая вскоре совсем скрыть их от человеческого глаза. «Вот и еще один завет будущим исследователям», — подумал Буркгардт. Он не знал, что пройдет немного времени — и завет этот будет выполнен. Буркгардт точно опишет местоположение загадочных голов, и здесь начнет работать экспедиция итальянского египтолога Джованни Бельцони. Без особого труда археологи очистят статуи от песка, откопают вход в храм и раскроют тайны этого величественного сооружения.

Сейчас мы едва ли представляем историю Египта эпохи Нового царства, XVI—XI веков до нашей эры, без открытого Буркгардтом храмового комплекса, известного под названием Абу-Симбел. Это храм Рамсеса II, возведенный великим фараоном 3200 лет назад, чтобы приравнять себя к богам. Четыре колоссальные статуи, сидящие у входа (у одной из них повреждено

лицо), в двадцать метров высотой, это все его, Рамсеса, изображения. Фараоны сидели так, что вход в храм не достигал их колен, и люди даже на их ноги вынуждены были смотреть, задрав головы вверх. Проплывая по Нилу, все должны были дивиться величию и могуществу Рамсеса II. Нет, не просто кровлю храма поддерживали грандиозные фигуры, а скалы, горы, весь мир. Внутри храм расписан фресками, украшен барельефами, прославляющими деяния и подвиги фараона. А тот храм, который Буркгардт видел вначале, оказался храмом жены фараона Нефертари.

Раскрыта и тайна темноты, окутывающей храм внутри. Для этого потребовались не только раскопки, но и длительные наблюдения за другими храмами, усыпальницами, и прежде всего пирамидами. Оказывается, бывают дни, когда лучи солнца пронизывают все подземные залы, заглядывая в самую их глубину. И первый такой день зодчие искусно приурочили к тридцатилетию восшествия Рамсеса на престол.

Во второй половине XX века мир стал свидетелем еще одного чуда, связанного с Абу-Симбелом. После ввода в действие Высотной Асуанской плотины храм Рамсеса II вместе с ценнейшими статуями, фресками и барельефами должен был неминуемо скрыться под водой. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) бросила тогда клич: «Фараоны тонут! Спасайте фараонов!» И архитекторы, скульпторы, инженеры всего мира приняли участие в разработке проектов по спасению Абу-Симбела. Современная техника вступила в соперничество с зодчеством фараонов. Предложения поступали самые разные — окружить храм водонепроницаемой каменной дамбой, накрыть его огромным стеклянным колпаком, поднять домкратами. Наконец был принят следующий план: распилить статуи и храм вместе со скалой на отдельные блоки, поднять на поверхность и собрать в другом, безопасном месте.

Так и было сделано. Работы длились более двух лет, и в августе 1966 года возрожденный храм красовался на скале у старого русла Нила.

После возвращения в Каир Буркгардт чувствовал себя усталым, но отдыхать не хотел. Путешествие обошлось ему всего в 42 франка, или в 36 пиастров, чем он чрезвычайно гордился. Умение ограничивать себя, жить так же непривычно, как живут аборигены, он ценил всегда очень высоко.

В своих письмах домой он по-прежнему нежен, ласков, заботлив, но теперь, возмужав, он больше склонен сообщать правду о своем трудном быте, больших намерениях. Отец всегда учил его честности, прямоте. «О том, что я видел и встретил, — писал он отцу из Каира 13 марта 1814 года, — я ни разу не рассказал ничего такого, что было бы несогласно с моей совестью, ведь не для того же, чтобы сочинять романы, я подвергал свою жизнь стольким опасностям».

Весной 1814 года Буркгардт отправился в Нубийскую пусты-

ню, расположенную между Нилом и Красным морем. В Донголе на него напали мамлюки, и тогда в селении Дарау он пристроился к торговому каравану, следовавшему на невольничий рынок в Шенди. В караване его принимали за турка, и это имело печальные последствия. Из боязни, что он составит им конкуренцию в работорговле, в Бербере его изгнали из каравана. Пришлось продолжать путь одному, верхом на осле. Однако это не испортило ему хорошего настроения. Джеймс Брюс, возвращавшийся этим же путем из Эфиопии, совсем недавно при встрече в Тиверпаде описывал его Буркгардту в самых мрачных тонах. Буркгардт ничего подобного не находил. Конечно, здесь, как и во всякой песчаной пустыне, нелегко. Но встречаются пальмы и акации, водные источники, не то что в Сирийской пустыне — голой, безводной.

К общению с жителями пустыни Буркгардт привык быстро и не испытывал никакого страха. Но когда у селения Эд-Дамер на него было совершено очередное нападение, он все же обзавелся проводником и вместе с ним прибыл в Шенди.

Здесь он провел целый месяц. Город существует торговлей. Торгуют здесь всем — от слитков золота до страусовых перьев. Однако главный предмет торговли — рабы. Ежегодно через рынок Шенди проходит до пяти тысяч невольников. Из них две с половиной тысячи отправляют в Аравию, тысячу — в Донголу, четыреста — в Египет, остальных — в населенные пункты вдоль побережья Красного моря. Буркгардт наблюдает, как на рынке в Шенди вместо денег часто расплачиваются натурой — теми же рабами и верблюдами, а разменной монетой служит местное просо — дурра. Он тоже купил себе раба, отличного юношу, которого выбрал из сотен других.

Буркгардт поведал Европе много интересных сведений о местах между Шенди и Сеннаром, об их жителях и даже составил словарь местных наречий.

Из Шенди к Красному морю Буркгардт двигался с большим караваном, состоявшим из ста пятидесяти торговцев, которые везли в Суакин табак и ткани, триста рабов и более двухсот верблюдов. Этот путь до сих пор был неизвестен европейцам. Караван пересек долину правого притока Нила, реки Атбары, и оказался на плодородной равнине Эт-Така. Урожаи здесь бывают очень высокие, и местная дурра повсюду высоко ценится. Далее путь лежал через известняковые плато. И опять каждый шаг Буркгардта — это новые для Европы сведения о климате, о природных данных, о сельском хозяйстве, о полукочевых-полуседлых племенах, населяющих этот край.

26 июня 1814 года, через двадцать пять дней после выхода из Шенди, караван вступил в Суакин, один из важнейших африканских портов Красного моря. О нем в XIV веке упоминал известный арабский путешественник и географ Ибн Баттута. «Суакин» означает «житель», «обитатель». Местные жители ютятся здесь в основном в тростниковых хижинах на берегу моря, а вся

жизнь сосредоточена в порту, через который паломники из Африки следуют в Мекку.

Комендант Суакина, юркий араб из Джидды, сам взимал в таможенные пошлины за въезд и выезд, как того требовал приказ Мухаммеда Али. Какой-то торговец, желая угодить властям, сообщил ему, что с караваном идет «белый». Буркгардта тут же доставили в таможенню. Вместо принятого на Востоке вежливого приветствия и пожелания здоровья Буркгардт вдруг услышал:

— Ах ты, проклятый мамлюк! Ты хочешь бежать в Аравию, чтобы там сговориться с ваххабитами! Ручаюсь, что паша тебя повесит.

— Что ты такое говоришь? — искренне удивился Буркгардт. — Я иду из Египта, и у меня ничего нет, кроме одного раба и одного верблюда. Аллах не простит тебе клеветы.

— А ну тащите сюда цепи! — закричал комендант своим солдатам. — Отправим его в Джидду на расправу, а невольника и верблюда ведите на рынок и продайте там поживее.

— Ты просто сумасшедший, а не слуга паша и тем более Аллаха милостивого, милосердного! — кричал Буркгардт, в то время как солдаты проворно обматывали его тяжелыми цепями. Он собрался с силами, и оттолкнув их, выхватил фирман и паспорт, которые получил в Каире от самого Мухаммеда Али. На фирмане красовалась огромная личная печать египетского владетельна, подтверждавшая его строжайшее предписание: всем военным и гражданским чинам Египта оказывать подателю сего помощь и поддержку. О том, что это европеец, в фирмане не было ни слова.

Прочитав фирман и удостоверившись в его подлинности, комендант побледнел. С молниеносной быстротой освободив Буркгардта от цепей, он этими же цепями принялся нещадно избивать солдат, восклицая при этом:

— Ах вы, негодяи, вы что, не узнали благородного человека? Да как вы смели к нему хоть пальцем прикоснуться! Прочь отсюда, глупые твари, убирайтесь с глаз моих!

Затем он бросился Буркгардту на шею.

— Аллах простит меня за мое служебное усердие, он милостив, он великодушен! Прости меня и ты, брат мой. Будь моим гостем! Прими любовь мою! — кричал он.

— Ну, если Аллах простит, за мной дело не станет, — отвечал Буркгардт, отряхиваясь. Раньше ему было не до смеха, но сейчас эта ситуация стала его забавлять.

— Что же ты так долго молчал? — спросил комендант.

— А я хотел взглянуть, как далеко может зайти несправедливость, — ответил Буркгардт. — Зато теперь, когда я расскажу великому паше, что в Суакине справедливость торжествует несмотря ни на что, когда я расскажу...

— Не рассказывай, умоляю тебя! Заклинаю тебя Аллахом и всеми его пророками, ничего не говори великому паше! — кричал комендант, чуть ли не припадая к ногам Буркгардта. Чтобы окон-

чательно задобрить важного гостя, он пригласил его на все время пребывания в Суакине поселиться у него в доме.

В эти одиннадцать дней Буркгардт отлично отдохнул — его кормили изысканными блюдами, осыпали подарками, которые он гордо отвергал. Когда же 7 июля он взошел на борт судна, его снабдили на все плавание превосходным провиантом. «Если бы он только знал, кто я на самом деле, он бы пожалел о своих съестных припасах больше, чем о своей несправедливости», — весело думал Буркгардт, глядя, как Суакин скрывается в морской дымке.

КОВАРНОЕ ГОСТЕПРИМСТВО МУХАММЕДА АЛИ

После десятидневного плавания по Красному морю судно опшвартовалось в Джидде. Теперь Буркгардт всей душой стремится в пески Аравии, в бедуинские шатры, в Мекку. Но война с ваххабитами в разгаре, и сам Мухаммед Али с войском прибыл в Аравию на помощь сыну. Своей резиденцией он избрал город Эт-Таиф, немного восточнее Мекки. Джидда почти на осадном положении. «Одна батарея охраняет вход со стороны моря и господствует над всем портом, — записывает Буркгардт в свой дневник. — Там стоит огромная пушка, заряжающаяся ядрами весом пятьсот английских фунтов. Эта пушка известна по всему Аравийскому заливу, и одной ее славы достаточно для обороны Джидды».

В Джидду ваххабитам уже не вернуться. «Эти ваххабиты опасны для всех — и для одиноких путников в пустыне, и для жителей больших городов», — так писал Буркгардт домой из Джидды. Однако для него опасность пришла оттуда, откуда он ее ждал меньше всего. Когда он после многотрудного пути через Нубийскую пустыню появился в банке Джидды с чеком на 6 тысяч пиастров, никаких денег ему не дали и с позором выгнали вон: в рваной одежде, заросший, осунувшийся, он был похож на нищего. Пришлось ему тащиться в караван-сарай, чтобы придумать, как поступать дальше. В караван-сараях масса паломников, теснота, грязь. Впервые с момента отъезда из Европы Буркгардт ощутил сильную слабость, головную боль. У него началась лихорадка — болезнь, столь опасная для европейца, и лишь его верный раб приносил ему воду. Этот раб был его единственной надеждой на спасение — ведь его можно продать! И как только болезнь чуточку отпустила Буркгардта, он, презирая себя и ненавидя подозрительных чиновников Джидды, продал молодого африканца за 48 талеров. Эти деньги позволили ему окрепнуть и приодеться. Теперь Буркгардт уже способен постоять за себя, он пишет в Египет — относительно подтверждения денежного чека и в Эт-Таиф — личному врачу Мухаммеда Али по имени Босари, армянину, с которым он познакомился в Каире.

В ожидании ответа можно и осмотреть город. С той поры, как здесь побывал Зеетцен, значение Джидды как торгового порта возросло. К тому же по предписанию шерифа Мекки в Джидду должны были заходить все арабские суда, плывущие по Красному морю. А каждое судно, зашедшее в порт,— это пошлина. Город богател. В одном лишь 1814 году, как узнал Буркгардт, пошлина составила сумму в 400 тысяч талеров.

Число жителей в Джидде во время пребывания там Буркгардта, по его подсчетам, составляло 12—15 тысяч, но он понимал, что цифра эта весьма приблизительная, ибо в месяцы хаджа численность населения возрастала вдвое, если не втрое. После хаджа здесь оседают и паломники и торговцы — йеменцы, индийцы, малайцы, и постепенно они усваивают местные традиции и нравы. У всех жителей Джидды, например, один и тот же завтрак — чашечка растопленного масла и чашечка кофе. А некоторые еще вливают масло в нос — от болезней, которых тут немало, в чем Буркгардт успел убедиться на собственном опыте. С тех пор он тоже стал себе вливать полчашечки масла в нос — быть может, это в будущем спасет его.

Буркгардт бродит по городу, описывает людей, здания, базары; кстати, цены здесь значительно выше, чем в других городах Арабского Востока. Самая дешевая еда в Джидде — это саранча. Ловят ее до смешного просто: прямо на улице кладут кучку хвороста и поджигают; саранча летит на огонь и падает. Ее подбрасывают и тут же поджаривают.

Решение денежной проблемы приходит неожиданно: приехавший в Джидду личный врач Тусун-бея, Яхья-эфенди, охотно обменивает каирский чек Буркгардта на деньги. И почти одновременно появляется гонец из Эт-Таифа: Мухаммед Али, прослышав о бедственном положении ученого чужестранца, просит его принять в дар 500 пиастров и красивую одежду и пожаловать в Эт-Таиф, что в пяти днях пути от Джидды, но только ехать туда не через Мекку, а по другой дороге, севернее.

Буркгардт задумался. Все это весьма заманчиво. Но, по обычаям Арабского Востока, нельзя принимать дар, если не можешь вернуть его в двойном размере. Да и предписание обогнуть Мекку с севера, не заезжая в нее, означает явное недоверие. Надо бы ему совершить хадж. Шейх Ибрагим ибн Абдалла... Нет, хаджи Ибрагим ибн Абдалла звучало бы много весомее. «Эти хаджи, — думал он, — составляют особое сословие, и никто не осмеливается тронуть ни одного из них из боязни восстановить против себя остальных». В путешествии по глубинным районам ему бы это очень помогло. Да, надо ехать в Эт-Таиф к Мухаммеду Али, а там будет видно.

Теперь, когда у него снова появились деньги, он мог вернуть себе раба, которого недавно продал. Он искал его долго и упрямо. В каждом невольнике ему мерещился юный африканец со смыслым лицом и преданными глазами. Несколько дней Буркгардт провел на невольничьем рынке. Напрасно.

24 августа Буркгардт покинул Джидду — в сопровождении проводника и с фирманом Мухаммеда Али в кармане. Тем и другим его предупредительно снабдил Яхья-эфенди. Дорога все время поднималась в гору. Проводник настоял на том, чтобы передвигаться лишь ночью, возможно, из-за близости к святыне ислама. Только у оазиса Рас-эль-Кора, раскинувшегося у подножия Джебель-Кора, оказались днем. В оазисе — плодовые деревья, кустарники, ручьи, поля вокруг. Воздух напоен свежим ароматом зелени и цветов. Такой благословенный уголок Буркгардт и не предполагал увидеть в каменистом Хиджазе.

После оазиса дорога пошла под уклон. Через несколько часов показался Эт-Таиф.

Когда-то Эт-Таиф был очень богатым городом, но сейчас в нем повсюду виднелись следы разрушений, произведенных ваххабитами во время набега 1802 года. Разбиты мечети, уничтожены гробницы, вырезана часть населения. За глинобитной городской стеной — сады, которыми всегда славился Эт-Таиф. В садах — смоковницы, миндальные деревья, сикоморы, яблони, персиковые, лимонные, гранатовые деревья, бананы, а среди них — загородные дворцы, беседки, павильоны. Однако Буркгардту не дали полюбоваться этим зеленым великолепием, а сразу же провели в дом к Босари, который жил недалеко от резиденции Мухаммеда Али. Босари, хорошо говоривший по-итальянски, встретил европейца с поясными поклонами, со сладчайшим восточным гостеприимством. Но уже спустя сутки Буркгардт понял, что он — пленник. К нему приставлена охрана, за ним следят, его вещи осматривают, двери дома для него закрыты.

— Не ведете ли вы дневник, как это часто делают люди вашего почтеного круга и высокого образования? — спросил его как-то Босари после традиционных утренних пожеланий.

— Нет, — равнодушно ответил Буркгардт. — В Хиджазе не существует таких древних памятников, которые бы заслуживали научного интереса. Это в Египте редкости встречаются на каждом шагу.

— А зачем вы пожаловали в Аравию? — продолжал Босари скрытый вопрос.

— Я хочу совершить хадж, с тем чтобы потом вернуться в Каир, — отвечал Буркгардт. — Кстати, меня весьма удивил запрет великого шахи приближаться к Мекке. Я уже давно стал ревностным мусульманином. Пожалуйста, доложите паше об этом и попросите его принять меня.

— Обещаю вам сделать это, — сказал Босари с глубоким поклоном. — А не собираетесь ли вы после посещения Аравии отплыть в Индию?

— Нет, не собираюсь. Я же сказал, что вернусь в Каир, — отвечал Буркгардт.

— Но разве вы не связаны с британской Ост-Индской компанией? — спросил Босари с одной из самых ослепительных своих улыбок.

— Что у меня общего с ней? Я путешествую по землям Востока совершенно самостоятельно. И я мечтаю совершить хадж,— сказал Буркгардт, едва сдерживая раздражение.

— Да, да. Но у вас, верно, в Ост-Индской компании есть знакомые, друзья? Великобритания — поистине великая держава...

«Ах, вот в чем дело,— подумал Буркгардт.— Не иначе, как они принимают меня за английского шпиона. Ведь я жил в Каире под английским именем Джон Льюис... Тогда все ясно. Я действительно попал в плен...»

К вечеру того же дня Босари, не переставая кланяться, сообщил, что разрешение посетить Мекку великий паша пока дать не соизволил.

— А что сказал великий паша? — спросил Буркгардт.

Врач молчал.

— Но ведь великий паша сказал еще что-нибудь, кроме «нет»? — настаивал Буркгардт.

— Великий паша сказал... — Босари молитвенно сложил руки на груди.— Он сказал, что... для того чтобы быть мусульманином, одной бороды мало...

— Я ваш гость,— с достоинством сказал Буркгардт,— и очень хочу, чтобы великий паша принял меня. Но я сам не пойду к нему, если он не будет принимать меня как мусульманина.

Следующий ответ паши гласил: «Будь он турок, англичанин или китаец, так и быть, ведите его ко мне».

Мухаммед Али восседал на софе в огромном зале. Справа от него расположился кади, слева — предводитель албанцев Хасан-паша. Вокруг стояли офицеры армии паши. Вдоль стен на полу разместились шейхи бедуинских племен.

Буркгардт подошел к Мухаммеду Али, поцеловал ему руку и тоном старого доброго знакомого сказал по-арабски:

— Мир тебе, великий паша.

Мухаммед Али пытливо посмотрел на него и жестом велел посадить гостя рядом с кади. Тут же стоял переводчик, или, как его называют в Египте, таргуман. Мухаммед Али говорил по-турецки.

— Надеюсь, шейх Ибрагим, местный климат не разрушил вашего здоровья. Я слышал, в Джидде вы перенесли лихорадку,— сказал паша.

— Я благополучно справился с нею, Аллах милостив,— ответил Буркгардт с поклоном.

Мухаммед Али, извинившись перед гостем, отдал несколько распоряжений, и офицеры и шейхи покинули зал.

— Итак, шейх Ибрагим, теперь вы чувствуете себя хорошо? — С этими словами Мухаммед Али повернулся к Буркгардту, показывая, что теперь он готов беседовать с ним.

— Отлично, великий паша, и счастлив снова видеть вас в расцвете сил и праведной деятельности,— еще раз поклонился Буркгардт.

— Вы много странствовали с тех пор, как мы виделись с вами

в Каире. Как далеко пропикли вы в Африку? — спросил Мухаммед Али.

— До Сепнара.

— Я слышал, что в Донголе вы столкнулись с двумя мамлюками. Чем они докучали вам?

«Ну, этот и вовсе не стесняется, — подумал Буркгардт. — А лазутчики у него работают неплохо». И произнес смиренно:

— Они по случайности напали на меня, я даже испугался и присоединился к каравану. Ничего, остался жив.

— Аллах справедлив и накажет виновных, — сказал Мухаммед Али, видимо довольный ответом. — Как только разделаюсь с наххабитами, снова примусь за мамлюков. Как вы думаете, шейх Ибрагим, сколько потребуется солдат, чтобы покорить земли до Сепнара?

— Хорошей армии в полтысячи человек было бы достаточно, но вот удержать захваченное она не сможет. Так что добыча едва ли покроет издержки.

— А чем богата эта земля? — Разговор явно интересовал Мухаммеда Али.

— Верблюдами и рабами, а ближе к Сеннару — золотом, которое привозится из Эфиопии. Но все это находится в руках купцов, а местные предводители и цари голы и нищи.

— А как вы проводили время среди негров? — спросил Мухаммед Али.

— Я рассказывал им всякие смешные истории, и это их очень забавляло, — весело сказал Буркгардт.

Мухаммед Али рассмеялся. Затем после паузы спросил:

— А теперь в какой край вы собираетесь направиться? В Индию?

— Ни в коем случае! — воскликнул Буркгардт со всей искренностью. — Я хотел бы совершить хадж, вернуться в Каир, а потом, если удастся, побывать в Персии.

О своем намерении ехать в глубь Африки он решил лучше умолчать.

— Да поможет вам Аллах, — вздохнул Мухаммед Али. — Но лично я считаю неразумным такие дальние поездки без особой надобности. Ну, чего вы добились за время своего последнего путешествия?

— Жизнь человеческая предопределена Аллахом, — ответил Буркгардт, помолчав. — Мы все следуем за своей судьбой. Но я испытываю безграничное удовольствие, бывая в новых, неизведанных странах, наблюдая тамошние нравы, знакомясь с людьми иных рас. Ради этого удовольствия я готов на любые лишения.

Наступило молчание. Мухаммед Али испытующе всматривался в Буркгардта — Джона Льюиса — шейха Ибрагима, который хотел быть хаджи. Затем сказал, показывая на кади:

— Вот лучший судья. Пусть он решит, мусульманин ли вы. Завтра в то же время вы придете ко мне.

И Мухаммед Али милостиво протянул руку для поцелуя.

Отныне Буркгардт поступил в полное распоряжение кади Садк-эфенди. Тот был родом из Константинополя, но по-арабски говорил как на родном языке. У Буркгардта сложилось впечатление, что кади подослан Портой и сообщает ей о каждом шаге паши.

Кади экзаменовал Буркгардта и прямо, и в беседах, на первый взгляд не имеющих отношения к исламу, и в повседневном быту. Буркгардт старался, как лицеист, оставленный без вакаций из-за переэкзаменовки. Он извлек из своей памяти не только все суры Корана, большинство которых знал наизусть, но и комментарии многих мусульманских богословов к Корану, историю ислама и все священные предания, хадисы, о деятельности и речах Мухаммеда. Он обсуждал с кади положения шариата, доказывая их непогрешимость. Не забывал он в положенное время совершать молитву. А когда они вместе садились за обеденный стол, он первым произносил традиционное «бисмилляхи ар-рахмани ар-рахим».

Каждое утро Буркгардт должен был являться к Мухаммеду Али. Их беседы касались международной политики. Только здесь Буркгардт узнал, что союзники вошли в Париж, Наполеон отрекся от престола и выслан на остров Эльба. Все это чрезвычайно волновало папу: теперь у Англич освободились войска и во Франции и в Испании, не станет ли она снова претендовать на Египет?

— Как вам нравится этот мямля?! — раздраженно сказал Мухаммед Али Буркгардту во время одного из свиданий, имея в виду Наполеона. — Да он просто баба! Настоящий солдат должен скорее погибнуть, чем позволить выставить себя всему миру на посмешище! Подумать только, европейцы такие же предатели, как и турки! Все генералы покинули его в беде, а ведь это ему они обязаны своим положением и богатством.

Мухаммед Али потребовал, чтобы ему принесли трактат о мире союзников с Францией, переведенный на турецкий язык, и заставил Буркгардта долго перечитывать его вместе с ним. Паша был неплохо осведомлен об устройстве английского парламента, знал многое о герцоге Веллингтоне и о других государственных деятелях Европы. Он явно хотел, чтобы русские выгнали султана из Европы, но вместе с тем боялся, что если России достанется кусок Европейской Турции, то англичане не захотят оставаться сторонними наблюдателями и отвоюют себе другой кусок Османской империи, а именно Египет.

— А вы не слышали, какие сейчас отношения у англичан с Россией? — неожиданно спросил паша.

«Теперь он надеется на то, что Великобритания найдет своей армии иное применение», — подумал Буркгардт и сказал:

— Меня, признаться, сейчас больше волнуют отношения Египта с ваххабитами, раз уж мы с вами в Хиджазе, великий паша.

— Я — друг Великобритании, — вдруг заявил Мухаммед Али. — Но, по правде говоря, в наше время у правителей очень много любезности и слишком мало искренности. Я надеюсь, пока я в Хиджазе, они там не нападут на Египет? — Он неопределенно

покачал головой. — Там по крайней мере я сам бы имел счастье сражаться за свою страну. Султана я не боюсь, — вдруг перескочил он на другую тему, — но в его искренности весьма сомневаюсь. Мне бы хотелось перехитрить его. У турок мало верблюдов, и, если их отряды посмеют напасть на Египет, мы легко уничтожим их, едва они войдут в Сирийскую пустыню.

— Да простит великий паша мою дерзость, но он подобен юноше, который, обладая прекрасной девушкой и будучи уверен в ее чувствах, ревнует ее к каждому чужаку, — сказал Буркгардт с поклоном.

— Вы правы, тысячу раз правы! — воскликнул довольный паша. — Конечно же, я люблю Египет, люблю со всей страстью любовника, и, если бы у меня было десять тысяч жизней, я бы их все отдал, лишь бы сохранить для себя эту страну!

Вот так и тянулись дни в Эт-Таифе за дипломатическими беседами с Мухаммедом Али, за нескончаемыми экзаменами, устраиваемыми хитроумным Садык-эфенди, без права одному покидать стены дома угодливого Босари. К цели своей Буркгардт не продвинулся ни на шаг. Тогда он решил изменить тактику. Он рассуждал логически: если Мухаммед Али требует его каждый день к себе, значит, ему интересно беседовать с человеком европейской культуры. Но при этом его держат в плену, ибо продолжают считать английским шпионом. И как шпион он должен был бы вести себя осторожно и скромно. Ну а если сам он считает себя гостем паши? Тогда он должен и вести себя как гость, быть капризным и придирчивым.

Для начала Буркгардт неожиданно заявил Босари после его обычных утренних пожеланий несокрушимого здоровья, могучих сил, счастья и благоденствия:

— А ведь и правда, после лихорадки, перенесенной в Джидде, я все время чувствую слабость. Но Аллах милостивый, милосердный не оставил меня, к вам привел. В Эт-Таифе такой чудесный климат. Все от Аллаха! Только вот воля его не очень хорошо выполняется. Ведь апартаменты эти мне тесноваты. Воздуха мало, и молиться темно, и на душе тоскливо.

Босари тут же распорядился предоставить гостю другие комнаты.

Был месяц рамадан — время великого мусульманского поста. Буркгардт воспользовался и этим. По вечерам, когда, наевшись после дневного воздержания, все в доме закапчивали трапезу, Буркгардт требовал самые редкие блюда. Иногда он поднимал слуг и среди ночи:

— Проголодался я, а ведь завтра опять целый день поститься нужно. В Каире меня иначе принимали. А тут что? Бедность. Убожество.

Босари велел каждую ночь подавать закапризничавшему пленнику по барашку. Буркгардт давился, но исправно ел. Фруктов стал поедать немыслимое количество.

Через несколько дней Садык-эфенди устроил Буркгардту оче-

редной экзамен по Корану, на сей раз в присутствии еще одного, не менее придирчивого ученого богослова, после чего объявил Мухаммеду Али, что их гость не просто мусульманин, но и лучший знаток Корана и шариата, какого он когда-либо встречал.

— Это настоящий шейх! Пусть он осуществит свое святое намерение и по праву станет хаджи.

На прощание Мухаммед Али не упустил случая еще раз поговорить с гостем о политике.

— Как вы думаете, почтенный шейх, — спросил он, — какое нужно войско, чтобы защитить Египет от вторжения чужеземцев?

— Мне кажется, — сказал Буркгардт после паузы, — армии в двадцать пять тысяч человек будет достаточно, чтобы отразить любое нападение.

— У меня их сейчас больше, — сказал паша и шепотом добавил: — Тридцать три тысячи.

«Это уж он точно лжет, — подумал Буркгардт. — У него во всем Египте и сейчас в Хиджазе не больше шестнадцати тысяч солдат».

Затем Мухаммед Али велел принести ему географические карты и пригласил Буркгардта взглянуть на них вместе с ним. Это оказался турецкий атлас, составленный из копий европейских карт и отпечатанный в Константинополе.

— Где у Нидерландов изменились границы? — спросил паша.

Буркгардт, хорошо помнивший содержание мирного трактата, который они недавно читали, показал на карте.

— Да, долго нам еще ждать мира и спокойствия, — сказал паша. — И все-таки французы не должны были уходить из Испании, пока испанцы им не заплатили хорошенько. И из Сицилии они ушли, почему?

«С каким нетерпением он ждет повои войны между европейскими державами!» — Буркгардт внутренне усмехнулся.

— Бывает, что в политике руководствуются законами чести и заботой об общем благе Европы, — сказал он.

— Что?! — вскричал Мухаммед Али. — Настоящий правитель не руководствуется ничем, кроме своего меча и своей казны. Он вынимает одно, чтобы пополнить другое. Для завоевателя слово «честь» — пустой звук!

Когда Буркгардт покидал Эт-Таиф, Босари, несмотря на его просьбу, не дал ему паспорта для беспрепятственного проезда по Хиджазу. По его словам, Мухаммед Али убедился в том, что досточтимый шейх Ибрагим — истинный мусульманин, и поэтому счел излишним любые предосторожности. А может быть, паша знал о наущничестве кади и боялся, как бы тот не донес Порте о том, что он разрешил европейцу въезд в Мекку и Медину. Во всяком случае, Босари был искренен, когда сказал ему на прощание:

— Делайте, что хотите, я не буду вам ни мешать, ни содействовать!

7 сентября Буркгардт, погрузив вещи на осла, ушел из Эт-Таифа один. Он был счастлив, что наконец вырвался из заточения. По дороге к нему присоединились трое албанцев, которые тоже шли в Мекку. Ночью на них обрушился холодный ливень. К счастью, удалось найти заброшенную кофейню. Путники разожгли огонь, обсохли и отогрелись.

Все обряды и церемонии, связанные с хаджем, Буркгардт знал прекрасно. В положенном месте облачился в давно заготовленный храм. В воротах Мекки выбрал матвафа поживее и сразу же приступил к выполнению начальных ритуалов хаджа — совершил таваф вокруг Каабы, поцеловал «Черный камень», испил воды Земзема и быстренько пробежал семь раз между Сафой и Марвой. При этом он усердно твердил молитвы. Матваф еле поспевал за ним.

Сочтя первый этап хаджа законченным, Буркгардт по рекомендации матвафа снял комнату за пятнадцать пиастров в день. У этого весьма приличного жилища оказался, однако, недостойный хозяин — тоже матваф. Сначала у Буркгардта стали пропадать вещи, а потом хозяин устроил в его комнате роскошный ужин для своих друзей, а платить заставил постояльца. Буркгардт был вынужден не только съехать с квартиры, но и возвратиться в Джидду, где он оставил часть денег. По дороге комары так искусили его поги, что они распухли; он не мог передвигаться и был вынужден задержаться на побережье на три недели.

В Джидде Буркгардт еще раз попытался найти молодого невольника, с которым вынужден был расстаться в трудную минуту. Но и на этот раз поиски ни к чему не привели. Зато ему удалось познакомиться с английским капитаном Джеймсом Бэкингом.

Буркгардт очень долго не видел европейцев и поэтому с удовольствием принял приглашение капитана посетить его. В дружеском разговоре за бокалом хорошего вина он вдруг услышал страшную новость: Зеетцен убит в песках Аравии, капитан одним из первых узнал об этом и до сих пор не может обнаружить причин его гибели. Буркгардт ощутил бесконечное горе: погиб человек, которого он считал примером для себя. Исчезли его записи. Удастся ли обнаружить еще что-нибудь, кроме напечатанного в европейских журналах? А где же план и описание Мекки? Бэкингем сказал, что об их существовании чиновники Мохи доносили имаму Сану. А ведь в Европе до сих пор нет сколько-нибудь достоверного описания священного города мусульман. И Буркгардт снова поспешил в Мекку.

Отчаявшись найти своего прежнего раба, он, перед тем как покинуть Джидду, купил другого невольника. Теперь он по крайней мере обеспечил себе уход на случай болезни. Перенесенная лихорадка все еще напоминала о себе редкими приступами.

Погода, несмотря на осеннее время, стояла жаркая. Горы, окружавшие Мекку, прикрывали ее от ветров, так что за день город

накалялся, как сковорода в печи. Порою Буркгардт чувствовал себя словно в бреду. Но он твердо решил болезням не поддаваться, не спешить и спокойно заниматься наблюдениями.

Поселился он на окраине Мекки, пленившись видом нескольких деревьев, росших под окнами снятого им дома. Выдал он себя за мамлюка и вел себя свободно, как прирожденный мусульманин. Позже он напишет родителям, что из всех городов Востока в Мекке ему жилось спокойнее всего. Ваххабиты из города изгнаны. Город хорошо защищен. Покидать его в эти месяцы мало кто решался: в Хиджазе продолжались ожесточенные бои египетских войск с ваххабитами. Однажды заехал в Мекку Мухаммед Али, но Буркгардт принял все меры предосторожности, чтобы не встретиться с ним.

Едва ли кто-нибудь из европейцев во все времена, включая и наш с вами век, уважаемый читатель, столь тщательно осматривал Мекку, как Буркгардт. Он беспрепятственно разгуливал по городу, изучил все его улицы и переулки. Сотни раз прошел он по его главной, всегда оживленной улице Мессаи, по которой совершается сай, определил, что ее длина — 1500 шагов, вычертил подробный план. Он обнаружил на ней две кофейни, в которых торгуют... вином, и подружился с хозяином. Завел он дружбу и с ремесленником, делающим специальные сосуды, в которых паломники увозят воду из источника Земзем. Вскоре он перезнакомился со многими жителями Мекки. Он обошел все городские кварталы и узнал, что каждый из них имеет строго определенное назначение и своеобразный характер. В одном расположены бани и живут только банщики. В другом обитают негры, торгующие дровами. Третий заселен торговцами зерном и маслом. В четвертом проводники содержат верблюдов и рогатый скот. Пятый занимают турки. Шестой предназначен для погонщиков, перевозящих грузы и почту в Джидду. Евнухи и матвафы, плотники и пекари, гробовщики и бакалейщики — все размещаются в своих кварталах. Существуют также кварталы публичных домов, невольничьих рынков, торговой знати.

В своих прогулках по Мекке Буркгардт как-то столкнулся с прежним хозяином. Тот увязался за ним, и Буркгардт долго не мог отделаться от него — нахальный мекканец на правах старого знакомого не только объедал его, но еще успевал прихватить что-нибудь с собой. Неудивительно поэтому, что, приступив к описанию населения Мекки, Буркгардт выделил матвафов в особую категорию людей — самых бессовестных и подлых в городе.

Постоянное население Мекки Буркгардт определил в 30 тысяч человек. Потомков курейшитов, господствовавших в Мекке еще при пророке Мухаммеде, почти не осталось. Здесь оседают многие паломники. Мекканцы нередко берут в жены невольниц-эфиопок, поэтому и цвет кожи у них темнее, чем у остальных арабов.

Буркгардт отмечает разницу в одежде местных жителей. Здесь все хотят выглядеть богаче, чем есть на самом деле. «В Мекке человек скорее согласится прослыть глупцом или вором, — пишет

он домой, — чем допустить, чтобы кто-нибудь такого же ранга, как и он, превзошел его в наряде».

Мекка — богатый город. Доходы от паломников огромны. На содержание мечети огромные суммы присылают турецкий султан и паша Египта. Мекканцы очень гостеприимны. «Вероятно, это унаследовано ими от бедуинов», — подумал Буркгардт. Он не раз слышал обращенное к нему витиеватое приглашение:

— Могу ли я иметь честь просить вас оказать мне честь посетить мой дом и отужинать у меня?

Буркгардт никогда не чурался людей других рас, классов, вероисповеданий. Он охотно знакомится с богатыми мекканцами, ленивыми бездельниками и вместе с тем разговорчивыми, веселыми, остроумными. Он посещает многие дома и с изумлением видит в жилищах, внешне очень скромных, пышное убранство, дорогой фарфор, прекрасные ковры. Гостеприимство и подчеркнутая любовь сочетаются в характере мекканцев с необыкновенной горделивостью — ведь они живут в самой Мекке! Буркгардт вспоминает бедуинов, с которыми встречался. Нет, те совсем иные, хотя тоже обладают непомерным чувством собственного достоинства. Но бедуины гордятся свободой, а не принадлежностью к какому-нибудь сословию, пусть даже самому почетному.

А рядом с важными, нарядными, чванливыми богачами — огромное количество нищих. В Мекке они особенно назойливы. Расчет их точен. Там, где неукоснительно соблюдаются предписания Корана, никто не смеет отказать в милостыне — пресловутом «закяте», одном из основных предписаний ислама. На мекканцев, правда, тут рассчитывать не приходится, а вот паломники принуждены часто опустошать свои карманы.

Буркгардт, на редкость добрый человек, сразу же кинулся оделять нищих небольшими суммами, но остановился, услышав, какими словами они благодарят за подавание.

— Спасибо Аллаху, — говорили они, — ведь это он подал, а не ты, совсем не ты. Ступай, ступай своей дорогой, спасибо Аллаху, да будет благословен Аллах!

Среди новых друзей Буркгардта — торговец, продающий благовония. Около его лавки так уютно сидеть на каменной скамье, покуривая наргиле или попивая кофе и поглядывая на прохожих. У соседних лавок располагались для отдыха и приятельской беседы другие торговцы и их постоянные клиенты. Здесь можно узнать обо всем на свете: что поделывает Наполеон на острове Эльба и каковы успехи египетской армии в Хиджазе, кто сегодня прибыл на хадж и какая вчера разбиралась тяжба.

«Как приятно звучит арабский язык в Мекке! — думал Буркгардт. — Ни о какой учености здесь и речи быть не может, а вот речь у мекканцев очень близка к литературному языку». Другое дело — бедуины, постоянные посетители Мекки. У них свой диалект. Приходящие бедуины рассказывали об оазисах аравийских пустынь, о диковинной растительности и голых горных хребтах, пересыпая речь пословицами и прибаутками. Ценные этнографи-

ческие сведения перемежались у них с нелепыми слухами и измышлениями. Иногда можно было услышать и такое:

— Говорят, когда попадешь в рай, есть будешь на семьдесят золотых блюдах. И поведут тебя к гурням. На каждой семьдесят разноцветных одежд. А сами такие тоненькие, что сквозь кожу можно даже мозг в костях увидеть. Подойдешь к ней, да так сорок лет и проведешь в ее объятиях. А на другом ложе тебя ждет новая гурня, еще красивее.

Мимо проходит много женщин.

— Откуда у вас в Мекке столько женщин?

— Приезжие, и только замужние. Иначе нельзя.

— Ну а если она вдова?

Сидевший неподалеку матваф громко рассмеялся.

— Тогда помогаем мы, — сказал он. — Бывает, богатая вдовушка жить не может без святых мест, а одной ей сюда ни о чем нельзя: Аллах запрещает. Вот она и просит кого-нибудь из нас, проводников, взять ее в жены. На время. Если хорошо заплатит, почему не взять. Покажешь ей Мекку, свозишь на Арафат, получишь денежки, и можно разводиться.

— А можно и не разводиться? — спросил Буркгардт.

— Конечно. Если приглянется, то зачем ее прогонять. Так и приходится ей оставаться навечно в святых местах.

Ночь быстро спускается на Мекку. И тогда после жаркого дня все тянутся к квадратному двору мечети: там прохладнее. От мерцания фонарей вокруг Каабы светло. Буркгардт приходил туда с ковриком и полулежа наблюдал за всем происходящим. Шум здесь не утихал. У стен Каабы постоянно звучали молитвы, стоны, причитания. Но что это? Совсем рядом слышались смех, повизгивание, вскрики отнюдь не религиозного характера. Оказывается, беспутство, откровенные непристойности возможны даже в святой святых ислама. Здесь же курят гашиш, пьют и дерутся. И нечистые торговые сделки также совершаются в непосредственной близости от «Черного камня».

Сначала Буркгардт никак не мог сопоставить того, что он усвоил из богословских книг, с тем, что увидел воочию. Но вскоре понял простую истину: Мекка — такой же город, как и все, и в ней, как и во всех городах, существуют обман и вероломство, пьянство и разврат, азартные игры и продажность. Даже не как во всех городах, а гораздо больше, ибо священная земля эта — просто проходной двор и правы здесь куда проще и грубее.

Дождался Буркгардт и момента общего хаджа, когда в город прибыли караваны паломников. Теперь он уже считал себя старожилом, почти коренным мекканцем. Однажды ему удалось даже проникнуть внутрь Каабы. Евнухи, охраняющие храм, пускали туда только тех, кто давал им много денег, а остальных пребольно били палками. Буркгардт денег не пожалел, но удовольствия от этого посещения не получил. Народу в Каабу набилось столько, что молящиеся наступали друг на друга, многие даже теряли сознание.

Вместе с паломниками Буркгардт посетил Арафат. Его первое впечатление — лавки и шатры для продажи еды и напитков, словно это ярмарка. До начала проповеди, рано утром, он поднялся на холм — паломникам это делать не обязательно, но и не возбраняется. Сверху долина показалась ему белой от одеяний и шатров. В уме невольно возникали цифры: четыре мили в длину, две — в ширину, а людей — тысяч восемьдесят. А потом, разгуливая среди толпы молящихся и вслушиваясь в разноязычную речь, он насчитал примерно сорок языков.

Когда в положенный час имам появился на вершине Арафата, верблюд вдруг стал бить задом, сбрасывая его с седла. Возникло замешательство. Пришлось имаму на глазах у всех правоверных неловко слезать с запряженного верблюда и читать проповедь стоя. Буркгардт с интересом смотрел, как реагирует на слова имама многотысячная толпа. Одни слушали молча и сосредоточенно, другие били себя кулаками в грудь, срывали ихрам и, размахивая им над головой, вопили: «Ляббайк! Ляббайк!», третьи без всякого стеснения занимались болтовней. Люди — везде люди...

После окончания проповеди Буркгардт совершил традиционный трехдневный путь паломников с посещением ущелья Муздалифа, с метанием камней в «дьяволов» и с обрядом жертвоприношения в Мине и возвратился в Мекку, где согласно ритуалу таваф повторился еще раз. Хадж закончился, город постепенно стал принимать прежний вид.

На другой день, проходя по улице Мессаи, Буркгардт увидел нескольких людей в лохмотьях. Они сидели на земле, прислонившись к стенам домов. Перед каждым стояла глиняная миска, словно зывая к прохожим о помощи. Когда Буркгардт, подивившись их скромности, наклонился и кинул в миски несколько медных монет, он не услышал традиционных слов благодарности Аллаху: эти люди были мертвы. Так некоторые паломники, ослабев от тягот пути, недоедания и нервного напряжения, обрели в Мекке не только титул «хаджи», но и смерть.

По вечерам на площади возле Каабы уже не было слышно хохота и женского повизгивания. Здесь раздавались лишь стоны больных, приползших к священным камням, дабы или исцелиться прикосновением к ним, или испустить дух рядом с ними, да иногда звучала скорбная молитва над телами умерших. А сколько передали в толпе, сколько погибло по дороге — от жары, жажды, чумы, холеры, лихорадки!

Буркгардт был переполнен впечатлениями. Позднее все они войдут в его книгу «Путешествия по Аравии, содержащие описание районов Хиджаза, почитаемых магометанам за священные», которая выйдет в свет в 1830 году. В этой книге — 704 страницы! К ней приложены планы, карты, рисунки, ноты песен, которые пели там матвафы, лавочники, водоносы. Никогда ни до Буркгардта, ни после него Европа не получала столь подробных сведений о священной земле ислама. Писал он книгу по памяти: делать записи открыто, как Зееццен, он не рисковал.

Земля ислама — это еще и Медина. Теперь, когда турки изгнали ваххабитов из Медины, паломники снова открыто стремились туда. Страшил только путь между священными городами. Но вот 7 января 1815 года Мухаммед Али одержал очередную победу над ваххабитами, и в его руки полностью перешла дорога между Меккой и Мединой. Для всех приехавших в Мекку это означало освобождение. И в один миг город опустел.

15 января 1815 года в составе каравана Буркгардт отправляется в Медину. Они идут по ночам тринадцать суток. В темноте мало что можно увидеть, караван пробирается среди скал, через долины, покрытые песком или камнями. Лишь одна долина, Эз-Зафра, поразила Буркгардта буйной растительностью. Устроили привал. Рощи финиковых пальм раскинулись здесь мили на четыре. Каждый владелец соорудил вокруг своих деревьев глинобитную или каменную ограду и тщательно оберегает их корни — добавляет песок, когда его смывает редкий дождь, или, напротив, разгребает, когда песка слишком много. Пальмами здесь исчисляют все цены. Например, за невесту в Эз-Зафре платят выкуп в три пальмы.

Вереница верблюдов потянулась дальше, в горы. Вдруг впереди послышались шум, крики. Какой-то малаец по неосторожности отстал от каравана, и его схватили бедуины. Несчастный вопил, вырывался, он не хотел оставаться пленником на чужой земле, а бедуины грозили продать его на невольничьем рынке, если никто не захочет заплатить за него выкуп — двадцать пиастров. Малайцы, следовавшие с тем же караваном, что и Буркгардт, взирали на его беду равнодушно, даже не желая слезать с верблюдов. Буркгардт не мог перенести такого бессердечия. Он подбежал к сидевшему на верблюде вожаку каравана, схватил верблюда за уздечку и вынудил его опуститься на колени. Вожак оторопело смотрел на бородатого человека с гневно сверкающими глазами.

— Неужели ты не вытряхнешь из своего мешка несколько жалких монет, чтобы помочь бедняге? — воскликнул в ярости Буркгардт.

Тот растерянно достал монету и бросил непрошеному защитнику. Буркгардт поднял верблюда и направился к следующему караванщику — проделал то же самое и произнес ту же фразу. Еще одна монета. Не прошло и получаса, как у него набралась горсть серебра. Добавив то, что недоставало, Буркгардт отнес деньги бедуинам, весело поторговался с ними, после чего они удовлетворившись лишь половиной требуемой суммы. Остальные пиастры он отдал малайцу.

В Медину прибыл 27 января. Была ночь, и городские ворота оказались заперты. У Буркгардта ныло все тело, болела голова, он усталое свалился на землю возле крепостной стены и заснул. Попел дождь, но он крепко спал. Когда на рассвете он наконец вскочил, его бил озноб. Вместе со своим рабом он снял квартиру у добродушной пожилой египтянки недалеко от мечети и могилы пророка и, преодолевая нездоровье, отправился осматривать город и

его святые места. Медина певелика, и много времени для этого не понадобилось.

Из всех городов Аравии ваххабиты подвергли Медину наибольшему разрушению. Место захоронения Мухаммеда по-прежнему было скрыто от чужих глаз завесой и непроницаемой решеткой с куфической вязью. По улицам ходили мрачные люди, разодетые словно папоказ, а на самом деле, как выяснил позже Бурггардт, бедные. Весь город показался ему чванливым, претенциозным, покрытым такой же дешевой мишурой, которая бросается в глаза на могиле пророка. «Нет, скуповаты, видно, местные власти, — подумал Бурггардт. — Не очень-то щедрь и паломники. Голову не жалеют, разбивая ее о камни, а кошелька лишний раз не достают. У католиков рака для самого незначительного святого дорожке и богаче гробницы их пророка!»

В окрестностях Медины живут бедуинские племена, и их нравы, их занятия определяют уклад жизни города. Никаких ремесел: бедуины их презирают. Поэтому даже для ремонта мечети приходится вызывать строителей из Каира или из Константинополя. Бедуины занимаются скотоводством и земледелием, и город существует тем, что поставляет в Ямбу, Джидду и другие пункты побережья мясо, зерно, финики.

Бурггардт еще не закончил осматривать Медину, как почувствовал шум в ушах. Еле передвигая ноги, он побрел в сторону снятого им жилища. Шум в ушах нарастал, словно морской прибой или рев урагана. Он остановился. Странно, но это, оказывается, билось его сердце, шумом отдаваясь в висках. И вдруг на него обрушилась немая тишина. Что это? Может быть, уже умолкло сердце? Он ясно увидел перед собой большой нарядный зал и рухнул на землю. Очнулся он у себя в комнате на коврикe. Раб укрывал его попонами, хозяйка готовила еду.

Болезнь протекала тяжело. Бурггардт редко приходил в сознание. Ему все чудился большой нарядный зал с пурпурными стенами и высокими стрельчатыми окнами. И маленький мальчик, бегущий за девочкой в белом платье. Волосы смело прыгают у нее за спиной, мальчик смеется и пытается рукой дотянуться до них. Кто это? Его брат Георг, а может быть, он сам? А там, впереди, женщина с самой красивой, самой доброй улыбкой на свете. Это же мама! Такая улыбка и такой нежный взгляд могут быть только у нее. Он бежит, он протягивает к ней руки... Почему же мама отвернулась от него и села за клавишн? И почему клавишн звучит так хрипло и так монотонно?..

В бреду Бурггардт что-то шептал, а раб сидел в углу и хриплым голосом тянул монотонную африканскую мелодию. Когда большой пришел в себя и сознание его прояснилось, он знаком поздравил раба и весело сказал ему:

— Парень ты хороший, но тебе бы впору за верблюдом ухаживать, а не за хозяином.

— Не обижай верблюда сравнением, — ответил тот, глядя на него простодушно и доверчиво.

— Со мной? — улыбался Буркгардт. — Не буду, не буду! Но верблюду, слава Аллаху, здоров, а хозяин твой немощен и пал духом.

Он успел еще подумать: «Не доехать мне до Египта. Умру, и пусть половина моей поклажи достанется этому доброму малому. Может быть, он и надеется на это». И снова потерял сознание.

Приступы лихорадки повторялись каждый день. Жар и озноб создавали чувство отторгнутости от людей, ввергали его в иллюзорный мир, в котором слуховые галлюцинации переплетались с живыми голосами, видения — с реальностью. Он то леденел, то покрывался испариной, то проваливался в необъятные бездны, то взлетал на вершины, его голову сжимали незримые тиски, но даже в забытыи он старался не проронить ни единого слова.

Однажды больного навестил неожиданный гость.

Мединой управлял Тусун-бей, и его придворный врач Яхья-эфенди, который некогда в Джидде выручил Буркгардта деньгами, прослышав о болезни какого-то паломника, пришел к нему. Впрочем, результат от этого визита был противоположен тому, какой следовало бы ожидать. Вместо того чтобы лечить больного, врач стал клянуть у него таблетки хинина. Добрый Буркгардт в благодарность за прежнюю услугу отдал Яхье-эфенди почти весь свой запас хинина.

Но вот наконец ему стало лучше. Он медленно набирался сил, перечитывая томик Мильтона, подаренный ему одним капитаном в Джидде, или беседуя с хозяйкой. Правда, беседы эти велись весьма оригинальным способом. Хозяйка жила этажом выше и, для того чтобы постоялец не видел ее, разговаривала с ним через отверстие в стене. Но и этого Буркгардту было достаточно, чтобы не чувствовать себя одиноким.

Спустя три месяца, 21 апреля 1815 года, он покинул злосчастную Медину. Чтобы скорее попасть в Египет, он поспешил в ближайший порт — Ямбу.

ЭПИДЕМИЯ

Буркгардт готов был отплыть из Ямбу немедленно. Дел у него там не было, да и чувствовал он себя прескверно. После утомительного перехода он решил немного посидеть в кофейне, с тем чтобы оттуда отправиться в порт. Закружилась голова — это, верно, оттого, что не позволял себе в пути как следует отдыхать. А может быть, снова приступ лихорадки? Он чувствовал тяжесть во всем теле, не хотелось подниматься с места. Выпил еще чашечку кофе и сразу покрывлся испариной. Лениво и равнодушно смотрел он на прохожих. Все чем-то озабочены, спешат. Кстати, почему в городе не ощущается обычной для аравийских городов петоропливости? Мимо кофейни быстро пронесли что-то завернутое в белое. А вот еще. И еще. Ему почудились очертания головы, пог. Сомнений быть не может. Это несут покойников. Но почему? По арабским обычаям хоронят ночью, а сейчас день.

Заговорив с хозяином, Буркгардт узнал: уже недели две, как по всему побережью Красного моря свирепствует чума. Эпидемия началась в Суэце, оттуда перекинулась в Джидду, а теперь распространяется по Египту и в глубь Аравийского полуострова. По пятьдесят человек в день умирает, ночью не успевают хоронить.

«Приятные новости, нечего сказать», — с горечью усмехнулся Буркгардт и бросился в порт, решив за любые деньги купить себе место на судне. На улицах ему то и дело попадались лежащие на земле люди. Кто это? Нищие, больные, умирающие или трупы? Кое-где слышатся причитания и молитвы. А вот старик явно бьется в предсмертной агонии. Буркгардт шел как в тумане. Если ему казалось, что человеку еще можно помочь, он совал ему деньги. Самому ему хватит — лишь бы добраться до Каира.

В порту перед ним предстала страшная картина. Все суда переполнены больными. В основном это египетские солдаты, изможденные, жалкие, оборванные. Они плотными рядами лежат на палубах. Ложиться рядом с ними? Странное равнодушие вдруг охватило Буркгардта. Он вернулся в город совершенно обессиленный. Его бил озноб. Что это — остатки прежней болезни или чума? Хорошо бы добраться до какого-нибудь селения. Но сил не было вовсе. Едва передвигая ноги, он добрался до барака, куда сваливали больных, и забился в дальний угол, ожидая смерти. Так он лежал восемнадцать дней. Верный раб не отходил от него. Но смерть не пришла: он выжил. Выжил, когда все вокруг умирали.

В порту за это время ничто не изменилось, разве что больных солдат стало меньше. Буркгардту удалось договориться с капитаном самбуки, которая везла в Каир зерно, что за удвоенную плату он со своим рабом получит отдельное место на корме. Деньги внес вперед. Однако в момент посадки он обнаружил свое место занятым. И кем? Самим капитаном, который удобно устроился там вместе со своим братом и лоцманом. В довершение всего ему сообщили, что уже шестеро умирают от чумы в трюме и что больные лежат тут же, на палубе. Что делать? Бежать снова на берег? Но неизвестно, когда в Египет отправится следующее судно. Да и чем лучше на берегу? Буркгардт вместе с рабом перетаскивает на борт поклажу и сооружает из нее нечто вроде крепостной стены. 15 мая самбука отплывает по направлению к египетскому порту Кусейр.

Ни один из переездов не казался Буркгардту столь мучительным. Самбука двигалась вперед очень медленно. Ночью капитан не рисковал плыть из-за рифов, а днем отсутствие навигационных приборов не позволяло точно рассчитать курс между портами, так что приходилось становиться на якорь, когда ночь застигала судно в открытом море. Чума постепенно опустошала самбуку, почти ежедневно в море бросали трупы. Буркгардта снова начали одолевать приступы лихорадки, и он по-прежнему не мог понять, что это — возвращение старой болезни или начало чумы. Раб в каждом порту покупал барашка, здесь же, на палубе, меж тюков, варил его, поил больного хозяина бульоном, а мясо отдавал капи-

тану и матросам. За это они обеспечивали их всю дорогу драгоценной пресной водой.

Судно все время шло вдоль восточного берега Красного моря, и Буркгардт предпочел высадиться в Шарме, на южной оконечности Синайского полуострова. Оттуда к Каиру даже ближе, чем от Кусейра.

На берегу Буркгардт сразу же почувствовал себя лучше. Вскоре удалось присоединиться к каравану, шедшему через Суэц в Каир. Наш путешественник нанял верблюдов, и вот уже опять у него под ногами песок, а над головой чистое небо. Вместо стонов и предсмертного бреда чумных больных он слышит полубившееся ему верблюжье чавканье да ласковое понуkanie проводников. К Буркгардту возвращались силы и хорошее настроение.

Лишь одно происшествие омрачило радость. Как-то раз к Буркгардту, ехавшему во главе каравана, приблизился турецкий солдат. Он схватил его верблюда за уздечку и крикнул.

— Эй ты, слезай! У меня что-то с верблюдом случилось, давай меняться!

— Зачем? — весело крикнул ему Буркгардт.

— Затем, что я своего саблей побил, а он все равно не идет. Бери его себе, а мне отдай своего.

— Саблей верблюда? — изумленно спросил Буркгардт. — В таком случае ты сам заслуживаешь порки.

Солдат выхватил пистолет и выстрелил в Буркгардта, но, к счастью, промахнулся. Буркгардт мгновенно разрядил в турка свой пистолет, постаравшись, однако, не попасть в него, и тут же прыгнул солдату на шею, придавил его коленом и отнял оружие.

— Ты что, и впрямь подохнуть захотел? — спросил он, заломив турку руку за спину.

— Я же просто так стрелял, — хрипел солдат, — хотел товарищей позвать. Больше не буду.

— То-то. Я тоже просто так стрелял. Жаль только, промахнулся, — сказал Буркгардт. Он встал, взобрался на своего верблюда и помахал турку рукой: — Да сохранил тебя Аллах и вразумит немного!

А про себя подумал: «Эти турецкие солдаты словно собаки. Кусают тех, кто бежит, и бегут от тех, кто на них замахивается».

24 июня 1815 года он прибыл в Каир. Снял домик на берегу Нила, получил почту. И в первом же письме — убийственное известие: его отец Иоганн Ульрих Буркгардт умер, так и не дождав-шись сына.

«Дорогая мама, — писал Иоганн домой 3 июля 1815 года, — после долгого путешествия вот уже несколько дней, как я в Каире. Но радость моя по поводу возвращения и избавления от множества опасностей длилась всего несколько минут. И причина моего глубочайшего горя — в твоём письме. Итак, моего отца нет больше на свете. Да воздастся ему в лучшем мире за его порядочность и честность! Я все время лелеял надежду увидеть его снова, высказать ему благодарность за его великую любовь, быть ему поддержкой

в старости и усладой его последних дней. Ах, судьба часто обманывает нас и уничтожает надежды на будущее счастье. С того момента, как я узнал о его смерти, я ощущаю такую пустоту в душе, которую не могу тебе и описать».

Трудности, лишения, болезнь подорвали здоровье Иоганна, опустошили его и физически и духовно, подорвали веру в благополучный исход его путешествия. Но они не уничтожили целостности его характера, не изменили его привязанностей. Теперь его основная забота — сохранить благополучие матери. Чем отсюда он может помочь ей? Отец был для него образцом честности, справедливости, благородства. Ему он обязан своей мужественной, увлекательной жизнью. Это — наследие отца, и оно с ним всегда. Другого ему не надо. Иоганн тотчас же отказывается от всех своих прав на наследство в пользу матери, обещает посвятить ей всего себя, свое будущее. Он рассказывает ей в письмах о своем быте, занятиях, планах. У него накопилось много денег, и он посылает ей чеки.

В Каире беспокойно. В городе чума. В течение последних трех лет она ежегодно уносит в Египте по 40 тысяч человек. Буркгардт старается понять, почему в таком большом городе не принимают никаких мер против этой смертоносной болезни. Однако понять нетрудно: нет врачей, а кому-то, возможно, эпидемия даже выгодна — ведь столько добра останется от умерших, и на этом богатеют и папа, и его чиновники.

Ни один караван не отправляется к югу, в Ливийскую пустыню, куда собирался Буркгардт. Но он не хочет мириться с бездействием. Не намерен он и сидеть взаперти, как большинство жителей Каира. Он сыт этой чумой по горло. И у него возникает неодолимое желание — бежать не только от чумы, но и от всего света, отправиться на Синай, туда, где налит солнце и дуют ветры, и обрести пристанище, он верил — надежное, среди бедуинов, тем более что он давно жаждал проникнуть во внутренний мир жителей пустыни, до сих пор не разгаданных, покрытых ореолом мрачной таинственности.

Слово «бедуин» (от арабского «бадавийюн») в переводе означает всего лишь «обитатель стений». Родина бедуинов — Аравийский полуостров. В засушливые периоды недостаток воды и пищи заставлял их покидать полуостров и переселяться на север, в другие арабские страны. Для всех прежних путешественников образ бедуина олицетворял собой жестокую, разрушительную силу. В Европе знали одно: бедуин мог в любую минуту ограбить и даже лишиться жизни. Но слово «бедуин» способно было привести в ужас не только пугливого европейца. Буркгардт был свидетелем того, как при виде одних лишь следов бедуинов племени бени сахр дрожали в страхе жители Эс-Салта и Эль-Карака. И вместе с тем разве в своих странствиях по Сирии и Аравии он не пахнул приюта в бедуинских шатрах?

Год назад у ворот Каира он познакомился с бедуином из племени, кочующего по Синаю, и сейчас разыскал его в том квартале, где обычно останавливаются пришельцы из пустыни. Бедуин охот-

но согласился стать его проводником, помог Буркгардту нанять двух верблюдов и запастись провизантом. У каирского епископа Буркгардт заручился рекомендательным письмом к настоятелю монастыря святой Екатерины на случай, если придется там остановиться. Когда же он обратился к Мухаммеду Али с просьбой дать аналогичное письмо к бедуинам племени тор, обитающим на Синайском полуострове, он получил отказ, хотя и прикрытый вежливой фразой: «Этот европеец — такой ученый мусульманин и так хорошо во всем разбирается, что вполне обойдется и без наших рекомендаций».

На прощание он пишет сестре Розине: «Ужасная лихорадка в Джидде, сильный понос в Мекке, трехмесячная болезнь в Медине доставили мне мало удовольствия, и я уже начал побаиваться, что оставляю в Аравии свои кости... Я перевидал много всякой всячины, узнал разных людей, но я постарел так, что мои здешние знакомые и даже зеркала считают, будто мое загорелое и исхудавшее лицо и густая борода принадлежат сорокалетнему, а вовсе не тридцатилетнему человеку».

СРЕДИ БЕДУИНОВ

20 апреля 1816 года Буркгардт вышел из Каира. Путь его лежал на Синайский полуостров.

По дороге, встречая путника, Буркгардт пытался, как делал это и раньше, с ним заговорить. Ему отвечали далеко не всегда, а проводник начинал злиться. В чем дело?

— Вот видишь, — сказал Буркгардт проводнику после очередного неудавшегося разговора, — я спросил, скоро ли будет колодец, а он мне очень любезно ответил, да к тому же назвал меня братом.

— О воде тебе каждый в этих местах ответит. О пути тоже. И братом обязательно назовет — так полагается. А ты ведь их все о племенах и кочевьях расспрашиваешь. Этого ни один бедуин тебе не расскажет.

— И вообще никому?

— Почему никому? Знакомому расскажет, — отвечал проводник.

Вскоре представился случай познакомиться с бедуинами поближе. Перед ними раскинулась обширная стоянка бедуинского племени. Буркгардт с проводником подошли к первому попавшемуся шатру. И встретили самое радушное гостеприимство. Хозяин принес верблюжьего молока и отправился резать барашка, женщины зажгли огонь в очаге. Буркгардт из скромности хотел сесть в угол шатра, который был немного шире остальных и продувался ветром. Проводник прошептал ему:

— Встань! Этот угол называется роффа. Туда почтенные люди не садятся. У нас, когда хотят оскорбить человека, так и говорят: «Роффа — твое место».

Буркгардта посадили на середину ковра. Он вынул подарки —

табак, кофе. Мужчины сели вокруг, закурили, затем было принесено угощение, и, потекла оживленная беседа.

Наступила ночь. Буркгардт вышел из шатра на воздух. Где-то томно пели женщины. Затем послышался мужской голос. Буркгардт решил, что это «марса» — древняя арабская песня-плач, восходящая к язычеству. В пении бедуинов ему часто слышалось что-то пророческое, заклинание или обет. Он не вслушивался в слова, безвольно покоряясь прихотливой мелодии. Слова рождались произвольно, от потребности певца тут же выразить свои чувства. Буркгардту казалось, что этот бедуин тоскует по своей возлюбленной, или прощается с ней, или оплакивает ее. Какие же богатые национальные традиции должны быть у этого народа, если художественное творчество дается им так легко и свободно! Вот к мужскому голосу присоединился еще один, за ним другой, третий... Голоса то сплетались воедино, то сменяли друг друга, то будто спорили между собой. «Совсем как в средние века на состязании мастерзингеров», — вдруг подумал Буркгардт.

С этих пор основным занятием Буркгардта стало ходить по гостям. И недостатка гостеприимства он не ощутил нигде.

Что же это за странный народ такой, бедуины, — и воины, и поэты, и музыканты? Они небольшого роста, крепкого телосложения. Женщины красивые, стройные, с грациозной походкой, лица не закрывают. Дети до десяти лет бегают нагишом. Постепенно Буркгардт начал проникать во все тонкости их быта, в систему отношений друг с другом, с соседними племенами, с чужими. Оказалось, что все у них строго регламентировано и подчинено негласным законам, свойственным любой родо-племенной организации.

Шатер — это семья. Здесь царят радушие, хлебосольство, домашний уют. Буркгардт заметил, с какой нежностью бедуин относится к жене. Если жена заболела, он выхаживает ее сам, заботится о ней. А в Эль-Караке Буркгардт наблюдал иную картину. Когда горожанин женится на бедуинке, он хочет, чтобы она была здорова, ибо за такую он ее отцу деньги платил. А заболела — пусть возвращается к родителям, там и лечится, не будет же он на это тратить. Бедуин в отличие от многих других мусульман имеет одну жену. У бедуинов есть даже пословица: «Мужчина меж двух жен, словно шея меж двух палок». Правда, с ней всегда можно развестись, если разошлась или надоела. Процедура развода крайне проста. Достаточно трижды сказать жене: «Ты для меня не жена», и уже считается, что развод состоялся. После этого мужчина может тут же привести себе новую жену. Но и жена вправе сама уйти от мужа. И если он ее любит, то какpx только благ ей не сулит — лишь бы вернулась. Он осыпает ее драгоценностями, задаривает нарядами, но силой никогда ее добиваться не будет. Но уж если женщина замечена с кем-нибудь в недозволенной связи, ее сразу убивают.

Пища у бедуинов проста, да и готовится просто. На горящие угли кладут большую железную тарелку, называемую «садж». и на ней пекут лепешки из теста, замешанного из муки с водой без

соли, вот и все. Хорошо, если к ним найдется еще глоток молока. Перед едой бедуины моют руки и берут пищу руками из общей чаши, а потом вытирают их об одежду, о бороду или о верблюжью шкуру. Едят они по вечерам, когда начинается смеркаться.

Семья разрастается, выходит за пределы одного шатра и образует род. Несколько таких родов и есть племя. Такое племя, насчитывающее иногда несколько сотен, даже до тысячи шатров, кочует в поисках воды и корма для скота.

Буркгардт, кочевавший вместе с бедуинами, нередко помогал им устанавливать шатры. Шатры ставятся по-разному, в зависимости от местоположения водного источника и рельефа пастбища. Поставленные по кругу, они образуют «дуар», поставленные рядами — «незель». В крайнем шатре незеля всегда поселяется шейх, чтобы первым встретить любого пришельца. Шейх, хотя и носит такой громкий титул, власти над рядовыми соплеменниками почти не имеет. Бедуины считают себя подданными одного только Аллаха, а советы — отнюдь не приказания! — шейха выполняют лишь в том случае, если находят их разумными. Шейх оберегает свое племя в борьбе с врагами, объявляет войну или заключает мир, но при этом он не имеет права ничего делать, не выслушав мнения других членов племени. Если шейх хочет, чтобы его уважали и к советам его прислушивались, он должен нести большие расходы — угощать гостей, помогать беднякам, раздавать полученные им подарки. По закону бедуинов звание шейха наследуется после его смерти ближайшими родственниками — сыном, братом, но если бедуины сочтут нужным избрать другого человека или даже низложить неугодного им шейха, они вправе сделать и это. В их среде не ценятся ни знатность, ни богатство. Бедуины судят о человеке лишь по его внутренним качествам — доброте, щедрости, храбрости, свободолюбию.

Да, проводник был прав. В шатрах можно было узнать обо всем. Буркгардт составляет список племен, кочующих по Аравии, отмечая их характерные особенности. Но главные принципы существования одинаковы для всех. Самое большое богатство бедуина — это верблюд. В Аравии верблюд служит человеку всем своим существом — даже копытами, из которых делают красивые украшения, и пометом, который представляет собой отличное топливо.

По арабской легенде, бог сделал Адама, верблюда и финиковую пальму из одного куска глины. С верблюдом бедуин общается как с другом: рассказывает ему обо всем, что знает, поет ему свои любимые песни.

У богатых племен на пастбище пасется до двухсот верблюдов. У самых бедных их вовсе нет. Однако бедные и богатые одеваются и питаются одинаково. Бедняки помощи у богатых не просят, они идут в погонщики, в пастухи. А иногда и в грабители. Грабеж — также одна из основ бедуинской жизни. Нападение на другого человека, разумеется чужого, или угон скота у соседнего племени — это геройство, доблесть, проявление мужества и силы, заятие, достойное настоящего мужчины. Без разбоя бедуины не

существуют. У случайного встречного они отнимают одежду, табак, оружие — такое Буркгардт уже испытал на себе. Последнее время он странствовал налегке, руководствуясь принципом «Лучше ничего не иметь, чтобы ничего не отдавать». Но бедуин никогда не подвергает риску жизнь другого, разве только в целях самозащиты, причем это правило относится и к ведению войны. Бедуин может напасть на дуар, развалить шатры, унести любые ценности, угнать скот, но на человека он руки не поднимет, это дело чести. Единственная причина намеренного убийства — кровавая месть.

Бедуины воинственны и храбры, они принимают смерть в открытом бою. Когда в пустыне встречаются два бедуина, они останавливаются на расстоянии десяти шагов один от другого, выставляют копы и выжидательно смотрят — друг повстречался или враг. Если же один из них крикнет: «Я пришел под вашу защиту!» — то никакого конфликта вообще уже не может произойти. Бедуины всегда искренни. Они ненавидят городских жителей прежде всего за то, что у них «губы просят, а руки убивают».

Некоторое время Буркгардт не мог понять, как лучше вести себя с бедуинами — серьезно и замкнуто или весело и открыто, а потом установил для себя правило: если это давний знакомый и путь с ним предстоит долгий, то можешь позволить себе любую шутку, бедуины отлично чувствуют юмор; но если ты зашел в шатер впервые, то веди себя скромно, помалкивай, пусть хозяева сами рассмотрят и оценят гостя.

Как-то раз, когда Буркгардт с бедуином-проводником отправился в сторону Акабы, на них напали четверо арабов, возможно охраняющих подходы к городу, где Мухаммед Али собирал войска. Бедуин сумел защитить Буркгардта, причем одного из нападавших он случайно убил. Возникла сложная проблема — как уберечься от мести. Буркгардт предложил проводнику поселиться у него в Каире и жить там до тех пор, пока с врагами не будет достигнут мир.

Буркгардт довольно быстро сумел приспособиться к жизни бедуинов, разве только грабить с ними не ходил. Он уже твердо знал, с кем и о чем разговаривать, и соблюдал все обряды и ритуалы, связанные с повседневной жизнью. Он навсегда запомнил, что на приветствие «Да будет светлым твой день!» нужно ответить: «Да будет твой день, как молоко!»

Больше всего ему нравилось ездить с бедуинами на охоту. В горах Синая — чистейший воздух, он похож на альпийский. Правда, склоны Альп покрыты зеленью, а здесь голые скалы, песок да камни. Стрелком он себя хорошим не считал, но от охоты неизменно получал огромное удовольствие, был уверен, что она сохраняет ему здоровье. На Синае много горных козлов, но настичь их чрезвычайно трудно: они удивительно проворны и чуют человека издалека. На горе Умм-Шомаи Буркгардт подстрелил огромного козла с рогами в два фута и чрезвычайно этим гордился. Козлятищой питались два дня: выкапывали в песке ямы, клали туда мя-

со, засыпали золой и накрывали раскаленными камнями. Закаренное таким способом мясо имело божественный вкус.

Блуждая по Синаю, Буркгардт не мог миновать монастырь святой Екатерины. Поднялся на стену по канату и провел в монастыре несколько дней. Он подружился со всеми монахами, обследовал их богатейшую библиотеку и получил в подарок две ценные книги. К своему великому удивлению, он застал в монастыре жепщину, ибо теперь монахи разрешали прекрасному полу посещать обитель. Жил он в гостевой келье, видел много записей, оставленных здесь прежними гостями монастыря, и среди них — послание Ульриха Зеегцена.

Буркгардт вернулся в Каир в середине июня 1816 года, оставив на Синае много друзей. Теперь ему надо было перенести на бумагу все, чему он был свидетелем, дабы сделать это достоянием европейских ученых — историков, этнографов и лингвистов. Он подробно описал многие бедуинские племена, их жилье, занятия, привычки, одежду, оружие. Отныне путешественнику-европейцу не надо было бояться неизвестных людей, которых звали бедуинами.

КОНЕЦ

После приволья пустыни Буркгардту показалось в Каире тесно и тоскливо. Веселый и жизнелюбивый, он незаметно для себя с каждым этапом путешествия становится все более серьезным и даже мрачным. Он справился с болезнью, ему по-прежнему все давалось легко, но что-то его мучило, давило на него — неясно, неосознанно, тупо корежа былую беспечность. В Мекке, посреди пестрого, разноголосого люда, и рядом с бедуинами он, несмотря на тоску по родине, по семье, словно обретал свое второе, быть может, истинное «я». Порою он плохо представлял себе, как же теперь он, шейх Ибрагим, снова превратится в господина Буркгардта, как сменил удобный широкий кумбаз на тесный сюртук, как сможет дышать пропыленным, затхлым воздухом европейских городов. Он вкусил истинной свободы, заболел ею, а пребывание даже в Каире было отягощено бесконечными заботами, суетными обязанностями, светскими условностями.

Буркгардт поселился в том же домике на берегу Нила. Нанял служанку, она стирала и варила ему.

Эпидемия прошла, и жизнь в городе снова забила ключом. Но ему не хотелось никуда идти, ни с кем видаться. Поездка на юг, в глубь Африки, задерживалась из-за отсутствия попутного каравана. Ему оставалось заниматься кабинетной работой.

Прежде всего он решил закончить антологию арабских пословиц. За это время ему в руки попал сборник пословиц, записанных неким шейхом Шерифом ад-Дипом ибн Асадом, жившим в Каире в первой половине XVIII века. Буркгардт взял некоторые из его пословиц за основу, затем пополнил теми выражениями, которые подслушал сам в разговорах на базарах, в бедуинских шатрах, и перевел все это на английский язык. Многие пословицы потребо-

вали пространных комментариев, и таким образом возникла большая книга, рассказывающая о характере, нравах, приметах быта, здравом смысле арабских народов. Всего в книгу вошло 999 пословиц. Почему такая цифра? Да потому, что круглое число у арабов считается несчастливым. Когда несколько лет спустя эту антологию опубликуют в Европе, издатели оставят 782 пословицы.

Не прекращал Буркгардт и работу над дневниками. «Если я сам почему-либо не вернусь в Европу, пусть после меня останутся хотя бы мои записи», — думал он. Он полюбил уединение и стал все чаще предаваться размышлениям о судьбах человечества. Полковник Миссет регулярно присылал ему из Александрии английские газеты и журналы. В Европе опять нет мира. Французы угрожают его родине. Только что он прочитал в газетах о том, как шесть тысяч человек под командованием генерала Бахмана защищали швейцарские границы от французов, и ему казалось, что он сражается с ними рядом, плечом к плечу. Приняв ислам, разговаривая по-арабски и написав несколько книг по-английски, Буркгардт все время продолжал ощущать свою принадлежность родной швейцарской земле. Эти нескончаемые войны так надоели. В Аравии тоже неспокойно. Ваххабиты, заключив с пашою мир, как будто отказались от дальнейших притязаний на турецкие владения. Однако до настоящего мира еще далеко. Да и сам Мухаммед Али не хочет жить спокойно. Он теперь собирается идти походом на Сирию. Его уже и так прозвали «арабским Бонапартом». Быть может, по случайно и родились они оба в один год. Вот и теперь он ведь неспроста занялся своей регулярной армией, начал вводить в ней строжайшую дисциплину и европейские методы военного обучения. Только получается сие не сразу. Албанские части в знак протеста подняли восстание, напали на каирские магазины, на мирных жителей. Если на этот раз обошлось без особых жертв, то лишь потому, что почти в каждом доме у мужчин есть оружие. Буркгардт тоже выступил на стороне населения и три ночи провел на посту, охраняя свой квартал. Ему даже удалось предотвратить несколько стычек. Албанцев Мухаммед Али не пощадил, хотя и сам родом из Албании: началась привычно жестокая расправа с восставшими, и сотни человек были казнены.

В Каире у Буркгардта состоялась еще одна встреча с Мухаммедом Али. Здесь он позволил себе быть откровенным.

— Скажите, великий паша, — обратился он к египетскому властелину, — ведь тогда в Эт-Таифе вы думали, что я английский шпион. Не так ли?

Если вопрос был прям, то ответ звучал уклончиво и туманно:

— Аллах не внушил мне ясной мысли об этом. Но мое искреннее расположение к английскому народу не позволило бы мне лишить вас гостеприимства, на которое в нашей стране имеет право каждый чужестранец.

Незадолго до этого европейский путешественник Доминго Бадиа, проехавший по этим местам под именем Али-бея, весьма находчиво повелел Мухаммеда Али, да еще поведал об этом всему ми-

ру в своей книге. Наверное, хитрый паша не хочет еще раз оказаться одураченным и поэтому предпочитает недоговоренность. Если шейх Ибрагим действительно окажется английским шпионом, то пусть в Европе думают, что Мухаммед Али прозорливо догадывался об этом, но был снисходителен. Уж лучше в глазах света выглядеть плохим мусульманином, чем дураком.

Из газет Буркгардт вычитал также, что в Англии снаряжаются две экспедиции в Центральную Африку, но не с севера, а с атлантического побережья Черного континента. Его обрадовала мысль о том, что он двинется на юг навстречу англичанам. Каир опостылел ему. К тому же сюда понаехало множество бонапартистов, бежавших из Франции после реставрации. А каравана все не было и не было. «Еще, чего доброго, в Англии подумают, что я струсил!» — эта мысль приводила его в отчаяние, и он утешал себя лишь тем, что не теряет здесь времени даром, заканчивая книги и занимаясь поисками старинных арабских рукописей, количество которых в его коллекции уже достигло трехсот пятидесяти. Все свои находки Буркгардт снабжал переводом на английский язык, лелея надежду по возвращении на родину перевести их на немецкий. «Если бы я находился в Сирии или в Аравии, — писал он домой, — ожидание каравана не давалось бы мне столь мучительно, ибо там у меня были бы друзья или, во всяком случае, интересные люди. Здесь же у меня нет ни тех, ни других, и, если бы все мое время не занимали арабские рукописи, едва ли бы я мог еще держаться так спокойно».

Но аравийские друзья тоже помнили о нем, и однажды у его домика остановился верблюд, нагруженный подарками. И какими подарками! Бедуины прислали ему шкуру убитого ими тигра и несколько мешков с такими сладкими грушами, которых в Каире и не бывает. Радость Буркгардта от этого нового доказательства верности и доброты бедуинов была огромна.

Чтобы быстрее скоротать время до отправления каравана, Буркгардт едет в Александрию. Там живет любезный его сердцу полковник Миссет, которым он не перестает восхищаться. Полковник не просто благороднейший человек, образованный и чуткий, но и замечательный дипломат — ведь он способен оказывать влияние даже на самого Мухаммеда Али. К тому же в Александрию прибыл новый генеральный консул Великобритании Генри Салт. Буркгардт познакомился с ним раньше, когда тот приезжал в Каир из Эфиопии, где служил в посольстве. Теперь их связала настоящая дружба.

В течение целого месяца они втроем устраивали морские прогулки, которые оказывали целительное воздействие на здоровье Буркгардта, вели нескончаемые беседы о своих делах, о жизни. Швейцарец произвел на Салта странное впечатление: он так преуспел в жизни, так одержим идеей дальнейших исследований, так удивительно образован, но почему же он бежит от мира, от общества? Все попытки Миссета и Салта развлечь «одичавшего» швейцарца светской жизнью Александрии терпели крах.

Как-то раз, когда им все-таки удалось немного растормошить Буркгардта, Салт сказал:

— Вот видите, вы и развеселились! Жизнь не так мрачна, дорогой господин Буркгардт, как она казалась вам во время чумы.

— Я не развеселился,— тихо ответил тот.— Просто я всегда стараюсь подчинять свое настроение настроению других.

— Тогда надо чаще бывать в кругу друзей,— добродушно заметил полковник.

— Едва ли,— сказал Буркгардт задумчиво.— Я провел много времени в одиночестве, и опыт показал мне, что, чем уже круг наших знакомств, тем острее мы наслаждаемся жизнью.

— Но в Европе вам придется снова...— начал было Салт.

— К сожалению,— перебил его Буркгардт.— Я мечтаю лишь о том, чтобы по возвращении домой не встречаться с людьми, общество которых нахожу ненужным и неинтересным.

— В Кембридже я слышал о вас как о человеке веселом и общительном,— сказал консул.— Неужели жизнь так изменила вас? Эти странности...

— Нет, не странности, дорогой консул. В Аравии я вынужден был встречаться со всякими людьми и себя выдавать за кого угодно. Должен же я наконец иметь право быть тем, кто я есть на самом деле, и видеть только тех, кто мне нравится.

— Вас сочтут чудачком,— сказал полковник.

— Если я вернусь домой живым, то, что бы я ни делал, на меня все равно будут смотреть не так, как на других. Лучше уж прослыть чудачком, нежели пожертвовать истинными радостями во имя того, чтобы завоевать репутацию светского человека.

— Вы еще очень молоды, милый друг Буркгардт,— сказал полковник.

— Когда я вижу свое отражение в зеркале, я кажусь себе стариком,— был ответ.

Перед отъездом из Александрии Буркгардт отобрал из библиотеки Миссета ящик книг, чтобы в Каире совсем не выходить из дома. Однако Салту удалось на некоторое время расшевелить замкнувшегося в себе швейцарца. Консул включился в начатую Буркгардтом операцию по отправке головы «Мемнона» в Англию. После того как грандиозное изваяние весом более трехсот центнеров было открыто из песка, сто десять египетских крестьян в течение месяца тащили его до берега Нила. В какой-то момент около «Мемнона» появились французские археологи, доказывавшие на него свои права. Но Буркгардт заручился поддержкой Мухаммеда Али, не желавшего вызывать недовольство англичан, и в октябре 1816 года на специальном судне колосс был доставлен в Каир. Еще два месяца — и «Мемнон» уже в Александрии. Джованни Бельцони, прибывший в Египет на раскопки, активно помогает Буркгардту. Английский адмирал, командующий эскадрой, базирующейся на Мальте, специально присылает в Александрию военный корабль, чтобы доставить «Мемнона» в Лондон.

Буркгардт счастлив своим подарком английскому правитель-

ству, теперь он считает, что хоть в чем-то оправдал доверие и надежды своих британских друзей и коллег. Он готов за все расплачиваться один, но Салт половину издержек принимает на себя.

В древнеегипетской экспозиции Британского музея гранитный колосс занял центральное место. Но не ищите, дорогой читатель, на табличке под ним надпись «Мемнон». После тщательных исследований ученые пришли к выводу, что это — голова Рамсеса II, увековечившего себя по всему берегу Нила. А вот фамилию Иоганна Буркгардта вы на этой табличке обязательно прочтете.

Археологические раскопки в Египте тогда едва только начинались. Буркгардт был свидетелем того, как генуэзец Кавилья открыл первые входы в пирамиды и продвинулся вглубь на четыреста футов.

Среди множества приобретенных рукописей Буркгардт находит «Историю пирамид» на арабском языке, неизвестную в Европе, и передает в консульство. Генри Салт принимает все меры для продолжения работ, которые спустя некоторое время безмерно обогатят мировую культуру.

В своем каирском затворничестве Буркгардт больше всего боится... славы. Иногда за нее приходится слишком дорого расплачиваться — покоем, репутацией, гордостью. Не нужны ему и деньги — пусть англичане не думают, что это их фунты стерлингов заставили его отправиться в столь мучительное путешествие. Он не потратил ни одного лишнего пени и оплатил им сторицей.

Когда он узнавал, что рассказывали о нем некоторые европейцы, возвращаясь из Египта, он приходил в отчаяние. Одни рачили ему льстивые похвалы, другие рисовали страшные картины того, как бедуны держали его в плену, грабили, едва не казнили. И все ссылались на него самого, на его рассказы, его жалобы, его признания. Он клялся себе, что не выйдет из дома до самого отъезда и уж, во всяком случае, не раскроет рта при встрече с европейцем.

Немецкие журналы требовали от него статей, он же упорно отказывался публиковать что-либо за спиной англичан. Немецкие издатели даже обратились к его матери, и Буркгардт в очередном письме настоятельно просит ее ни с кем из них не вести никаких переговоров — ничего не рассказывать о нем и не узнавать у других, если вдруг от него долго не будет никаких известий. Другое дело — Бэнкс и Гамильтон. Они всегда считали своим долгом сообщать его матери о нем добрые вести, утешать, когда от него месяцами не было писем. И он был искренне благодарен им за это чудесное проявление человеческой доброты. «Но, кроме Бэнкса и Гамильтона, — писал он, — не спрашивай обо мне никого и ни о чем, хоть бы я исчез вовсе. Даже если вы мысленно меня похороните, я все равно явлюсь домой, пусть это будет сюрпризом для всех».

А тут еще леди Стенхоуп, не дождавшись Буркгардта в своих пальмирских шатрах, продолжала атаку на него в письмах. Она все еще пыталась завоевать его, чередуя любовные излияния с угрозами. Он отвечал ей то подчеркнутой лестью, то едкой иронией.

Она пришла в ярость и задалась иной целью — скомпрометировать его. Тут-то и посыпались ее письма в Англию, в которых она рассказывала о нем всякие небывлицы, изображая его существом развратным, легкомысленным, неумным и достойным всякого презрения.

Сначала он был в ужасе: эти слухи могут дойти до матери, до Ассоциации, до друзей. Но потом успокоился. Друзья ничему плохому о нем не поверят, у Ассоциации вся его деятельность и немалые результаты ее на виду, а матери он откровенно написал: «Не верь ничему, что исходит от леди Стенхоуп. Она стремится опорочить каждого, кто не целует ей ручки и не отдает себя целиком в ее власть».

И все же, когда у Буркгардта повторилось желудочное заболевание, именно леди Стенхоуп прислала ему из Сирии своего врача Мериона. Тот поведал о ней удивительные вещи. Оказывается, она все-таки добилась у паши Акко разрешения поселиться вместе со своей свитой в каком-то разрушенном монастыре в горах Ливана, проявляет по отношению к местным жителям невероятную щедрость, и теперь они поклоняются ей как «пророчице Эсфири», «царице Тадмора» и «волшебнице Сибилле». Рассказ этот привел Буркгардта в восторг, но не прибавил благосклонности к ней.

Все чаще он возвращается мыслями к родной Швейцарии. Газеты пишут — там голод, нужда. Швейцария покушает зерно у французов и итальянцев втридорога, а те везут его из Египта. В Александрийском порту он сам видел двести пятьдесят европейских судов, груженных пшеницей, ячменем, бобами, горохом, просом. Мухаммед Али лишь за пять месяцев этого года продал Европе полтора миллиона центнеров всякого зерна.

20 августа 1817 года Буркгардт посылает в Швейцарию чек на большую сумму и просит мать раздать деньги беднякам. «Это так ничтожно, — пишет он при этом, — что я даже не могу похвастаться тем, что сделал какое-то доброе дело, но все же если эта мелочь обратится в одежду, то она поможет многим семьям спокойнее пережить предстоящую зиму».

Салт обещает написать портрет Буркгардта, о котором давно просит в письмах мать. «Ты думаешь, я очень изменился, — пишет Буркгардт матери. — У меня только кожа потемнела, появились морщины да борода стала длиннее. Но я надеюсь, что когда сбрую бороду и сниму турецкий наряд, то буду выглядеть еще весьма презентабельно».

Он по-прежнему проявляет неустанный интерес к членам растающегося семейства Буркгардтов, ко всем своим невесткам, зятю и юным племянникам. Мать очень озабочена тем, что ее любимый сын остается одиноким, что он не подарит ей внуков. Вот и в последнем письме она пишет ему: «Неужели ты не встретил ни одной девушки, с которой был бы счастлив?..»

Нет, такой девушки, с которой он мог бы быть счастлив, ему встретить не довелось. Надо ответить маме. И он пишет: «Счастливый брак — это, наверно, самый прекрасный цветок, который че-

Османа, того пленного шотландца, которого Мухаммед Али обещал мне отпустить на волю, четыреста подарите моему рабу — он будет свободен — и тысячу пошлите в Швейцарию для бедняков. Мою коллекцию восточных рукописей передайте Кембриджскому университету, а европейские книги возьмите себе. Все мои записки приведите в порядок и отправьте мистеру Гамильтону в Ассоциацию... Заверьте моих друзей в моем искреннем к ним расположении. Попросите мистера Гамильтона сообщить маме о моей смерти и сказать ей, что моя последняя мысль о ней.

Он умолк, понимая, что наступает конец. Ни одной жалобы, ни одного стоана Салт от него не услышал. В последнюю минуту Бургардт дотянулся до руки консула и слабо пожал ее.

Это случилось 17 октября 1817 года. Болезнь длилась всего пять дней.

Тело Иоганна Бургардта было погребено на мусульманском кладбище близ городских ворот Баб-эн-Наср, в северо-восточной части Каира, со всеми почестями, положенными шейху и хаджи. В 1871 году над его могилой был воздвигнут мраморный обелиск, на котором высечена арабская надпись: «Все смертны в этом мире. Здесь покоится прах досточтимого, милостью Аллаха призванного шейха Ибрагима, сына Абдаллаха Бургардта из Лозанны. Рожден 10 мухаррама 1199 года. Окончил свои дни в Каире 6 зу-ль-хиджа 1233 года. Год 1288. Велик Аллах милостивый и милосердный».

Ему было всего тридцать три года, и при его жизни ничего из написанного им не было опубликовано. Лишь в 1819 году при содействии африканской Ассоциации начали выходить на английском языке его обширные труды: «Путешествие в Нубию», «Путешествие в Аравию», «Путешествие по Сирии и Палестине», «О бедуннах и ваххабитах», «Арабские пословицы и поговорки». Почти одновременно все эти книги были изданы в Германии в переводе на немецкий язык.

«Мало кто из путешественников,— писало о нем „Германское обозрение“,— был наделен такой тонкой наблюдательностью, которая является природным даром и, как всякий талант, встречается очень редко. Он обладал особым чутьем, помогавшим ему распознавать истину даже в тех случаях, когда он не мог руководствоваться личными наблюдениями... Его пытливый ум, благодаря размышлениям и научным занятиям зрелый не по возрасту, направляется прямо к цели и останавливается у нужного предела. Его всегда трезвые рассказы насыщены фактами, и тем не менее они читаются с бесконечным наслаждением. Он заставляет в них любить себя и как человека, и как ученого, и как превосходного наблюдателя».

СМЕРТЬ КАРСТЕНА НИБУРА

Дорогой читатель, вы, наверное, хотите узнать, какова же была судьба патриарха европейских путешественников по Аравии Карстена Нибура, Странствия по Ближнему Востоку подорвали его

ловец способен сорвать для собственного блага. Я сам не очень-то стремлюсь стать когда-либо отцом семейства, даже счастливым. Но когда я думаю о том, что среди многих сотен девушек и женщин, которых я видел в различных странах, едва ли найдется несколько, с которыми я мог бы жить счастливо, я и тогда не хочу играть в эту лотерею — в ней слишком мало выигрышных номеров, а проигрыш лишит меня навсегда спокойствия и довольства. Мне кажется, что турки и все восточные люди, вместе взятые, включая христиан и евреев в этих местах, много разумнее, чем мы». Он задумался. Конечно, в этих местах жених не видит невесты до свершения брака, зато узнает все подробности о ее характере. Когда нет любви, вероятность ошибки меньше.

Прохладный ночной ветер залетел в комнату. С Нила донеслись заунывные звуки ребаба, страстное пение. Молодежь и здесь не скупилась на серенады. «Если бы еще эта музыка имела другой ладовый строй, я бы мог подумать, что я где-то в Швейцарии», — произнес он вслух и продолжал писать: «Ну а если бы и нашлась такая девушка, что толку? Еще неизвестно, признала ли бы она во мне сокровище, о котором мечтала. Ведь пока я один, мое плохое настроение, мое ворчание, моя мрачность портят жизнь мне одному, и я один за это расплачиваюсь».

Длительное вынужденное бездействие, одиночество, горестные мысли измучили Иоганна куда больше, чем самые большие тяготы предыдущих путешествий. Все чаще задумывался он о своей жизни, ее свершениях и неудачах. 6 июля 1817 года он написал матери: «У меня нет никаких неприятностей, я знаю, что исполняю свой долг, и радостнозираю в будущее. Я готов и к хорошему и к плохому, что бы оно ни принесло мне, но во всех случаях надеюсь достигнуть одной цели — увидеть тебя в этой или иной жизни. Поверь мне, дорогая мама, что желание увидеть тебя неизмеримо больше, чем стремление к славе, почету и признанию, а твоя похвала много дороже, чем похвала толпы. Слава, если она когда-нибудь приходит, это пустое чувство, но беззаветная любовь к матери и верность своему долгу в самых тяжелых жизненных ситуациях — это чувство, которое возвышает душу».

В Каире снова чума. Мрачные предчувствия одолевают Иоганна. Какую бы диету, какой бы режим он себе ни устанавливал, прежние болезни продолжали мучить его. В октябре 1817 года, так и не дождавшись каравана, идущего к Нигеру и Тимбукту, Буркгардт свалился с тяжелой формой дизентерии. Около его постели поочередно дежурили Генри Салт и английский врач Ричардсон. Никакие средства не помогали.

...Иоганн Буркгардт попытался ободряюще улыбнуться. Затем твердым голосом сказал консулу:

— Если я умру, вы получите у мистера Гамильтона двести пятьдесят фунтов, которые мне должна африканская Ассоциация, и две тысячи пиастров, лежащие на моем счете в банке, и разделите эти деньги следующим образом: оплатите остаток суммы, причитающейся с меня за «Мемнона», две тысячи пиастров отдайте за

здоровье, и летом 1778 года он вышел в отставку и навсегда поселился в небольшом голштинском городе Мельдорфе, посвятив остаток своих дней семье и воспитанию детей. Своему сыну Бартольду, родившемуся в 1776 году, он постарался дать такое многогранное образование, которого сам добился ценой огромных усилий. Сын стал выдающимся историком, знатоком древних языков и древнего мира, финансистом, дипломатом, а о Карстене Нибуре позже в некоторых энциклопедиях напишут: «Отец знаменитого Бартольда Нибура».

В 1802 году Карстен Нибур избран членом французской Академии наук, он — член научных обществ Геттингена, Швеции, Норвегии. Один из германских государей предложил ему дворянский титул, но он от него отказался со словами:

— Это явилось бы оскорблением моего крестьянского рода, который я высоко чту. Измена своему происхождению равносильна эмиграции!

В 1808 году Нибур получил должность государственного советника.

В Мельдорфе он подружился с Генрихом Христианом Бойе, в прошлом редактором геттингенского «Альманаха», в котором печатали свои стихотворения почитатели Клопштока и поэты «Бури и натиска». В 1774 году в «Альманахе» увидели свет первые стихотворения молодого Гете. Теперь Бойе служил судьей, но издательскую деятельность продолжал. В его «Немецком музее» Карстен Нибур опубликовал несколько статей. Долгими вечерами он рассказывал Бойе о своем путешествии по Аравии, которое казалось ему теперь таким далеким. О деятельности тех, кто последовал за ним в Аравию, он читал с интересом, но без капли зависти. Впереди у него самого ничего не было, это он слишком хорошо знал. В старости он полностью ослеп. Умер Карстен Нибур 26 апреля 1815 года восьмидесяти двух лет от роду.

Нибур. Зеетцен. Буркгардт. Три имени, три характера, три судьбы. И три подвига. Подвиги совершаются по-разному. Одни — на поле боя. Другие — в тиши кабинета. Третьи — на нелегкой стезе странствий.

Может быть, кому-то люди, описанные в этой книге, покажутся ничтожными островками в безбрежном море мировой науки. Шел человек рядом с ослом, смотрел по сторонам и считал шаги. Ну не жалкое ли это зрелище? А может быть, именно потому и значительны эти люди, что не были они защищены мощью государства и броней техники и ничто не поддерживало их, кроме собственного интереса и увлеченности?

Тогда, возможно, кто-то спросит: не во имя же собственного удовольствия и не для удовлетворения любопытства они жертвовали жизнью? Но кто способен определить, где кончается любопытство и начинается исследование? Они, наверное, так же соседствуют друг с другом, как удаль с подвигом.

И характеры, и импульсы к путешествию у всех троих были разные. Один сурово выполнял свой долг, не думая о славе; другой, первый и впечатлительный, был непомерно честолюбив; третий метался в поисках своего места на земле. Но все трое были одинаково охвачены страстью наблюдать и собирать, одержимы идеей научного познания неведомых стран, все трое самоотверженно делали свою работу. Они как единое целое, ибо имя им — Путешественник. Путешественник во славу Науки.

Так кто же они все-таки — путешественники или ученые? Эти два понятия не разделить.

Они родились на стыке эпох: Просвещения и романтизма и были истинными детьми своего времени. Их методы порой еще навивны, их суждения и выводы принадлежат всей науке. Это потом наука начнет дробиться, распадаться на более узкие области, часто почти не соприкасающиеся друг с другом. Картографы и географы, астрономы и астрофизики, геологи и геодезисты, ботаники и зоологи, этнографы и лингвисты — каждый из них начнет заниматься своей, и только своей областью науки. Нибур, Зеетцен, Буркгардт прошли пешком тысячи миль, преодолели горные хребты, пустыни, моря во имя того, чтобы расширить наши представления об окружающем мире. Чего же они достигли на той части земного шара, которую избрали для изучения? Заполнили белые пятна на картах, произвели метеорологические наблюдения, соб-

али естественнонаучные коллекции, описали быт, нравы, культуру арабских народов с их городами, племенами, религией, открыли памятники исчезнувших цивилизаций, составили словари диалектов и наречий, поведали о торговых связях и общественных отношениях — поистине послужили всей науке.

Они перевидали тысячи мест. Но имя каждого из них осталось в истории мировых открытий связанным с определенным местом — тем, о котором он сообщил первым. Буркгардт — открыватель Петры и Абу-Симбела, бытописатель бедуинских племен Аравии. Зеетцен — исследователь руин Декаполиса, первый европеец, обошедший все Мертвое море и раскрывший его тайны. Нибур первым начал изучение южноаравийской цивилизации, и специалисты поныне пользуются картами, им составленными. Нибур и Зеетцен заложили основы сабестики. Многие тайны Аравии не раскрыты до сих пор, и мы продолжаем гадать, где же они были, владения легендарной царицы Савской. Для археологов Аравия — это целина, глубинная часть ее практически неизвестна и вот уже почти двести лет ждет нового Нибура.

Но даже там, где путешественники проходят не впервые, они все равно сохраняют для нас определенный срез общества во времени и в пространстве, навечно запечатлевают не какой-нибудь, а именно этот момент, иными словами, делают то, чего не дано свершить никому до них и никому после.

Имена путешественников часто забываются. Труд поэта или художника — на виду, их произведения знают и помнят миллионы людей. А кто помнит географов, если их имена не присвоены открытым ими землям? Наши герои — не художники, и их книги — не развлекательное чтение. В своих отчетах и дневниковых записях все трое следовали незыблемому правилу — быть искренними и правдивыми. Художественное приукрашивание в описании экзотических стран было им чуждо. Этот жанр утвердится потом, и, как бы он ни был занимателен, еще неизвестно, полезна ли такая художественная изобретательность, порой граничащая с вымыслом.

Путешествия Нибура, Зеетцена и Буркгардта имели много аспектов. Научный нам понятен. Существует еще и нравственный аспект. Знакомство с иными народами все трое осуществляли на уровне высшего гуманизма. Рискуя жизнью сами, они старались никогда не подвергать опасности других. Их доброта и мудрость, внутренний такт и интеллигентность помогали им глубоко проникнуть в характер неведомого мира.

Их маршрут проходил среди развалин. Сколько великих цивилизаций увидели они разрушенными до основания в результате безрассудных войн, агрессивных походов, попыток завоевания чужих земель! Древние египетские царства, Ассирия и Вавилония, Nabateя и Ханаан и, наконец, Римская империя полегли в землю чудовищными слоями руин и обломков. Следы великолепного зодчества, замечательной письменности ищут потомки, воссоздавая историю жизни на нашей планете. Потому что прошлое —

это опыт человечества и без прошлого не существует рода людского. Нельзя стереть с лица земли содеянное предками. Но не грозит ли такая же участь и нашей цивилизации, если не будут вовремя остановлены силы разрушения? Разве не к этой мысли приводит увиденное нашими путешественниками?

На земном шаре обнаружены еще не все следы прошлого. Сколько неразгаданных тайн хранит история человечества! Сколько неизведанного предстоит открыть нашим потомкам! И в то, что мы знаем сейчас, и в то, что мир узнает в будущем, немалую лепту внесли эти три человека — Карстен Нибур, Ульрих Зеетцен, Иоганн Бурггардт.

Часть первая

НИБУР

Удивительное предложение	5
На корабле вокруг Евразы	13
Встреча с мусульманским миром	17
Александрия — Каир	20
Поход на гору Синай	31
С паломниками к аравийской земле	36
Джидда — морские ворота Аравии	40
Гостеприимная Лохейя	43
Под аравийским солнцем	49
Первая смерть	57
Таизские зловключения	66
Несчастья продолжаютя	73
Милость имама	77
Новая беда	84
Один...	85
Снова в песках Аравии	87
Таинственные знаки персидской земли	91
Там, где еще никогда не бывали европейцы	98
Пески Аравии остались позади	102
Евангельские сказания наяву	106
Последние встречи	120
Возвращение	122

Часть вторая

ЗЕЕТЦЕН

Снова Геттинген	129
Подготовка к сбору	133
Начало пути	138
Дамаск, горы, долины и пустыни	145
По течению Иордана	158
В камешном мешке Иерусалима	162
Вокруг Мертвого моря	167
К монастырю святой Екатерины	183
Два года в Каире	188
Обращение в ислам	191
По следам Нибура	204
Прерванный путь	206
Что осталось людям	209

Часть третья

БУРКГАРДТ

Годы учения	213
Продолжение поиска	217
По следам Зеегцена	221
Это была знаменитая Петра	235
По водам Нила и через пески Нубии	242
Коварное гостеприимство Мухаммеда Алп	250
На священной земле ислама	258
Эпидемия	265
Среди бедуинов	269
Конец	273
Смерть Карстена Нибура	280
Три шага в неизвестное	282

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию

Шамиссо А. Путешествие вокруг света.
Пер. с нем. 18 л.

Автор — выдающийся немецкий писатель и естествоиспытатель — рассказывает о кругосветном плавании на борту русского брига «Рюрик» (1815—1818 гг.) под командованием капитана О. Коцебу. В своих путевых заметках он описывает нравы и обычаи жителей островных групп Тихого океана, рассказывает о своих встречах на Камчатке, Аляске, Алеутских, Сандвичевых и других островах. В яркой художественной форме А. Шамиссо рисует картины повседневной жизни экспедиции, героическую борьбу с опасностями и трудностями, которые пришлось преодолевать путешественникам.

ЗАКАЗЫ НА КНИГУ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА В-192. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

Карстен Нибур в арабском костюме

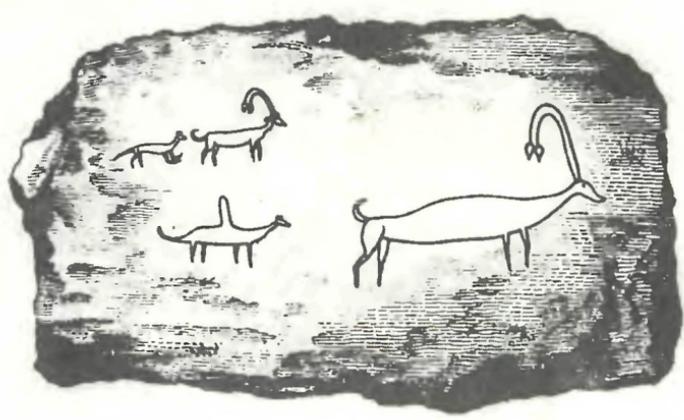
Крепостные ворота в Каире.
Гравюра с рисунка Баурен-
фейнда (далее гравюры, сде-
ланные с рисунков Баурен-
фейнда, помечены звездоч-
кой [*])

Монастырь св. Екатерины

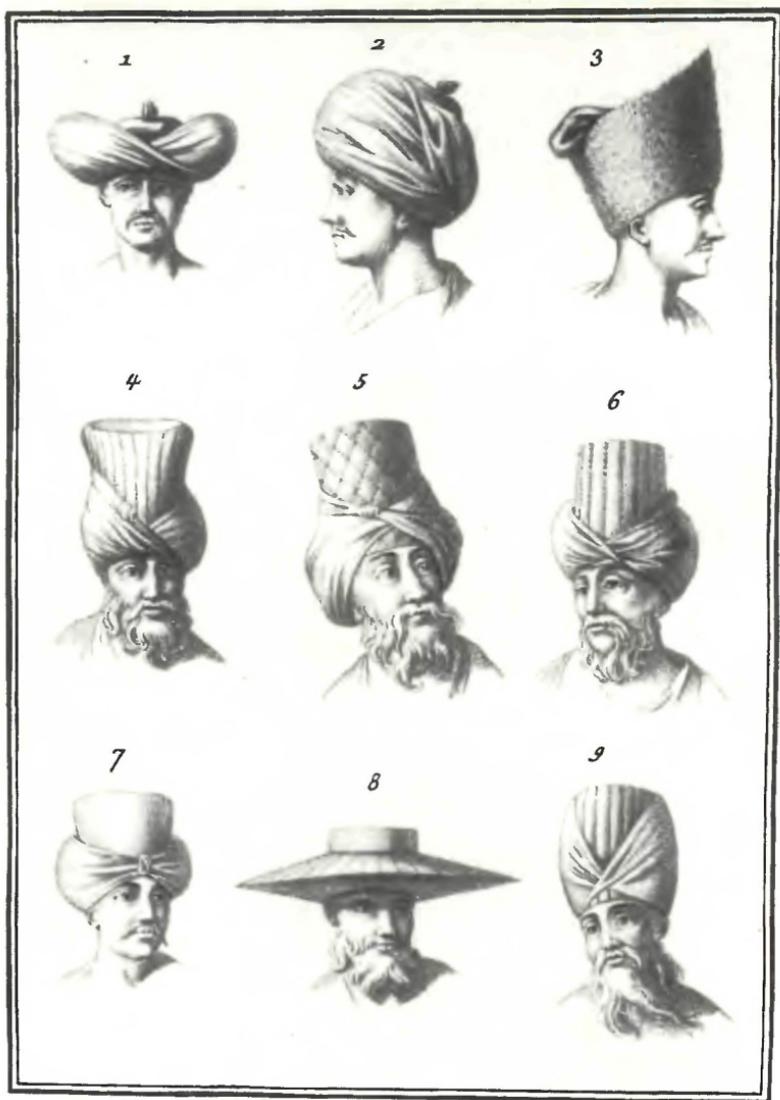

אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ
אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ
אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ
אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ
אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ
אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

Надписи и рисунки, скопированные Нибуром на горе Синай

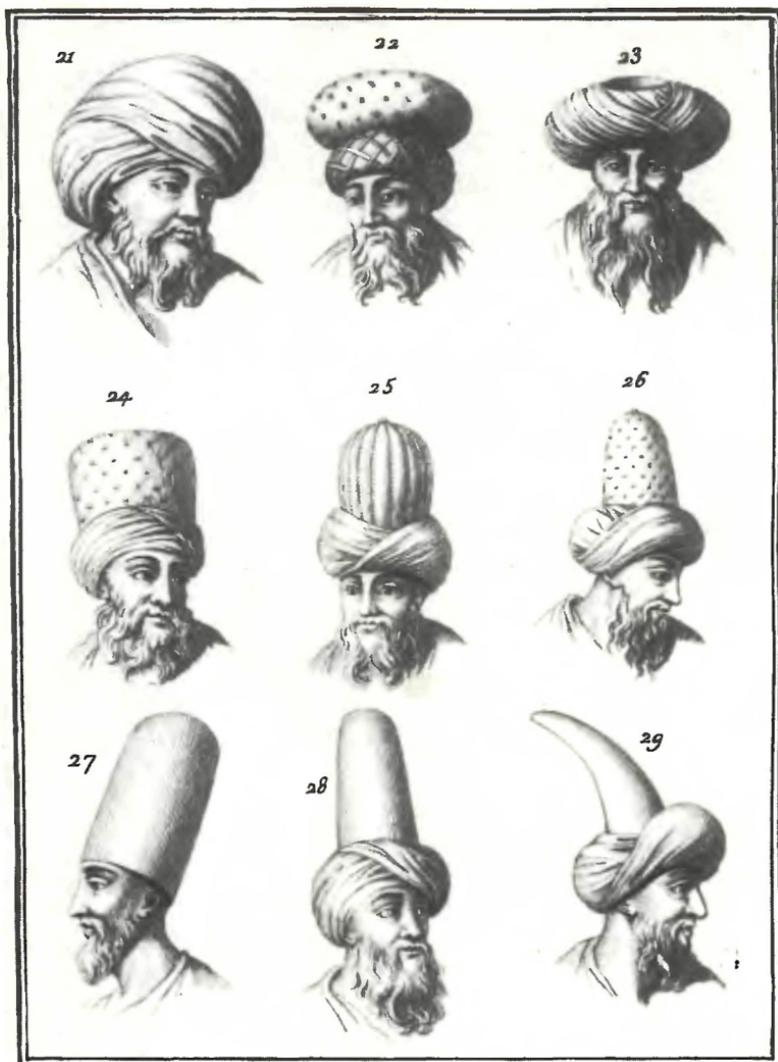
Головные уборы*:

1 — итальянца (так называемый «корабль»); 2 — белый тюрбан; 3 — перекупщика; 4 и 5 — знатных турок; 6 — слуги наши; 7 — слуги офицера, находящегося на службе у наших или бея в Египте; 8 — чиновника в Каире; 9 — офицера-инженера

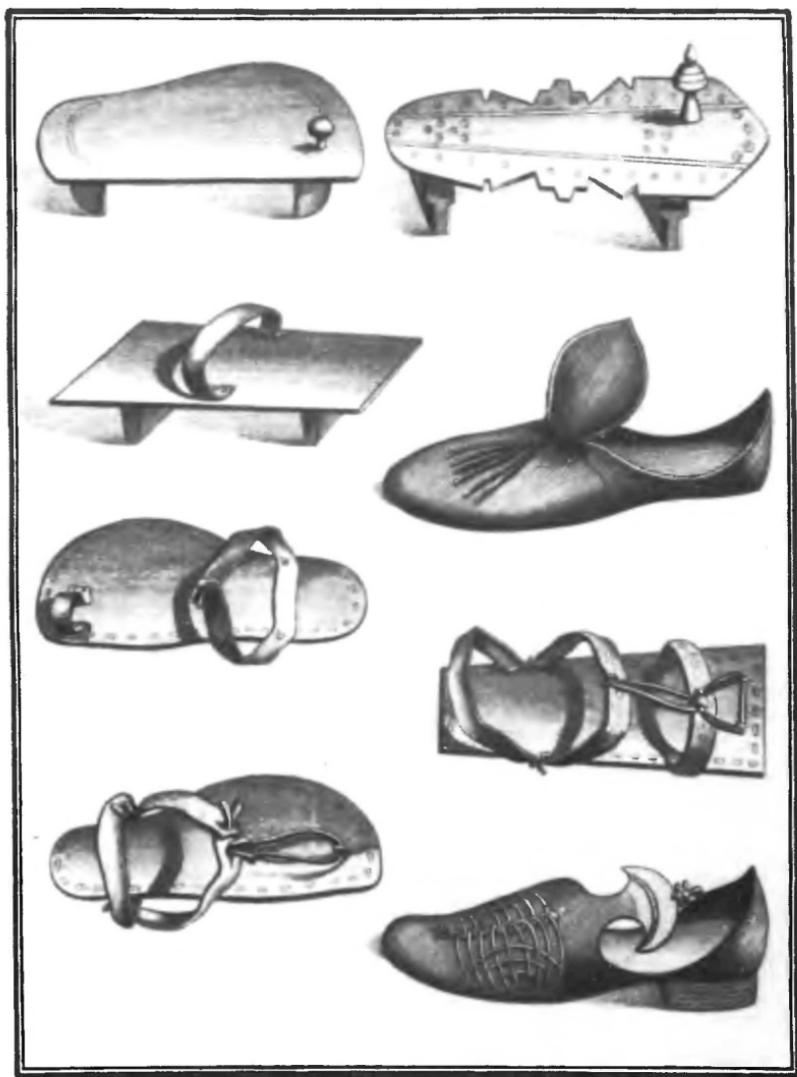
Головные уборы * (продолжение):

10 — янычара высшего ранга в Египте; 11 — янычара в Константинополе; 12 — парадный головной убор янычара, сопровождающего султана в мечеть или во время торжественного выхода; 13 — садовника султана; 14 — повара султана; 15 — солдата паша; 16 — пехотинца багдадского паша; 17 — кавалериста багдадского паша; 18 — кавалериста в Алеппо; 19 — матроса султанского флота; 20 — татарина

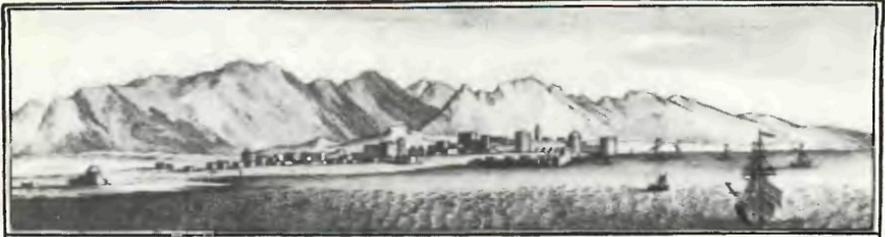

Головные уборы * (продолжение):

21 — муфтия; 22 — мусульманского законоведа, заседающего в Диване в Константинополе; 23 — мусульманского законоведа, заседающего в Диване в Каире; 24 — высокопоставленного духовного лица в Османской империи; 25 — шейха или высокопоставленного духовного лица в Каире; 26 — высокопоставленного духовного лица в Анатолии; 27 — дервиша; 28 — имама; 29 — знатного курда из Сирии

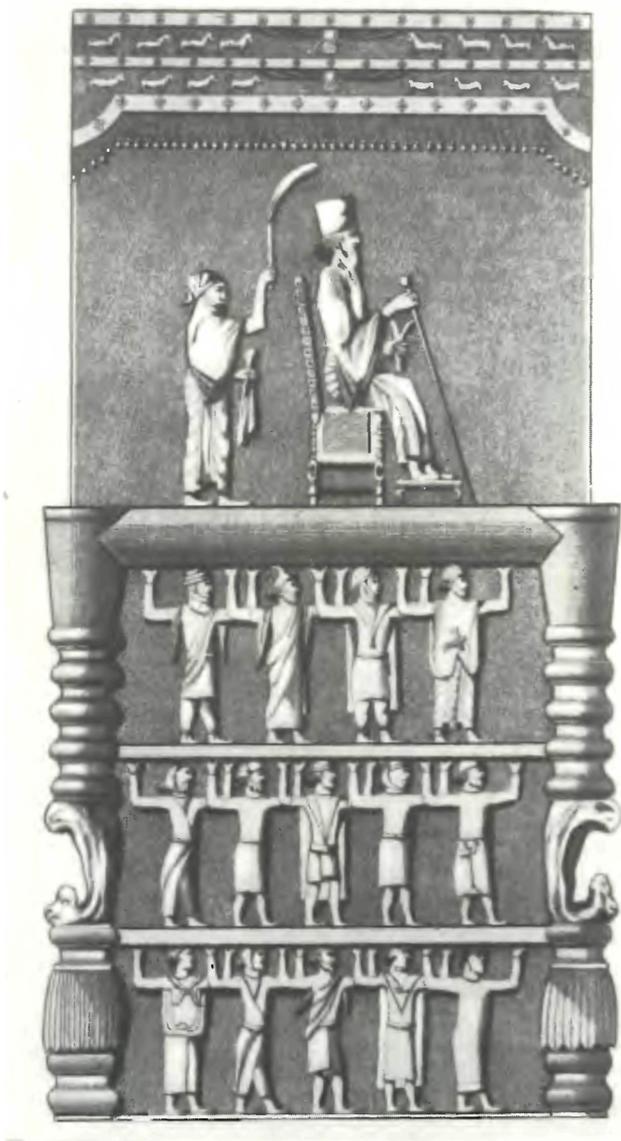
Обувь *

Ямбу (вверху) и Джидда *

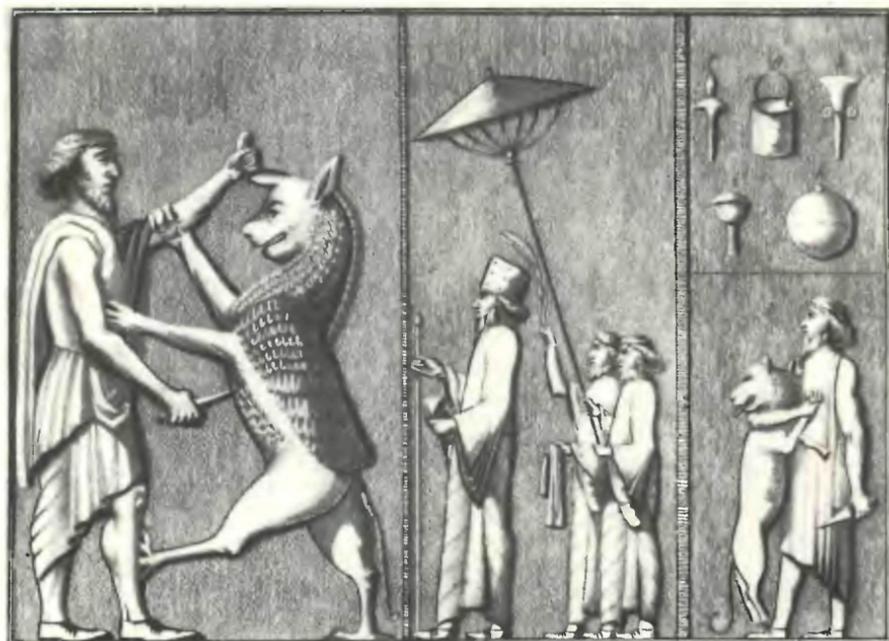
Рыбак из Джидды *

Персеполь. Изображение царя на троне

Персеполь. Барельефы и образец клинописи, скопированный Шибуром

Персеполь. Барельефы на стенах

В горах Синая

Буркгардт в арабской одежде

Мекканский караван у стен Акабы

Фараон Рамзес II
(«голова Мемнона»)

План мечети в Мекке и свидетельство о совершении хаджа

Петра. Гробница в скале

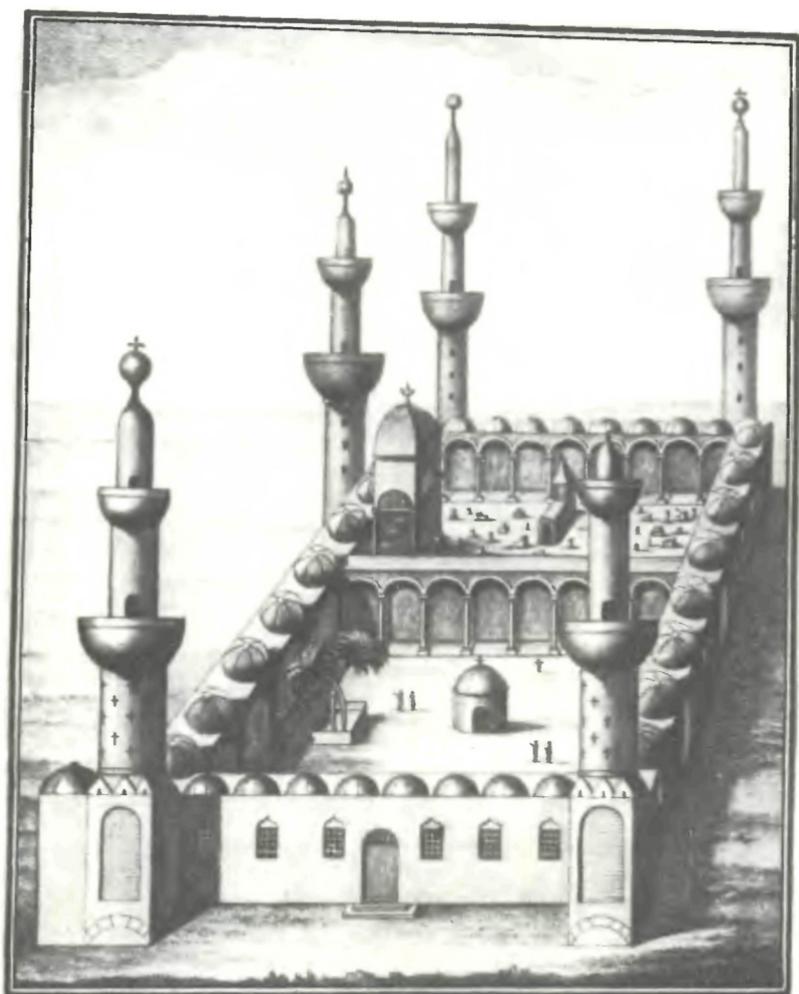
Петра. Деталь колоннады

Иоганн Людвиг Буркгардт.
Английская гравюра

Петра. Гробница с дополнительным захоронением

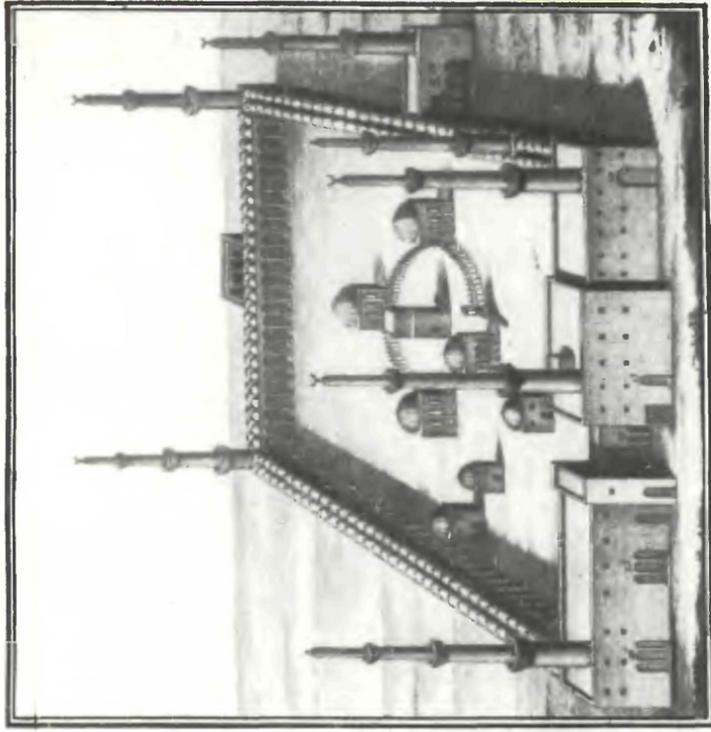

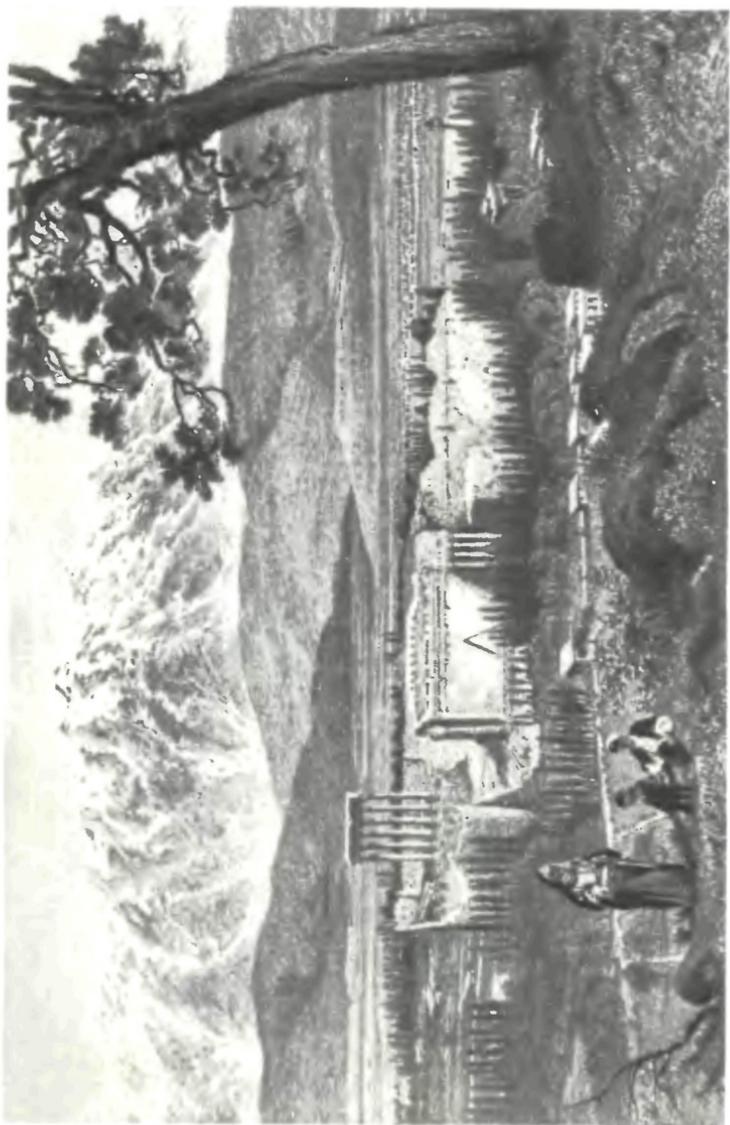
Большая мечеть в Мекке

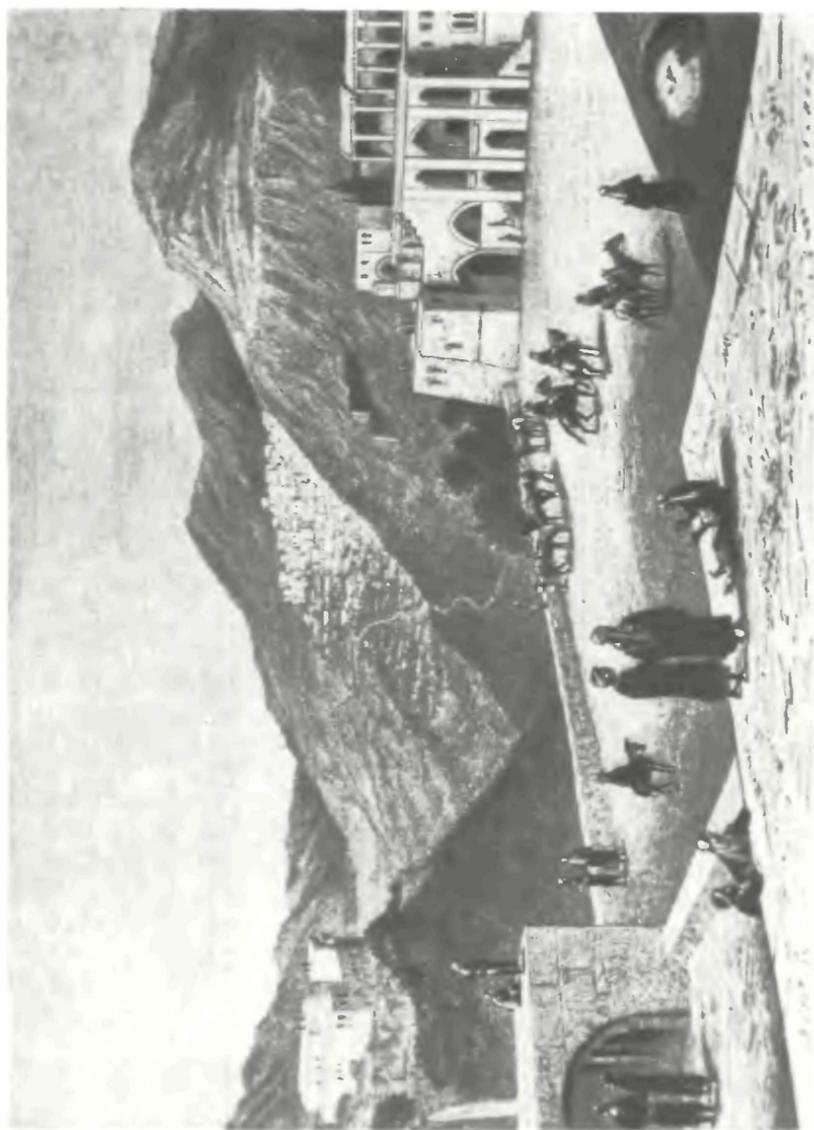
Паломник *

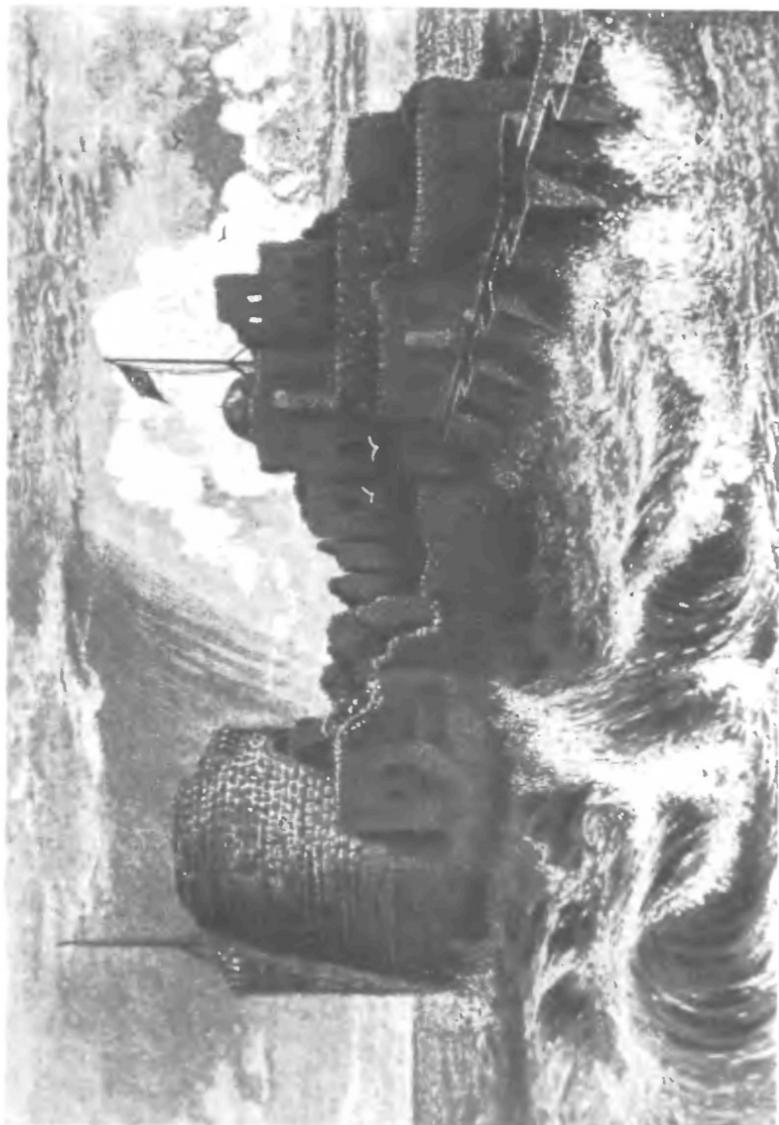
Большая мечеть в Медине

Балльбек

Бейт-эд-Дин

Замок неподалеку от Сайды

Ульрих Яспер Зетцен

Бейрутская бухта

Carlsten Niebuhr
Reisebeschreibung

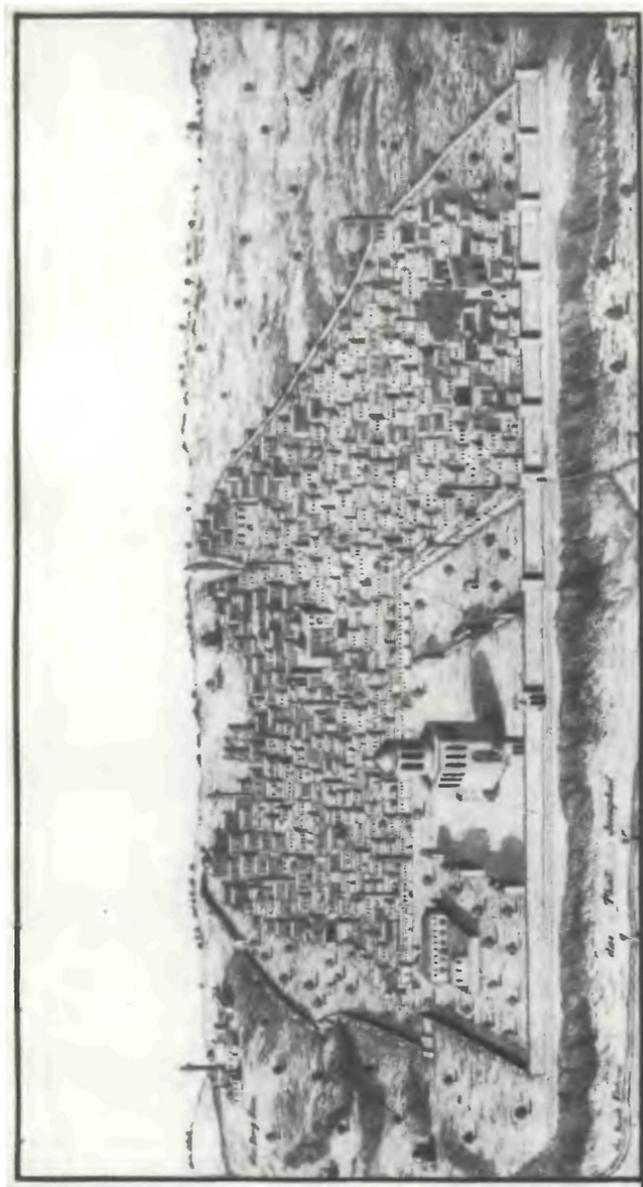
nach
Arabien und andern umliegenden Ländern.

Erster Band.

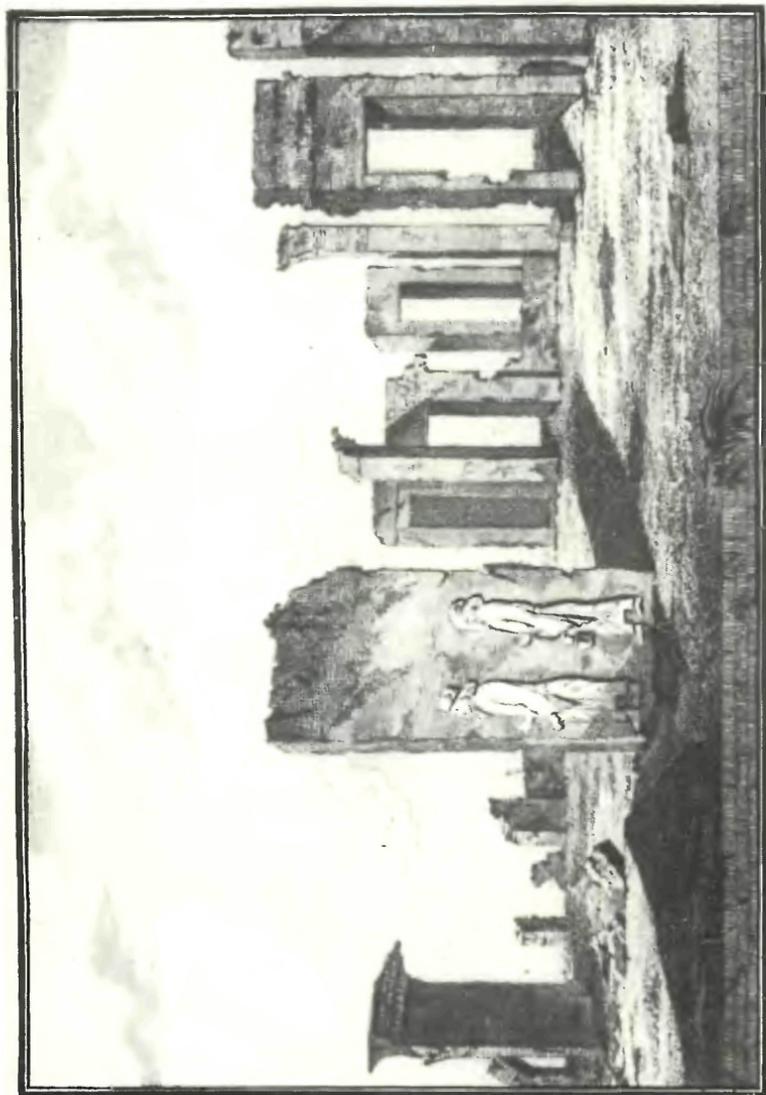

Kopenhagen,
Gedruckt in der Hofbuchdruckerey bey Nicolaus Müller,
1774.

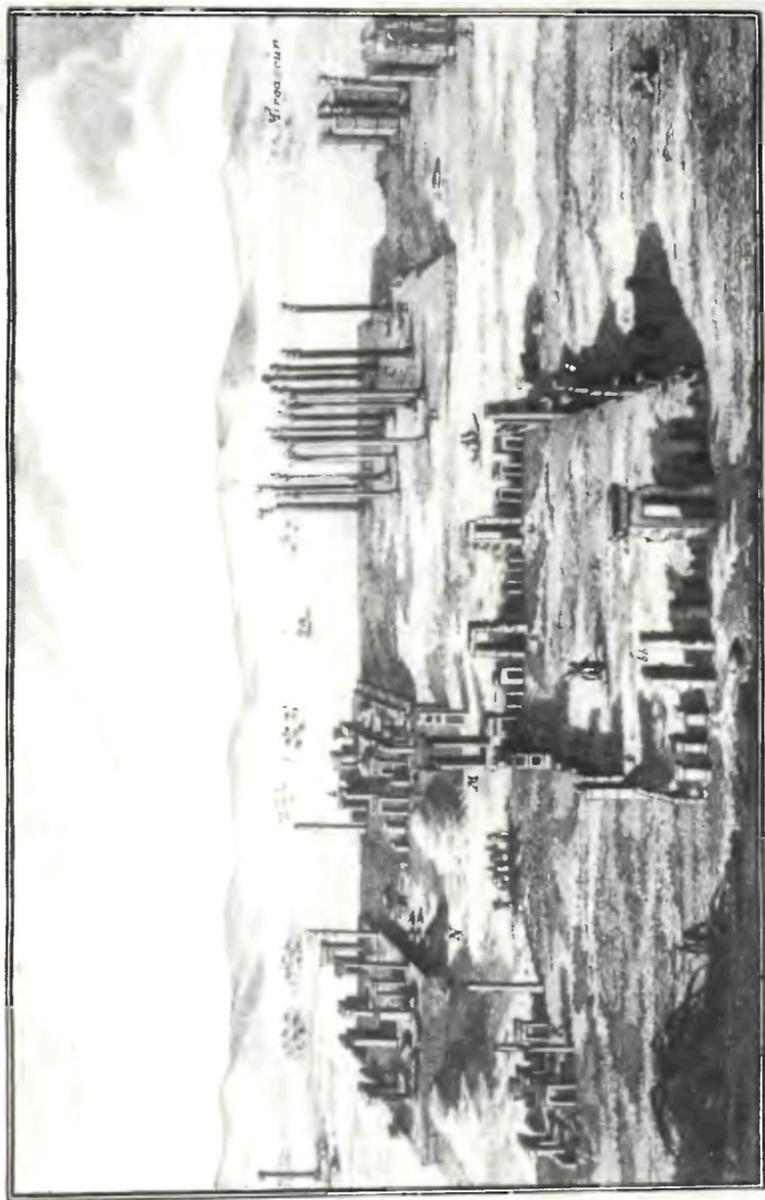
Титульный лист первого тома книги Карстена Нибура «Описание путешествия в Аравию и другие сопредельные страны»

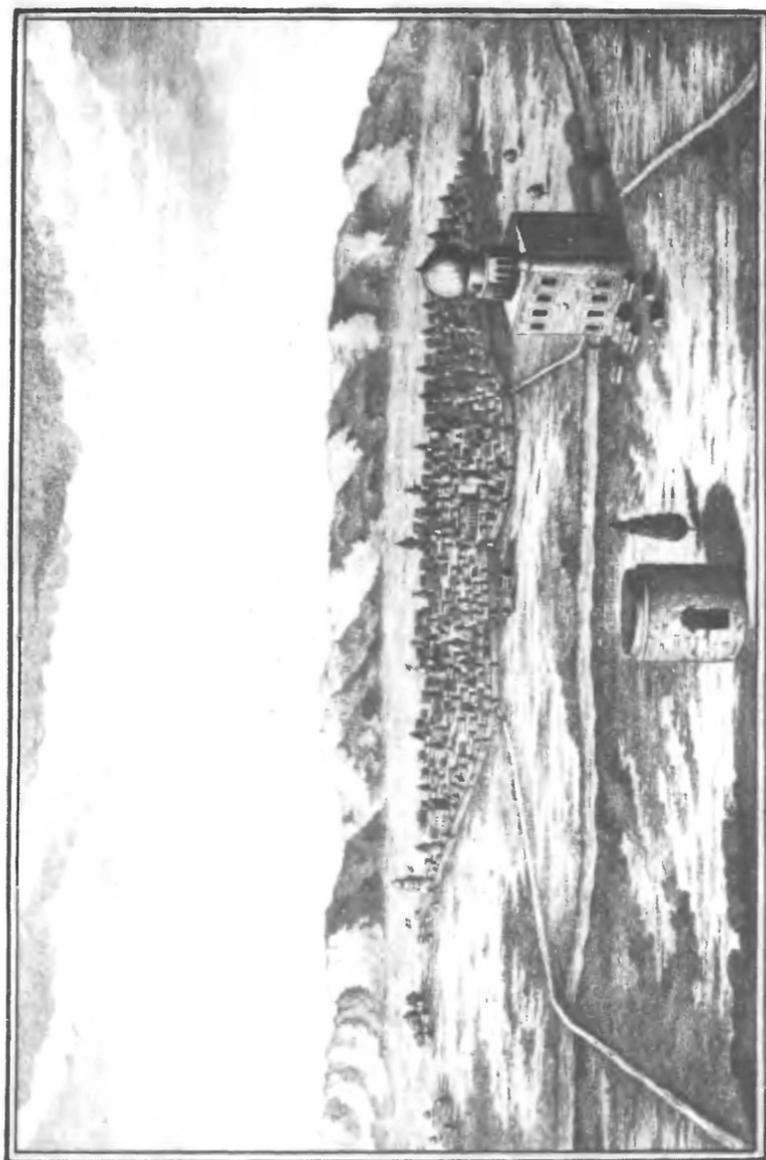
Иерусалим

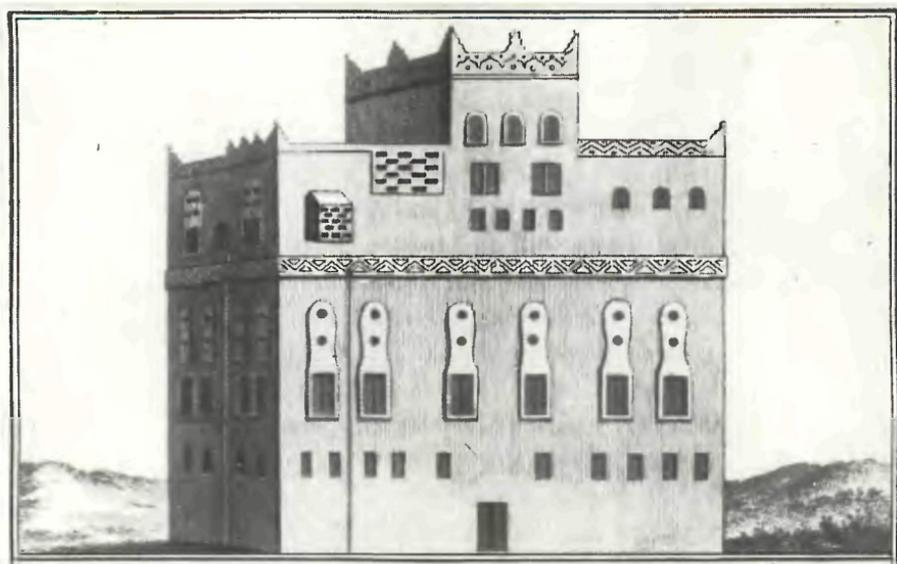
Херсепопь. Стела с фигурами царей

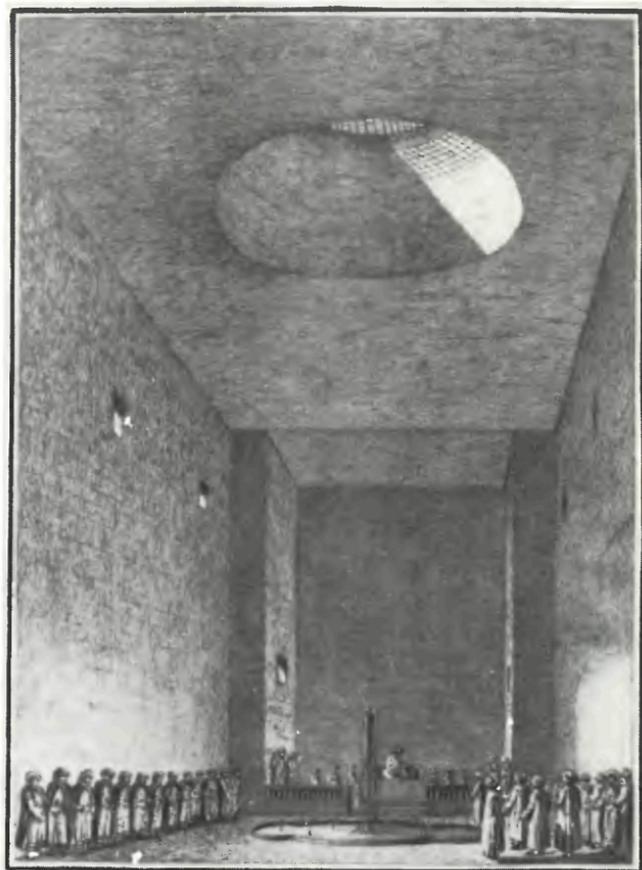
Общий вид Череповца

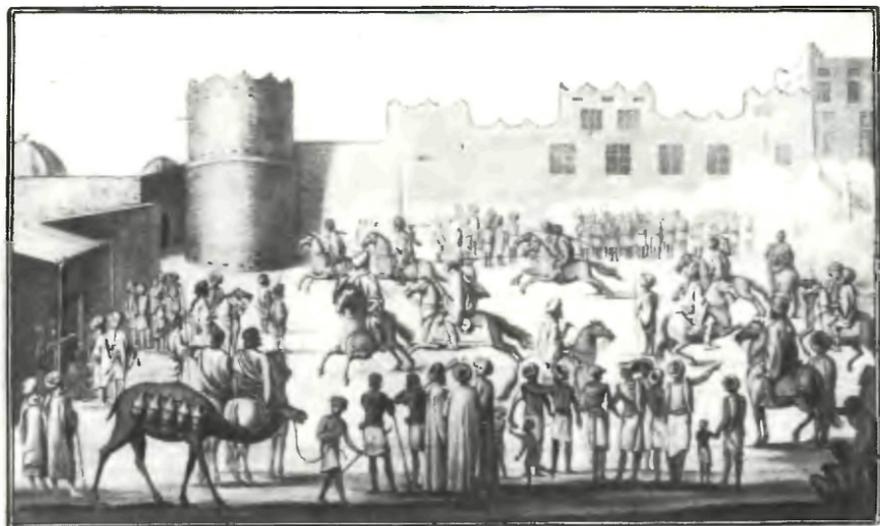
Шираз

Дворец в Санае

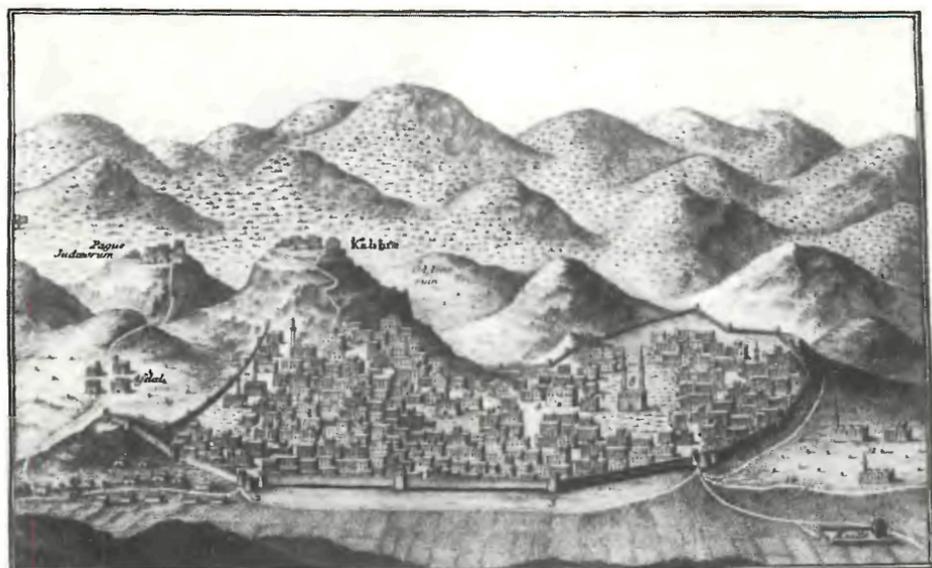
Аудиенция у имама
в Санае

Военные упражнения в Йемене *

Ярим

Тарс

Пастух из Мохи *

Кофейные горы *

Женщина, продающая
лепешки *

Лохейя (вверху) и Бейт-эль-Факих *

Жительница Тихамы *

СЛЕДЫ ВЕДУТ В ПЕСКИ АРАВИИ

Жизнь,
удивительные странствия
и печальная кончина трех
отважных
путешественников —
Карстена Нибура,
Ульриха Яспера Зеетцена
и Иоганна Людвига
Буркгардта, устремившихся
поочередно в неведомые
земли, где им было
суждено испытать радости
и злключения,
счастье открытий
и горечь утрат.
Воссоздано
в полном соответствии
с их путевыми дневниками,
книгами и письмами.

